

9(И5)

УДК 931/939
ББК 63.3(5)
Г94

- Г94** Гумилев Л.Н.
История народа хунну / Сост. и общ. ред. А.И.Куркчи:
В 2-х книгах. Кн. 2. — М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. — 496с.:
ил. — (Серия «Сочинения Л.Н.Гумилева»; Вып. 10).
ISBN 5-87583-066-2

Работы известного русского историка и географа Л.Н.Гумилева, объединенные общим названием «История народа хунну», состоят из нескольких самостоятельных книг ученого, исследовавшего историю кочевого народа хунну. Первая из них — книга «Хунну», посвященная становлению и гибели великого государства кочевников, была опубликована в 1960 г. и осталась классической монографией, составившей целую эпоху в хуннологии. Книга «Хунны в Китае», изданная в 1974 г., является логическим продолжением монографии и посвящена взаимоотношениям кочевников и оседлого населения Китая. Завершает сквозную историю народа хунну работа «Гунны в Азии и Европе». Начиная с III в. н.э. в Европе за хунну утвердилось имя «гуннов», история которых описана в многочисленных трудах европейских летописцев.

Книги дополнены рядом статей Л.Н.Гумилева, а также постоянным приложением — «Диалогом источников».

Г 931000000

ББК 63.3(5)

© Институт ДИ-ДИК, 1997

© А.И.Куркчи. Составление, подготовка
и общая редакция Собрания сочинений,
1997

© Ю.К.Курбатов. Обложка. Общий макет
издания, 1997

ISBN 5-87583-066-2

201000

1/16

С.И.Руденко
Г.Е.Грумм-Гржимайло
Р.Ю.Вишпер
Н.Н.Крадин
И.П.Засецкая
Б.В.Лунин
В.А.Кореняко
П.Н.Савицкий

в книге Л.Н.Гумилева
“История народа хунну”

Содержание

ХУННЫ В КИТАЕ

<i>Пролог</i>	13
Степь и Китай. Река. Вода. Прошлое. Историко-графический экскурс. Крушение Древнего Китая.	
<i>I. Тление</i>	32
Проблема этнического контакта. Восточные хунны. У подножия Тибета. Сяньби. Юйвэнь. Дуань. Корея. Фууй. Приамурье. Сибирь.	
<i>II. Вспышка</i>	49
Война князей. Война традиций. Война народов. Война племен. Война империй. Неизбежность.	
<i>III. Костер</i>	72
Гибель династии. Гибель единства. Гибель аристократии. Гибель демократии. А кто выиграл? Отец и сыновья.	
<i>IV. Пожар</i>	92
Значение метафоры. А было так. Смерч. Против ветра. Тайфун. Повод для размышлений.	
<i>V. Накал</i>	110
Дуновение древности. Весенние дожди. Ураган. Ясное небо. Вихрь. Опрокинутая империя.	

<i>VI. Полямя</i>	131
Кто против кого? Тибетцы против тангутов. Хунны против табгачей. Табгачи против муюнов. Муюны против табгачей. Китайцы и тибетцы. «Западнее реки». Последний всплеск пламени. Этнологический экскурс.	
<i>VII. Три цвета пламени</i>	152
Угасание. Гибель муюнов. Конец Южной Лян. Конец Младшей Цинь. Синее и красное. Конец Западной Лян. Желтое и красное. Желтое и синее. Конец Западной Цинь. Конец Ся. Конец Северной Янь.	
<i>VIII. Зарево</i>	173
Образование коалиций. Война за Хэси. Война за Уду. Война за Западный край.	
<i>IX. Огни гаснут</i>	182
Плоды побед. Феодальные учреждения в империи Вэй. Воинствующий даосизм. Поход на Юг. Гибель тирана. Гибель хуннов.	
<i>X. Угли остывают</i>	199
Царь-монах. Царица-модница. Измена прошлому. Инерция побед. Север против Юга.	
<i>XI. Пепел</i>	211
Загнивающий феодализм. Деформация химеры. Нежеланный спаситель родины. Агония. Века и люди. «Конец — и вновь начало».	
Синхронистическая таблица	231

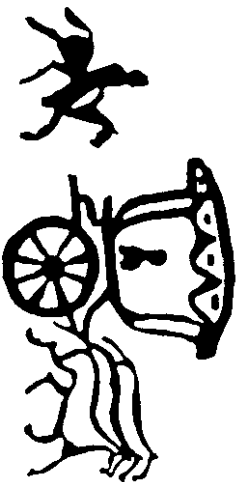
ГЕГЕМОН АЗИИ

Хунны в Азии и Европе	253
Некоторые вопросы истории хуннов	306
Хунно-китайская война III—II вв. до н.э.	317
Тиласская битва 36 года до н.э.	328

ДИАЛОГ ИСТОЧНИКОВ

<i>С. И. Руденко, Л. Н. Гумилев</i> Археологические исследования П. К. Козлова в аспекте исторической географии	338
---	-----

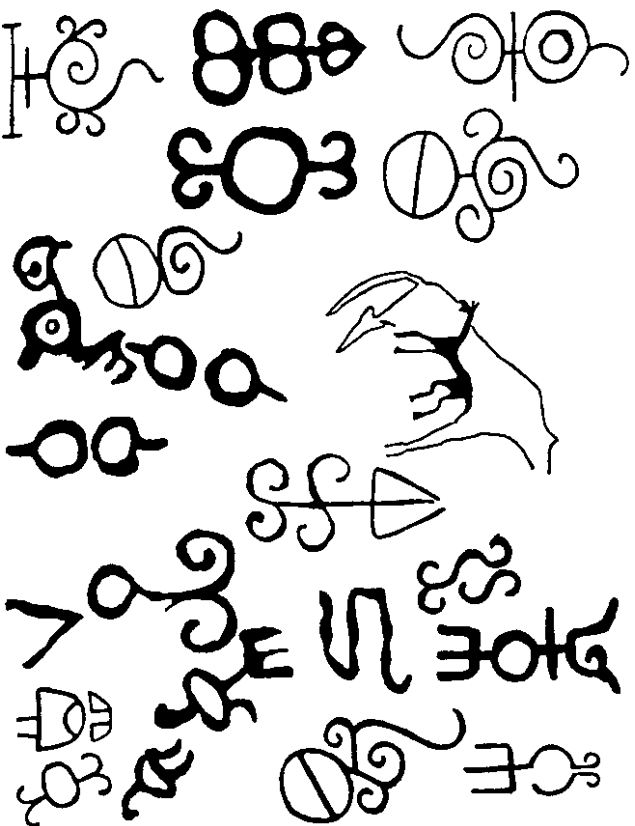
<i>И. П. Засецкая</i>	
Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.)	350
<i>Б. В. Луни</i>	
Вторжение гуннов в Подонье—Приазовье	394
<i>М. П. Завитухина</i>	
Южная Сибирь. Хунну и тюрки	416
<i>В. А. Кореняко</i>	
Искусство древних кочевников — пролог и эпилог	433
<i>П. Н. Савицкий</i>	
О задачах кочевниковедения	466
<i>Коротко об авторах</i>	492
<i>Первая публикация работ Л. Н. Гумилева</i>	493

5

ХУННЫ В КИТАЕ

Юр

Переходы других племен из степей Западного Казахстана не могли иметь значения, ибо находящиеся там суглинистые степи бесплоднее песчаных и густого населения там не было никогда, тогда как в Причерноморье степи обильны, воды много и народы воинственны. Скорее можно было бы ожидать вторжений с Дона на Иргиз, если бы западные кочевники сочли восточные степи достойными завоевания. Следовательно, причины смены народов надо искать на месте и, поскольку историческая наука удовлетворительных решений не предлагает, обратиться к смежным наукам — географии и палеоэтнографии.

Полоса степей между Днепром и Уралом, ограниченная с севера полосой лиственного леса, с юга Черным и Каспийским морями, с запада Карпатами и с востока полупустыней, всегда рассматривалась как целостность и в смысле природных условий, так и в аспекте культуры народов, ее населявших. Однако наряду со степным ландшафтом там имеет место аazonальный ландшафт речных долин Дона, Терека, Волги. В новых географических условиях хунны превратились в новый этнос — гуннов. Но в Азии победителями хуннов стали не сами китайцы, а народ, ныне не существующий, известный только под китайским названием «сяньби». Это название звучало в древности как Särbi, Sirbi, Sirvi³.

Однако название «сяньбийцы» вошло в обиход научной литературы как условный этноним.

Сяньбийцы во второй половине II века остановили китайскую агрессию и оттеснили китайцев за линию Великой стены. С этого времени начался упадок древнего Китая, ставший причиной событий, о которых рассказано в этой книге. И тут меняется традиционное отношение к подбору сведений. Если в рассказах о степных кочевниках китайские историки обычно сухи и немногословны, то, когда дело идет об их собственной стране, приводится огромное количество эпизодов, деталей, а главное имен, что не помогает, а мешает восприятию. Получается не стройное повествование, а калейдоскоп без тени системы. Запомнить все приводимые сведения невозможно, да и не нужно, потому что большая часть этих фактов на ход событий не влияла. Следовательно, нужно делать отбор фактов, имеющих историческое значение, и давать обобщения. Впрочем, сами китайцы при составлении истории IV века, пользуясь принципом этнологической классификации, объединили 29

племен в 5 племенных групп: хунны, цзелу (кулы), сяньби, тангуты (ди) и тибетцы-цян (кян).

Но для нашего читателя этого обобщения недостаточно. Названия племенных групп, привычные китайскому уху, для европейца экзотичны и не вызывают каких-либо ассоциаций. Значит, надо сопоставить трагедию, разыгравшуюся в Северном Китае в IV—V веках, с событиями всемирной истории, дабы обнаружить соответствия между локальным и глобальным процессами. Это несложно, ибо разгадка лежит на поверхности. Основное содержание событий можно сформулировать так: Великое переселение народов в Восточной Азии⁴.

Хотя описываемые события разворачивались на территории нынешнего Китая, да и почти все источники написаны на китайском языке, относить историю «пяти племен и шестнадцати царств» только к синологии нельзя. Если бы нас интересовала проблема крушения древнекитайского общества или утраты и обращения Китаем Срединной равнины, как в те времена именовался бассейн Хуанхэ, то наша проблема была бы только китаеведческой. Но ведь в поле нашего зрения лежит вопрос о смене хуннов, коренного населения восточной части Великой стены, в течение минувшего тысячелетия табгачами и тюрками, а также о приобретении кочевниками новой родины на берегах Мутно-желтой (Яшиль-огюз)⁵ реки. В таком ракурсе весь огромный Китай для нашей проблемы только фон, и мы остаемся в рамках номадистики.

Существовало мнение, что кочевая и китайская культуры несоизмеримы, что кочевники были дикарями, вторгавшимися в цивилизованный Китай, что Великая степь — китайская периферия, а «проблема хуннов — это проблема Китая»⁶. Против этого мнения говорит все доподлинно известное об истории Центральной Азии, и все-таки такое мнение существовало и не всегда встречало возражения. Почему? XIX век оставил нам в наследство концепцию, согласно которой только оседлые народы создали прогрессивную цивилизацию, а в Центральной Азии будто бы царили либо застой, либо варварство и дикость. Самое плохое в этой концепции было не то, что она неправильна, а то, что она предлагалась как достижение науки, не подлежащее критике. В этом — опасность любого предвзятого мнения.

Чтобы заставить рутинеров задуматься, нужен был аргумент сильный, бесспорный и наглядный. Таким оказались предметы

искусства из алтайских⁷ и монгольских⁸ курганов. Все попытки усмотреть в них вариации китайского, иранского или эллинского искусства оказались тщетными. Культура кочевников I тысячелетия до н.э. была самобытна⁹. И, более того, она была высока, гораздо выше, чем культура кочевников XVIII—XIX веков, изученная многими этнографами досконально. А это значит, что самобытная степная культура кочевников, подобно европейской, индийской или китайской, переживала подъемы и упадки, т.е. находилась в развитии, а не в застое, как молчаливо предполагали некоторые европейские ученые¹⁰.

Несмотря на устойчивый уровень техники и форм общежития, кочевническое хозяйство весьма изменчиво вследствие постоянного взаимодействия с природой¹¹. Природная же среда изучаемого региона весьма разнообразна. Она зависит от рельефа, степени увлажнения и не в меньшей мере от окружения. Так, в Монголии, в зоне устойчивого антициклона, при наличии лесистых хребтов Хангая и Хэнтея целесообразно круглогодовое кочевание на подножном корму, а в Джунгарии и Тарбагатае, куда зимние циклоны приносят обильные осадки, создающие глубокий снежный покров, в те времена необходима была заготовка сена, и перекочевки совершались по вертикали — из степи на альпийские луга (джейляу). В экстраридных районах Приаралья, лишенных горных хребтов, шло круглогодовое кочевание, но в ослабленном сравнительно с Монголией ритме¹². Не меньшее влияние на развитие кочевников оказывало соседство то более или менее активного Китая, неоднократно пытавшегося завоевать Степь, то слабого Ирана или раздробленного Согда, ограничивавшихся обороной от кочевых соседей. Разные условия существования заставили кочевников избирать разные формы адаптации, что и определило известную самобытность разных народов Великой степи.

РЕКА

А теперь, прежде чем приступить к историческому повествованию, включающему описание, анализ и синтетическую интерпретацию событий, разорвавших историю Срединной и Восточной Азии на два несхожих между собой периода, бросим хотя бы беглый взгляд на природу страны, где произошел этот надлом. На переднем плане нашей историко-географической панорамы лежит бассейн реки Хуанхэ, все остальное — только фон.

Истоки Хуанхэ находятся в Тибете. Первые 200 км река спокойно течет в широкой долине, окаймленной горами, почти лишёнными растительности. Затем она врезается в горные отроги Куньлуня и превращается в бурный поток, несущийся в ущелье глубиной до 500 м. Здесь ширина реки колеблется между 10 и 50 м, но и, вырвавшись из ущелий, она остается, по нашим представлениям, узкой: преимущественно 50—70 м, и только местами — до 300 м.

Однако быстрое течение делает Хуанхэ труднопреодолимым водным рубежом. Особенно сложны переправы через реку во время паводков, когда влекомые течением песок и ил составляют 46 % объема речного потока. Поэтому великая излучина Хуанхэ, окружающая с трех сторон Ордос, делает его островом среди прилегающих пустынь. Но в середине зимы река замерзает. Тогда Ордос открыт для набегов и вторжений со стороны Великой степи.

В низовьях Хуанхэ намыла высокую дамбу и оказалась как бы «висящей» над окружающей ее равниной. У Кайфына дно реки на 5 м выше окружающей местности, и частые наводнения держат население в обоснованном страхе¹³.

Реки редко бывают пограничными рубежами, так как почти всегда легче пересечь реку, нежели, например, горный хребет или полосу пустыни. Поэтому в древности границей Китая и Центральной Азии была Китайская стена. На западе, в Ганьсу, она прикрывала цепочку оазисов, расположенных у подножий Шаньшаня; восточнее поворота Хуанхэ к северу отделяла степной и пустынный Ордос от аллювиальных равнин Шэньси, затем снова пересекала реку, разграничивая лессовую равнину Шаньси от степей современной Внутренней Монголии, и, наконец, ограждала древний земледельческий Хэбэй от набегов кочевых и охотничьих народов бассейна верхнего Ляохэ. И так, подлинной границей двух огромных этнокультурных регионов была комбинация из природных и антропогенных элементов рельефа; ландшафтная же граница колебалась в зависимости от изменений климата, что особенно ощущалось в изучаемую нами эпоху.

В III веке н.э. усыхание степной зоны Евразии достигло кульминации. Поэтому полоса пустынь и сухих степей переместилась на юг, в северные окраины Шэньси и Шаньси. На месте бывших пашен стали появляться барханы, а вслед за ними — кочевники со стадами, потому что с севера их теснила

пустыня. Китайская стена перестала служить целям обороны. Она приняла примерно такой же вид, как в конце XIX века, когда местами превратилась в простой сглаженный вал и разрозненные руины башен, окруженных барханами¹⁴. Четкая граница стерлась; на месте ее возникла зона этнического контакта, где китайцы и хунны жили вперемешку.

Зато Южный Китай был надежно прикрыт от кочевников. Поросший густым лесом хребет Циньлин, отделяющий Шэньси от Сычуани, преграждал дорогу любой коннице. Впрочем, столь же непреодолима была голубая река Янцзы, ширина которой достигает 5 км. Достаточно было завести на Янцзы небольшую гребную эскадру, чтобы обеспечить безопасность Южного Китая. Но, забегаая вперед, скажем, что и болотистая область центральных озер — Аньхой и Хубэй — лишь в исключительных случаях становилась театром военных действий между кочевниками и китайцами. Влажные леса останавливали хуннов и табгачей лучше, нежели длинные алебарды китайской пехоты.

Но на западе враги Китая чувствовали себя в горных лесах как дома. Потомки древних жунов, помнившие кровавые расправы над своими предками, племена ди, цзун и др. создавали на западной окраине Китая такое же напряжение, какое существовало на севере, но здесь ландшафт не стал защитой Китая. И здесь не было никакого переселения народов, потому что защищали родную землю аборигены, устоявшие против насильственной китаизации. От их несравненного мужества и ярости Китай спасло только исключительное сочетание обстоятельств — то самое, о котором пойдет речь далее.

ВОДА

Не меньшее значение имели колебания степени увлажнения степной зоны¹⁵, которая иногда превращалась в раскаленную пустыню¹⁶.

Палеонтологическими исследованиями в Центральной Азии установлено, что процесс усыхания степей был прерван периодом увлажнения в сравнительно недавнее время¹⁷. Историческая наука не только подтверждает этот вывод, но и позволяет уточнить дату указанного увлажнения.

Путешественниками отмечено, что монгольская степь заселена предельно густо. Это надо понимать в том смысле, что на-

нчие пресной воды лимитирует развитие скотоводства, т.е. вода там столько, сколько можно напоить из имеющихся родников. Где только есть лужа воды, там стоит юрта и пасутся ошмы. Если источник иссяк, скотовод должен либо умереть, либо покинуть родную страну, ибо в те времена переход на искусственное орошение был технически неосуществим¹⁸.

Следовательно, эпохе усыхания должно соответствовать выделение кочевников из середины Степи к ее окраинам.

Это явление наблюдается во II—III веках н.э. Хунны не вернулись на родину; табгачи с берегов Керулена перекочевали на берега Хуанхэ; оазисы Западного края (Сиюй) захирели; сянбийцы, овладев степью до Тарбагатая, не заселяли ее, а распространялись по южной окраине Гоби до самого озера Эби-нор. Можно подыскать объяснения для каждого из этих фактов в отдельности, но не для их совокупности, хронологического совпадения и неповторимости ситуации. Если даже все это случайности, то сумма их — уже закономерность.

Мало того, начиная с I века до н.э. в хрониках постоянно отмечаются очень холодные зимы и засухи, выходящие за пределы обычных.

Заведенное хуннами земледелие погибло. Очевидно, процесс перехода к аридному климату в этот период зашел уже настолько далеко, что стал решающим фактором в примитивном хозяйстве, как оседлом, так и кочевом. Таким образом, мы можем объяснить обезлюдение северных степей в III веке н.э. сокращением пастбищных угодий и считать III век н.э. кульминацией процесса усыхания.

Наряду с этнической мозаичностью Великой степи в ней наблюдаются общие черты, свойственные всем евразийским кочевникам. Они прослеживаются прежде всего в хозяйстве и быте¹⁹, основанном на бережном отношении к богатствам природы, что ограничивало прирост населения, ибо стимулировалась детская смертность и межплеменные войны.

Современному европейцу и то и другое кажется дикой жестокостью, но в ней есть своя логика и строгая целесообразность. При присвояющем натуральном хозяйстве определенная территория может прокормить определенное количество людей, входящих в геобиоценоз как верхнее, завершающее звено. Чрезмерный прирост населения ведет к истощению природных ресурсов, а попытки расселения — к жестоким войнам, так как свободных угодий нет. Переселение же в далекие страны с

иными природными условиями тем более сложно потому, что скоту трудно, а то и невозможно там адаптироваться²⁰. Следовательно, остается только самоограничение прироста населения, а это легче всего делать с новорожденными.

Зимой ребенка бросали в снег, а затем кутали в тулуп. Если он оставался жив — вырастал богатырем, а если умирал, то через год появлялся новый сын. Когда он становился юношей, его посылали в набег на соседей. Если его убьют — ладно, новый вырастет, а если он привезет добычу — значит, он герой. Поэтому редкий мужчина доживал до старости, и смена поколений шла быстро, а развитие производственных отношений медленно.

Девочкам было труднее. Уход за ними в детстве был еще хуже, а потом кроме смерти их подстерегала неволя. Зато, став матерью, женщина царила в доме, а овдовев, становилась женой деверя, который должен был обеспечить ей почет и покой, даже если брак был фикцией.

Не вдаваясь в оценку этих форм быта, отметим, что равновесие населения с кормящей природой не нарушалось, боеспособность кочевых племен была высокой и культурные достижения соседей перенимались с тем отбором, который позволял кочевникам сохранить свое лицо, вернее, остаться самими собой. Последнее было существенно необходимо, ибо рядом со Степью находился воинственный Китай.

Численность военно-демократических обществ легко рассчитывается по числу воинов, обычно составляющих около 20% населения. В III веке до н.э. в Монголии было приблизительно 60 тыс. хуннских всадников²¹, а в 304 г. н.э. — 50 тыс. воинов только южных хуннов, живших в Ордосе и Шаньси. Это значит, что число ушедших на запад было немедленно восполнено естественным приростом в пределах, допускаемых кочевым хозяйством и природными условиями ареала. Иными словами, численность населения была стабильной, благодаря чему природные ресурсы степей сохранились. Это отнюдь не неполноценность народов, будто бы неспособных к прогрессу, а оригинальный способ этнического существования, непохожий на привычные нам, но отвечающий подробностям самих кочевников.

Устойчивость взаимоотношений кочевников с ландшафтами Великой степи прослеживается и в духовной культуре²². Несмотря на восприимчивость степняков к эстетическим и рели-

многим канонам соседей, они сохраняли общую демонографию и культ Митры, охранителя клятв, карающего обман и ложь. Это проповедовали в Центральной Азии согдийцы-юэчжи в IV веке до н.э.²³ Этот культ прослеживается с глубокой древности до XVI века, когда восточная часть Степи была обращена в буддизм, а западная — в ислам. Но и тогда народные верования продолжали существовать. Итак, в древности этнографическая карта Центральной Азии была несравненно мозаичнее современной. С XVII века там имеются две группы населения — тюркская и монгольская.

ПРОШЛОЕ

Этническое разнообразие при различии хозяйственных систем и форм материальной культуры способствовало созданию оригинальных локальных культур. Начиная с глубокой древности по всей степной зоне различные варианты межплеменных археологических культур фиксируют те или иные этнические взаимоотношения и дают, таким образом, ответ на вопрос, поставленный выше: каким образом шло интенсивное развитие при относительно стабильном уровне техники и малом числе вариантов социальных структур? Полученные данные позволяют сделать вывод, что ведущими противоречиями в кочевой культуре Евразии были противоречия между отдельными племенами, отличающимися друг от друга хозяйственными навыками и способами адаптации к ландшафту. За трехтысячелетнюю историю кочевой культуры племена то объединялись в разных комбинациях, то дробились на реликтовые этносы, то исчезали полностью, причем составляющие их люди входили в состав других племен²⁴. В первом случае подчиненное племя принимало на себя функции податного сословия; во втором — возникало состояние социального застоя, что в аспекте географии определяется как этноландшафтное равновесие; в третьем случае инкорпорация иноплеменников вела к социальной перестройке принявшего их племени в союз племен или орду, т.е. специфическую форму военной демократии в кочевом обществе. Социальная история и этнография в историческом синтезе не подменяют одна другую, а освещают предмет в разных аспектах.

Установив этот принцип, вернемся к хуннам.

Для того чтобы уяснить себе положение и возможности восточной ветви хуннского народа, сделаем небольшой экскурс в

древнюю историю, подробно изложенную в книге «Хунну». Достаточно только окинуть прошлое взглядом, чтобы спокойно двигаться дальше, но обойтись без этого нельзя.

Сложение хуннских родов в державу произошло, по-видимому, в III веке до н.э., когда все кочевые народы Евразии испытали мощный подъем жизнедеятельности. Но разложение рода и образование классов у хуннов не наблюдались. Энергичные и алчные родовичи оставались в системе рода, так как хуннское этническое мироощущение и связанный с ним отработанный стереотип поведения были таковы, что выход из рода рассматривался как самое большое несчастье. Поэтому имущественного расслоения быть не могло: род продолжал оставаться хозяином всех средств производства, и только обладание предметами личного потребления отличало хуннов между собой. Однако это не препятствовало отдельным родовичам стремиться к умножению богатств, т.е. военной добычи, так как пропорционально подвигам вырастало их влияние внутри рода, а гордость и тщеславие — не менее сильный импульс к деятельности, чем алчность. Таким образом составила внутриродовая элита, с помощью которой шаньюи подчинили себе степи от Хингана до Тяньшаня. Это была фаза исторического становления.

До тех пор, пока военные действия развивались успешно, родовая элита множилась и сила Хунну росла, но когда Китай затеял жестокую войну, тянувшуюся со 133 г. по 97 г. до н.э., хунны начали нести сильные потери убитыми, ранеными и нервно надломленными. В процентном отношении активная часть населения страдала больше, чем масса, так как в силу присущей ей ответственности она сражалась в первых рядах и в самых опасных местах. В конце концов хуннские удалыцы отстаивали свободу своего народа, но два поколения надорвались на войне, и восстановить растроченные силы не удалось. А массы в это время размножились на бескрайних пастбищах Халхи, вдали от набегов китайской конницы.

Как видно из политической истории, фаза исторического существования хуннского этноса была относительно короткой. Но это произошло не за счет пресловутой неполноценности кочевого быта, а вследствие необходимости отстаивать свою жизнь и свободу от китайской агрессии. Поэтому, и только поэтому фаза исторического упадка хуннов наступила быстрее, чем у народов, находившихся в более благоприятных условиях.

В I веке до н.э. благодаря борьбе партий, казням, эмиграции и т.п. падало сознание хуннского единства. Единство было нужно воинам для «господства над народами», а спокойные кочевники могли пасти свой скот порознь. Конечно, для массы сильная власть тоже была полезна, так как обеспечивала безопасность, однако мы не вправе требовать от неграмотных пастухов и их жен сознания государственных задач и перспектив. Рядовые хунны помогали своему правительству в меру своих способностей — не их вина, что способностей у них было мало.

Соперник Хунну — Китай — находился в совершенно иных условиях. Во-первых, сил у него было гораздо больше, во-вторых, китайцы не тратили пассионарный запас на пополнение рядового состава армии. Туда шли «молодые негодяи», т.е. преступники, от которых страна должна была так или иначе избавиться. Потеря одной армии для Китая была потерей материальной, и за 30 лет регулярного поступления налогов ущерб был возмещен.

А что было бы, если бы хуннское общество продолжало развиваться, если бы шелк китайских дипломатов и стрелы сяньбийских всадников не сокрушили империю Хунну и не раскололи ее на части?

Такой вопрос обычно не ставится в исторических сочинениях, и сама постановка его может быть сочтена ненаучной, но этнолог обязан случайности военного успеха отличать от закономерности развития (хотя часто случайности ломают закономерность). Этнос в своем развитии проходит определенные фазы, но он взаимодействует при этом с соседними этносами, и часто влияние соседей оказывается роковым: тогда закономерность развития нарушается, и возникают формы уродливые и неполноценные, но всегда бросающиеся в глаза историку. Подчас это настолько искажает закономерность, что вводит в заблуждение исследователя. Попробуем внести ясность, пользуясь этнологией как критерием.

Постоянное влияние сильного и агрессивного Китая все время исподволь деформировало хуннский этнос, но до временного подчинения Китаю в I веке до н.э. это влияние компенсировалось и затухало, не давая результатов. Однако шестидесятилетнее соседство и взаимодействие с Китаем оставили глубокий след на быте и психологии хуннов. При этом нельзя забывать, что китайцы и кочевники — люди предельно разных

этнических доминант, и поэтому китаизация кочевников всегда была связана с жестокой психической ломкой.

Восстановление державы Хунну в I веке н.э. показало, что хуннская культура выдержала испытание, но уже в 48 г. сказались последствия привычки подчиняться врагу: часть хуннов добровольно поддалась Китаю. Это было началом смещения этнической доминанты, закончилось оно в 93 г. сяньбийской военной победой. После этого самостоятельная история Хунну прекратилась, но этногенез продолжался: хунны делили судьбу тех культур и народов, к которым они волею истории приблизились. Эта эпоха требует специального изучения, но раньше мы вправе спросить: а не могла ли хуннская культура развиваться дальше? По нашему мнению, могла.

Единственной опасностью для Хунну была ханьская агрессия. Следовательно, если бы империя Хань развалилась на 20 лет раньше, что могло бы быть, если бы толковые китайцы не прикончили узурпатора Ван Мана вовремя, в Степи оформилась бы хуннская культура и развилась бы хуннская цивилизация или фаза исторического существования²⁵. Именно эта фаза является наиболее продуктивной. При становлении оригинальной культуры, когда кипят страсти, создаются определенный стиль жизни, способ взаимоотношений, ритм мироощущения и специфическое понимание идейных ценностей — красоты, истины, справедливости и т.п. В период «существования», когда страсти остывают, начинают выкристаллизовываться формы искусства, философии, законности и даже комфорта. Именно от этой стадии остаются следы для археолога и антиквара. Этой стадии хунны не прошли, она заменилась для них стадией обскуранции — постепенного забвения традиций и бессмысленной борьбы за прозябание.

А ведь в Степи могли бы создаться поэмы — патетичнее «Илиады», мифы — фантастичнее «Эдды», рассказы — не хуже «1001 ночи». Если по условиям климата не могла развиваться архитектура, развились бы ювелирное искусство и аппликации. Нет никакого основания думать, что письменность не может распространяться среди кочевников: грамотность была уже в VIII—IX веках широко распространена среди тюркютов, уйгуров и кыргызов; хунны не составили бы исключения. Могла бы развиваться философия, народились бы естествознание и история, если бы не кровавый разгром, погубивший гениев в утробах матерей.

хуннов были все предпосылки для перехода к мирной жизни: китайские эмигранты насадили в Степи земледелие, ремесла — искусства и ремесла, турфанцы — торговлю.

Однако, к сожалению, для того чтобы посеянные семена дали всходы, не было времени, а его-то у хуннов не оказалось.

Если бы, если быть справедливыми, мы должны оплакать тот момент, когда последний хуннский шаньюй упал, израненный, с этого коня и, подхваченный верными сподвижниками, исчез в никуда. Он сражался за неосуществившуюся цивилизацию с предателями (южными хуннами), захватчиками (китайцами) и жадными дикарями (сяньбийцами). И нет никаких оснований по одичавшим западным хуннам IV века судить об их рыцарственных предках.

Трехсотлетняя обскурация в Восточной Азии наступила не благодаря, а вопреки деятельности хуннов.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Несмотря на очевидность того, что культуру любого народа нельзя оценивать с позиций его противника, обаяние аутентичного источника держало многих историков в тисках китайских предиссуждений и характеристик. Отсутствие у хуннов и других соплеменников письменности привело к тому, что китайским летописцам нечего было противопоставить. Однако в руках историков, вооруженного этнологической методикой, имеется мощное противоядие тенденциозным трактовкам, прошедшим сквозь призму — логика событий и понятие о структуре этногенетических процессов. Избыточная энергия живого вещества в замкнутой системе, в нашем случае этносе, ищет выход. Она ломает сложившиеся социальные перегородки, заставляет этнос выходить в контакты с соседями, расширяться и наконец, израсходовавшись на свершения, приходит в равновесие со средой, вследствие чего сама система исчезает. Этот процесс становления державы Хунну был прослежен нами в деталях²⁶, а интерпретация его была сделана на основе принципов, которые сформулированы только десять лет спустя²⁷. Любопытно, что книга выдержала жесткую критику со стороны китаистов, но полемика велась лишь по частным вопросам техники пользования переводами²⁸. Основная же, синтетическая часть работы не вызвала у многочисленных рецензентов сомнения²⁹.

Для этнолога история хуннов интересна как пример нево-

площенных возможностей и как вариант нарушенного процесса этногенеза, когда вместо цивилизации возникает либо обскурация, либо этническая (не всегда физическая и тотальная) экстерминация.

В эпоху, избранную нами для изучения, тема исторического развития осложнена проблемой этнических контактов. В Северном Китае хунны представляли этническое меньшинство, да еще разбавленное инкорпорированными разноплеменными кудами. Сталкиваться же им приходилось не только с китайцами, но и тибетцами, сяньбийцами, табгачами и аборигенами Северо-Западного Китая, более древними, нежели сами китайцы. Все эти народы весьма разнились между собою и к хуннам относились по-разному. Насколько важна эта проблема, будет видно из описания хода событий и их последствий.

Первичные сведения получены из переводов китайских хроник, но, хотя переводы сделаны добросовестно, сами хроники — источник свехсложный. По поводу китайской исторической литературы В.П.Васильев вполне основательно написал: «С первого взгляда на полное собрание китайской истории можно подумать, что в ней уже все сделано и что знающему китайский язык стоит только читать многотомные сочинения и извлекать из них машинально сведения, но на деле оказывается совсем не то; кроме странного расположения, которое заставляет занимающихся перебирать все сочинения для того, чтобы получить полное понятие об одном каком-нибудь отдельном событии, кроме утомительного труда, кроме постоянного критического напряжения, которое, однако ж, может открыть истину только при полном изучении предмета, историку, сверх того, постоянно представляются вопросы, которым он напрасно ищет разрешения, постоянно встречает он искажения, пропуски...»³⁰.

Именно с такой литературой вопроса мы столкнемся ниже, добавив к тому, что сказал В.П.Васильев, что трудности историко-географического, палеоэтнографического и социально-исторического характера превосходят перечисленные им выше. Конечно, китайские авторы не могли беспристрастно отзываться о врагах своего народа и своей страны, хотя, надо воздать им должное, они к этому стремились. Но у нас-то нет никаких поводов быть несправедливыми. Мы должны отчленить причины и уловить следствия того грандиозного явления, которое китайцы называли «Эпохой пяти варварских этносов (У-ху)», а французы — «Великим переселением народов в Азии». И главную

ность — калейдоскопичность событий и многословие описаний — мы попытаемся преодолеть путем применения не только необычного аспекта — этнологического.

ИМПЕРИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В отличие от державы Хунну ханьский Китай был неуязвим для внешних врагов. Население его к концу II века исчислялось в десятки миллионов трудолюбивых крестьян. Четырехсотлетняя культурная традиция поддерживалась поколениями конфуцианских грамотеев. Ремесла совершенствовались, торговля увеличивала обороты, армия укомплектовывалась «молодыми негодями», т.е. преступниками, не находившими себе места в отрегулированной системе, и пополнялась инородческой конницей: хуннами, китами, сяньбийцами, служившими за плату. Срединная империя на Востоке континента казалась столь же незыблемой, как Иерусалим на Западе. И как обманчиво оказалось все это!

Что, собственно, произошло на рубеже II и III веков? Да как то все сразу, а этого вынести никто не может. Сначала члены правительства — евнухи поспорились с учеными конфуцианцами и, конечно, победили их, а заодно всех их родных и знакомых. Уцелевшие даосисты возглавили крестьянское восстание «желтых повязок» в 184 г., которое было разгромлено и погоплено в крови регулярными войсками и ополчениями ланьфунциалов в 189 г. Затем солдаты перебили канцеляристов-евнухов, но против их буйств выступило земское ополчение, блокировавшее непобедимую армию в Чанъани. Там армия разложилась, и солдаты, перебив своих командиров, потерпели поражение в 196 г. Не погибшие в бою были казнены.

Со 191 г. началась нескончаемая борьба аристократов, захвативших власть в провинциях, между собою. Большая часть их была беспринципными честолюбцами. Эти погибли раньше других, ибо им приходилось покупать себе друзей, что всегда ненадежно: деньги они берут, дела не делают и охотно предадут хозяина, если его соперник предложит больше. К 210 г. этот период завершился образованием трех царств, каждое из которых имело свое лицо и особую структуру.

На северо-востоке Китая усилился талантливый и беспринципный аристократ Цао Цао, захвативший в свои руки последнего императора династии Хань и правивший от его имени. Девиз его царства именовался «Время и Небо», т.е. судьба. Это

значило, что отважные и бесовестные люди могли сделать быструю карьеру и разбогатеть. Так как наступившая за истекшие годы демократизация увеличивала число авантюристов, то армия Цао Цао все время пополнялась и усиливалась. В 220 г. сын Цао Цао, Цао Пэй, узурпировал власть и нарек свою династию Цао-Вэй.

На юго-востоке полководец Сунь Цюань создал царство У, принципом которого стали «Земля и Удобство», т.е. выгодное географическое положение страны, прикрытой великой рекой Янцзы. Сунь Цюань и его преемники приглашали к себе на службу ученых конфуцианцев, но, как всякая консервативная система, эта политика была обречена. Как только к власти пришли временщики, что было неизбежно, начались придворные интриги и выжимание из народа средств на роскошь.

Третье царство — Шу-Хань образовалось в Сычуани самым неожиданным образом. Вожди разгромленного движения «желтых» даосы, твердо зная, что победа Цао Цао и Сунь Цюаня означает для них мучительную смерть, договорились с кондотьером Лю Бэем и его отрядом о борьбе с Цао Цао. Вначале они базировались на междуречье рек Хань и Янцзы, но были разбиты и ушли в Сычуань, представлявшую собой естественную крепость, окруженную горами. Там они провозгласили царем Лю Бэя, ставшего марионеткой в руках мудреца Чжугэ Ляна. Принцип структуры был провозглашен гуманистический: «Человечность и Дружба», но он не получил своего воплощения. Население Сычуани, по большей части некитайское, подчинялось власти даосов и кондотьеров, но не проявляло к их целям и задачам никакого интереса. А это было трагично, ибо война между тремя царствами продолжалась до 264 г., когда, уже после смерти Чжугэ Ляна, войска царства Цао-Вэй оккупировали Сычуань.

Царство Цао-Вэй возвысили две социальные группы: землевладельческая знать, из которой вышел основатель династии, и профессиональные военные, примкнувшие к нему ради личной выгоды. Пока шли постоянные войны, они уживались друг с другом, но после победы над Шу-Хань разразился конфликт, в котором вояки победили аристократов. В 265 г. вождь армии Сыма Янь, внук и сын победоносных полководцев, низложил последнего царя династии Цао-Вэй и стал типичным солдатским императором, подобным тем, которые захватили в Риме власть у сената. Новая династия приняла название Цзинь. Она

инершила объединение Китая, покорив без больших боев разложившееся царство У в 280 г.

Цзинь была солдатской империей. «Молодые негодяи» эпохи Хань стали опытными мерзавцами и достигли власти. К концу III века потенция древнего Китая оказалась исчерпанной. Все пассионарные люди за время Троецарствия проявили себя и погибли. Одни — за «Желтое небо справедливости», другие — за «Красную империю Хань», третьи — ради верности вождю, четвертые — стремясь к славе в потомстве. После страшного катаклизма Китай превратился в пепелище, скопление усталых людей, которым могло управлять самое бездарное правительство. Достаточно сказать, что численность населения со 180 г. к 220 г. упала с 50 млн человек до 7,5 млн. За полстолетие мира оно увеличилось до 16 млн чел., но это были уже не те люди, что в эпоху Хань. В Китае наступила фаза обскурации, что показывает история последующих событий, к изложению которых пора перейти³¹.

И ведь нельзя сказать, что династия Цзинь ничего не сделала для укрепления своего режима и страны. Сразу вслед за покорением царства У, в 280 г., Сыма Янь издал указ, согласно которому все земли империи стали собственностью государства, а население превратилось в держателей наделов. Крестьянин обрабатывал около двух третей надела для себя и вносил за это налог, а на одной трети трудился в пользу казны. Реформа имела целью стимуляцию развития сельского хозяйства и переход контроля над ним от латифундиалов непосредственно к правительству. Естественно, владельцы «сильных домов» стали отстаивать свои преимущества и добились права получать за службу в государственном аппарате земли с крестьянами в зависимости от ранга: от 15 крестьянских дворов до одного. Эти пожалования можно рассматривать как феодальный институт бенефиций.

Но из затеи Сыма Яня ничего не получилось. Мало иметь оплачиваемых чиновников, нужно еще, чтобы они отработали свою плату. А этого они делать не умели, да и не хотели, ибо патриотические традиции древней культуры эпохи Хань были забыты, и стимулом поведения стал близорукий, но безудержный эгоизм. Реформа просуществовала всего десять лет, после чего вспыхнула такая междоусобица, которая по размаху не уступала самым жестоким годам Троецарствия. И тогда законы потеряли всякое значение, потому что силу права заменило право силы.

I. Тление

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОГО КОНТАКТА

Когда астрономы наблюдают близкое прохождение большой планеты и малого метеора, то их не удивляет, что последний, подчиняясь силе тяжести, либо падает на планету, либо становится ее спутником. И ни планета, ни метеор, ни законы тяготения не виноваты, потому что в природе нет места понятию вины. Но когда соприкасаются разные по быту и культуре этнические и суперэтнические целостности, разве может быть иначе? Воля и настроенность отдельных людей растворяются в статистических закономерностях этногенеза, отличающихся от законов природы только меньшей изученностью. Столкновение кочевников с земледельцами всегда создает острые коллизии, в которых ни те, ни другие не виноваты. Именно такая ситуация существовала в Северном Китае III—V веков. Виноватых не было, а несчастных было слишком много. Но могли ли хунны и табгачи, теснимые засухой, пожирившей их родные степи, не ютиться по окраинам растущей пустыни, там, где еще были вода и трава? И могли ли тангуты, потомки жунов и ди, не отстаивать родные горы от наплыва китайцев? А китайцы!.. Да каково им было видеть, как в их страну вползают «варвары» и норовят пасти свой скот на полях, годных для земледелия? Китайцы были уверены в своей правоте и силе, ведь их было около 16 млн¹, объединенных одной властью и одной целью — не допустить дикарей в Поднебесную. А против них стояло около

400 тыс. разрозненных кочевников: хуннов, сяньбийцев и ухунней¹. А полмиллиона тибетоязычных горцев, локализованных на западной границе Китая, были равно враждебны и чужды и китайцам и кочевникам. Но и внутри этих трех больших групп не было единения. Китайцев раздирали классовые противоречия: богатые землевладельцы давили на крестьян, профессиональные солдаты грабили опальных помещиков, но от этого сами не богатели; вельможи гибли во время дворцовых интриг. Горцы делились на племена: ди, кяны и цзун, взаимно враждебные друг другу. Хунны имели в качестве союзников кулов (цзелу), чуждых им по быту и психическому складу. Сяньбийцы, муюны и табгачи, родственные по происхождению и языку, соперничали друг с другом и не допускали даже мысли об объединении. Историческая судьба этой эпохи выступила в образе «Великой Обиды» и сделала неизбежной войну, в которой никто не был ни прав, ни виноват. Ибо в то время помириться с противником можно было только одним способом — дать себя убить.

Вначале кочевники, оседавшие на границе Китая, хотели голько мира. Но вельможи и помещики хватили их и продавали в рабство в далекий Шаньдун, для издевательства сковывая попарно хунна и кула. Ожесточение сердец росло, и сами современники отмечали это. Сановник Цзян Тун в трактате «О переселении жунов» писал, что племена, переселившиеся в Китай, «пропитаны духом ненависти до мозга костей»³. И это было одной из причин, погубивших древний Китай и его блестящую культуру. Однако ни китайцы, ни хунны, ни табгачи не могли не быть самими собой. Следовательно, изучая эту эпоху, мы сталкиваемся с проблемой этнического контакта, который не всегда ведет к благоденствию и прогрессу. Но он был, на беду, неизбежен, ибо в Степи в III веке произошли грандиозные перемены.

ВОСТОЧНЫЕ ХУННЫ

В предыдущей книге мы довели историю Великой степи до начала III века, когда закончился поединок между соперничавшими степными народами — хуннами и сяньбийцами⁴. Сяньбийцы победили, но уже к 235 г. их держава развалилась на части. Хунны были побеждены и образовали четыре ветви, каждая из которых имела свою судьбу. Одна из них, наиболее неукроти-

мая, отошла через степи современного Казахстана в междуречье Урала и Волги в поисках новой родины⁵. Вторая — «малосильные хунны» — осела в Тарбагатае и овладела Семиречьем, после чего не раз удивила Азию своими подвигами⁶. Третья, наиболее инертная, осталась на родине и смешалась с победителями, вследствие чего в сяньбийском языке оказалось огромное количество тюркских слов. Наконец четвертая ветвь осела по обе стороны Великой стены, в Шаньси, Ордосе и Алашани. Именно эта ветвь хуннов взяла на себя инициативу восстановления былой хуннской славы, несмотря на то что ее положение было наиболее тяжелым. От родной Степи они были отрезаны сяньбийцами и находились в руках китайского правительства, отнюдь к ним не расположенного. Лишь падение династии Хань дало хуннам шанс на освобождение, да и то не сразу.

Во время кровавых десятилетий Троецарствия хунны ничем себя не проявили. В волнениях, обуревавших китайский народ, они участвовали так, как будто это были их волнения. Сначала массы хуннов примкнули к «желтому» движению, потом, когда оно пошло на спад, явились к Цао Цао с изъявлением покорности и снабдили его степными конями для обновления кавалерии (203 г.)⁷. Это спасло их от истребления. Правительство Цао-Вэй разделило хуннские кочевья на пять отделов, поставив во главе каждого потомка хуннских князей. Однако эти князья были подчинены специально назначенным чиновникам-наблюдателям. Общее количество хуннов в то время исчислялось в 30 тыс. семейств, т.е. около 150 тыс. человек, но расселены они были на очень большой территории и жили среди китайцев, не смешиваясь с ними. В 265 г. прикочевали хунны, «ранее убежавшие в степь — всего 20 тыс. семейств — и просили принять их в подданство. Их поселили в Хэси». В конце III века зафиксированы только два возмущения: в северной ставке хуннов в 271 г. «взбунтовался шаньюй Мэн»⁸. Он был убит подосланным убийцей. В 291 г. восстал хуннский Хаосань, но был схвачен своими же старейшинами, и восстание погасло. Хунны жили в покое и накапливали силу. Это было затишье перед бурей.

Другим большим племенем были цзелу, обитавшие на берегах реки Хэйшуй. Это племя образовалось из хуннских «рабов», освободившихся при распаде хуннского общества (25—85 гг.). Основными занятиями их были скотоводство и охота. «Они не тождественны племенам запада, которые принадлежали к Вэй-

чи (сяньби). Они не одной расы: среди них имеются танху, и цинлины и кяны (тибетцы), которые живут вместе с ними. И что потому, что первоначально они были рабами хунну»⁹.

Слово «цзелу» произносилось в древности «quī», что на современных тюркских языках означает «раб». Однако еще в VI—VIII веках это слово имело совсем другое значение: иноплеменный, или подчиняющийся чужому государю¹⁰. Собственно говоря, описание «Вэй люе» соответствует именно древнему значению, без оттенка личной неволи. Хунны во времена своего могущества принимали к себе эмигрантов из Ханьской империи, в том числе и китайцев¹¹. Эти пришельцы жили среди цзиннов, но не становились членами родов, что было, с точки зрения хуннов, необходимо, чтобы быть полноправным членом их общества. Общность социального положения и исторической судьбы спаяла разноплеменных эмигрантов в монолитный коллектив не менее прочно, чем это бывает при единстве происхождения. Кулы объяснялись друг с другом по-хуннски и по лингвистическому признаку должны были быть причислены к хуннам. Однако ни хунны не считали их своими, ни кулы не претендовали на то, чтобы войти, хотя бы путем браков, в хуннские роды. Им и без того жилось неплохо, наверное, даже свободнее, чем природным хуннам. В политическом отношении кулы были вполне лояльны хуннским шаньюям (титул вождей), потому что отнюдь не стремились попасть обратно в Китай. Совместные походы и соседство роднили их с хуннами, а деги беглецов, пережившие между собой, составили целостность, которую китайцы III века приравнивали к этнической. Думается, что они были правы. Каждый этнос есть целостность, исторически сложившаяся из различных субстратов. Каким бы монолитом ни представлялся нам тот или иной изолированный народ, когда-то и он был в стадии становления, т.е. стадии спайки различных, до него существовавших народов. Какие же основания отказывать в названии этноса хуннским кулам, если они кристаллизовались в нечто целое¹². А что касается названия, то нарицательные имена как этнонимы известны и в Европе: франки — свободные, свевы — бродяги, маркоманны — пограничники, алеманны — сброд и т.п. Другое дело, что продолжительность существования этноса хуннских кулов была мала, но зато роль их в событиях IV века оказалась большой.

Иными словами, здесь мы наблюдаем интереснейший вари-

ант этногенеза от начала до конца, который следует плодотворно анализировать, что мы и сделаем, после того как будут изложены все его перипетии.

У ПОДНОЖИЯ ТИБЕТА

На западной окраине Китая, в современных провинциях Шэньси и Ганьсу, жили бок о бок два разных народа: монголоидные пастухи кяны, народ тибетской группы, и земледельцы *ди*¹³. Это были два разных народа¹⁴, в древности говорившие на разных языках тибето-бирманской группы. Они распались на несколько племен, из которых наибольшее значение для истории имели танчаны, дансяны, ди-бома в Сычуани и байланы. Впоследствии эти племена жундического происхождения, слившись, образовали средневековых тангутов¹⁵. Несмотря на продолжительное общение с китайцами, они сохранили еще в III веке своих князей и свой быт. Хотя большинство их знали китайский язык, но у себя дома они пользовались языком ди. Наряды и обряды их были похожи и на китайские, и на тибетские. Китайцы иногда фигурально называли их «динлинами», но это не этноним, а метафора, подчеркивающая европеоидность как отличительную черту. Настоящие динлины были другим народом и жили не в Китае, а в Сибири.

Коротко поясним читателю изложенное выше: в древности в Восточной Азии существовали две европеоидные расы 2-го порядка: динлины и ди. Долихокранные динлины издавна жили в Южной Сибири и принадлежали к кроманьонскому типу в широком смысле слова¹⁶. Китайцы в древности называли Саянские горы Диндин, подчеркивая этим локализацию странного для них народа¹⁷.

Ди и родственные им жуны обитали на территории современного Китая от оазиса Хами до Хингана и в Сычуани¹⁸. Они были также европеоиды, но брахикранные, близкие к памиро-ферганской расе. Потомки ди, смешавшиеся с монголоидными тибетцами, встречаются среди амдосских кочевников, ныне неправильно называемых тангутами¹⁹.

Необходимо отметить, что этноним «тангут» — это средневековое монгольское название минягов, одного из племен ди. Теперь оно благодаря ошибочным и легкомысленным отождествлениям XIX века перенесено на кочевых тибетцев Амдо и Кама, т.е. на совсем другой народ²⁰. Однако этноним

«кягу» употребляется правильно в цитируемой нами научной литературе, и потому мы вынуждены его сохранить и использовать.

Сяньби

Поистинные роды сяньби, захватив Халху, рассеялись в ней и в III веке потеряли те зачатки государственности, которые у них были во II веке. У себя на родине, в южноманьчжурской степи, они сохранили жизнеспособность, но, подобно южным кочевникам, подверглись влиянию китайской культуры. Это влияние сказалось на сяньби даже больше, чем на хуннах, так как последние имели развитую традицию кочевой культуры, а сяньби — примитивную. Богатства Китая сильно притягивали к себе кочевников, и в III веке сяньбийский владетельный князь Мохоба перекочевал во Внутренний Китай и поселился около Пекина. В подражание китайским вельможам он нарек свой род фамилией Муюн, и под этим названием его государство вошло в историю. В 281 г. Муюн Шегуй получил от императора титул великого шаньюя, но вскоре отношения испортились, и сяньби начали набеги на Китай. Однако главным противником Шегуя был не громадный бессильный Китай, а маленькое крепкое княжество Юйвэнь, союзное с империей Цзинь. Наследник Шегуя, Муюн Хой, с 285 по 289 г. вел активную войну против Китая и заключил мир, лишь получив признание себя главой всех сяньби. Из-за этого он поссорился со своим северным соседом — державой Юйвэнь, но заключил союз с державой Дуань, скрепленный браком (см. ниже).

В 302 г. юйвэньский шаньюй Мохой осадил Муюна Хоя в Гичене (в Маньчжурии), но был разбит²¹. В 307 г. Муюн Хой объявил себя великим шаньюем сяньби; хотя этот титул отражал лишь его претензии, а не реальное положение, но можно считать 307 год датой основания южносяньбийской державы. Три года спустя 700 сяньбийских семей откочевали на запад и обосновались до плоскогорья Цайдам, где на берегах оз. Кукунор основали царство Тогон, или Туюйхунь. Название народа восходит к имени его первого вождя, брата Муюна — Хоя.

Описание быта и нравов населения Тогона может быть распространено и на южноманьчжурские племена сяньбийцев, тем более что близость их подчеркивает сам автор источника²².

Южные сяньби были убежденными кочевниками, причем

даже получаемые товары, продукты, сведения в китайской словесности и наличие городов не могли помешать им жить в юртах и палатках. Самым тяжелым преступлением считалось конокрадство — за это полагалась смертная казнь. Осужденному обертывали голову куском холста и побивали камнями. За прочие преступления налагали денежную пеню или били палками. Административные единицы были не родовые, а военно-территориальные, во главе единиц стояли сотники, тысячники, предводители. Не было постоянных налогов, но в случае необходимости в средствах по разверстке собирали с зажиточных семейств нужные суммы.

Одежда их состояла из дохи, длинной сбористой юбки и войлочной шляпы. Женщины заплетали волосы в косы и украшали их жемчугом и золотыми поделками. Тогонцы очень ценили оружие. На вооружении у них состояли лук, палаш, щит и панцирь. Копье не упомянуто; это показывает, что тактика ударного боя еще не вошла в употребление.

Брачные обычаи не отличались от хуннских, очевидно, они общие для всех азиатских кочевников. В состав тогонцев, кроме муюнов, вошло племя «белые» сяньби.

Говоря о сяньбийцах, необходимо заметить, что к их этническим подразделениям совершенно неприменима принятая в этнографии номенклатура: род, племя, народ, а отсюда и такие социально-политические определения, как, например, племенной союз, государство и т.п. Роды и племена у них были, но либо они возникали и распадались с невероятной быстротой, либо впитывали в себя осколки распавшихся племен, или даже принимали к себе отдельных людей и тем самым меняли свое этническое лицо. Язык отличал их от хуннов; язык и культура — от китайцев; язык и обычаи — от тибетцев; и все время возникали то хунно-сяньбийские, то тибето-сяньбийские, то более или менее окитаенные сяньбийские образования. При этом сяньбийские этносы (только так их и можно назвать) делились, как мы видели на примере Тогона, и начисто забывали о своем родстве. Вместе с тем инкорпорация иноплеменников была не повсеместна. Иногда их почему-то не принимали в свою среду, а предпочитали перебить или продать в Китай, где цены на невольников были высокими. И при такой этнической текучести среди сяньбийцев наблюдается жертвенный патриотизм, принимающий совершенно странные для нас формы. Например, опальные принцы дома Муюн, принужденные

умиривать, предавали приютивших их соседей ради своего врага, который их после победы казнил. Видимо, у сяньбийцев были какие-то принципы поведения, хорошо им известные и строго соблюдаемые, но для нас непонятные.

Равным образом к сяньбийским владениям неприменимо ни одно из европейских определений. Это не государства, потому что сяньбийцы находились на стадии военной демократии первобытно-общинной формации и классов у них еще не было. Но это и не родо-племенные союзы, так как существовал институт сильной и наследственной власти, опиравшейся на народ-войско, по отношению к которому все покоренные народы, как кочевые, так и оседлые, являлись податным сословием.

Та оригинальная система общественного устройства базировалась на кочевом быте и взаимопомощи. Сяньбиец не мог обжиться. Если он терял свой скот из-за падежа или угона врагами, соседи давали ему по овце, и через два-три года он восстанавливал свое хозяйство. Помимо этого он сам шел в набег и либо возвращался богатым, либо не возвращался вовсе. Сяньбийцу нужны были не богатство, оставшееся в руках его жены или матери, а вес и положение в той системе, в которой он находился. Смысл его жизни составляли почести и власть, ради которых он не щадил ни чужой, ни своей жизни.

При всем этом сяньбийцы были очень способным и переимчивым народом. Они легко усваивали и китайскую грамоту, и тунгусские аристократические традиции, и тунгусские моды в отношении кос, и способы изготовления яда для стрел, известные только приамурским охотникам — предкам нивхов. В сяньбийских ордах²³ всегда наблюдалось смешение собственных обычаев с какими-нибудь чужими, что дает основание назвать их «химерными этносами». Но во всех них было что-то, что давало древнекитайским историкам право объединять их в одну группу. Это не языковая общность, потому что, хотя сяньбийцы пользовались монгольским языком, но диалекты его сильно различались, и заимствования из тюркского и китайского у ямаков это различие усугубляли. Большую роль в этногенезе сыграла историческая судьба, но и это не исчерпывает проблемы. Видимо, к этому вопросу придется вернуться в конце книги, когда хунно-сяньбийская история прояснится. А пока рассмотрим остальные сяньбийские этносы.

Хунны в Китае

ЮЙВЭНЬ

Воинственное племя татабов, ранее подчинявшихся державе Хунну, в III веке н.э. заняло горную область к востоку от верхнего течения Ляохэ до Сунгари. Там они жили обособленно, управляясь хуннскими старейшинами. Старейшины их были выборные, но из определенного шаньюева рода Юйвэнь. «Язык их весьма отличался от сяньбийского»²⁴, и они все время враждовали с Муюнами. В 302 г. глава их принял титул шаньюя. Китайское правительство признало Юйвэнь и имело с ним родственную связь — дочь императора Пин Вэньди²⁵ была выдана замуж за юйвэньского вождя. Очевидно, Китай хотел создать из Юйвэни противовес против напавших с севера сяньбийцев. Из всех южных сяньбийцев Юйвэнь была китаизирована меньше всех. Это видно из того, что они не заимствовали китайский обычай носить волосы, а проникновение чужой культуры немыслимо без стремления к подражанию. Юйвэнь была хунно-сяньбийской химерой.

ДУАНЬ

На берегах Ляодунского залива возникло государство (го) Дуань. Основатель его, Жилугюань, был невольником, но человеком необыкновенной силы воли и выдержки. В голодное время он был послан своим хозяином, знатным вельможей, в Ляоси, чтобы изыскать средства для прокорма людей. Жилугюань собрал «беглых и изменников» и «сделался сильным»²⁶. Жилугюаню наследовали его брат, племянник — Умучэнь, который получил от династии Цзинь титул *гун* — князь и печать шаньюя. Собранные из разных родов, а то и вовсе из безродных бродяг, население Дуани состояло из 30 тыс. семейств. Это было княжество небольшое, крепкое. Культура преобладала сяньбийская. Сначала Дуань была союзником Цзинь и враждовала с хуннами и сяньбийцами, но потом заключила союз с Муюном Хосем. Дуань была сяньбийско-китайской химерой.

КОРЕЯ

Древнейшее известное истории северокаорейское царство Чаосянь (кит.), или Цзосион (кор.), было завоевано ханьским императором У-ди в 107 г. до н. э. Китай удерживал территорию

Южной Маньчжурии и Северной Кореи до 169 г. н.э., когда Когурё отвоёвало земли древнего Цзосиона, т.е. Ляодун и часть территории к северу от реки Тадонган до реки Туманьган²⁷. Это была конфедерация пяти племен, управлявшаяся старейшинами под общим предводительством одного из племен, однако организация этого племенного союза была уже столь совершенной для ведения дел, например для приема послов, были предусмотрены особые чиновные должности. Существовало и право собственности, причем рабами становились родственники казненных и пленников. Суд вершил совет высших чиновников.

Источники специально отмечают военное искусство и телесную силу когурёзцев. Оружие их также не уступало китайскому и корейскому: на вооружении состояли луки, мечи, копья, броня и щиты. Малорослые лошади были приспособлены к горной местности.

Южная Маньчжурия была особенно богата — шелк, затканый золотом и драгоценными камнями. Высоко развита была каменная архитектура, а могилы были обложены камнями, обсаживались хвойными деревьями.

Итак, по облику культуры, дошедшему до нас в чрезвычайно кратком изложении, Когурё стояло выше Сяньби, уступая лишь Китаю.

Ослабление Китая в эпоху Троецарствия создало условия для роста политического могущества Когурё. Воспользовавшись ослаблением Китая, когурёзский царь перенес свою столицу в город Ваньду, на правом берегу Ялу, и начал активно вмешиваться в положение в Китае. Сперва когурёзцы завязали отношения с царством У, надеясь стеснить царство Вэй, но когда прибыл вэйский посол, то они решили не ссориться с сильным соседом и обезглавили посла из У. При подавлении восстания ляодунского губернатора Гунсунь Юаня в 238 г. когурёзцы оказали помощь вэйским войскам. Несколько позже был нарушен когурёзцами, которые произвели набег на территорию Вэй. В ответ на это сильная китайская армия вторглась в когурёзские земли и после короткой осады в 242 г. взяла Ваньду.

Но китайцы не закрепились на когурёзской территории, и положение осталось без изменений до 265 г., когда в Западной Маньчжурии началось усиление племен южных сяньби, объединенных династией Муюнов.

Линенные возможности расширять свои владения на запад, когурёзцы устремились на юг, в глубь Корейского полуострова,

где группы родов к началу IV века образовали два государства — Пакчже и Силла (кит. — Боцзи и Синьло). Оба этих государства включали в себя немалое число эмигрантов из Китая, и влияние китайской культуры сказалось на них более, чем на Когурё. Западное царство, Пакчже, было более культурным благодаря знакомству с китайской литературой и философией. В IV веке туда проник буддизм. Пакчже обладало флотом, что дало ему возможность на время овладеть областью Ляоси³⁰ и даже Тайванем³¹. Силла уже в I веке н.э. сносилась с Японией³².

Соседство с Когурё было серьезным испытанием для Пакчже. Две длительные войны в середине V века и в начале VI века пришлось вынести этому государству, чтобы отстоять свою самостоятельность. Это объясняет также, почему роль Когурё в общеазиатской политической истории так мала. Все силы уходили на борьбу с Пакчже, и у сяньбийцев оказались развязанными руки. Но тем не менее Когурё сумело отстоять от сяньбийцев свои границы и даже пережить своих соперников.

Фуюй

Менее счастливой была судьба северного соседа Когурё, единоплеменного ему Фуюй, расположенного между хребтом Чаньбошань и средним течением Сунгари. Дата его основания не установлена, но в I веке н.э. Фуюй занимал почти всю Восточную Маньчжурию, от Кайюаня на юге до Цицикара на севере. Фуюйские земли были покрыты нивами и пастбищами. Защитой поселений служил частокол. Китайские летописцы отмечают в Фуюе дворцы и тюрьмы, что указывает на наличие классового расслоения. Законы Фуюй были строги и включали жестокий обычай коллективной ответственности за преступления: семью казненного продавали в рабство. Религия их была почитанием Неба, соединенным с верой в загробное существование, с чем были связаны человеческие жертвоприношения при похоронах вождей, которых надо было «сопровождать» в потусторонний мир. Наряду с такими примитивными представлениями в Фуюе уживалась своеобразная культура общественной жизни и устоявшегося быта, специально отмеченная китайскими авторами³³. Внешнеполитическое положение Фуюй было чрезвычайно сложным. До тех пор пока было слабо Когурё и разрознены сяньбийские племена, Фуюй имел возможность вести независимую политику. Во II веке фуюйцы не-

еще раз вторгались в Ляодун с целью грабежа, но поражение нанесенное ими от объединителя сяньбийских племен воеводы Таншихая, ослабило их нажим на Китай. В начале VII в. они просят принять их в подданство, так как им угрожает на востоке когурёзцы, а на западе сяньби³⁴. Но Китай, занятый внутренней войной, уже никому не мог помочь. Однако союз все же был заключен, и во время похода китайских войск на Когурё в 246 г. фууюйцы доставляли китайцам дань. Но дальнейшее ослабление Китая развязало руки им сяньби. В 285 г. Муюн Хой взял столицу Фууюй. Фууюй-царь кончил жизнь самоубийством, а его сын бежал на север, в Воцзюй³⁵.

Этот был еще не конец. Поддержанный Китаем царевич вернул и попытался восстановить свое царство, но новый набег им опрокинул его эфемерный престол. На этот раз сяньби постарались переловить все население Фууюй и продали их в рабство в Китай. Император, узнав о такой покупке, приказал освободить своих союзников, которые, конечно, остались в Китае. После этого удара Фууюй не поднялся, и последние фууюйцы влились в единоплеменное им Когурё. Та же участь постигла восточные племена этой этнической группы — Юйи и Вэй. Воцзюй располагалось на берегах Уссури и в Корее. Во время покорения Чаосяни в 108 г. до н.э. южная часть их подчинилась Китаю, а при ослаблении его после парсгвия вошла в состав Когурё. Судьба северной ветви племени неизвестна. Нельзя ли предположить, что амурские племена (гиляки) — потомки воцзюйцев?

ПРИАМУРЬЕ

В северной части Маньчжурии жили две группы племен — сунгуская и древнемонгольская. Первая называлась в китайских документах Илоу³⁶ и занимала нижнее течение Сунгуской реки в Приамурье и северную часть Уссурийского края. Это были охотники и рыболовы³⁷, еще не имевшие никакой государственной организации³⁸. В событиях III—V веков н.э. они не принимали никакого участия. Материальная культура этих народов изучена и описана А.П.Окладниковым³⁹. Позднее, в V—VI вв. этот народ в китайских документах называется Уги и Мунгун⁴⁰, потомки их — чжурчжэни XII века и маньчжуры XVII

Западную часть Северной Маньчжурии, т.е. бассейн реки Нонни, населял многочисленный народ — кидани. Это была северная группа древних дун-ху, близкая по языку к населению Юйвэни⁴¹. С китайцами они сталкивались на своей южной границе — реке Шара-Мурень (кит. — Ляохэ).

К северу от киданей жили племена шивэй. Загадочное китайское название ныне расшифровано и понято — это отуз-тары; потомки их были соперниками Чингисхана⁴².

На запад от киданей и шивэйцев, т.е. в Восточной Монголии, по берегам Онона и Керулена, жили дидэугань, а к северу от них, очевидно, уже в таежной полосе Сибири, обитало племя улохэу, этническая принадлежность которого неясна⁴³.

Все вышеописанные племена были еще в столь примитивном состоянии, что не могли принять активное участие в международной политике Дальнего Востока. В ней начиная с III века взяли на себя руководящую роль южные сяньби — муюны и северные — табгачи.

СИБИРЬ

Таежная зона, ограничивающая Великую степь с севера, и в те древние времена рассматривалась как окраина сначала хуннской, а потом сяньбийской державы. Сведений о Сибири III—V веков в китайской географической литературе почти нет, и потому приходится восстанавливать ее историю по данным археологии, что дает весьма приблизительные и отнюдь не исчерпывающие тему результаты.

Археологические раскопки в Забайкалье установили наличие хуннской культуры: могильник в Ильмовой пади⁴⁴, Дзрестуйский могильник⁴⁵ и Нижне-Иволгинское городище⁴⁶. Комплекс находок показывает, что забайкальцы имели много отличий от основной массы хуннов, живших южнее. Прежде всего обращает на себя внимание керамика: глиняные сосуды крайне неудобны для перевозки, они тяжелы и хрупки. Поэтому кочевники обычно употребляют металлическую, деревянную и кожаную (бурдюки) посуду. Здесь же керамика разнообразна — это свидетельствует об оседлом образе жизни.

Сохранившиеся кости животных указывают на преобладание в стаде рогатого скота: быков, овец, коз. Костей лошади нет, но наличие удила доказывает, что она у забайкальских племен была. Скорее всего лошадь была слишком ценна, для того

и погребать ее в могиле. Основными занятиями забайкальцев были оседлое скотоводство (бык, лошадь, баран), охота (лисица, заяц, птица), земледелие (просо) и рыболовство. Этот комплекс занятий роднит пришлых хуннов с местным населением.

Похоже на то, что Сибирь в хуннское время была местом ссылки для неблагонадежных, к которым относились пленные перелазы.

Преобладание хуннской культуры среди забайкальцев I—II вв. н.э. несомненно. Также неоспоримо, что эти племена входили в состав империи Хунну. Но были ли они хуннами по происхождению? Видимо, нет. Надо полагать, что это были аборигены Забайкалья, к которым примешивались завоеватели — кочевники, ссыльные китайцы и сяньбийское племя табгачей, бо́льшее в истории в китайской транскрипции — «тоба»⁴⁷, перекочевавшее в Забайкалье с юга в I веке до н.э.⁴⁸

Табгачи отличались от прочих сяньби обычаям заплетать косы. Этот обычай не монгольский, а тунгусский, но китайский историк уверенно называет табгачей сяньбийцами. Табгачи говорили на древнемонгольском языке⁴⁹, но находились под культурным влиянием своих соседей тунгусов. Они имели государственность несколько более развитую, чем южные сяньби: они управлялись ханами. Это табгачское слово впервые встречается в III веке н.э. Табгачское ханство было тунгусо-сяньбийской империей.

Во время великой засухи III века⁵⁰ часть табгачей пересекла Гоби и поселилась в степи восточнее Ордоса, где еще сохранились непересохшие источники. Их попытки завязать дипломатические отношения с Китаем кончились плачевно. Китайские чиновники путем интриг вызвали убийство царевича, смерть которого привела к распаду державы на три самостоятельных государства (295 г.). Один из трех владетелей, хан Ито, попытался оторваться от границ Китая. Есть сведения, что он покорил большую часть восточной Сибири более тридцати владений, расположенных между Селенгой и Обью⁵¹. Но чем кончилась его авантюра, историк умалчивает. Во всяком случае табгачского ханства в Забайкальской Сибири не возникло.

Гораздо более перспективным для табгачей оказалось стремление продвинуться на юг, несмотря на то, что империя Цзинь была сильнее не только любого из кочевых племен, но и всех их вместе взятых. Однако события потекли по такому руслу, наличие которого не мог предвидеть никто.

Хунны в Китае

- ⁴⁹ Спор о языке табгачей имеет длинную историю и большую литературу. В настоящее время бытуют две точки зрения: тюркская (*Pelliot P. L'Origine de T'ou-kiue; nom chinoise des Turks. T'oung Pao, 1915. С. 689; Journal Asiatique. 1925, №1. С. 254—255; T'oung Pao. 1925—1926. С. 79 et 93; Boodberg P. The language of the T'o-pa Wei // Harvard Journal of Asiatic Studies, 2. 1936. С. 165—185; Clauson G. Turk, Mongol, Tungus // Asia Major, New Series (vol. VIII), pt I. 1960. С. 117—118*) и монгольская (*Лугети Л. Табгачский язык — диалект сяньбийского // Народы Азии и Африки. 1969. №1. С. 116*). Я примыкаю к последней точке зрения не по лингвистическим, а историческим соображениям.
- ⁵⁰ О вековой засухе III в. см.: *Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки ВГО. Т. XVI. М.—Л., 1957; историко-географический корректив см.: Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестник ЛГУ. 1966, №18. С. 81—90; интерпретацию феномена см.: Gumilev L.N. Les Fluctuations du niveau de la Mer Caspienne // Cahier du Monde Russe et Sovietique. Vol. VI, 3. 1965. С. 333—366.*
- ⁵¹ *Remusat A. Rémergues de l'Empire Chinoise du côté de l'Occident // Mémoires sur plusieurs questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale. Paris, 1825. С. 107.*

II. Вспышка

ВОЙНА КНЯЗЕЙ

Первое время после объединения казалось, что Китай возвращает себе утраченную за время Троецарствия роль восточно-азиатского гегемона. Уже в 270 г. прибыли посольства из Карашара и Ферганы, а в 284 г. явилось посольство из самой Римской империи. В 286 г. прислал посольство Кангюй¹. В это время восстания хуннов легко подавлялись, набеги сяньбийцев отражались, с южным соседом — царством Чампа — были установлены мирные сношения. Население за полвека выросло с 7 млн до 16 млн². Все обстояло как будто благополучно. Но корни гибели начал прорастать в императорском дворце.

В 290 г. на престол вступил принц Чун (посмертный титул — Хуэй-ди). Это был человек слабый и боязливый, менее всего способный управлять огромной страной. Его жена, напротив, была энергична и свирепа. Она приказала казнить главу правительства, отца императрицы-матери и трех его братьев, ознаменовав этим начало новой кровавой эпохи (291 г.).

Попытка одного из принцев оказать сопротивление ставленникам императрицы кончилась трагически. Он был убит по ее указанию, и эта страшная женщина продолжала свирепствовать. Она уморила голодной смертью императрицу-мать и отравила наследника престола (300 г.). Но это было ее последнее преступление. Сыма Лунь, князь Чжао, возмутил солдат дворцовой стражи и захватил императрицу, которую заморили голо-

дом, а ее клеветников казнили. Власть попала в руки Сыма Луня, и тот стал пользоваться ею с такою же жестокостью и наглостью, как свергнувшая монархиня³.

Он не только лишил императора власти, но даже отправил его под стражей в ссылку. Против узурпатора составили заговор другие князья фамилии Сыма. Они низвергли его и убили, а его приверженцы после смерти вождя принесли покорность победителям (300 г.). Эта гражданская война продолжалась два месяца и стоила великое множество человеческих жизней. Однако победители немедленно начали борьбу за власть между собою. Первый правитель своей гордостью восстановил против себя князей и был убит; второй, наоборот, проявил излишнюю мягкость: заговорщики бросили его в тюрьму (где он и умер). Его погубители Сыма Ин и Сыма Юй схватились между собой.

Но не только столица была ареной борьбы страстей. В Сычуани взбунтовался губернатор Чао Синь; усмирение его мятежа подорвало финансы империи. Но мало этого, победитель Чао Синя в 302 г. захватил столицу Сычуани, город Чэнду, и объявил себя правителем области Ичжоу. Он дал своей династии название Чэнь, или Младшая Шу, и она продержалась в Сычуани до 347 г. В 296 г. восстали тибетцы и западные хунны (т.е. хунны в Хэси), но тибетцы сразу же потерпели поражение и потеряли вождя, который попал в плен. Это отсрочило катастрофу на десять лет, но она была неизбежна.

В то время как Китай раздирали ссоры принцев и гражданские войны, на северной границе сложилась следующая ситуация. На востоке, в Юго-Западной Маньчжурии, возникла крепкая держава южносибирских Муюнов с явно выраженными агрессивными намерениями против слабейшего Китая. Рядом вся Степь была объединена табгачскими ханами, еще более воинственными и столь же ретиво стремящимися на юг. Успехам табгачей мешало лишь разделение их орды между тремя ханами — Лугуанем, Ито и Илу, и связанное с этим распыление сил⁴. Это обстоятельство на время вырвало из рук табгачей инициативу, чем и воспользовались хунны.

За то время, что хунны прожили среди китайцев, в их среде произошли весьма важные перемены. Основная масса народа, продолжавшая пасти скот и спать под тонким войлоком юрт на кучах овчин, видела в соседях-китайцах чужих и неприятных людей, умных, сильных, но безусловно враждебных; им были

гораздо ближе сяньбийцы, такие же пастухи и воины, как они сами. Зато знать, привлекавшаяся ко двору императора, впитала вместе с блеском дворцов, садов и пиров китайскую культуру. Хуннские князья за несколько поколений придворной службы вошли в круг китайской аристократии, причем связи их с родными кочевьями потеряны не были. Князья помнили, что они хунны, а народ помнил их. Именно таким представителем описанного симбиоза был Юань-хай, унаследовавший от своей прабабки, китайской царевны, фамилию Лю⁵.

ВОЙНА ТРАДИЦИЙ

Лю Юань-хай был внуком предпоследнего шаньюя Южного Хунну, Юйфуло, умершего в 195 г. Отец Лю Юаня был восточным чжуки-князем; он отправил сына воспитываться ко двору императора, где тот получил хорошее гуманитарное и военное образование. Мальчик оказался способным и преуспел в науках. Вместе с тем, обладая большой силой и исполинским ростом, он стал неплохим воином⁶. Сочетание высокого происхождения, ума, таланта и связей, завязанных при дворе, доставило ему по смерти отца в 279 г. место начальника одного из пяти аймаков, а в 290 г. — главнокомандующего всех хуннов, живших внутри Китая. Биография Лю Юаня отчетливо показывает процесс окитаивания хуннской знати. Но патриотическое отношение хуннов к родным традициям не было подорвано, и они немедленно использовали ситуацию, удобную для реставрации.

Как было сказано выше, князь Сыма Ин боролся за власть с князем Сыма Юем, и оба нуждались в союзниках. Сыма Юй решил подкрепить свои силы, подняв сяньби и ухуаней, Сыма Ин оперся на хуннов. В данном случае оба они ради своего личного успеха пренебрегли интересами Китая. Но ведь вопрос шел о голове каждого из них. Они знали друг друга и не рассчитывали на пощаду при возможном поражении; события миновавших лет показали, что лучшим выходом в таком случае является легкая смерть. Сыма Ин восстал против вельмож против себя чрезмерной гордостью и строгостью. Это позволило Сыма Юю организовать против бывшего союзника заговор и даже поставить во главе своих сторонников слабовольного, тупого императора. Войска Сыма Ина захватили императора в плен, но это не много дало Сыма Ину. В 304 г. в Китае котирировалась только

военная сила, а не законная власть, потерявшая уважение и народа, и войска. Поэтому Сыма Ин был вынужден прибегнуть к помощи хуннского царевича, чтобы противопоставить реальную силу хуннов столь же реальной силе сяньбийцев, призванных на свою сторону его противником.

Лю Юань, номинально числясь верховным правителем хуннов, находился в ставке Сыма Ина, который хотел, очевидно, использовать авторитет своего приближенного среди его соратников, но отнюдь не доверял ему. Попытка Лю Юаня получить отпуск для участия в похоронах своего родственника не имела успеха. Но активизация враждебных Сыма Ину князей — Сыма Гун и Ван Цзун — заставила его принять предложение хуннского царевича доставить ему головы противников. Он отпустил Лю Юаня вместе с сыном Лю Цзунем в родные кочевья. Хунны приняли своего родового вождя с восторгом, провозгласив его великим шаньюем, и через двадцать дней 50 тыс. воинов⁷ сидели на конях, чтобы «оружием возратить утраченные права»⁸.

Вокруг Лю Юаня сплотились не только ревнители седой старости и славы предков или люди, получившие китайское образование, но продолжавшие мечтать о создании собственного государства, в котором сочеталась бы хуннская доблесть с китайской образованностью; к Лю Юаню примкнули и массы простых хуннов и кулов (цзылу), некогда связавших свою судьбу с хуннскими шаньюями. Произвол китайских чиновников, злоупотребления в китайских судах, обманы при торговых сделках, наконец продажа хуннов в рабство — все это вызвало в кочевниках ожесточение против всего китайского⁹. Эту армию не было бы подталкивать и воодушевлять на бой — ее просто было невозможно удерживать. На счастье Лю Юаня, бывшего неплохим политиком — и только, в хуннских кочевьях нашелся идеолог движения, его родственник по линии матери Лю Сюань. Управляя уделом Лю Юаня, пока тот блистал при дворе, Лю Сюань успел многое увидеть и обдумать. Он посвятил соплеменников в свои патриотические замыслы. «С тех пор как исчезла династия Хань, наши шаньюи носят пустые титулы без реальной власти. А ведь у нас есть 20 тысяч воинов¹⁰. Лю Юань мудр и храбр. Если бы Небо не хотело нас выручить, оно не произвело бы на свет такого человека. Фамилия Сыма уничтожает сама себя. Империя рухнула. Времена напоминают эпоху Хухань¹¹, когда наши предки захватили себе выгодные пози-

дии». Убежденные этой программой, хуннские старейшины без колебаний избрали Лю Юаня великим шаньюем, но тот удивил их несказанно.

Первым поступком Лю Юаня, повлекшим за собой огромные последствия, было объявление войны сяньбийцам, грабившим китайское население. Несмотря на изумление своих старейшин, прямо заявлявших ему, что сяньби ближе и роднее им, чем китайцы, Лю Юань отогнал сяньбийцев от китайских границ и заявил, что он воюет только «против дурного правительства, а не против китайского народа»¹². Этот поступок определил дальнейшую судьбу возрожденной державы Хунну. С этого момента хунны и сяньби стали смертельными врагами. Но могла ли быть эффективной поддержка китайцев? Ни в коем случае! Китайская знать была связана с фамилией Сыма и уже поэтому не могла войти в союз с врагом династии. Народные массы стали жертвой восставших кочевников, а это было хуже даже беспорядочного цзиньского управления. На службу к хуннскому шаньюю пошли лишь деклассированные и деморализованные люди, их поддержка была скорее вредна, чем полезна; кроме того, они тоже не забывали, что они китайцы, и при случае рады были нанести хуннам удар в спину. Наконец само хуннское общество оказалось расколотым на два лагеря — аристократический и демократический. И вот что из этого вышло.

В 304 г. великий шаньюй принял титул ван и дал своей династии китайское название Хань, подчеркивая свое китайское происхождение по женской линии и ссылаясь на бывшее величие дружбы Хань и Хунну¹³. Затем он провел полную реорганизацию управления, заменив старую хуннскую родовую систему системой китайского образца. «Правый» и «левый» князья превратились в первого и второго министров.

Были изменены порядки в армии: категорически воспрещалось грабить и обижать население. Это соблюдалось настолько строго, что хуннский предводитель, казнивший коменданта взятой крепости и его жену, отказавшуюся разделить ложе с убийцей мужа, был понижен в чине. Еще характернее другой случай: однажды хунны стеснили китайскую армию и, загнав ее в реку, перетопили. Лю Юань заявил, что этого не нужно было делать, так как он воюет против правительства, а не народа, и уволил победившего военачальника¹⁴.

Эта гуманная политика была непонятна хуннам и не могла

примирить с ними китайцев. Начатая война неизбежно принимала жестокие формы в соответствии с нравами и темпераментом обоих этносов.

Ближайшими сподвижниками Лю Юаня стали два талантливых полководца — Лю Яо и Ши Лэ. Лю Яо происходил из рода шаньюев, был прекрасно образован и начитан в истории, философии и литературе. Вместе с тем он был силен, вынослив, храбр, но отличался пристрастием к рисовому вину. Его уважали и боялись.

Ши Лэ был сын неизвестных родителей, родным его языком был хуннский. В детстве он принадлежал к числу кулов и добыл свой хлеб, батрача на китайских помещиков, а затем был схвачен принцем Сыма Тэном и продан в рабство в Шаньдун¹⁵. Не стерпев обиды, Ши Лэ бежал, присоединился к шайке разбойников, затем возглавил их и наконец оказался в рядах войск Сыма Ина, врага своего обидчика.

Надо сказать, что гражданская война между принцами фамилии Сыма была весьма жестокой, но беспрограммной. Это кажется очень странным, учитывая ожесточение войск. Понятно, что князья враждовали друг с другом, но почему рядовые воины жертвовали жизнью ради честолюбия князей, надо объяснить. Вспомним, что фамилия Сыма возглавила профессиональных солдат, которых во время Троецарствия развелось очень много. При всех их дурных качествах они хранили отработанный стереотип поведения, заключавшийся в военной черноте вождю, который кормил и холил их, а все принцы фамилии Сыма были военными правителями своих областей. Поэтому войска шли за вождями, не интересуясь целями войны; вожди оплачивали их за счет поборов с населения, а последнее страдало, обираемое обеими враждующими сторонами и мало интересующаясь вопросом, кто возьмет верх. Так же равнодушны к политике были сяньбийцы, явившиеся в Китай ради грабежа, и хунны, тяготившиеся китайским гнетом и несправедливостью. Единственной гарантией сохранения верности слову, обещанию или клятве были личные отношения, потому-то Сыма Ин и постарался задобрить Лю Юаня, надеясь, что хуннские всадники пойдут за своим шаньюем так же безропотно, как китайские воины за принцем. Это была его ошибка. Хунны хранили традиции родового строя, и управлять ими мог только человек, который соглашался делать то, что было нужно народу. А Сыма Ин хуннам был не нужен.

Надо отдать должное Лю Юаню: он совместил китайскую этику верности императору и хуннскую программу освобождения народа. Как соратник Сыма Ина он стал выгонять из Китая сяньбийских сторонников Сыма Юя; как хуннский вождь он начал войну против правящей в Китае клики. Но противники опередили его. Сын Сыма Юя, Сыма Тэн, и полководец Ван Цзун наголову разбили войска Сыма Ина, который смог избежать плена лишь потому, что победители вместо преследования предались грабежу.

В следующем, 305 г., сторонники Сыма Юя, опираясь на сяньбийские отряды, взяли вторую столицу империи — Чанъань. Сяньбийцы учинили там небывалую резню китайского населения, которому пришлось расплачиваться за преступления правившей клики. Династия Цзинь была виновата перед своим народом уже в том, что во внутренней войне ведущая роль от китайцев перешла к воинственным кочевникам, сражавшимся на обеих сторонах.

В 306 г. Сыма Ин был окончательно разбит и взят в плен. Его убили в тюрьме, а императора, находившегося дотоле в стане Сыма Ина, угостили отравленным пирогом. Сыма Юй стал гегемоном империи и возвел на престол угодного ему принца — Сыма Чжэ (посмертный титул — Хуай-ди). Хунны же за истекшие два года успели организовать и накопить силы.

Хотя победа клики князей была полной, Китай покоя не обрел. Рассеяных воинов Сыма Ина собрал и объединил под своим командованием один из его соратников, Цзи Сан, выдвинувший лозунг мести за Сыма Ина. К нему примкнул Ши Лэ со своим отрядом. В 307 г. мятежники осадили город Е, где после победы поселился Сыма Тэн, известный своей алчностью и богатством. У Ши Лэ были с этим принцем личные счеты, ведь это он когда-то незаконно схватил Ши Лэ и продал в рабство.

Сыма Тэна сгубила жадность. Почувствовав опасность, он выделил своим соратникам немного риса и ткани, но так мало, что те возмутились крохоборством и открыли ворота мятежникам¹⁶. Сыма Тэн был убит, пережив своего злейшего врага Сыма Ина всего лишь на один год.

Этот на первый взгляд малозначительный эпизод совпал с переломным моментом в истории Китая и хуннов. Летом 307 г. война князей приняла форму социальной борьбы внутри китайского господствующего класса, ибо рядовые солдаты и офи-

они потребовали права участвовать в разделе богатств, права мстить за убитого полководца, права совершать самостоятельные поступки, которые им представлялись справедливыми. Сосисские войны перестали быть марионетками в руках князя. Это означало, что князья начали терять свободу дейст-

с другой стороны, социальная борьба, в которой еще были элементы компромиссы, осложнилась межэтнической войной и разрушением. Войны Ши Лэ, кулы, говорили по-хуннски и ненавидели китайский гнет не меньше, чем прирожденные хунны. Камнигуляция перед могучим Китаем означала для каждого хунна либо мучительную смерть, либо жестокое рабство. Они шли драться до конца.

Можно думать, что Сыма Юй оценил серьезность мятежа, поэтому что послал на его подавление лучшие регулярные войска. Через два месяца после взятия города Е Ци Сан был разбит и убит во время бегства. Беглецов не щадили. Количество жертв исчислялось в 10 тыс. человек. Только Ши Лэ сумел вывести свой отряд с поля боя и переправить его за Хуанхуннские земли. Лю Юань принял бывшего разбойника с милостертыми объятиями, зачислил вместе со всем отрядом в войска и наградил пышным титулом «Разрушитель Цзинь». Этим Лю Юань еще раз подчеркнул, что он собирает войска только против плохого правительства, тогда как весь его народ хотел воевать против китайцев, не разбирая их политических симпатий. В этих довольно сложных условиях Ши Лэ сориентировался достаточно быстро. Он стал воевать за интересы своего отряда.

ВОЙНА НАРОДОВ

В 307 г. война, опустошавшая Северный Китай, вступила в новую, еще более грозную фазу. До тех пор население было жертвой бесчинств разнузданных солдат, сейчас к этому прибавилось ожесточение оскорбленных хуннов. Беспощадность стала знаком времени.

Положение на фронте, пролежавшем в южной части Шаньси, было крайне напряженным. Весной 308 г. хуннская конница попыталась осадить Лоян, где находился двор императора, но была отогнана регулярными войсками и в беспорядке отошла на север.

Лю Юань, не смутившись этим, провозгласил себя императором Китая, объявил столицей новой империи город Пиньян и возвестил об истребительной войне против династии Цзинь и фамилии Сыма.

В 309 г. хунны нанесли китайцам несколько поражений, из них самое жестокое в битве на берегу Хуанхэ. Около 30 тыс. китайцев были загнаны в реку и утонули. Вслед за тем принц Лю Цун и воевода Ши Лэ разрушили крепость Хугуань. Развивая успех, хунны снова напали на Лоян, но в ночном бою у ворот столицы один из корпусов осаждавших был разбит наголову, а другой, руководимый Лю Цунем, отошел в порядке. Казалось, что успех склоняется на сторону Китая, но Лю Цун отправил на юг отряд конницы под начальством Ван Ми. И тут-то сказались последствия хозяйничанья дома Цзинь. Народ, натерпевшийся бед во время «войны восьми принцев», поднялся против правительственных чиновников, перебил их и подчинился хуннскому полководцу, не потерявшему за время этого похода ни одного воина¹⁷. Владения хуннской империи Хань простерлись до реки Хуай, но на северо-востоке область Ючжоу (около Пекина) оставалась верной династии Цзинь. Правитель Ючжоу Ван Сюнь разбил хуннский отряд принца Лю Цуна, но в дальнейшее наступление не перешел.

Накануне грядущих успехов своего народа в шестидесятилетнем возрасте скончался Лю Юань. Он завещал престол не доблестному Лю Цуну, который был его вторым сыном, а старшему сыну Лю Хо, бездарному, грубому и малодушному. Видимо, тут сказались китайские представления о старшинстве в фамилии, воспитанные принципы, в жертву которым была принесена реальность. Вокруг Лю Хо немедленно появились наушники, клеветавшие на младшего брата, оставшегося по завещанию отца главой армии. Лю Хо решил избавиться от слишком популярного брата, но не нашел поддержки среди военных. Тогда клеветники, собрав отряд, попробовали напасть на Лю Цуна. Они были разбиты. Лю Цун с верными войсками преследовал их до ворот дворца, настиг и истребил (вместе с вероломным братом), после чего, к всеобщей радости, сел на отцовский престол.

Аналогичные трудности возникли и в Лояне. Новый император, Сыма Чжэ, попытался управлять самостоятельно и тем вызвал неудовольствие своего министра Сыма Юя, более могущественного, чем сам император. Последний, зная ситуацию,

приблизил к себе Гао Си, врага Сыма Юя. Дворцовые интриги продолжали разъедать Китай, что непосредственно отразилось на событиях.

В 311 г. Сыма Юй в полном вооружении вошел в покои императора и предложил прикончить шаньюя (титул хуннского вождя), на что император, конечно, согласился¹⁸. Сыма Юй завладел с собою последнюю регулярную армию и двинулся против Ши Лэ, в котором он с полным основанием видел убийцу своего сына. Столица осталась беззащитной. В ней царил голод, в области, снабжавшие Лоян продуктами, находились в руках пиров. Начались ночные грабежи, и тогда-то Гао Си обвинил всех бедах отсутствовавшего Сыма Юя.

Император ненавидел Сыма Юя и разрешил Гао Си делать то, что тот сочтет нужным. Гао Си арестовал и казнил двух близких друзей министра. Сыма Юй, узнав о предательстве и бегстве, умер от сердечного приступа, передав командование своему другу, историку Ван Яну. Ну какой из историка генерал?! Он сам понимал, что это ему не по плечу, и готов был отступить, но не нашел себе замены. Тогда он повел войско на север, чтобы похоронить Сыма Юя в его родовом поместье.

Как только Ши Лэ узнал об этом, он со всеми войсками направил на погребальную процессию, в которую превратилось могучее войско, окружил ее и изрешетил стрелами. Не спасся почти никто. Ван Ян и 48 принцев фамилии Сыма попали в плен к бывшему рабу. Все они были казнены, а труп Сыма Юя сожжен.

Как только весть о катастрофе достигла Лояна, Гао Си заявил императору, что у него нет средств для обороны столицы, и посоветовал бежать. Но было поздно. Во дворце не нашлось ни колесницы, ни лошадей, а голодные жители города грабили и убивали друг друга. 27 тыс. хуннской конницы подошли к Чонну, рассеяв по дороге остатки китайских войск. Хунны заняли город, не понеся потерь, и первым делом сожгли все существенные присутствия. Они захватили дворец, убили наследника престола, а затем учинили резню. Около 30 тыс. китайцев погибли. Император переодетым бежал из дворца и сумел вырваться из города, но предатели сообщили хуннам, по какой дороге он пошел, и те без труда поймали одинокого пешехода¹⁹. Это был первый в истории случай, когда китайский император живым достался в руки иноземного врага.

Гао Си, истинный виновник разгрома, бежал на юго-восток и на скорую руку создал новое правительство. Хунны не стали

преследовать этот призрак старой власти, а устремились на запад — к богатой Чанъани, второй столице империи. Комендант Чанъани, Сыма Му, выслал войско, чтобы запереть горный проход из Хэнани в Шэньси, но командир отряда, изверившись в династии Цзинь, перешел на сторону хуннов и провел их войско к Чанъани. В осажденном городе не было ни оружия, ни провианта. Не ожидавший ниоткуда помощи Сыма Му сдался и был казнен. Хуннские мечи и голод превратили богатую долину реки Вэй, житницу Северного Китая, в обширное кладбище²⁰.

После взятия Чанъани Ши Лэ со своим войском совершил бросок в низовья реки Хуай и ликвидировал Гао Си вместе с его правительством, за что получил титул «Великого полководца империи Хань». Завоеванные территории остались под его управлением, хотя и не юридически, но фактически.

Консолидации китайских сил, еще значительных на юге страны, помешало восстание беженцев из Ганьсу, которых власти пытались заставить вернуться обратно, несмотря на то, что там в 310—311 гг. проходили активные военные действия. Несчастные беженцы, предчувствуя неминуемую гибель, сочли собственную династию менее страшным врагом, нежели хуннов, и отказали ей в повиновении. Восстание было подавлено только в 311 г.²¹ Оно сыграло роль диверсии в пользу хуннов, хотя было вызвано исключительно произволом и бездарностью цзиньских военачальников. После разгрома восставших китайцы двинули армию на Чанъань и в 312 г. вытеснили оттуда хуннские войска Лю Яо. Победа и возвращение одной из столиц позволили китайцам короновать нового императора с соблюдением упрощенного церемониала, так как законный монарх был еще жив.

По воззрениям того времени, императорский титул был пожизненным. Отсутствие императора, как и захват его иноплемениками, не были предусмотрены законом, потому что такие явления представлялись невозможными. Но когда это произошло, а потребность в законной власти даже возросла, то новый император стал как бы «исполняющим обязанности» до гибели прежнего, которая была неизбежна. По сути дела эта коронация была вызовом хуннам. После этого война вступила в новую фазу.

Впечатление от падения столицы было поистине ошеломляющим. Оно потрясло даже сердца согдийцев, имевших в то вре-

ми постоянные торговые связи с Китаем. Некий Наной-вандак сообщил своему «господину» о судьбе своих соотечественников, пришедших «изнутри» (Китая), и о том, что они рассказывают. Император, так они говорят, убежал из Сарага (Лояня) из-за голода, и его дворец и крепость были в огне... Так, Сарага больше нет, Нгапа (Кай-юань в Хэнани) больше нет! Кроме того, тогда (император был пленен) хуннами. И они... Хумдан (Чаньань), и разграбили страну до Ныныма (?) и за Нгапу — те хунны, которые вчера были подданными императора. Тогда, господа, мы не знали, будет ли способен остаток китайцев выдержать хуннов из Хумдана или они займут ту остальную страну²¹. Дальше текст письма сохранился фрагментарно, но видно, что симпатии соглядца не на стороне хуннов. Да это и понятно: нелегко наблюдать, как вокруг прекрасной столицы голодные жители варят человечину, как угоняют для переселения десятки тысяч беззащитных людей — так сделал Лю Яо, покидая Чаньань в 312 г. А кровожадность названного брата Ши Ця, Ши Ху, взявшего весной 313 г. город Е, вызвала отвращение у самих хуннов²³.

Все это так, но сколько же понадобилось обид и притеснений, чтобы вызвать такую дикую вспышку ненависти! Страшно всего здесь то, что за произвол и насилия вельмож империи лишь расплачивались крестьяне и горожане, их беззащитные жены и маленькие дети, неповинные в причинах, обрекавших их на гибель.

ТАИМЕН

Для понимания событий нам придется вернуться на два года назад в северную Шаньси, на границу ее с Великой степью. На пограничной крепости, на месте современного Чжэньцзяо стояли регулярные войска Китая, не принимавшие участия в войне князей и не затронутые общим разложением империи Цзинь. Ими командовал толковый и добросовестный полководец Ли Кунь, верный долгу и родине. Южнее его крепости располагались поселения хуннов, принадлежавших к одной из ветвей этого народа. Руководивший ими князь Лю Юань (имевший резиденцию в Чжуншани (северная Шаньси, север Китайской стены), не проявлял большой активности в разгоревшейся войне. Зато после его смерти его сын Лю Ху объявился с племенем «белых» сяньби и объявил себя вассалом

Лю Цуна. Этим он изолировал пограничные войска Ли Куня от остального Китая.

Ли Кунь понимал, что удержать свой пост одними собственными силами невозможно. Поэтому он обратился за помощью к табгачам, кочевавшим в Великой степи севернее китайской степи. Табгачский хан Илу был весьма обрадован возможностью захватить кусок китайской земли с помощью самих китайцев. Он отправил в поход своего племянника Юйлюя с двадцатитысячной конницей. Ли Кунь со своим отрядом шел в авангарде как проводник. Лю Ху был разбит в 311 г., а его союзники — «белые» сяньби, покинув хуннские знамена, откочевали из окрывавленной Шаньси на запад, к нагорным пастбищам вокруг озера Кукунор. С ними мы еще не раз встретимся при описании дальнейших событий. Что же касается Ли Куня, то победа над хуннами обошлась ему чересчур дорого. Табгачский хан потребовал от китайского полководца, чтобы тот вместе со всей охраняемой им областью подчинился ему.

Ли Кунь принужден был согласиться. Он обратился к своему правительству с просьбой пожаловать обретенному союзнику титулы Великого шаньюя и князя княжества Дай, которое было искони населено китайцами и находилось южнее Китайской стены. Однако княжество Дай подчинялось не Ли Куню, а наместнику Ючжоу (область вокруг современного Пекина), Ван Сюню. Тот воспротивился распродаже китайской земли, считая, что лучше быть ограбленным врагами, чем друзьями. Однако он также был разбит, и Илу получил кусок китайской территории, правда, без людей, которых предварительно вывели и переселили. После этого цзиньское правительство от услуг Илу отказалось и вежливо попросило его удалиться. Китайцы надеялись справиться с хуннами силами своего верного вассала — Дуань, с которыми было легче столкнуться. В 311 г. пятидесятитысячная дуаньская армия осадил войска хуннского полководца Ши Лэ в крепости Сянго²⁴.

В начале 312 г. Ши Лэ сделал вылазку и захватил в плен дуаньского принца Мобо. Ши Лэ проявил старые хуннские качества: пригласил пленника на пир, угостил его и отпустил с миром. Растроганный князь Дуани немедленно снял осаду и вернулся домой. Несчастливым китайцам пришлось опять обращаться к табгачам.

Тоба Илу не отказал, и в 312 г. 200 тыс. (?) табгачей выступили в поход²⁵. Хуннский полководец Лю Яо был разбит и сам

получил семь ран. Хунны отступили, ночью перевалили через горы, поросшие лесом, и попытались оторваться от противника. Однако табгачи нагнали их в узкой горной долине и вынудили принять бой, быстро превратившийся в избиение. Хуннские трупы устилали землю на 100 ли (около 45 км) пути отступления.

Ли Кунь просил Илу продолжать наступление, но Илу категорически отказался, сославшись на усталость ратников и коней. На самом деле он не хотел усиления Китая, а разбитые хунны не казались ему страшными. Это спасло хуннов. В 315 г. Илу погиб от руки своего сына, победителя хуннов, которого отец хотел лишить наследства и убить. Того убил двоюродный брат, и распри ханов остановили продвижение табгачей. Новый энергичный хан Юйлюй обратился к западу и в 318 г. захватил «древние усуньские земли»²⁶, но в 321 г. был убит заговорщиками. Хунны за это время оправались от поражения и восполнили потери на севере приобретениями на юге.

Описанный эпизод показывает, что китайцы уже в начале IV века оказались не в состоянии оборонять свои исконные земли. Шаньси стала полем соперничества двух кочевых племен, перенесших свои давние распри на новую территорию, с населением которой они не считались. Соотношение сил определялось исключительно численностью конных стрелков и талантами полководцев, а также степенью порядка в ставке табгачского хана или хуннского шаньюя. Именно порядка особенно не хватало чрезмерно неукротимым табгачам, энергия которых часто обращалась против своих же вождей, тогда как хунны за свою долгую историю научились подчинять свои чувства интересам общего дела, так что управлять ими было относительно легко.

ПОЙНА ИМПЕРИЙ

Если на севере, в степях Ордоса и Чахара, на границе пустыни Гоби, хуннский монарх предстал как Великий шаньюй, то на юге, для завоеванных провинций, он являлся императором династии Хань, претендовавшей на традиционную законность. Правда, последняя была более чем сомнительна. Полуфантастичное происхождение Лю Юаня и Лю Цуна, да еще по женской линии, никого не обманывало, но ведь и династия Цзинь была не благо. Поэтому нашлось немало китайцев, которые ум-

ножили войска Лю Цуна, руководствуясь, без всякого сомнения, личными интересами. Хунны смотрели на это сквозь пальцы, потому что с 313 г. китайцы начали контрнаступление по всему фронту.

Потеря Чанъани в 312 г. не принесла хуннам большого ущерба, потому что чрезмерно растянутая линия фронта сократилась, что позволило хуннам легче маневрировать своей прекрасной конницей. Куда большую ошибку допустил сам Лю Цун, казнив пленного императора, заподозренного в сношениях с табгачами. Этим он развязал руки южанам, немедленно объявившим нового принца из дома Сыма императором Минь-ди, ибо, по учению Конфуция, два императора не могут существовать одновременно, как на небе всегда сияет только одно солнце. Бедный Минь-ди был вынужден начать свое правление на развалинах прекрасного города, поросших травой и бурьяном. Около сотни уцелевших семей ютились в разрушенных домах вокруг уцелевшей цитадели. У чиновников и офицеров не было ни одежды, ни оружия, ни печатей, а пищу они добывали, собирая съедобные растения. Но людей в Китае было много, и вскоре Чанъань отстроилась заново. Минь-ди осмелел и издал указ о немедленном подавлении мятежа хуннов. Указ содержал даже диспозицию, согласно которой Ван Сюнь из Ючжоу должен был ударить на Лоян с востока, принц Сыма Жуй — с юга, а войска княжества Лян (западная часть Ганьсу) — с запада²⁷. Никто из полководцев не тронулся с места, зато хунны получили законный повод для возобновления наступательных операций.

В 313 г. хуннский конный отряд подошел к Чанъани ночью и зажег город. Жители разбежались, а император укрылся в цитадели, которую хунны немедленно осадили. Но, прекрасные конники, они не умели брать крепости и ограничивались блокадой. Китайская армия двинулась на выручку императору. Навстречу ей Лю Яо подтянул большие силы и нанес китайцам поражение. Однако, увлекшись успехом, он ослабил бдительность, и один из китайских офицеров собрал рассеявшихся после битвы воинов и напал на хуннский стан. Урон среди неготовых к бою хуннов был таков, что Лю Яо снял блокаду и оттянул войска для реорганизации. Империя Цзинь была на некоторое время спасена. Кажется странным, что Минь-ди был покинут большей частью подданных, незадолго перед тем добровольно признавших его императором. Но Сыма Жуй, пра-

Южным Китаем, был по горло занят войной с южным народом. Там продолжалось восстание беженцев из южного Китая и из Сычуани, где против китайского гнета встало племя бади. Население платило жизнью за прощения, но, даже успев убежать от варваров, оно не получило помощи, ни поддержки в Центральном Китае. Тогда южные люди восстали и боролись до тех пор, пока их не победил Сыма Жуй, вынужден был бросить Северный Китай на произвол судьбы. Это было на руку хуннам. Император Ючжоу Ван Сюнь учел трагичное положение своих подданных и решил объявить себя самостоятельным государем. Он отстранил от власти коррумпированных и преданных вассалов, желавших сохранить верность в чинах и помыслил себя в безопасности. Ши Лэ, зная самоуверенность своего наместника, написал Ван Сюню жалостное письмо, в котором просил его убежища от опалы, разумеется, мнимой. Ван Сюнь согласился на переговоры депутацию, один из членов которой предложил хуннскому полководцу предать Ван Сюня. Ши Лэ использовал голову изменника в Ючжоу, чем окончательно убедил Ван Сюня в чистоте своих намерений. Когда договоренность достигнута, Ши Лэ прибыл к Ван Сюню и приказал стражникам впустить его в город. Тот, видя, что хуннов мало, открыл ворота, и тогда хунны погнали сквозь них стадо скота в подарок. Следом вошли воины и заняли город без боя. Ши Лэ ударил Ван Сюня по лицу, обозвал предателем и через несколько дней отрубил ему голову, а негодяи, на которых Ван Сюнь надеялся, сдались новому господину. Так в 314 г. был ликвидирован плацдарм династии Цзинь в Северо-Восточном Китае. Верные императорскому правительству войска держались только в Ляодуне, и то потому, что с запада их прикрывала единственная держава Дуань.

Ю Яо, услышав про успехи Ши Лэ, вспомнил о своей неопытности под Чанъанью и добился разрешения повторить поход на хуннскую столицу. Китайцы на этот раз мужественно вышли на встречу хуннам, и атака хуннской конницы захлебнулась. В рукопашной схватке пехотинец всегда сильнее всадника. Поэтому хунны, ворвавшиеся в ряды китайской пехоты, не смогли отступить назад и почти все погибли. Китайцы перешли в наступление, преследовали хуннов до Бэйди и добились одного из их городов, отстояв столицу.

Ю Яо поклялся отомстить. Весь последующий 315 год он

войн была последствием раскола страны, подготовленного миновавшим блеском империи Хань. И даже война князей фамилии Сыма была неизбежна, ибо каждый из них был вынужден защищаться от соперников, а соперничество было неотъемлемой частью их солдатской природы, где стремление к власти не обуздывается культурой и образованностью.

Хунны из крошечного раздробленного племени, беспощадно угнетаемого и обижаемого, превратились в хозяев обширной страны, которую они перед этим залили кровью. Но как обвинить их за это? На жестокую войну их толкнула жажда справедливости, поруганной китайскими вельможами. Но, проявившись, она превратилась в жажду мщения, и пострадали не столько угнетатели, сколько незащитный народ. Особенно развернулись хуннские кулы, составившие наиболее боеспособные и свирепые части хуннской армии. Опьяненные победами, они выместили на китайском населении свои обиды и принесли ему столько горя, что установление мира между народами, населявшими Срединную равнину, стало не только невозможным, но и неприемлемым для обеих враждующих сторон. И это не было продуктом злой воли хуннских вождей или легкомыслия китайских сановников. Сама логика событий вела к тому, чтобы из вспышки освободительного восстания одного из хуннских племен разгорелся костер войны нескольких больших народов. Чтобы понять трагичность коллизии, возникшей на берегах Хуанхэ, вспомним несколько тезисов из нашего этнологического «Введения».

Наследники кочевой державы Хунну — хунны и сяньбийцы — и потомки создателей империи Хань принадлежали к разным суперэтническим целостностям. Одни воспитались в суровых сухих степях и предгорьях Центральной Азии, другие — в мягком климате, среди бамбуковых зарослей и лессовых полей. Для одних друзьями были животные, для других — растения. Одних защищал от врага род, других — государство. Сообразно всему накопленному и передаваемому из поколения в поколение опыту кочевники и китайцы сложились в разные, непохожие друг на друга суперэтнотипы, с разными стереотипами поведения и разными системами отсчета повседневных идеологических понятий. Произносятся такие слова, как верность, честность, дружба, благодарность и т.п., хунн вкладывал в них один смысл, а китаец — другой. В каждом отдельном случае нюансы трудноразличимы, но в больших количествах они бросаются в

глаза и сообщают этническим целостностям те особенности, которые ныне называют этнопсихологией³⁰. Насколько это было существенно для судеб этносов, мы увидим ниже, а здесь отметим, что, пока хунны и китайцы жили раздельно, каждый своим бытом, войны между ними не были столь ожесточенными, а компромиссы, наоборот, достигались часто и надолго.

Но для того чтобы объяснить грандиозную победу хуннов, необходимо учесть особенность этнологического характера. Не следует думать, что один китаец в IV веке был худшим воином, чем один хунн. Часто могло быть наоборот, но хуннская этническая система имела большее напряжение, нежели китайская, и потому хунны побеждали. Здесь наблюдается та же коллизия, которую отметил Ф.Энгельс, упоминая о египетском походе Наполеона Бонапарта, когда два мамлюка были сильнее трех французских драгунов, но тысяча французов — сильнее тысячи пятисот мамлюков³¹. Итак, после детального изучения хода событий можно с уверенностью сказать, что не сумма случайностей, а историческая закономерность была причиной победы хуннов.

А так ли уж велика была сила победоносной хуннской империи Лю Хань?³² Нет, этот колосс стоял на глиняных ногах. Не говоря уже о том, что большая часть населения состояла из кинйцев, хунны и их кулы были разными этносами, несмотря на то, что они говорили на одном языке. Хунны сохранили свою родовую структуру, которой никогда не было у их кулов. Хунны управлялись знатными, а кулы способными людьми. Хунны чтвили древние традиции, а у кулов их не было и не могло быть, потому что их этнос возник из разноплеменных людей, связанных только исторической судьбой. Между этими двумя этносами не могло возникнуть полного взаимопонимания и доверия, и недаром умный Лю Цун опасался успехов своего лучшего полководца Ши Лэ³³, одновременно прощая неудачи высокородного Лю Яо.

И наконец, новорожденная империя не могла обойтись без услуг образованных китайцев, и один из них, Цзинь Чжун, сделался министром империи Лю Хань. Иными словами, представитель побежденного народа стал правителем своих победителей. Последствия такой расстановки сил не замедлили отразиться на ходе истории.

Хунны в Китае

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Cordier H. Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers. T. I. Paris, 1920. С. 302 (далее — Cordier...).
- ² Шан Юэ. Очерки... С. 128.
- ³ Mailla J.A.M. Histoire générale de la Chine, ou annales de cet empire traduites du Toung-Kien-Kang-Mou, père Joseph-Anne-Marie de Moriac de Mailla Paris, 1777—1785.
- ⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 169.
- ⁵ Mc. Govern. The early empires of Central Asia. London, 1939. С. 315 (далее Mc. Govern...).
- ⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 139.
- ⁷ Wieger L. Textes historiques, Hien-Hien, 1905—1907. Т. II. С. 1047 (далее Wieger...)
- ⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 139.
- ⁹ Шан Юэ. Очерки... С. 135.
- ¹⁰ Лю Юань повел в поход 50 тыс. Очевидно, уже тогда хунны в его армии были в меньшинстве.
- ¹¹ Хуханье-шаньюй, в 52 г. до н.э. подчинившись Китаю, выторговал для хуннов довольно выгодные условия (Гумилев Л.Н. Хунну. С. 163—164). Отсюда можно заключить, что Лю Сюань хотел добиться для хуннов автономии и изоляции от китайского произвола. Он предлагал установить союз с сяньбийцами, которых считал братьями «по нравам и расе» (Wieger). Лю Юань этой части программы не принял, потому что предпочел добиваться создания императорской династии по китайскому образцу. Пожалуй, программа Лю Сюаня больше отвечала чаяниям и потребностям хуннского народа и давала реальные перспективы продолжительного существования в качестве изолированной державы на рубеже Китая и Великой степи, но Лю Юань был излишне честолюбив, а его единомышленники — мстительны и алчны, да и поле для грабежа им было открыто. Поэтому история хуннов пошла по необратимому пути, который мы и проследим дальше.
- ¹² Mc. Govern. С. 318.
- ¹³ Н.Я. Бичурин, Собрание сведений..., т. I. С. 139.
- ¹⁴ Mc. Govern. С. 319.
- ¹⁵ Шан Юэ. Очерки... С. 135.
- ¹⁶ Mailla. Т. IV. С. 253; Wieger. С. 1049.
- ¹⁷ Mailla. Т. IV. С. 258.
- ¹⁸ Wieger. С. 1053—1054.
- ¹⁹ Mailla. Т. IV. С. 265.
- ²⁰ Wieger. С. 1056.
- ²¹ Шан Юэ. Очерки... С. 130.
- ²² Henning W.B. The Date of the Sogdian ancient Letters // Reprinted from the BSOAS. 1948, XII (3 and 4). С. 605—607.
- ²³ Ibid. С. 608—613.
- ²⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 211.
- ²⁵ Там же. С. 170. Цифра 200 тыс. безусловно завышена; здесь, как во многих других случаях, учтен коэффициент боеспособности.
- ²⁶ Предгорья Наньшаня до Дуньхуана (см.: Гумилев Л.Н. Хунну. С. 69—70).

1. IV. 176.
2. III. *Или Юэ. Очерки...* С. 130.
3. II.
4. I. Тема национального характера // В кн.: *История и психология (статей)*. М., 1971. С. 122—158.
5. II. *Или Ф. Сочинения: Изд. 2. Т. 20. С. 131; т. 14. С. 319.*
6. I. Очерки воспринимают историю не как единый процесс, а как ряд отдельных процессов, где единица определяется династическими терминами: Цянь — Старшая, или Ранняя, и Хоу — Поздняя, Бэй — Северная, Нань — Южная, Дун — Восточная, или родовыми наименованиями: Лю-Хань, Тоба Вэй и т. д. Таким образом, пестрота событий введена в строгую систему, отвечающую хронографическим представлениям весьма высокого уровня. См.: *Гумилев Л.Н. Китайская хронографическая терминология в истории Китая* // В кн.: *Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Центральной Азии*. Чебоксары, 1960. С. 643—673; *Гумилев Л.Н. Этнос и культура восточных славян* // Доклады ВГО, вып. 15. Л., 1970. С. 143—157.
7. I. IV. С. 286.

III. Костер

ГИБЕЛЬ ДИНАСТИИ

После 317 г. счастье покинуло хуннов. Попытавшись продвигнуться на юг до берегов Янцзы, они натолкнулись на отпор южных китайцев. Внезапное нападение на стан хуннского наследного принца Лю Цаня принесло китайцам победу. В ночном бою погибла половина хуннского отряда, вторая половина разбежалась, и китайцы получили огромную добычу лошадьми и рогатым скотом. Реальных последствий эта стычка не имела. Когда подошли главные силы хуннов, китайский полководец приказал переколоть захваченных коней и быков и оттянул за Янцзы свое войско. Однако этот эпизод показал беспомощность и бездарность наследника престола.

В 318 г. хуннскую династию постигла большая беда. Сгорело одно из крыльев дворца, и в огне погибли 20 членов фамилии Лю. Это была большая потеря, потому что погибли люди безусловно верные и нужные, заменить их было очень трудно. К несчастью для хуннского народа, наследник престола не был в этом числе¹.

Вскоре после этого заболел и умер Лю Цун, оставив престол старшему сыну, бездарному Лю Цаню. Зная «возможности» Лю Цаня, Лю Цун поручил охрану империи канцлеру Лю Яо и маршалу Ши Лэ, присоединив к ним двух своих младших сыновей и главного интенданта, китайца Цзинь Чжуна. После похорон шаньюя (и императора) полководцы вернулись к своим войс-

кам, а Цзинь Чжун остался единственным советником Лю Цаня. Свое положение он использовал для того, чтобы побудить нового владыку избавиться от опеки и советов братьев, которые были вскоре казнены по обвинению в кутежах и небрежении к своим обязанностям. Фактическая власть оказалась в руках Цзинь Чжуна, который был отнюдь не беспринципным честолюбцем, а подлинным китайским патриотом, влюбленным в свою цивилизацию, которая, на хуннский взгляд, в эпоху Цзинь была чудовищна. Но это неумение предугадать поведение людей иного этнического склада и вытекающие отсюда тяжелые последствия характерны для всех зон этнических контактов.

Разница этнических черт хуннов и китайцев была такова, что обычаи одних вызывали у других физическое отвращение. В частности, у хуннов, живших в степях, существовал обычай наследования жен. Вдова старшего брата становилась женой младшего, который был обязан о ней заботиться как о своей любимой жене². Иногда на тех же условиях жены отца переходили к сыну (за исключением, конечно, его матери). Этот обычай сложился и бытовал тогда, когда была нужда в охране женщины в условиях сурового климата и межплеменных войн. Это своеобразное «социальное страхование» оплачивалось женским трудом в юрте родственника. Благодаря этому обычаю женщины даже в условиях экзогамии и патриархального родового строя имели обеспеченное положение в случае вдовства. С переходом хуннов в Китай этот обычай потерял свое значение, но сохранился как реликт.

Поэтому, когда Лю Цань стал посещать юных наложниц своего отца, с точки зрения хуннов, это было его право и долг. Но китайцам такое поведение казалось чудовищным развратом, а Цзинь Чжун использовал этот факт для своих целей, которые считал патриотическими и благородными: он восстановил служивших во дворце китайцев против варвара, живущего с «собственными матерями», потому что в Китае все жены отца считались находящимися в этом ранге. Это была капля, переполнившая сосуд взаимного негодования и озлобления.

Никакие приманки не могли примирить китайских патриотов с господством «варваров», но ждать спасения от своих южных соплеменников было явно бессмысленно. Приходилось рассчитывать на собственные силы и искать новые способы борьбы. По этому пути пошел Цзинь Чжун, выступивший в

роли китайского Конрада Валленрода³. Сделав блестящую карьеру и став правителем при бездарном монархе, он тем не менее поставил на карту все добытое благополучие и даже свою жизнь: он решился на государственный переворот. С кучкой инговорщиков он ворвался в покои Лю Цаня и учинил резню, в которой погиб доверчивый император (и шаньюй).

За сим последовала жуткая расправа. Все родственники Лю Цуна без различия пола и возраста были казнены на рыночной площади; трупы Лю Юаня и Лю Цуна были вырыты из могил и обезглавлены, а храм предков фамилии Лю сожжен. После погрома Цзинь Чжун принял титул вана (Хань-ван)⁴, что указывало на признание южного императора династии Цзинь его сюзереном. Затем он, взяв в руки государственную печать, захваченную хуннами в Лояне, заявил: «Отныне Китай не будет управляться кочевниками. Вот печать, которой они овладели. Я ее возвращаю законным владельцам — императорской фамилии Цзинь». И он послал на юг письмо, в котором объяснял свой поступок желанием освободиться от иноземцев, «презренных и лишенных добродетелей», и отомстить им за двух казненных императоров, прах которых он отправил вместе с письмом на юг⁵.

Как видно, Цзинь Чжун считал себя не предателем и убийцей, а героем, но это было так же непонятно хуннам, как китайцам — наследование жен. Народ покидал столицу и бежал в провинции, находившиеся под контролем войск Ши Лэ, который с 50-тысячным войском двинулся на Пиньян. На западе империи Лю Яо, узнав о трагедии, объявил себя императором и отдал приказ казнить каждого, уличенного в сношениях с узурпатором. Напуганный Цзинь Чжун попытался договориться с Ши Лэ, но тот арестовал посла и отправил его Лю Яо.

Лю Яо принял арестованного любезно и освободил, попросив передать Цзинь Чжуну, что если тот сдастся, то будет прощен и оставлен в чине. Тот имел достаточно ума, чтобы не посперить, но его сподвижники убили его и поставили на престол его сына Цзинь Мина, который предложил Лю Яо свою покорность. Но тут вмешался Ши Лэ. Он напал на Пиньян, чтобы отомстить за гибель хуннских принцев. Цзинь Мин покинул город и с толпой беглецов сдался Лю Яо, который казнил его самого и всех его родственников. Тем временем Ши Лэ занял покинутую столицу, сжег оскверненный убийством дворец и восстановил могилы Лю Юаня и Лю Цуна. Этим закончилась

попытка китайцев добиться реванша, продолжавшаяся всего три месяца рокового 318 года.

Так китайские нравы IV века, в которые как компонент входило вероломство по отношению к «варварам», оказались не более, скажем, конструктивными, чем хуннские, где свирепость сочеталась с доверчивостью. Но, пожалуй, хуже всего была смесь тех и других. Хунн с китайским образованием был опаснее кобры. Таким персонажем оказался Лю Яо, на словах побеждавший «без хитростей и измен», а на деле постоянно нарушавший свои обещания. По «праву аристократизма» он взял власть в свои руки. Поскольку царствующий дом хуннов был полностью истреблен, то Лю Яо как основатель новой династии дал ей новое название — Чжао⁶, а столицу перенес в Чанъань. Ши Лэ получил титул «Великий Маршал», и ему было поручено управление восточными областями страны. Однако уже на следующий год положение изменилось.

Да и как могло быть иначе? За полтора века тесного общения с китайцами хунны не могли удержать свои родовые традиции, которые сохранились лишь у их степных сородичей в Ордосе. В 20-х годах IV века хуннского единства уже не существовало. Хунны победили китайцев, но перестали быть хуннами.

Название народа часто переживает сам народ. Например, византийские греки и малоазиаты в XV веке еще называли себя римлянами. Нечто схожее случилось с хуннами. Былых традиций хватило на восстание и победу, но на поддержание власти их не оказалось. Учреждения новой империи копировались с китайских образцов: быт, нравы и утварь дворцов, титулатура и обряды — все было копией Ханьской монархии, а не патриархального двора шаньюев. Хунны превратились в «цивилизованных варваров», у которых равно отсутствуют высокие моральные качества, свойственные примитивному быту, и духовное развитие многовековой культуры. Властолюбие и эгоизм полководцев и беспринципность профессиональных солдат, составляющих их реальную силу, обусловили конец возрождения хуннской независимости.

ГИБЕЛЬ ЕДИНСТВА

Легкая победа над мятежным министром показала, что обе армии, созданные покойными шаньюями, не имеют равных себе

соперников. Но слишком уж они разнились между собой, и ни та, ни другая не имели подлинных традиций.

Лю Яо, принц крови, пропитавшийся китайской культурой, нашел общий язык с хуннскими старейшинами; Ши Лэ, бывший атаман разбойников, оперся на беднейшую массу кулов и деклассированных китайцев, примыкавших к нему. Обе группы были одинаково чужды хуннскому родовому строю и враждебны китайской государственности, но еще более нетерпимы друг к другу. Столкновение между ними было неизбежно.

В начале 319 г. Ши Лэ отправил к Лю Яо посла с поздравлением по случаю вступления на престол, а тот в ответ пожаловал Ши Лэ титул «Царь Чжао». Но один из слуг посла шепнул Лю Яо, что его хозяин имеет задание разведать силу императорской армии. Та была в неважном состоянии: изнурена внезапным походом и беспорядочным снабжением. Вспыльчивый Лю Яо поступил, как было принято в Китае: поверил доносу и казнил посла⁷.

Ши Лэ пришел в ярость и, по обычаю кочевников, порвал все сношения с Лю Яо. Только что восстановленное государство распалось для смертельной войны между бывшими соратниками.

Нет, нельзя сказать, что одна из сторон «окитаилась» больше, чем другая, но воздействие цивилизации на них было разным.

Новая хуннская держава называлась Младшая Чжао⁸. Она нигде не гнула китайскую культуру, как губка. Сам Ши Лэ был безграмотен, но уважал науку. Он покровительствовал конфуцианским философам, поэтам и основывал школы⁹. Но военные традиции, унаследованные от хуннов, он хранил свято, и это отвечало интересам народных масс кулов.

Лю Яо сделал своей столицей Чанъань. Там он разрушил китайский Храм предков и взамен соорудил хуннское святилище — курган, посвященный духам-покровителям почвы и растительности, Небу и Земле, считая, что он подражает шаньюю Моду¹⁰. Хуннская знать чтит культурные традиции своего народа, но на практике стала руководствоваться китайскими нормами поведения, хотя всеми силами противилась этому неуловимому процессу. К этому ее вела «логика событий». Возникшая, таким образом, двойственность немедленно отразилась на делах правления.

В 320 г. Лю Яо донесли, что двое придворных замыслили

восстание и привлекли к участию в заговоре нескольких офицеров из «страны Ба», т.е. дисцев, или тангутов. Зачинщиков казнили, а прочие, т.е. тангуты, были брошены в тюрьму. Лю Яо осудил на смерть и их, но Ю Цзы-юань, офицер дворцовой стражи, вмешался и сказал своему владыке, что, по закону, за соучастие смертной казни не полагается, и просил отменить несправедливый приговор. Лю Яо в гневе приказал арестовать непрошенного советчика и казнить пятьдесят арестованных, но тут за них вступились их соплеменники. Область Ба восстала против произвола и была поддержана из-за границы тибетцами и табгачами. Количество восставших исчислялось, по слухам, в 300 тыс. человек. Конечно, цифра преувеличена, но так или иначе в столице было введено военное положение и ворота заперлись даже днем.

Правдолюбец Ю Цзы-юань снова обратился к Лю Яо с увещаниями, на этот раз письменными. Лю Яо порвал письмо и велел казнить автора, но придворные хунны отказались выполнить приказ, ссылаясь на искренность придворного и его право давать советы царю.

И вот тут-то встает вопрос: какому царю? В Китае император был самодержцем, а в Хунну олигархия знатных родовичей ограничивала власть шаньюя¹¹. Значит, хотя Лю Яо объявил себя императором династии Чжао, для хуннского окружения он оставался шаньюем, и в праве на произвол ему было отказано. Под прямым давлением своих придворных Лю Яо не только освободил Ю Цзы-юаня, но и принял его совет объявить прощение и арестованным, и восставшим. Совет был мудр: все сразу разошлись по домам, кроме тибетцев и табгачей. Но и тех удовлетворили деньгами, после чего поселили вокруг Чаньгани в качестве вспомогательных войск¹². Итак, хуннская политика миролюбия к кочевникам принесла настолько большую пользу, что Ю Цзы-юань был повышен в чине: он стал первым советником Лю Яо и главой всех судов (некто вроде современного министра юстиции)¹³.

Ши Лэ не был столь удачлив в первые годы своего самостоятельного правления. Ему портили жизнь завоеванные, но не покоренные юго-восточные провинции, где с 313 г. действовал талантливый китайский полководец Цзу Ти, бывший правитель области Юйчжоу. Стремясь вернуть потерянные Китаем земли и получив от Сыма Жуя немного продовольствия и тканей для обмундирования, Цзу Ти возглавил отряд добровольцев и повел

войну на свой страх и риск. Он хорошо обращался с населением, и войско его росло. В 317 г. Цзу Ти нанес в Хэнани поражение лучшему полководцу хуннов, Ши Ху, а в 319 г., воспользовавшись расколом в рядах кочевников, пошел в наступление на север. Но, на счастье Ши Лэ, цзиньский двор прислал сановника инспектировать действия полководца, и тот быстро довел Цзу Ти до разрыва сердца. На этом успехи китайского оружия и закончились (321 г.).

В этой жестокой войне Ши Лэ снова проявил великодушие, некогда привлекавшее на сторону хуннов симпатии подвластных им племен. Например, узнав, что Цзу Ти как истый китаец горюет о невозможности совершить обряд поклонения предкам, похороненным на занятой хуннами территории, Ши Лэ лично посетил могилы, приказал их реставрировать и уведомил об этом своего противника. Когда один из китайских офицеров перешел к хуннам, Ши Лэ послал Цзу Ти его голову с пояснением, что он ничто так не ненавидит, как измену¹⁴. Но вместе с тем он несколько раз проводил массовое истребление китайского населения в тех областях, которые в данный момент казались ему опасными или чем-либо подозрительными.

Короче говоря, Ши Лэ и Лю Яо были по характеру противоположны друг другу, равно как и сторонники их — традиционалисты-хунны и безродные кулы. Единство этих народов, сошедшееся как реакция на китайский гнет, испарилось, и с 319 г. они из союзников превратились в злейших врагов, между которыми не могло быть компромисса.

Раскол среди хуннов спас Южный Китай, но там было также неблагополучно. В 322 г. племена ди на границе Шэньси и Сычуани, и без того беспокойные и мятежные, отложились от Китая, основали царство Уду и встали в вассальные отношения к Лю Яо¹⁵. В Южном Китае с 322 до 324 г. полыхал мятеж Ван Дуна¹⁶. Воспользовавшись возникшим замешательством, Ши Лэ овладел Цзинь-чжоу¹⁷.

В табгачском ханстве происходили очередные убийства ханов и возмущения народа, так что Китай лишился самого важного союзника, ставшего на какое-то время небоеспособным. Сложилась выгодная для хуннов ситуация, но они использовали ее для внутренней войны.

ГИБЕЛЬ АРИСТОКРАТИИ

В 323 г. Ши Лэ настолько укрепился в своих владениях, что объявил войну одновременно двум империям — Цзинь и Чжао¹⁸. Таким образом, хунны и китайцы внезапно оказались союзниками. Но южнокитайская империя, обескровленная затянувшимся мятежом Ван Дуна, была не в состоянии защитить свои северные области, как те, что были освобождены доблестным Цзу Ти, так и те, которые еще числились под ее властью. Полководцы Ши Лэ — Ши Шэн и Ши Ху без труда овладели северной половиной бассейна реки Хуай и Шаньдуном, закончив кампанию к 325 г.

Более серьезные операции развернулись под Лояном. Хунны блокировали отряд Ши Шэна. Ши Ху пришел к нему на выручку и нанес осаждавшим тяжелое поражение. Хуннские полководцы пали в бою, а войско их рассеялось. Лю Яо заболел от горя, и контрнаступление хуннов задержалось на три года (с 325 по 328). За это время империя Цзинь пережила еще один мятеж, ослабивший ее настолько, что она уже не представляла опасности для державы Ши Лэ. Поэтому Ши Лэ направил своего полководца и названного брата Ши Ху с 40-тысячным войском против Лю Яо. Последний встретил противника в излучине Хуанхэ, обратил в бегство и преследовал бегущих на протяжении более 200 ли (80 км).

Хунны пленных не брали. Убитых некогда было считать, земля была усеяна гниющими трупами. Вторую армию противника Лю Яо осадил в цитадели Лояна, которую он рассчитывал затопить, подведя каналом воду из реки Ло.

В этих тяжелых обстоятельствах престарелый Ши Лэ принял командование на себя. Он заявил своим приближенным, что «хоть и говорят, будто ничто не может противостоять ярости Лю Яо, но на самом деле Лю Яо стар, а его воины — дрянь», и выступил в поход со всеми имеющимися у него войсками.

Когда Лю Яо узнал от пленных, что сам Ши Лэ идет против него, он снял осаду с крепости и отошел на запад от реки Ло. Ши Лэ вступил в покинутый хуннами Лоян и возблагодарил Небо за спасение. Затем он двинулся на войско Лю Яо, будучи уверен в успехе¹⁹.

Ши Лэ оказался прав: у Лю Яо не хватило выдержки для основательной подготовки к решительной битве. Вместо того чтобы предугадывать шаги противника, он пил вино в шатре со

он любимцами и под страхом смертной казни запретил тревожить неприятными вестями. Потому и позиция была выбрана непродуманно: в тылу войск оказалась река, а войска остались неприкрытыми. Ши Ху с пехотой двинулся на хуннской армии, прикрывшись латной конницей, которая должна была смягчить ответный удар войск Лю Яо.

Ключевой момент боя, когда перестройка для Лю Яо была уже невозможна, из Лояна вышли отборные войска под командой самого Ши Лэ в шлеме и броне, пустившего коня в атаку на врага. А Лю Яо был пьян. Когда 40 тыс. воинов Ши Лэ ударились на его левый фланг и хуннские всадники рассыпались, избегая массированного удара, полководец упал с коня и попал в плен. Это решило судьбу битвы. Ши Лэ даже запретил расследование, не считая нужным длить кровопролитие. Он удовлетворился тем, что предложил своему пленнику написать письмо сыновьям с приказом прекратить братоубийственную войну. Это вполне разумное предложение почему-то не было принято Лю Яо. Напротив, он написал своим детям, что он продолжит вести войну до победы, не заботясь о судьбе отца. Последнего жестокого поступка Лю Яо был убит.

Впрочем, упорство Лю Яо мало что изменило. Его дело было проиграно. В его собственной державе у него не было сторонников, кроме немногочисленных хуннских ветеранов, окруженных толпами себялюбцев и предателей. Впрочем, китайское население Шэньси нельзя считать изменниками. Им была просто неприятна судьба деспота, их завоевавшего. Но, страшась того, что война, как не раз бывало, опустошит их села и города, они восстали против побежденных и подчинились победителям²⁰. В 329 г. Ши Шэн вступил в Чанъань, а Ши Ху разбил войска сыновей Лю Яо, пытавшихся отбить город.

После этого в стране хуннов возникла паника. Они рассеялись, не оказывая врагу сопротивления. Последняя оставшаяся войска перешла к сыну Лю Яо, Лю Си, армия, насчитывавшая всего 3 тыс. человек, сдалась на милость победителя. Все пленные были казнены. Северный Китай был объединен заново. В 330 г. Ши Ху был провозглашен императором Младшей Чжао, наложница бывшего раба и разбойника стала императрицей, его сыновья — наследным принцем и маршалом, а названный брат Ши Ху стал главным судьей, чем он остался весьма недоволен, так как он же хотел стать по меньшей мере маршалом. И самое любопытное, что китайская историография относится к Ши Лэ с

нескрываемой симпатией²¹. Что здесь: справедливость или страсти?

Несомненно, Ши Лэ был человек способный и, вероятно, обаятельный, но зла он причинил немало. Однако его расправы с китайским населением в источнике затушеваны, а благородные поступки даны выпукло. Это не может быть случайным. Зато с Лю Яо историографы поступили как раз наоборот, и думается, что разгадка кроется именно здесь.

Этнические особенности хуннов, ненавистные китайцам, были естественны для степных аристократов, пусть даже воспитанных в китайском духе. Но, сменив тюркские имена на китайские, члены фамилии Лю оставались хуннами и для китайцев оставались чужими. Зато отсутствие традиций в Младшей Чжао роднило ее сторонников со столь же деградировавшим, т.е. потерявшим традиции, населением Северного Китая; они были близки социально, и эта близость была важнее, чем языковые различия кулов и китайцев. Общаясь постоянно, они научились понимать друг друга, и поскольку Ши Лэ ничего не противопоставлял вкусам и взглядам большинства своих подданных, то те отнеслись к нему терпимо. А по своим качествам правителя Ши Лэ был даже лучше, чем глупые императоры династии Цзинь и их свирепые временщики. Поэтому порядок, установленный Ши Лэ, оказался относительно прочным. Во всяком случае его хватило на двадцать лет.

ГИБЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ

Торжество демократического вождя хуннов и кулов Ши Лэ продолжалось всего четыре года. За это время он успел только соорудить для себя роскошный дворец в городе Е, который сделал своей столицей. В 333 г. Ши Лэ тяжело заболел, и Ши Ху, приняв командование дворцовой стражей, запретил входить к больному всем, даже министрам и родственникам. Сыновья основателя династии, Ши Хун и Ши Кан, командовали войсками в провинциях. Этим воспользовался Ши Ху. Не дожидаясь последнего вздоха государя и названного брата, он арестовал сановников империи и верных советников умирающего императора. Видя, к чему клонится дело, наследный принц отрекся от престола, но Ши Ху не принял его добровольного отречения, а низложил принца как «недостойного престола».

Похоронив прах Ши Лэ не в роскошной гробнице, которую

тот соорудил для себя, а в соседней долине, Ши Ху объединил в своих руках все высшие должности и уволил всех старых соратников Ши Лэ, заменив их своими приверженцами. Императрица обратилась к своему сыну Ши Кану с вопросом, что ждет ее и его. Тот ответил: «Гибель!» и просил разрешения матери на восстание. Однако они ничего не успели, так как оба были схвачены и казнены. В ответ на зверства и произвол восстали царевичи: Ши Шэн — а Чанъани, и Ши Лян — в Лояне. Ши Ху, разбив Ши Ляна, казнил его, а доблестный Ши Шэн был убит своими же войсками, доставившими его голову Ши Ху. Войны без традиций предпочитали военного вождя законным наследникам, ибо само понятие закона заменилось категориями силы и выгоды.

Вскоре был казнен отрекшийся наследник, принц Ши Хун, после чего Ши Ху объявил себя временным правителем²², а затем просто императором Младшей Чжао. Опорой его власти была армия, и только армия. На трупах аристократии и военной демократии установилась омерзительная, беспринципная тирания, возглавленная свирепым дикарем. Однако с комплектованием армии у Ши Ху было неблагополучно. Главная военная сила страны — хуннские всадники — наполовину погибла в гражданской войне, и армию пришлось пополнять китайцами. Эти последние были отнюдь не трусы, но меньше всего стремились положить свою жизнь ради хуннского завоевателя. Отсюда понятно, что боеспособность огромных армий была ничтожна. Повелитель Северного Китая не смог покорить не только Южный Китай, но даже небольшое княжество Лян в современной провинции Ганьсу. На его счастье, табгачское княжество переживало очередной период цареубийств (отцеубийств и братоубийств), причем уцелевшие князья искали помощи и спасения в Младшей Чжао. Благодаря этому Ши Ху мог быть спокоен за свою северную границу, но на востоке росла мощь Муюнов, и борьба с ними представлялась весьма нелегкой задачей. А при дворе южнокитайской империи Восточная Цзинь шла подготовка к освобождению захваченных хуннами территорий. Сразу же после переворота Ши Ху, в 334 г., южнокитайская армия напала на Младшую Чжао. Однако грабежи южнокитайских войск, укомплектованных, кроме прирочных китайцев, южными инородцами мань (народ тайской группы), юэ (народ малайской группы), лоло (народ бирманской группы) и т.д., вызвали возмущение населения освобожда-

емых областей. Лишенная поддержки народа, китайская армия в 339 г. потерпела поражение при Чжучэне (Хубэй) и откатилась на юг²³.

Но с другим китайским соседом, княжеством Лян, образовавшимся в Ганьсу в 313 г., Ши Ху не смог справиться, тем более что ему приходилось держать большие силы при дворе ради собственной безопасности. Их надо было откуда-то почерпнуть.

Ши Ху нашел выход. Китайские обычаи предписывали мобилизацию девушек для службы во дворце императора. Чем пышнее был двор, тем больше дочерей отрывалось от родителей и привлекалось во дворец, где им было по существу нечего делать. Ши Ху имел 10 тыс. таких девиц. Из них выбрали тысячу, обучили стрелять из лука с земли и с седла, одели в форму из шелка и бархата и создали полк амазонок — личную стражу царя²⁴. В верности женской гвардии сомнений не возникало, но китайцев такое необычное войско шокировало. Им показалось, что это оскорбление Неба, т.е. естественного порядка вещей. Поэтому засуху, поразившую Северный Китай, они рассматривали как проявление справедливого гнева Неба.

Население роптало, но Ши Ху не обращал на это внимания. На восстановление роскошных дворцов в столицах и на службу в армейских обозах мобилизовали три пятых всех мужчин-крестьян, причем каждый мобилизованный должен был внести 15 ху риса и 10 кусков шелка. Для развлечения командиров хуннской армии поля, сады и пастбища обращали в охотничьи угодья, причем браконьерство со стороны китайцев каралось смертью. Произвол судей не имел ограничений. «Если чиновник требовал у простолюдина красавицу-дочь, или хорошего быка, или лошадь и не добивался успеха, он стряпал против него ложное обвинение в браконьерстве... Ни один человек не был спокоен за свою жизнь и жизнь близких»²⁵.

Да, китайцам под владычеством варваров было так же скверно, как хуннам под властью Китая. Видимо, этим народам, столь различным по определяющим этническим признакам, лучше было жить отдельно друг от друга. Но ведь ситуация, приведшая хуннов в Китай, сложилась за 300 лет до описываемой трагической эпохи по инициативе китайцев²⁶.

Итак, обе ветви хуннского народа, проникшие в Китай и победоносно в нем утвердившиеся, оказались нежизнеспособными. Трудно считать это случайностью. Даже если гибель

хуннской аристократии рассматривать как следствие военного поражения, то ведь и оно было чем-то вызвано и обусловлено. Еще удивительнее то, что победившие хуннские кулы оказались на положении подневольной военной стражи, удерживая многомиллионный китайский народ от расправы с ними. Это было ненормальное состояние постоянной готовности к неизвестной опасности, которая не могла не быть грозной. Весело было только во дворце царя, да и то, как мы увидим, не очень. Победа не принесла хуннам счастья.

А вместе с тем за пределами империи Младшая Чжао, в Ордосе, кочевали хунны, не перешедшие границу Китая. Во времена Лю Юаня эти хунны участвовали в освободительной войне, и даже есть предположение, что основатель этого княжества, Гао Шэн-юань, на самом деле не кто иной, как Лю Сюань, друг и вдохновитель Лю Юаня²⁷. Они сохранили кочевой быт и свои природные качества. Недаром китайцы пишут о них: «Все были люди смелые, храбрые и любили бунтовать»²⁸. А эти хунны, покинувшие родные степи, уже во втором поколении изменили свой этнический облик.

Но прежде чем обратиться к анализу глубоких причин этнического метаморфоза, посмотрим, чем была богата эпоха Ши Ху, начатая столь кроваво. Тогда у нас будет достаточно данных, а поставленный ныне вопрос, оживив интерес к проблеме, поможет их собрать воедино.

А КТО ВЫИГРАЛ?

Никогда не бывает так, чтобы при азартной игре все оказывались в проигрыше. Этим обстоятельством объясняется явление, имевшее огромные последствия не только для хуннов, но и для всей культуры Дальнего Востока. В царствование Ши Ху блистательную победу одержала буддийская община²⁹.

Согласно буддийской доктрине, люди делятся на две неравные части: монахи буддийской общины и все остальные. Солью земли признаются монахи, так как они стали на «путь», выволищив их из мира суетного (сансары) к вечному покою (нирване). Монахи не должны действовать, так как действие есть порождение страсти и ведет к греху. Кормить, одевать и защищать монахов обязаны миряне, приобретающие тем самым «заслугу», которая поможет им в следующем «перевоплощении» стать монахами и вступить на «путь». Естественно, что чрезмерное уве-

ГИБЕЛЬ АРИСТОКРАТИИ

В 323 г. Ши Лэ настолько укрепился в своих владениях, что объявил войну одновременно двум империям — Цзинь и Чжао¹⁸. Таким образом, хунны и китайцы внезапно оказались союзниками. Но южнокитайская империя, обескровленная затянувшимся мятежом Ван Дуна, была не в состоянии защитить свои северные области, как те, что были освобождены доблестным Цзу Ти, так и те, которые еще числились под ее властью. Полководцы Ши Лэ — Ши Шэн и Ши Ху без труда овладели северной половиной бассейна реки Хуай и Шаньдуном, закончив кампанию к 325 г.

Более серьезные операции развернулись под Лояном. Хунны блокировали отряд Ши Шэна. Ши Ху пришел к нему на выручку и нанес осаждавшим тяжелое поражение. Хуннские полководцы пали в бою, а войско их рассеялось. Лю Яо заболел от горя, и контрнаступление хуннов задержалось на три года (с 325 по 328). За это время империя Цзинь пережила еще один мятеж, ослабивший ее настолько, что она уже не представляла опасности для державы Ши Лэ. Поэтому Ши Лэ направил своего полководца и названного брата Ши Ху с 40-тысячным войском против Лю Яо. Последний встретил противника в излучине Хуанхэ, обратил в бегство и преследовал бегущих на протяжении более 200 ли (80 км).

Хунны пленных не брали. Убитых некогда было считать, земля была усеяна гниющими трупами. Вторую армию противника Лю Яо осадил в цитадели Лояна, которую он рассчитывал затопить, подведя каналом воду из реки Ло.

В этих тяжелых обстоятельствах престарелый Ши Лэ принял командование на себя. Он заявил своим приближенным, что «хоть и говорят, будто ничто не может противостоять ярости Лю Яо, но на самом деле Лю Яо стар, а его воины — дрянь», и выступил в поход со всеми имеющимися у него войсками.

Когда Лю Яо узнал от пленных, что сам Ши Лэ идет против него, он снял осаду с крепости и отошел на запад от реки Ло. Ши Лэ вступил в покинутый хуннами Лоян и возблагодарил Небо за спасение. Затем он двинулся на войско Лю Яо, будучи уверен в успехе¹⁹.

Ши Лэ оказался прав: у Лю Яо не хватило выдержки для основательной подготовки к решительной битве. Вместо того чтобы предугадывать шаги противника, он пил вино в шатре со

своими любимцами и под страхом смертной казни запретил себя тревожить неприятными вестями. Потому и позиция была им выбрана непродуманно: в тылу войск оказалась река, а фланги остались неприкрытыми. Ши Ху с пехотой двинулся на центр хуннской армии, прикрывшись латной конницей, которая должна была смягчить ответный удар войск Лю Яо.

В решающий момент боя, когда перестройка для Лю Яо была уже невозможна, из Лояна вышли отборные войска под командой самого Ши Лэ в шлеме и броне, пустившего коня в галоп на врага. А Лю Яо был пьян. Когда 40 тыс. воинов Ши Лэ обрушились на его левый фланг и хуннские всадники рассыпались, избегая массированного удара, полководец упал с коня и был взят в плен. Это решило судьбу битвы. Ши Лэ даже запретил преследование, не считая нужным длить кровопролитие. Он удовлетворился тем, что предложил своему пленнику написать письмо сыновьям с приказом прекратить братоубийственную войну. Это вполне разумное предложение почему-то не было принято Лю Яо. Напротив, он написал своим детям, что требует вести войну до победы, не заботясь о судьбе отца. После такого жестокого поступка Лю Яо был убит.

Впрочем, упорство Лю Яо мало что изменило. Его дело было обречено. В его собственной державе у него не было сторонников, кроме немногочисленных хуннских ветеранов, окруженных толпами себялюбцев и предателей. Впрочем, китайское население Шэньси нельзя считать изменниками. Им была просто безразлична судьба деспота, их завоевавшего. Но, страшась того, что война, как не раз бывало, опустошит их села и города, они восстали против побежденных и подчинились победителям²⁰. В 329 г. Ши Шэн вступил в Чанъань, а Ши Ху разбил войска сыновей Лю Яо, пытавшихся отбить город.

После этого в стране хуннов возникла паника. Они рассеялись, не оказывая врагу сопротивления. Последняя оставшаяся верной сыну Лю Яо, Лю Си, армия, насчитывавшая всего 3 тыс. человек, сдалась на милость победителя. Все пленные были казнены. Северный Китай был объединен заново. В 330 г. Ши Лэ был провозглашен императором Младшей Чжао, наложница бывшего раба и разбойника стала императрицей, его сыновья — наследным принцем и маршалом, а названный брат Ши Ху — главным судьей, чем он остался весьма недоволен, так как тоже хотел стать по меньшей мере маршалом. И самое любопытное, что китайская историография относится к Ши Лэ с

личение общины монахов противоречило ее интересам, так как если бы все стали монахами, то кормить их было бы некому. Но эта опасность китайским буддистам не грозила. Ни ученые, гордые своими знаниями и привилегиями, ни князья, увлеченные роскошью, войнами и почестями, ни крестьяне, кормившие свои семьи и возделывающие поля, не стремились бросить все привычные занятия во имя «пустоты», к которой должен стремиться буддийский монах. В буддийскую общину шли люди, не нашедшие себе места в жизни. Становясь буддистами, они отвергали жизнь, обидевшую их, и страсти, обманувшие их; во имя провозглашенной пассивности они развивали бешеную активность и таким образом находили применение своим силам³⁰.

Буддийские монахи впервые появились в Китае в конце I века. Бритоголовые и босые, они произносили никому не понятные слова о загробном мире, нирване и самоусовершенствовании. Слова эти были чужды трезвым, реалистическим китайцам, и вначале успех буддийской пропаганды был ничтожен³¹. Но буддийские монахи проповедовали пассивность весьма активно и настойчиво. Они склоняли на свою сторону людей разочарованных, обиженных судьбой, и в частности женщин, положение которых в древнем Китае было незавидно. При этом к буддизму обращались как раз те юноши, которые должны были умножить ряды чиновников, т.е. наиболее талантливая и горячая молодежь, способная воспринимать новые идеи и увлекаться ими.

Конфуцианская проповедь морали, долга и этикета бледнела перед буйной фантазией буддистов. Конфуцианцы после вековой борьбы признали себя не в состоянии путем спора и убеждений победить буддизм и обратились к правительству за помощью. В результате их усилий (146—167 гг.) буддисты к политической жизни страны доступа не получили, несмотря на то, что в буддизм обратился император Хуан-ди.

При Младшей Чжао положение изменилось коренным образом. Буддизм давал выход к высокой культуре, позволяя не прибегать к услугам китайцев. Монахи-буддисты, индусы и согдийцы, не уступали китайцам в блеске интеллекта, и для «варваров» были не завоеванными врагами, а приятными гостями. Поэтому индийский монах Будда Жанга был приближен ко двору Ши Ху и легко добился от него привилегий для строящихся монастырей и разрешения на свободную пропаганду

буддизма среди подданных империи Чжао, хотя сам монарх и его сподвижники в буддийскую общину не вступали, предоставляя это своим обездоленным подданным.

Конфуцианцы попробовали протестовать, но Ши Ху встал на сторону буддистов, и множество молодых китайцев, вместо того чтобы служить и платить налоги, заполнили буддийские монастыри, строящиеся по всей стране³². Будда Жанга окончательно упрочил свое положение тем, что своевременным советом спас жизнь императора от заговора, устроенного наследником престола. С тех пор хунны связали свою судьбу с буддийской общиной, которая благодаря этому вступила в период расцвета. Когда же кровавая звезда хуннской славы склонилась к закату, буддийские монахи укрыли свое учение в пещерах Дуньхуана, где расцвело их великое искусство. Но и в самом Китае буддийская община утвердилась на 1500 лет. Этим она обязана эдикту о веротерпимости, изданному Ши Ху специально для того, чтобы обеспечить ей безопасность³³.

ОТЦ И СЫНОВЬЯ

Ши Ху был не только воином, но и эстетом. Он оказался любителем китайского искусства и украсил свою столицу крепость Л., перевезя в нее колокола времен Цинь, химер империй Хань и бронзовых гигантов империи Цао Вэй, сохранившихся от блестящей эпохи китайского могущества и побед над кочевниками, совершенно забыв, а может быть, и не зная, что государи этих династий были злейшими врагами его народа³⁴. Наряду с военной столицей была учреждена столица гражданская, на другом месте, в многострадальном городе Лояне. Китайцы привлекались на государственную службу вплоть до того, что Ши Ху даже усыновил талантливого придворного Жань Миня, т.е. дал ему фамилию Ши и возвел в ранг принца крови. Однако китайская культура плохо прививалась хуннам. Именно этим объясняются драматические коллизии в императорском семействе, имевшие последствия для всего населения империи Младшая Чжао.

Именно «населения», а не «народа», так как народа Чжао как в смысле «демос», так и в смысле «этнос» там не существовало. Все бывшие хуннские кулы (цзелу) стали господствующим классом, оставаясь самостоятельным племенем, говорившим по-хуннски. Оставшиеся в живых хунны вошли в их

состав, утратив свою былую обособленность, так что создавшийся этнос стал выглядеть как ветвь хуннского. К господствующему классу (но не этносу) примыкали кяны и ди, ополчения которых служили в армии и считались привилегированными частями. Мобилизованные в армию китайцы и все население стали одновременно угнетенным этносом и классом, за исключением тех, кто сделал придворную карьеру и стал в социальной иерархии выше большинства завоевателей-хуннов. Сложившаяся ситуация была неустойчива и в этническом, и в социальном аспектах, но очень крепка в политическом, ибо внутри страны не нашлось силы, способной противостоять слаженной военной тирании, организованной Ши Лэ и Ши Ху. Но тут сказалось искажение психики в условиях контакта на суперэтническом уровне.

Как у всякого обладателя гарема, у Ши Ху было много детей. Наследный принц Ши Суй в жестокости превзошел даже своего отца. Его любимым развлечением было пригласить на пир наложницу, которая пела, играла на лютне или плясала перед гостями, после чего их угощали... ее мясом, украшенным ее отрезанной головой³⁵.

Ши Ху, сам человек деловой, давал сыну разные поручения, но тот постоянно их проваливал, за что отец порол (да-да, порол!) сына ремнем. И это повторялось не реже трех раз в месяц.

Наконец после очередной порки Ши Суй сказал своим слугам: «Ремесло министра неблагодарно; лучше поступить, как Модэ» (т.е. убить отца)³⁶. Слуги, склонившись, промолчали, т.е. согласились. Царевич притворился больным, надеясь, что отец навестит его. Тот действительно пришел к сыну, но буддийский монах Будда Жанга, человек, обладавший огромной интуицией, а может быть, и информацией, посоветовал государю не входить одному в покои сына. Ши Ху сначала не придавал словам монаха значения, но по дороге вспомнил их и вместо себя послал одну из своих амазонок справиться о здоровье сына. Тот, решив, что заговор раскрыт, не сдержал гнев и отрубил посланнице голову. Тогда все действительно раскрылось. Ши Ху казнил 30 вельмож, 26 жен и детей царевича и наконец его самого. Трупы казненных были изрублены в крошево и зарыты все вместе в землю, а не в специальные могилы. Наследником был назначен принц Ши Сюань³⁷. К счастью для красивых китайцев, людоед погиб в 337 г., а не позже³⁸.

В этой грязной истории примечательно полное отсутствие

принципов и идеалов, патриотизма и заботы о судьбе государства. Вместо этого — эгоизм и ничем не сдержанные рефлексы. Такими стали внуки освободителей своего народа.

Ши Сюань числился наследником десять лет и показал полное отсутствие каких-либо способностей. Наконец Ши Ху решил заместить его другим сыном. Наследник пронюхал это и устранил двух своих приближенных убить брата — будущего наследника, а на себя взял убийство отца. Осенью 347 г. заговорщики убили принца и ждали у его трупца появления императора, но того отговорили идти на место еще не раскрытого преступления, и он избежал кинжала своего сына.

Вскоре преступление было раскрыто. Ши Сюаня подвергли пыткам, а потом вместе с девятью членами его семьи сожгли в присутствии императора. Маленький внук императора, очень любивший деда, схватился за его пояс и, рыдая, просил его не умирать. Дед, плача, закрыл лицо рукавом, но не отменил приказания. Пояс Ши Ху лопнул, и мальчика бросили в огонь. Потом целая казенных рассеяли перед воротами столицы под ноги прохожих³⁹.

Такова была жизнь привилегированной части того общества, которое создали хуннские кулы при поддержке китайских ренегатов. В роскошном дворце, где стены были украшены рельефами, черепица кровли лакирована, гирлянды золотых колокольчиков свисали с крыши, а колонны были покрыты серебряными пластинами, ни один человек ни минуты не был в опасности за свою жизнь.

Ничего похожего не было в юртах степных хуннов, да и сами китайцы не жили в таком аду. И там и тут существовала хоть какая-то этика, понятия о честности, верности, долге. Этические представления хуннов и китайцев очень различались между собой, но они были четко очерчены и формировали поведение тех и других. Но стоило их объединить, как они просто исчезали, вытеснив друг друга, а с ними испарились даже родственные чувства и элементарное сострадание, от чего проиграли все — и побежденные, и победители. Могучая и обширная империя Младшая Чжао оказалась хищной химерой, пожиравшей своих создателей наравне со своими врагами. И даже всемогущий император Каменный Тигр⁴⁰ не выдержал воплей сжигаемого внука: от нервного потрясения он сильно заболел... Ведь он был не только императором, но и человеком. И тогда началось!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Mc. Govern.* С. 331.
- ² *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 40.
- ³ Герой одноименной поэмы Мицкевича.
- ⁴ В древнем Китае верховным главой всего мира считался хуан-ди; этот титул принято переводить — император. Правители отдельных стран в Китае носили титул «ван», по рангу — второй за императором. Этому титулу приравнены: у хуннов — шаньюй; у сяньбийцев — хан; в Европе — король (после IX в.) или царь. Поэтому принятие узурпатором титула «ван» означало лояльность к носителю высшей, императорской власти.
- ⁵ *Mailla.* Т. IV. С. 297.
- ⁶ Царство Чжао в эпоху Воюющих царств (V—III вв. до н.э.) располагалось на землях, захваченных хуннами в 307—317 гг. Оно никогда с хуннами не воевало, и потому принятие нейтрального древнего названия явилось декларацией компромисса с китайским населением страны.
- ⁷ *Wieger.* С. 1074.
- ⁸ Подчеркнута преемственность хуннской традиции при смене династии.
- ⁹ *Mc. Govern.* С. 337.
- ¹⁰ *Wieger.* С. 1074; *Mailla* (С. 305) переводит источник иначе: Лю Яо соорудил новое строение, посвященное церемониям в честь предков, во главе которых был поставлен Модэ. Но у хуннов не было ни культа предков, ни истуканов, им посвященных (*Гумилев Л.Н.* Хунну. С. 99—101). Видимо, маньчжурский текст, с которого переводил *Mailla*, был пересмотрен маньчжуром-переводчиком в согласии с китайскими воззрениями XVII—XVIII вв.
- ¹¹ *Гумилев Л.Н.* Хунну. С. 75—77.
- ¹² *Wieger.* С. 1079.
- ¹³ *Mailla.* Т. IV. С. 305.
- ¹⁴ *Ibid.* С. 310.
- ¹⁵ *Бичурин Н.Я.* История Тибета... С. 101.
- ¹⁶ *Cordier.* С. 312.
- ¹⁷ В Хэбэе.
- ¹⁸ *Wieger.* С. 1082.
- ¹⁹ *Ibid.* С. 1092.
- ²⁰ *Ibid.* С. 1094.
- ²¹ *Ibid.* С. 1095.
- ²² *Ibid.* С. 1096.
- ²³ *Шан Юэ.* Очерки... С. 144.
- ²⁴ *Wieger.* С. 1097.
- ²⁵ *Шан Юэ.* Очерки... С. 141.
- ²⁶ *Гумилев Л.Н.* Хунну. С. 203.
- ²⁷ *Woodberg P.* Two notes... С. 298—299.
- ²⁸ «Цзиньши» (цит. по: *Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. С. 222).
- ²⁹ *Grousset.* L'Empire... С. 98.
- ³⁰ См.: *Гумилев Л.Н.* Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестник истории мировой культуры. 1960, № 3. С. 103—114.
- ³¹ Ср.: *Чаттерджи С.* и *Датта Д.* Введение в индийскую философию. М., 1955. С. 114.

overn. С. 340.

«ценный в варварской стране, только благодаря добродетели я стал героем Китая. Я приношу жертвы по обычаям моего народа. Пусть знающие люди народа Чжао, что, если они хотят служить Фо (буддизму), я им позволю» (см.: *Wieger*. С. 1100). Это прямой выпад против национальных традиций Китая, стремление ослабить их поборников, поставив лично себя на лицо с умным и энергичным соперником.

overn. С. 340; *Wieger*. С. 1097.

overn. С. 348—350.

в Л. Н. Хунну. С. 63—64.

er. С. 1098.

та. Т. IV. С. 352.

er. С. 1030—1113.

тигр, ши — камень.

IV. Пожар

ЗНАЧЕНИЕ МЕТАФОРЫ

Пусть не покажутся читателю нарочитыми принятые нами названия глав. События IV века в обобщенном виде и в самом деле напоминают разгорающееся пламя, которое, будучи раздуто ветром, превращается в пожар. И вот с востока подул тайфун и понес сяньбийскую конницу на Срединную равнину; на юго-западе, в лесистых ущельях Шэньси и Сычуани, зародился ураган, взметнувший дисские племена тангутов; с амдосских нагорий вихрь понес отряды тибетских всадников с длинными копьями; в широкой степи возник буран из табгачских косо-плетов; а в сердце империи Чжао закружился смерч китайского национализма, ненависти и презрения ко всему инородному. Ветры раздули зажженный хуннами огонь, и языки пламени опустошали страну от Ляодуна до Кукунора до тех пор, пока не сгорело все, что могло гореть. На несчастную землю лег пепел, но постепенно сквозь него стали прорастать побеги новых, до-толе невиданных трав и цветов. На смену Древности пришло Средневековье. А на привычном «академическом» языке это будет выглядеть так: «Одни племена за другими, то с севера, то с северо-востока, то с запада вторгались в Китай, и вчерашние грозные победители становились жертвой новых завоевателей. Победы одних неизбежно влекли к новым кровавым столкновениям, и все это происходило на землях, возделанных трудом многочисленных поколений китайцев»¹. Эта характеристика,

по необходимости краткая, естественно, не дает ответа на ряд вопросов. Зачем племена шли на верную гибель? Почему их терпел китайский народ? Каким образом сильные державы становились добычей малых племен? Все это надо объяснять в каждом случае.

А было так

Пока Ши Ху и его клевреты купались в роскоши и тонули в вращении, мир вокруг их империи понемногу менялся. Сначала эти перемены шли на пользу Младшей Чжао, но потом выросли в угрозу, да не в одну. Но не будем забегать вперед, а оглянемся назад, чтобы понять, какие перемены произошли с сяньбийскими племенами во второй четверти страшного IV века.

Мы покинули табгачскую державу в то время, когда ее раздирали братоубийственные смуты. Энергичный хан Юйлюй был убит заговорщиками, а его младенца-сына вдова хана прижала в свои шаровары, сказав: “Если Небо хранит тебя, то не заплачешь”. Дитя долго не плакало и спаслось².

Узурпатор не был популярен в орде и жил вместе со своими черниками на отшибе, а его младший брат в 329 г. бежал в Юньнань, и власть вернулась к законным наследникам, но ненадолго. С помощью юйвэньцев узурпатор захватил власть в 331 г., а законный хан бежал к Ши Ху и с его помощью вернулся на престол в 337 г.

Неудивительно, что в период смуты табгачи не только потеряли свои завоевания, но и сами принуждены были отдать завоевания соседям и даже вступить в вассальные отношения к Юньнаню. Эти отношения хан Шеигянь (эвенкийское слово — охунь), некогда спасенный в материнских шароварах, укрепил дружбой с сестрой Муюна Хуана. В 340 г. табгачи проникли через Великую стену и поселились во Внутреннем Китае, сохранив, однако, кочевой быт³. Ши Ху должен был бы этому воспользоваться, но ему помешали восточные соседи — Муюны. По то же время южные сяньби сделали гораздо больше. Основные родственными племенами (дуань, юйвэнь, кидани), а также воинственными, как они сами, Муюны нашли в себе энергию для полной победы. Им мешали усилиться все: северные племена — в Ляодуне, корейцы — за рекой Ялу и даже распри в собственной среде. Но их вождь Муюн Хой был настойчив. Он увеличил свои владения, подчинив себе в 311 г. разбой-

ничьи сяньбийские племена сухи и мувань. В 313 г. он захватил часть владений Дуани, и в 318 г. цзиньский двор признал его Великим шаньюем⁴. В эту кровавую эпоху произвола и бесправия только во владениях Муюна был порядок, и образованные китайцы находили у него приют и покровительство. Это, с одной стороны, придало новой державе организованность, но с другой — проложило путь для китаизации сяньби.

Однако цзиньское правительство отнюдь не желало усиления Муюнов. Не имея военной силы, оно пустило в ход дипломатию. В 319 г. против Муюнов создалась коалиция из Когурё, Дуани, Юйвэни и китайского правителя Ляодуна. Союзники осадили Муюна Хоя в Гичэне (около совр. Мукдена), но вскоре между нападавшими начался разлад. Муюн Хой послал юйвэньцам быков и вино. Дуаньцы, узнав об этом, решили, что юйвэньцы заключили секретный договор с Муюнами и, опасаясь предательства, ушли домой. Обманутые юйвэньцы решили продолжать войну и блокировали Гичэн. Однако, распылив свои войска, юйвэньский хан Сидэгуай дал возможность Муюну Ханю, любимому сыну Муюна Хоя, улучшить момент для вылазки. Муюн Хань заманил юйвэньский отряд в засаду, откуда не ушел живым ни один воин, затем ворвался в лагерь юйвэньцев и поджег его. Неся огромные потери, юйвэньцы в панике разбежались.

Китайский правитель Ляодуна бежал в Когурё, бросив свою страну на произвол судьбы. Муюн Хой занял своими войсками Ляодун и уведомил цзиньское правительство об этой оккупации. Тому ничего не оставалось делать, как признать факт и послать Муюну Хою печать ляодунского правителя. Муюн Хой умер в 333 г. Престол унаследовал Муюн Хуан.

Муюн Хуан, получивший хорошее китайское образование, окружил себя просвещенными китайцами; культура отделила его от подданных, которые, не понимая мотивов его поступков, находили его чрезмерно строгим.

Вождями оппозиции стали братья Муюна Хуана, храбрые воины Муюн Жэнь и Муюн Хань. Они нашли много сторонников и поддержку в Дуани. В 334 г. повстанцы и дуаньцы наголову разбили войско Муюна Хуана; дуаньцы собирались преследовать врага, но Муюн Хань, движимый чувством патриотизма, отвел свои войска и не дал развить успех. Муюн Хуан был спасен.

Однако его положение оставалось опасным, и искать союз-

и было просто необходимо. Поэтому он с восторгом принял услуги, предложенные ему Гао Ху, китайским авантюристом, укрепившимся в Юнпинфу — крепости на берегу Ляодунского залива. Гао Ху, страшась своих соседей, дуаньцев и чжэнь, обратился за помощью к Муюню Хуану как к сыну императора Ляодуна, утвержденному цзиньским императором. Китайские мечи в сочетании с китайскими плутнями украсившийся трон сяньбийского владыки, к 336 г. ставший хозяином своего царства.

В это время Муюн Жэнь укрепился на восточной окраине Ляодуна, в крепости Бингу (современный Гайпин в Ляодуне, на берегу Ляодунского залива)⁵. В 336 г. Муюн Хуан перешел по Ляодунский залив и застал противника врасплох. Крепость перешла на милость победителя, но милости оказано не было. Муюн Хуан, казнив перед глазами брата его соратников, «позволил ему умереть»⁶.

Победа китаизации была ознаменована принятием шаньюем китайского титула «ван» и китайского названия для династии — Юань (337 г.). Оставалось покончить с Дуанью.

Дуаньские сяньбийцы были не менее мужественны, чем муянские, но беда надвинулась на них с двух сторон: Муюн Хуан заключил союз с Ши Ху, и в 338 г. огромный флот Младшей империи и 70-тысячная армия хуннов напали на Дуань с юга, в то время как Муюн Хуан начал наступление с севера. Дуаньская империя выступила против северного соседа и потерпела поражение, позволившее войскам Ши Ху оккупировать южную часть Дуани и все небольшие крепости Хэбэя, еще подчинявшиеся императору Цзинь. Разбитые дуаньцы вместе с царем укрылись в лесах, а их «гость» Муюн Хань бежал в Юйвэнь.

Остатки дуаньцев уцелели лишь потому, что Ши Ху решил считать себя покровителем китайского населения, а поскольку сяньбийцы в Дуани давно перемешались с китайцами, то все воспользовались объявленной милостью. Но это вызвало конфликт с Муюном Хуаном, который уклонился от переговоров о разделе захваченных земель. Огромная и не потрепанная боями армия Младшей империи Чжао двинулась на Маньчжурию. Крепостей открыли ей ворота.

Несмотря на то, что многие жестокие люди, Муюн Хуан не был храбр. Он не хотел было бежать на север, но его полководцы организовали отступление противнику. Чжаосцы дошли до столицы Муюня, осадили ее, но после десяти дней блокады огромная хун-

но-китайская армия, испытывая недостаток в продовольствии, была вынуждена начать отступление. Сяньбийцы погнались за отступавшими. Около 30 тыс. хуннов пали в бою, уцелевшие бежали, а сдавшиеся в плен были обезглавлены. Только Жань Минь отвел свой отряд без потерь.

Тогда вышел из леса дуаньский царь и послал к обоим противникам предложения своей покорности. Оба приняли их благосклонно и прислали ему в помощь войска. Кого-то одного надо было предпочесть, но это значило предать другого. Сяньбийцы предали хуннов. Чжаосцы шли, не приняв мер предосторожности, поэтому были застигнуты сяньбийцами врасплох и разбиты. Но дуаньский царь не выиграл ничего. Муюн Хуан обвинил его в интригах и казнил.

В 340 г. огромное хуннское войско и речной флот вторглись в сяньбийские земли⁸. Театром войны стал Хэбэй. Муюн Хуан, не принимая боя, обошел хуннов с юга и ударил на запад в Гичжоу, где были сосредоточены запасы провианта наступающей армии. Все склады были сожжены, и хуннам пришлось спешно отступать. Тактика обеих армий показывает, что сяньбийцы сохранили степной метод войны — действия мобильными отрядами, а хунны перешли к китайской системе — использованию численного перевеса при строгой организации и снабжении со складов. Империя Чжао с каждым годом становилась более китайской, нежели хуннской.

Одержанная победа позволила Муюну Хуану перенести свою столицу еще южнее, в город Лунчэн (ныне — Чжаоянсянь в Хэбэе)⁹, а в 341 г. цзиньский император признал Муюна Хуана ваном царства Янь. Это укрепило позиции Муюнов на юго-западе и позволило им перенести агрессию на восток.

В 342 г. два сяньбийских войска вторглись в Когурё. Одно из них отвлекло на себя когурёзские войска, другое перешло через трудные горные перевалы, одержало победу в бою и после короткой осады взяло столицу. Когурёзский царь бежал, оставив свою страну на разграбление. Муюн Хуан не счел нужным оккупировать разоренные земли. Он ограничился тем, что получил от когурёзского царя признание зависимости, и удалился с огромной добычей. Когурё было обессилено и более не опасно для сяньбийцев.

Затем наступила очередь Юйвэни. Прибывший туда из Дуани царевич Муюн Хань не встретил доверия юйвэньцев. Тогда он симулировал сумасшествие и, пользуясь свободой, предос-

смой, по местным обычаям, душевнобольным, бродил по стране, тщательно ее изучая. Покончив с этим делом, он предложил своему брату Муюну Хуану свои услуги для покорения страны, его приютившей. Можно называть это предательством, но патриотизмом, но для нас важно другое: колоссальная, ютимая энергия Муюна, направленная на возвышение страны, даже вопреки собственным политическим симпатиям, ибо с братом он не ладил.

Муюн Хуан принял брата и сделал его полководцем и советником. В походе на Когурё Муюн Хань командовал авангардом из армий. В 344 г.¹⁰ он повел войска на Юйвэнь, которая открыла на свою сторону беглых воинов из разбитого Когурё. Среди юйвэньских войск стоял кореец, опытный и храбрый полководец. Муюн Хань вызвал его на поединок и убил, получив при этом тяжелую рану. Этот поединок решил исход сражения: юйвэньские войска были разбиты, их столица сдалась, и держава перестала существовать, а народ пополнил войска победителя¹¹.

Честь этой победы принадлежала Муюну Ханю, который после поединка долго болел. Завистливый и подозрительный Муюн Хуан обвинил его в участии в заговоре и приказал кончить жизнь самоубийством.

Муюн Хуан скончался в 348 г., оставив своему сыну Муюну Ханю престол, организованную державу, сильную армию и четкую программу дальнейших завоеваний. Мечтой его было объединение Китая и образование империи, подобной Хань. К Муюну Ханю он стремился неуклонно: перешагнул через трупы братьев, попрал старинные обычаи, беспощадно рубил головы подозреваемых в недовольстве подданных и пленных. Главным препятствием на пути к господству Муюнов было соседнее государство Чжао, против которого муюнские советники решили начать превентивную войну¹². В ближайшие годы должно было выясниться, кто победит: окитаенные хунны или юйвэньские сяньби.

Однако характер китаизации в Младшей Чжао и державе Муюнов был принципиально различен. Муюны жили в своей стране, и ляодунские китайцы составляли среди них незначительное меньшинство. Муюны заимствовали у Китая приемы управления, образования, технику и ремесло. Они привлекали к себе образованных китайцев, используя их в качестве консультантов и специалистов. Китайцам жилось хорошо, и они служили царству Янь так же верно, как служили бы импе-

Хунны в Китае

рии Цзинь, живи они на юге. Муюны объединили под своей властью всю Маньчжурию, благодаря чему их войско усилилось за счет подчиненных народов, близких им по происхождению и культуре. А в империи Младшая Чжао все было наоборот. Даже богатство страны и многочисленность населения скорее деморализовали, нежели усиливали власть бывших хуннских кулов и их вождя Ши Ху. Но события приняли оборот, неожиданный для обеих сторон.

СМЕРЧ

Китайцы — народ терпеливый, но все-таки сколько же можно терпеть? Безумная роскошь двора, неудачные походы, травля зверей на возделанных полях и растущая буддийская община — все это вместе стоило дорого. А платить приходилось китайцам-труженикам. Однако тяжелая жизнь большинству людей кажется лучше мучительной смерти, а китайское население Младшей Чжао видело перед собой только эти две возможности. Поэтому в империи Ши Ху стояла обманчивая тишина. Только в 345 г с окраины подул ветерок.

В благодатных оазисах у подножия Наньшаня еще с ханьского времени поселились китайцы. Сначала это были переселенцы из Шэньси, бывшие подданные царства Цинь (IV—III века до н. э.), т. е. самые отважные и неукротимые воины Китая. Дети и внуки переселенцев в условиях пограничной беспокойной жизни еще более отшлифовали военные навыки предков и не утратили их доблести. Хуннские завоевания отрезали их страну от метрополии, но хунны не пытались захватить крепости Западного Ганьсу. Впрочем, и наньшаньские китайцы не стремились стать жертвами хуннских стрел и формально согласились считать себя подданными сначала Хань (с 313 г.), а затем Младшей Чжао.

Так бы оно и продолжалось, если бы новые затеи Ши Ху не оказались каплей, переполнившей чашу. В 345 г. он решил построить грандиозный дворец в Лояне (для чего было мобилизовано 400 тыс. рабочих), разбить вокруг него охотничий парк, с указанием, что браконьеров будут рубить на куски, и увеличить свою женскую гвардию еще на 30 тыс. девушек, лишив их права на семейное счастье. Именно мобилизация женщин показала китайцам особенно тягостной и оскорбительной. Этот момент считал для себя удобным правитель Наньшаня. Он отделил

Рис 3 Пожар Смерч

свою область от Младшей Чжао и подчинился, разумеется, номинально, Восточной Цзинь как вице-король царства Лян.

Ши Ху не раздумывая двинул на подавление восстания 80-тысячную армию. Но это была не хуннская армия: офицеры и солдаты ее были набраны из местного населения и сражались как умели и хотели, т.е. плохо. В 347 г. полководец Ма Цзю взял несколько крепостей, был разбит и отступил, потеряв половину армии. Лянцы преследовали и вторично разбили чжаосцев (хуннами их называть нельзя), причем не помогли даже подкрепления, присланные Ши Ху. Последний дал кампании такую оценку: «Через эту страну мы вошли в Китай, через нее же придет наша гибель»¹³.

Он оказался прав. В 349 г. аналогичное восстание поднял Лян Ду, военный комендант области, лежащей в верхнем течении реки Хань (в Шэньси). У него не было таких закаленных воинов, какими полнилось царство Лян, но ему помог сам Ши Ху. Разгромив в 338 г. Дуань, Ши Ху приказал расселить пленных «на севере Китая, вплоть до реки Хань»¹⁴. Он рассчитывал создать из них боеспособное пополнение для своей слабеющей армии, но не учел порядков в собственной стране. Мобилизованные дуаньцы подверглись такому издевательству со стороны правителя области Юнчжоу (на стыке Шэньси и Ганьсу), что Лян Ду без труда подговорил одного из них, Се Ду-чжэна, организовать восстание¹⁵. Усилившись за счет сяньбийцев, Лян Ду взял Чаньань, разбил под Синьанем (в Хэнани) войско принца Ши Бао и повел наступление на Лоян. К восстанию примкнули толпы крестьян, которые с обычным для китайских историков преувеличением назывались в источнике «стотысячным войском». У стен Лояна Лян Ду вторично одержал победу и двинулся на столицу. Престол Ши Ху зашатался.

Выручка пришла с запада. Против сяньбийско-китайского блока выступили ди и кяны. Старый тибетец Яо И-чжун привел в Е восемь тыс. всадников и потребовал, чтобы император принял его. Ши Ху был предельно вежлив с тибетским вождем, выслушал его советы по управлению государством, поучения, хулу на принцев. Терпению изверга можно было позавидовать. Под конец аудиенции он подарил Яо И-чжуну доспехи и коня. Яо, не поблагодарив, вскочил в седло, поскакал галопом, принял командование над остатками разбитой армии и под Лояном разгромил войско Лян Ду; сам Лян Ду был убит, а его «стотысячная армия» рассеялась.

Но была последняя удача Ши Ху. Измученный волнениями он тяжело заболел. Возник вопрос о назначении наследника. Как всегда, были высказаны разные мнения: либо назначить одного из старших сыновей императора, имеющих авторитет в войсках, — «мудрого» Ши Цзуня или «смелого» Ши Ши, либо малолетнего Ши Ши за благородство его происхождения.

Ши Ши всегда придавали большое значение аристократизму. Дочь Лю Яо попала в плен, Ши Ху сделал ее своей женой. Он ее очень любил, и она родила ему сына, которого полководец Чжан Чай предложил в наследники престола. Со стороны Ши Ши, принц Ши Бинь, пользовался расположением офицеров, находившихся под его командованием. Офицеры вошли в покои больного императора и потребовали передачи государственной печати своему командиру — способному полководцу из сыновей Ши Ху. Чжан Чай не согласился: он заявил, что Ши Бинь пьян, и, пока сына разыскивают, чтобы привести к отцу, подослал к Ши Биню убийцу. В те же часы скончался Ши Ху, также, видимо, без посторонней помощи. «Аристократическая партия» победила: Ши Ши стал императором, его мать — регентшей, а Чжан Чай — фактическим правителем империи. Ши Цзунь спасся благодаря тому, что своевременно покинул столицу.

При режиме военной деспотии, а именно такой режим установили Ши Лэ и Ши Ху, не армия зависит от правительства, а правительство от армии. Как только уцелевший принц, «мудрый» Ши Цзунь, вернулся к командованию армией, Яо И-чжун и Ши Минь (Ши Минь) стали на его сторону. Войско вступило в столицу, свергло правительство и возвело на престол Ши Цзуня. Чжан Чай был казнен немедленно, а Ши Ши и его мать после церемонии лишения степеней достоинства¹⁶. Благодарный Ши Цзунь назначил Ши Миня (Жань Миня) главнокомандующим.

И вот тут мы подошли к порогу истинной трагедии, а то, что было раньше, можно охарактеризовать, скажем, как направляющие детали. И в самом деле так: восстания, заговоры, братоубийства, перевороты бывали в Китае часто, но то, к чему это привело, такое и там рассматривалось как нечто экстраординарное. Поэтому расскажем подробнее о герое дня — полководце Жань Мине. Он был приемный китаец, воспитанный и усыновленный Ши Ху, подарившим ему свою родовую фамилию. Минчик оказался способным и к военному делу, и к придвор-

ным интригам, но, как мы увидим, он никогда не забывал своего истинного происхождения. Живя в хуннской семье и командуя хуннскими войсками, Жань Минь стремился к власти, желая отомстить дикарям, покорившим его народ. Став главнокомандующим, он предложил императору назначить его наследником престола в обход собственного сына. Ши Цзунь отказал и в ответ на дерзкое поведение своего генерала подумывал о предании его суду. Но у Жань Миня были шпионы, выдавшие ему замыслы государя. Тогда Жань Минь, надев шлем, вошел во дворец, убил императора и наследника, поставил другого принца императором, а себя назначил маршалом¹⁷. И все это без малейшего сопротивления со стороны окружающих! Как это могло случиться?

Со следующим императором, Ши Цзянем, произошло то же самое через 103 дня, но его Жань Минь не убил, а заключил в темницу. Вскоре он издал прокламацию, весьма краткую, но выразительную: «Те, кто за меня, оставайтесь со мной. Те, кто против меня, пусть уходят куда хотят!»¹⁸. И тогда китайцы стеклись в столицу, а хунны успешно покинули ее.

В этом и кроется объяснение. За Жань Минем была сила симпатии побежденного, но непокоренного народа. Он мог свергать императоров, потому что придворная знать и дворцовые слуги китайского происхождения стояли за него. Их не нужно было вовлекать в заговоры, посвящать в секреты, подкупать — они и так делали что могли, лишь бы насолить хуннам. И когда сила национального гнева подняла на престол Жань Миня, он пошел навстречу воле народа и приказал перебить всех хуннов в своем государстве. Приказ выполнялся с такой охотой, что «при сем убийстве погибло множество китайцев с возвышенными носами»¹⁹. Короче говоря, это был открытый геноцид, по сравнению с которым хуннский террор — детская забава. Хунны убивали много, но сначала они это делали ради своей свободы и справедливости, потом — для обеспечения благополучия созданного ими государства, под конец — для водворения порядка в восставших областях. Все эти поводы подходят под понятие самозащиты и были вызваны стечением обстоятельств. Китайцы же в 350 г. убивали ради убийства иноплеменников, т.е. людей, не похожих на них. Чем бы ни был вызван расизм, он оказался доминантой событий и повлек за собой последствия, которые не могли предусмотреть ослепленные яростью сторонники Жань Миня.

ПРОТИВ ВЕТРА

Несмотря на то, что только в стенах столицы было убито более 100 тыс. хуннов, а общее число истребленных в стране неизвестно, остались хунны не только уцелевшие, но и способные организовать сопротивление. Воеводы Ши Ци, Ши Кунь и др. возглавили хуннские полки против узурпатора. Жань Минь ответил на это казнью 28 членов фамилии Ши, той самой семьи, которая приютила бедного сироту, воспитала его и возвысила. Теперь он отказался, конечно, от фамилии Ши, которую носил всю жизнь, и объявил себя основателем династии Вэй, под названием которой для «варваров» нет места нигде, кроме как в плече. Одновременно он направил в Южный Китай послание: «Нам не ху взбунтовались на Срединной равнине, ныне мы наказываем их и могли бы совместно покорить, если Вы пошлете войско»²⁰.

Естественно, правительство Восточной Цзинь согласилось на совместные действия против «варваров». Однако полководец Ван Хао, занятый устройством военных поселений в Цзяньси, не имел достаточно поводов для проволочек и оставил Жань Миня без поддержки. А хуннский полководец Ши Чжи укрепился в крепости Сянго и обратился за помощью к Муюну Цюню. На его сторону стал престарелый тибетский вождь Яо Чжун, доверивший командование тибетской конницей своему храброму и талантливому сыну Яо Сяну. А на западной окраине империи дисский вождь Фу Хун поднял свое племя для защиты свергнутой династии (350 г.).

Но все эти разбросанные отряды численно уступали 300-тысячной армии Жань Миня, пользовавшейся сочувствием китайского населения страны и имевшей в своем распоряжении арсеналы, провиантские склады и крепости. Только безысходное положение толкало уцелевших хуннов на сопротивление.

Первый удар попытались нанести хунны. Они напали на провинцию Е... и потерпели полное поражение. Развивая успех, Жань Минь в начале 351 г. осадил Сянго. Ши Чжи успел послать посла к Муюну Цюню с обещанием передать тому императорскую печать за спасение крепости (передача печати означала договорочное подчинение).

Муюн Цюнь и его советники давно уже присматривались к восстановлению Северного Китая. Уже в 348 г. при дворе Великого Юаньшя вельсь речи о целесообразности превентивной войны

против Младшей Чжао, а события 349—350 гг. подтвердили эту точку зрения. В 349 г. осторожный Муюн Цзюнь заключил союз с царством Лян и подготовил 200-тысячную армию, хорошо обученную и дисциплинированную. В 350 г. эта армия заняла город Гичэн (Пекин), создав тем самым плацдарм для будущего наступления. Муюн Цзюнь перенес столицу из Лунчэна в приобретенный Гичэн, чтобы удобнее следить за ходом событий. В 351 г. отряд сяньбийцев двинулся на выручку крепости Сянго.

Но пока Муюны медленно разворачивались, инициативу захватил старый тибетец Яо И-чжун. Он послал войско своего сына Яо Сяна на соединение с хуннским вождем Ши Кунем, приказав снять осаду с Сянго и принести ему голову Жань Миня, «бесчеловечного и несправедливого негодяя, загасившего благодетельный род Ши»²¹. Эта точка зрения диаметрально противоположна китайской, рассматривающей Жань Миня как героя. Обе они одинаково неосновательны и характеризуют не историческую закономерность, а накал страстей, который сам по себе лишь следствие хода событий, логически вытекающих друг из друга. Используя для завоевания власти принцип расового геноцида, Жань Минь разжег такой пожар ненависти, который уже не мог погаснуть.

ТАЙФУН

Жань Минь своевременно получил сведения о наступлении тибетского и хуннского отрядов и выслал против них заслоны, которые были тут же сметены. Тогда он решил лично идти на врага, несмотря на совет одного из воевод не снимать осады Сянго, а занять оборонительную позицию и дожидаться момента, удобного для удара. На его решение повлиял гороскоп, составленный придворным астрологом: «Венера (звезда убийств) вошла в созвездие Плеяд, значит, наступило время, чтобы покончить с хуннами»²². Однако, как часто бывает, положение звезд дало неожиданные результаты. Войско Жань Миня застигло противников в момент их соединения и готовилось дать бой, когда на горизонте появились дымовые сигналы подходивших к месту сражения сяньбийских войск. Этого, пока еще морального, воздействия оказалось достаточно, чтобы в китайской армии началась паника. Комбинированный трехсторонний удар тибетцев, сяньбийцев и хуннов довершил дело. Жань

Минь успел убежать и прибыл в Е в сопровождении нескольких всадников. Третья часть огромной армии полегла на поле битвы.

Так что можно считать, что Венера с Плеядами совершили свое дело, хотя китайцам целесообразнее было смотреть не на звезды, а вокруг себя.

Как только слух о поражении Жань Миня разнесся по стране, иноземцы, сосланные на поселение в разные области империи, отправились по домам. Не имея запасов пищи, они грабили и убивали где могли; китайцы, защищаясь, убивали их, а в результате шло опустошение страны. Возник голод, появилась чума, поля некому было засеять. Ветер бедствия летел над Северным Китаем.

Однако Жань Минь со свойственной ему энергией собрал новую армию из остатков прежней. И когда хуннский вождь Чю Сянь явился с войском к стенам столицы, Жань Минь разбил его столь основательно, что 30 тыс. хуннских воинов осталось на поле боя. Лю Сянь вступил в переговоры с Жань Минем, обещая ему уговорить Ши Чжи подчиниться, а когда это не удалось, убил последнего и вступил на престол в Сянго. В августе 352 г. Жань Минь захватил Сянго. Под предлогом мести за царевубийство и предательство он казнил Лю Сяня и разрушил последнюю столицу хуннов, а остаток населения перенес в Е. Затем он двинулся на восток навстречу сяньбийцам. Однако Муюн Ко сумел перехватить инициативу и занял Сянго.

Жань Минь попробовал отступить к Чанъани, но сяньбийцы преследовали его по пятам, и превосходная китайская пехота не могла оторваться от легкой конницы кочевников. Зато китайская латная конница сминала в открытом бою сяньбийцев, применявших традиционную тактику кочевников, позволяющую им изматывать превосходящие силы противника: не давая натиска, а рассыпаться. Поэтому силы были при прочих равных условиях равны.

Окруженные сяньбийцами, войска Жань Миня окопались в удобной позиции около Лянтая и отбили десять атак, порадовав противника яростью, с которой они бросались в бой. В конце Муюнов возник ропот, и многие предлагали оставить войска добить китайскую армию. Тогда Муюн Ко применил новый для кочевников стратегический прием. Он отвел основные силы армии и позволил Жань Миню начать отступление, оставив лишь 5 тыс. всадников, чтобы тревожить против-

плен, не только не была убита, а стала любимой женой Ши Ху, ибо женщины в хуннских кочевьях были неприкосновенны при самых жестоких расправах. Зато в китайских дворцах женщин бросали в тюрьмы на голодную смерть или замучивали пытками.

Таких примеров можно привести много, но смысл их в том, что сопряжение двух разных стереотипов этнического поведения создало совершенно нежизнеспособное общество-химеру. Поэтому ответственность за разорение Северного Китая и гибель южных хуннов следует возложить на Лю Юаня, который, увлекшись гуманистическими иллюзиями, не ведал, что творил.

Пожалуй, более прав был Лю Сюань, предлагавший войти в союз с сяньбийцами, отвоевать у Китая нужную хуннам территорию и создать там подобие державы Хунну, какой она была до подчинения империи Хань. Именно по этому пути пошли хуннские князья Ордоса, оставшиеся после 350 г. последними представителями хуннской культуры, смертный час которой еще не пробил.

Но последними ли? Ведь сяньбийцы-муюны остались кочевым народом, объединили вокруг себя родственных им юйвэньских татабов, киданей и остатки дуаньских ухуаней. Китайцев они привлекали с разбором, использовали их как специалистов и отнюдь им не подчинялись. Захваченные земли с китайским населением были не слишком обширны и опустошены за время войн настолько, что внутри Китая на местах покинутых пашен образовались пастбища. Население муюнской империи Янь исчислялось всего в 2 460 тыс. семейств³¹, т.е. составляло около 45% населения империи Цзинь перед ее гибелью. При этом значительная часть кочевого населения империи Янь жила в Маньчжурии и с китайцами общалась мало. Племена несли тяжелую военную службу, китайцы — не менее тяжелые трудовые повинности; принцы царствующего дома дрожали за свою жизнь, ибо Муюны злоупотребляли братоубийством даже по тем временам. Короче говоря, и эта программа не принесла счастья народам, а симпатии масс имеют в политических интригах и военных столкновениях немалое значение.

Поэтому все обитатели Срединной равнины мечтали о правительстве справедливом, твердом и благосклонном равно к китайцам и к инородцам. Как ни странно, и этот вариант нашел свое воплощение, хотя последствия его было невозможно предугадать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ская Л.В., Эренбург Г.Б., Юрьев М.Ф. Очерки истории Китая. М., 1963. С. 43.
- ¹² И.Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 171. С. 172. С. 160—161. С. 630.
- ¹³ И.Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 163. С. 1107.
- ¹⁴ Это и разумеется преувеличенное, определено в 500 тыс. сухопутных ратников и 10 тыс. кораблей. Совершенно ясно, что большую часть этой армии составляли китайцы, неохотно сражавшиеся за хуннского царя. Этим объясняется слабость империи Младшая Чжао.
- ¹⁵ *Ibid.* С. 631.
- ¹⁶ *Витурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 166, 210. На стр. 210 у Бичуридина ошибочно указан 333 год. См.: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия... С. 164; *Wieger.* С. 1120. *Ibid.* С. 632. *Wieger.* С. 1137.
- ¹⁷ *Ibid.* С. 1127.
- ¹⁸ *Ibid.* С. 1109.
- ¹⁹ Шан Юэ. Очерки... Стр. 145.
- ²⁰ Ши Ши царствовал 33 дня.
- ²¹ Ши Цзунь царствовал 183 дня.
- ²² *Wieger.* С. 1135.
- ²³ *Витурин Н.Я.* Статистическое описание Китайской империи. Т. II. СПб., 1853. С. 74—75. Ср.: *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия... С. 15, 140; *McGovern.* С. 350—351; *Wieger.* С. 1135.
- ²⁴ Шан Юэ. Очерки... С. 146.
- ²⁵ *Wieger.* С. 1138. *Ibid.* С. 1139.
- ²⁶ *Ibid.* Т. IV. С. 394—395. *Wieger.* С. 1141. *Ibid.*
- ²⁷ *Витурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 167.
- ²⁸ Царство Янь в IV—III веках до н.э. располагалось на крайнем северо-востоке Китая; захватив бывшие яньские земли, Муюны присвоили себе древнее китайское название, надеясь оправдать оккупацию в глазах китайского населения.
- ²⁹ Шан Юэ. Очерки... С. 146.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Wieger.* С. 1138—1139.
- ³² *Ibid.* С. 1156.

V. Накал

ДУНОВЕНИЕ ДРЕВНОСТИ

Муюн Цзюнь и его советники были трезвыми политиками. Несмотря на заявленные претензии на господство над всем Китаем, они оккупировали столько земель, сколько могли удержать без особого напряжения, а именно Шаньси и Шаньдун. Южные китайцы, несмотря на понесенные ими поражения, получили возможность вернуть себе Хэнань, а в Шэньси возникло новое царство. Чтобы понять, как это случилось, вернемся на несколько лет назад.

Начнем с того, что аллювиальная равнина лессового плато представляется путешественнику холмистой, а то и горной страной. Лесс легко поддается эрозии, и поэтому долины рек и овраги врезаны в плато на глубину 200—500 м, а так как люди живут около воды, то склоны кажутся им горами. Можно сказать, что это горный рельеф с обратным знаком, т.е. врезанный в землю.

Помимо того, в Шэньси имеются островные горные хребты, а на юге — широтный хребет Циньлин, покрытые широколиственными лесами¹. При ярко выраженной зональности — от густых лесов, через степи, до пустынь Ордоса — эта область представляет исключительное разнообразие ландшафтов в тесном сочетании и переплетении, что отразилось на судьбах народов, ее населявших².

В IV веке местное население этой прекрасной страны еще не было поглощено китайцами. Народ, который мы называем тан-

ми, хотя и не составлял большинства населения, но жил своим бытом, храня древние традиции. В 312 г.³ к ним прибавилось много тибетцев, сменивших нагорья Амдо на благодатные бережья реки Вэй, а вслед за тем, во время хуннского владычества, в тех краях поселилось немало степных кочевников — хуннов и сяньбийцев.

Они последние, плохо относясь к оседлым китайцам, не распространяли своей неприязни на оседлых тангутов. В то время, когда правительство Ши Ху потеряло популярность, военный престиж и область Лян, они подумали прежде всего о себе и вскоре объединились вокруг тангутского старейшины Пу Хуна, умножив его дотоле небольшие силы.

Вспомним, что китайско-сяньбийское восстание Лян Ду было разгромлено тибетскими полками Яо И-чжуна. Помощником последнего был тангут (ди) Пу Хун, также предпочитавший гиранию хуннов «свободе», полученной из рук китайцев. За услуги в борьбе против мятежников Ши Ху сделал Пу Хуна правителем долины Вэй (в Шэньси). Жань Минь, стремясь избавиться от командиров-инородцев, вызвал Пу Хуна в столицу, но тот понял, что сулит ему такая поездка, и предпочел восстание. Разбив преданного династии Ши тибетского вождя Яо И-чуна и объявив себя сторонником династии Цзинь, Пу Хун в 340 г. принял двойной титул: шаньюй — для кочевников и царь Цзинь — для оседлых подданных. Название династии было выбрано с толком: истые китайцы считали древнее царство Цинь наполовину жунским и вообще «варварским». Взять это за образец означало для тангутов заявить свое право на преемство и освятить его традицией, для китайцев одиозной. Следовательно, мир с империей Цзинь был исключен. Но поскольку древнее царство Цинь объединило в III веке до н.э. Китай, то в названии крылась и программа действий. Используя настырность Шэньси воинственными и решительными людьми, тангуты хотели добиться такого положения, при котором все народы подчинились бы одной цели — завоеванию Китая и Великой степи и созданию страны, в которой можно было бы жить всем, ибо за время господства Жань Миня расовый принцип потерял популярность. Иначе говоря, тангуты приняли на себя миссию упорядочения Северного Китая и преследовали эту цель неуклонно в течение сорока лет.

По совету гадалея Пу Хун сменил родовое имя на Фу, но это не спасло его от беды. Бывший воевода Младшей Чжао,

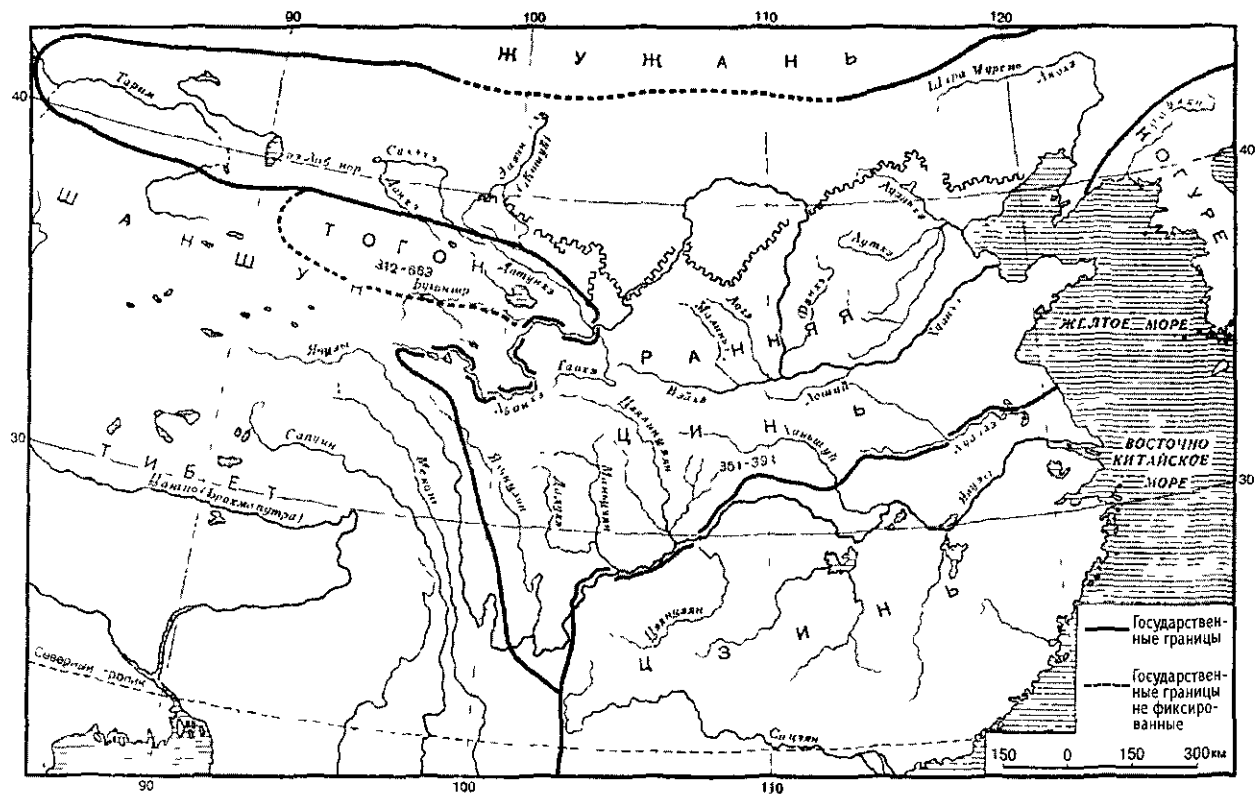

Рис 4 Накал Дчновение дровности

дованный за неудачную войну с Лян, Ма Цзю отравил Фу Цюно, но был казнен его сыном, вступившим на престол под именем Фу Цзяня I в 351 г.

Используя развал Младшей Чжао, Фу Цзянь I овладел Чанъи и утвердил в этом славном городе столицу новой империи. Но тут ему пришлось столкнуться с китайцами, увидевшими в этом поводе для войны, так как, по их воззрениям, в Китае мог быть только один император.

Правление Лян в предгорьях Наньшаня потрясали обычные для тех времен царевубийства⁴, благодаря чему оно было для соседей неопасно. Но из Южного Китая в 354 г. пришла сильная армия, которую восторженно приветствовало китайское население Шэньси. Однако нехватка продовольствия и стойких тангутов, засевших в чанъаньской цитадели, заставили местного полководца Хуань Вэня начать отступление⁵. Тангутские воиска преследовали китайцев, и во время отступления наследный принц, любимый сын Фу Цзяня, храбрый и опытный полководец. Это была слишком дорогая плата за победу. Следующий по возрасту царевич, Фу Шэн, родился слепым на один глаз, и сознание своего уродства сделало его мстительным и жестоким пьяницей. Дед и отец не любили его, и он выместил свои обиды на их приближенных по вступлении на престол в 356 г., для начала казнив свыше пятисот вельмож и слуг своего отца⁶. Его братьев спасло лишь очередное нападение врагов, на войну с которыми они отправились. В Китае было больше надежд уцелеть, чем при дворе.

В этот раз против тангутов выступили тибетцы. Престарелый Яо И-чжун, умирая, в 352 г. завещал своему сыну Яо Цзиню подчиниться империи Цзинь, что тот и выполнил. Однако китайцами он не ужился и передался Муюю Цзюню, назначившему его правителем Хэнани. Там он пробыл недолго, увидев, что его враг, главнокомандующий южнокитайскими войсками Хуань Вэнь, в 356 г. начал наступление на север. При этом (около Лояна) тибетцы потерпели поражение и, покинув Лоян, бежали на северо-запад, благодаря чему Хуань Вэнь заняв Лоян, восстановил там гробницы цзиньских императоров, возвращаясь домой, оставил сильный гарнизон. Сяньбийцы не смогли перейти за водной преградой Хуанхэ. Для Китая это был первый моральный успех, ради которого Хуань Вэнь пожертвовал надеждой отвоевать Шэньси, куда направился Яо Сян с войском, состоявшим из хуннов, кянов (тибетцев) и китайцев⁷.

Но ему и тут не повезло. Князь Фу Цзянь разбил его пестрое войско, а самого, взяв в плен, казнил. Его брат Яо Чан подчинился тангутскому князю и впоследствии, участвуя в походах, заслужил княжеское достоинство; приведенный им народ был расселен в Шэньси.

Князь побеждал, а император свирепствовал в столице, сдвигая у опальных приближенных кожу с лица. Но тангуты IV века не для того завоевали свободу, чтобы безропотно давать себя убивать озлобленному калеке. В 357 г. царевичи Фу Фа и Фу Цзянь были предупреждены дамой, которую любил Фу Шэн, что завтра их казнят. Ночью они вошли во дворец в сопровождении вооруженной стражи, нашли Фу Шэна мертвецки пьяным и, к общему удовольствию, зарезали его⁸.

Благородный Фу Фа уступил престол младшему брату, ставшему Фу Цзянем II. Однако тот оказался истым хранителем древних традиций Цинь: он казнил своего брата. После этого создание новой империи было оформлено, назначен наследник и намечено направление политики — завоевание Китая. Недовольные тангутские князья в 367 г. попробовали протестовать, но были подавлены и заплатили жизнью за протест⁹. После этого Фу Цзянь II стал не только императором, но и действительным самодержцем.

Как рассматривать это новое государство? Китайцы считали его варварским, но Фу Цзянь и его окружение, естественно, держались противоположного мнения. Когда в 360 г. две орды, сяньбийская и ухуаньская, предложили Фу Цзяню свою покорность в обмен за разрешение поселиться в его владениях, циньские советники заявили царю, что «кочевники имеют лица людей, но сердца животных». С ними, бесчеловечными и некультурными, нельзя якобы иметь дело¹⁰. Под давлением приближенных, считавших себя носителями культуры, Фу Цзянь выпроводил гостей за северную границу, которой была та же Китайская стена или, точнее, ее руины. Это повлекло за собой последствия, важные не только для империи Цинь, но и для всех ее соседей. Попытка воплощения в жизнь древнего идеала — лучшее средство для самообмана, но не для обмана окружающих. Китайское население Шэньси все равно не считало тангутов своими; степняки убедились, что Фу Цзянь им не друг. После потери потенциальных союзников у тангутов осталась только их военная доблесть, и они начали разговаривать «с позиции силы», как некогда воины царства Цинь.

Тангутам весьма благоприятствовало, что их наиболее опасный соперник — сяньбийская империя Янь — была вынуждена заключить союз с Цинь. В 360 г. умер Муюн Цзюнь, оставив престоломудрому сыну Муюну Вэю. Последний имел мудрого руководителя, Муюна Ко, руководившего империей и правильно понимавшего необходимость объединения с тангутами против южной империи Китая. В 362 г. сяньбийцы перешли Хуанхэ, бывшую границу с южной империей, но китайский главнокомандующий Хуань не позволил им отступить¹¹.

Положение сяньбийской империи стало тяжелым, ибо до этого было южным китайцам форсировать Хуанхэ, и население Хэбэя помогло бы им выгнать варваров из Средней Азии. Поэтому сяньбийцы собрались с силами и в 365 г. вернули себе Лоян.

Успешная экспедиция, сяньбийская конница Муюна Чуя очистила южную часть Шаньдун и дошла в 366 г. до реки Хуай. В 369 г. Хуань Вэнь попытался организовать контрнаступление, но при Фаньтоу (в Хэнани) китайцы были разбиты наголову сяньбийцами. Вслед за тем подошли тангуты и тоже одержали победу над отступавшими силами южных китайцев. Злополучный Хуань Вэнь сжег флотилию, заведенную им на реке Хуай, и поспешил убраться на юг. Река Хуай снова стала границей между «варварским» и национальным Китаем.

Но если военная сила и союз с Муюнами позволили Фу Чжуню II решить проблему юга, то совсем иное сочетание обстоятельств сложилось на севере. Там было, с одной стороны, простое, с другой — сложное.

Восточные дожди

На севере Шэньси граничит с Ордосом, где в IV веке жили хунны, не ушедшие с Лю Юанем на завоевание Китая и не покинувшие там от лукавого Жань Миня. Эти хунны управлялись другой ветвью рода древних шаньюев, отделившейся от китайской главной линии еще в начале III века. В отличие от своих двоюродных братьев ордосские хунны породнились с табгачами, так что в IV веке в жилах их князей текло немало табгачской крови, как, впрочем, и у табгачей оказалось немало крови хуннской¹².

Китаизация этих хуннов коснулась минимально, так как именно они в конце III века дважды пытались поднять восста-

ние и, потерпев поражение, стали к Китаю в положение «родственников убитых», а, по понятиям родового строя, это включало дальнейшие контакты.

С точки зрения этнологии, в ордосских хуннах мы видим второй вариант развития этноса, тот самый, который был предложен как путь восстановления независимой державы старейшиной Лю Сюанем и отвергнут князем Лю Юанем. Они сохранили большую часть своих кочевых традиций, наладили дружеские отношения с соседями — табгачами и тангутами и, юридически подчинившись последним, сохранили автономию и культуру. У ордосских хуннов, как и у их предков в эпоху расцвета державы, кочевой быт и родовой строй были в полной силе. В источнике¹³ перечислено 19 родов, причем «все имели свои стойбища и не смешивались». Знатные фамилии те же: Хуань, Бу (Сюйбу), Лань и Цяо (-Циолин). Они по-прежнему держат и передают наследственно, т.е. в пределах рода, старые хуннские должности. Род Сюйбу владеет должностью жичжо. Род Лань — должностью цзюйкоев, а род Цяо — должностью данху, а также новыми должностями — духоу, чэянь. О положении рода Хуань нет данных, и это понятно: ведущая часть этого рода откочевала на запад еще в 93 г. Поэтому в среде южных хуннов род Хуань места в иерархии не имел.

На этом кончается сходство, а различие не менее знаменательно. Оказывается, что шаньюи теперь избираются исключительно из рода Тугэ, который находится в списке «простых» родов. Высшие чины государства носят титулы, по старой традиции обязательно дублирующиеся: Сянь-ван, восточный и западный; Или-ван, восточный и западный (титулы включают китайский термин «ван»); остальные князья тоже попарно: Юйлу, Цзянь-шан, Шофан, Дулу, Сяньбу, Аньло — всего 16 чинов. Все должности замещались родственниками шаньюев, т.е. фактическая власть принадлежала одному роду Тугэ. Итак, мы наблюдаем сосуществование старой и новой знати и замену союза родов гегемонией одного рода. Кроме этих двух чиновных систем были еще менее почетные посты, связанные с выполнением конкретных заданий, иначе говоря, имелось служилое сословие. Надо полагать, что старая знать была отгеснена от управления и довольствовалась титулатурой, иначе откуда бы взялись стольким новым чиновным должностям.

Территория, находившаяся во владении хуннов, включала не только Ордос, но и прилегающие к нему с востока равнины

и на западе — склоны хребта Алашань. В интересное время хунны имели двух вождей: в самом Ордосе правил Лю Вэйчэнь, а в Шаньси — его двоюродный брат Лю Кунь, находившиеся в тесной дружбе, а народ составляли «одни смелые, любившие бунтовать»¹⁴.

И все-таки, хотя общественная организация ордосских хуннов была достаточно гибкой, территория — обширной, географическое положение — удачным (ибо войны проходили вдали от них), долгое время они серьезной силой не являлись. В зачаточную эпоху II—III веков пустыни Ордоса, несмотря на наличие огибающей их реки, могли прокормить лишь ничтожное число кочевников, да и то скудно. Нужные им дожди выпадали южнее и угрожали лессовой стране Шэньси наводнениями. Но к середине IV века положение изменилось. Тихоокеанские муссоны, подобно атлантическим циклонам, сменили свое направление прохождение¹⁵. Они принесли животворную атмосферную влагу, до тех пор изливавшуюся на сибирскую тайгу и реки притоков буйной реки Хуанхэ, в просторы Великой степи.

Изголодавшаяся земля ответила на это быстро. Зазеленевшие степи, сухие кусты тамариска начали связывать воедино, ягнята нагуливали жир на нежных весенних травах, скот начал страдать от бескормицы, а хунны, оказавшись в изобилии упавшего с неба изобилия, ощутили себя снова могущественным народом. В 361 г. Лю Вэйчэнь принял к себе изгнанных Цзянем сяньбийцев и ухуаней, порвал с тангутами и заключил союз с ханом табгачей Шеигянем.

Однако не меньший экономический подъем по тем же причинам выпал на долю табгачей, отделенных от хуннов только рекой Хуанхэ. Если до середины IV века эти храбрые воины вынуждены были переживать тяжелые зимы и жаркие летние месяцы, то теперь и они набрали силу, благодаря которой хан Шеигянь считал себя не союзником, а повелителем Лю Вэйчэня. Шеигянь не ужился со своим полудиким повелителем и в итоге восстал. В 367 г. Шеигянь пошел войной на Лю Вэйчэня. Он двинулся на Хуанхэ, шел осенний ледоход, и Лю Вэйчэнь, считаясь в Ордосе как в крепости, считал себя в безопасности. Шеигянь приказал бросать на плывущие льдины фашины из плавника. Лед сперся и вскоре окреп. Табгачи перешли реку и двинулись как по мосту. Не ожидавший появления врага Лю Вэйчэнь бежал к тангутам, а Ордос остался за табгачами.

Происшедшие события могли бы вынудить Фу Цзяня к ак-

тивными действиям на северной границе, если бы его внимание не было сосредоточено на южной окраине империи вплоть до 369 г. Хан Шеигянь получил передышку, но не мог использовать ее, потому что потерял тыл. Пока засуха сжигала берега Орхона и Селенги, а пустыня тянула свои желтые пальцы к Хангаю и Хэнтею, табгачский хан считал себя обладателем этих пустых земель. Но как только благодатный дождь превратил пустыню в цветущую степь, в ней проявили себя сильные и смелые люди, отказавшие в повиновении чужому хану. Это были жужани.

Широко распространенная точка зрения, что народ (этнос) — это группа людей, связанная родством или происхождением, языком и культурой, на наш взгляд, правильна только отчасти. При возникновении этноса эти черты обычно отсутствуют, а появляются позже, когда разноплеменная и разноязычная масса сплавляется в тесный коллектив, роднится друг с другом, беседует на общепринятом языке и в процессе совместной жизни вырабатывает навыки, становящиеся затем культурной традицией. Так, по легенде, сложились римляне, которых не было до Ромула, и так же, уже по истории, возникли турки-османы и сикхи. Мы не всегда можем проследить этногенез того или иного народа до момента его возникновения, но когда нам это удается, мы всегда наталкиваемся на тот факт, что этническая целостность возникла в результате сочетания событий истории.

Жужани — народ, возникший буквально на глазах историков Центральной Азии. Это осколки разбитых табгачами сяньбийских и хуннских родов. Те, кому посчастливилось спастись от жестокого врага, нашли себе убежище в бескрайней Монгольской равнине и постепенно сжились между собой настолько, что к концу IV века организовались в орду и превратились в самостоятельный этнос¹⁸.

Основателем их орды считается дезертир из китайской армии Ююлюй, собравший вокруг себя около сотни подобных ему беглецов. Эта группа стала центром объединения разноплеменных и разноязычных людей, связанных только исторической судьбой.

За 30 лет у них сменилось пять предводителей¹⁹, но к 390 г. жужанская орда охватывала уже всю Халху и была враждебна растущему могуществу табгачей²⁰.

Несколько позже, во второй половине IV века, в Степь по-

инулись племена *дили*, или *теле* (телеутов), потомки «красных ли» (чи ди). До этого времени они обитали в предгорьях Наньшаня и терпели безобразия китайских правителей царства Лян. Видимо, им было некуда податься. Но после очередного царевбийства и связанных с ним эксцессов, происшедших в 363 г.²¹, они начали постепенно выселяться на север от великой пустыни Гоби, сохраняя свой родо-племенной уклад. В Великой степи они открыли великолепные возможности для скотоводства и к концу IV века размножились настолько, что заселили все свободные территории, отвоєванные дождями у пустыни. Опасны для них были только жужани.

Телеские племена были очень нужны жужаням, но жужаньская орда была совсем не нужна телесцам. Жужани сложились из тех людей, которые избегали изнурительного труда. Дети их предпочли вообще заменить нелегкий труд пастуха добыванием лани. Телесцы привыкли к труду скотовода. Они хотели пасти свой скот и никому ничего не платить.

Сообразно этим склонностям сложились политические системы обоих народов: жужани слились в орду, чтобы с помощью военной мощи жить за счет соседей. Телеуты²² оставались слабо связанной конфедерацией племен, но всеми силами отстаивали свою независимость. Этим двум народам табгачи уступили свою родину — северные степи. Это обязывало их найти новую — на юге, но они натолкнулись на тангутов.

УРАЛАН

В 367 г. во всех трех государствах, располагавшихся на берегах Хуанхэ, произошли столь коренные перемены, что этот год можно назвать переломным. Хунны поссорились с табгачами, и Лю Вэйчэнь бросился в объятия Фу Цзяня, умножив в царстве Цинь число инородцев; тангутские князья возражали против политики царя, и после их казни собственно тангутский элемент потерял в империи Цинь изрядную долю значения; в вильбийской империи Янь скончался мудрый и опытный «наставник царя», т.е. глава правительства Муюн Ко, покровитель влиятельного полководца принца Муюна Чуя. «Наставником» стал завистливый и недалекий Муюн Пин. Императрица-мать, ненавидящая Муюна Чуя, вместе с правителем решила избавиться от своего лучшего полководца. Муюн Чуй, вовремя предупрежденный доброжелателями о готовящемся покушении

на его жизнь, бежал к Фу Цзяню II, который, надо сказать, принял его радушно.

Для Муюнов это была большая потеря, вызванная исключительно завистью, злобой и глупостью лиц, в то время стоявших у власти. Вступила в силу закономерность хода событий. Как лавина, она набирала силу постепенно и сметала все на своем пути, пока не уляжется в глубокой долине, на трупах людей и животных, потеряв инерцию толчка, произведенного либо по мудрому расчету, либо по легкомысленному порыву — лавине это безразлично.

Конец 369 г. был как нельзя более удачным моментом для замыслов Фу Цзяня II. Муюн Пин был не только завистлив, но и жаден. Он собрал огромное, поистине несметное богатство, облагая налогом воду в источниках, но при этом не платил жалования солдатам. Естественно, что те не хотели отдавать за этого скупердяя жизнь.

Циньские войска под командой способного полководца Ван Мэна одним ударом взяли Лоян. Затем, в начале 370 г., они ночной атакой уничтожили укрепленный лагерь сяньбийцев и сожгли в нем склады с военным снаряжением. Яньский император Муюн Вэй приказал распределить богатства своего «наставника» между воинами и после этого двинул армию на тангутов. Поздно! Энтузиазм тангутского патриотизма был выше стимула денежных наград. Сяньбийцев смела атака тангутов, и Муюн Пин в одиночестве бежал с поля боя в крепость Е, которую тангуты немедленно осадили. Так как в тангутских войсках была крепка дисциплина и строго запрещен грабеж, девяти-миллионное²³ китайское население Хэбэя вернулось к мирным занятиям, предоставив сяньбийцев их участи.

Муюн Вэй и Муюн Пин бежали, покинув крепость, к себе на родину, а Фу Цзянь II, явившийся в Е, ввел Муюна Чуя в царский дворец, из которого тот был некогда изгнан своими соплеменниками. На этом кончилась война. Муюн Вэй не нашел поддержки на родине. Ему пришлось защищать свою жизнь от разбойничьих шаек, и спасло его только то, что тангуты взяли его в плен. Фу Цзянь принял юного пленника милостиво и поселил его вместе с другими пленными сяньбийцами в еще не восстановленной полностью Чанъани, чтобы они служили своему благородному победителю. После этой громкой победы царства Лян и Тогон признали себя вассалами империи Цинь²⁴.

Схватка тибетского яка с сяньбийским тигром весьма бла-

сопротивлялась китайскому дракону, но этот неуклюжий ящер опять все прозевал. Вместо того чтобы быстро двинуть войска на север, Хуан Вэнь провел 370 г. в бездействии, а в 371 г. произошел государственный переворот, сменил императора, стал регентом и пробыл в этой должности до смерти, наступившей в 373 г. За эти три года Фу Цзянь реорганизовал свою армию, пополнил ее сяньбийцами и сам начал наступление на китайцев.

В 373 г. тангуты пересекли хребет Циньлин и захватили Сычуань. Этим они обезопасили свою южную границу. В 376 г. одним ударом было завоевано царство Лян, примыкавшее к тангутским землям с запада. В тот же год храбрый табгачский хан Шейгань был убит своим побочным сыном, истребившим чудно всех своих братьев. От этой жуткой резни был спасен только малолетний внук Шейганя — Гуй. Воспользовавшись империализмом в ставке табгачей, Лю Вэйчэнь привел в нее тангутские войска, которые казнили убийцу, но одновременно прикончили и самостоятельность табгачского ханства. Степь была административно разделена на восточную (от Ордоса) и западную (Ордос и Алашань) части, управление которыми было доверено хуннским князьям: восток — Лю Кужэню, а запад — Лю Вэйчэню, верным союзникам тангутского царя, или, что то же, императора Цинь. Успехи тангутского оружия так поразили воображение современников, что даже корейские царства Когурё и Силла²⁵ прислали в Чаньань послов с дарами, которые, по китайскому церемониалу, были приняты как дань. Объединение Северного Китая, на горе китайским патриотам, закончилось образованием еще одного инородческого царства!

ИСТОК НЕБО

В то двадцатилетие, когда тангутские войска на всех границах шли от победы к победе, внутри страны царил мир и расцветали культура. Однако и то и это таило в себе ростки грядущих бед, пожалуй, в большей мере, нежели к тому вело неумеренное расширение пределов империи Цинь. Впрочем, как мы увидим, оба процесса были взаимосвязаны, и связь эта была односторонней.

Взяв на себя инициативу объединения и упорядочения ойкумены, под которой тогда подразумевались Китай и Великая степь южнее Гобийской пустыни, тангуты оказались в абсолютном меньшинстве среди населявших эту территорию народов.

Уже на первом этапе построения империи, когда тангуты овладели только Шэньси, китайское население имело там не меньший вес, чем иноплеменное. А последнее, в свою очередь, кроме племен ди включало в себя тибетцев, выселившихся с нагорий Амдо, хуннов — в Ордосе и Алашане и все время просачивавшихся сяньбийцев. Это проникновение весьма тревожило тангутских вождей, предпочитавших иметь войско не столь большое, но не разбавленное посторонними и малоприятными для них людьми. Однако подавление оппозиции тангутских принцев в 367 г. и включение в состав империи Цинь Северо-Восточного Китая, где сяньбийцев было много, а китайцев еще больше, сделало из племени ди (тангутов) незначительное, хотя и господствующее меньшинство. Это не могло их не беспокоить, и тут сказала свое слово давнишняя наука, которую мы теперь называем футурология.

В те времена прогнозы облакались в форму предсказаний и аргументировались либо астрологически, либо путем снотолкования. Не входя в обсуждение доказательности этих методик, отметим, что вывод на основе их делался весьма реальный: опасность, утверждали гадатели, исходит от сяньбийцев, коих надо перебить заблаговременно.

Эти разговоры начались в 373 г., т.е. почти сразу после завоевания империи Янь. Когда сложные расчеты астрологов, предсказывавших уничтожение империи Цинь от рук сяньбийцев, не возымели действия, некто неизвестный крикнул во дворце: «Рыбы и бараны пожрут людей — беда!»²⁶ — и даже точно определил дату грядущих событий, хотя, может быть, последняя была вписана хронистом позже.

Но Фу Цзянь II ответил своим приближенным в духе либерального гуманизма: «Китайцы и варвары — все мои дети. Будем обращаться с ними хорошо, и не возникнет никакого зла»²⁷. Это была не просто фраза, это было направление политики. В том же 373 г. тангуты взяли крепость Бучэн в долине реки Хань. Комендант этой крепости попал в плен, но на предложение Фу Цзяня поступить к нему на службу назвал тангутского владыку варваром, а его двор сравнил со стаей собак и стадом овец. Оскорбленные тангуты просили у царя разрешения казнить наглеца, но Фу Цзянь продолжал с ним хорошо обращаться²⁸. Так же он благоволил к сяньбийскому принцу Муюну Чую, к хуннским князьям Лю Вэйчэню и Лю Кужэню и к тибетскому вождю Яо Чану, хотя последний попал в плен на

боя и спас себя, только выразив покорность. Не странно видеть такую гуманность в человеке, предательски казнившего собственного брата и без всякого милосердия расправившегося со своими соплеменниками?

На самом деле, если присмотреться ближе, то видно, что и в отношении Фу Цзяня II диктовалось не столько чертами его характера, сколько политическим расчетом. Это сказалось на его общественной платформе. Будучи ревностным буддистом, Фу Цзянь II благоволил конфуцианству, но указом 375 г. под страхом смерти воспретил вероисповедание даосизма и для начала назначил хранителя своего архива, читавшего даосские книги²⁹.

Его пристрастие объясняется весьма просто. Конфуцианцы составляли наиболее активную часть китайского правящего класса, и, следовательно, стремясь овладеть Китаем, нужно было искать с ними компромисса³⁰. Даосы упражнялись в гаданиях, в той самой древней футурологии, которая часто шла наперекор с намерениями правителя. Указ 375 г. ограждал циньского императора от непрошенных прогнозов. Царское милосердие стало мнимым.

Можно думать, что благоволение к иноплеменникам — иначе говоря, национальная политика — было основано на том же расчете. Новые подданные составляли в империи Цинь подавляющее большинство; удерживать их в покорности после каждой победы становилось все труднее, значит, их надо было привлекать к себе милостью и материальной заинтересованностью.

Только так могла существовать лоскутная империя Цинь. И на первых порах успех был налицо: в 381 г. все племена и, жившие внутри Китая, и 62 мелких владетеля оазисов бассейна реки Тарим просили принять их в подданство великой империи Цинь, где иноземцам жилось так хорошо³¹.

Однако так ли уж было хорошо в империи Цинь на самом деле? Конечно, завоеванные оружием сяньбийцы молча подчинились, а сычуаньские горные племена предпочли единоплеменные тангутов китайцам, но Южный Китай держал упорную оборону. Тогон хранил свою независимость, а из княжеств Турфана и Шаьшани уже в 382 г. пришла просьба о помощи против соседей, раздумавших вступать в контакт с тангутами.

Фу Цзянь II немедленно направил на запад сильную армию под командованием опытного полководца Люй Гуана, которая в 383 г. пересекла пустыню и появилась под стенами Карашара. Карашар сдался, но владетель Кучи, носивший титул «бай»,

собрал силы, в семь раз превосходящие по численности войско Люй Гуана и... в 384 г. потерпел полное поражение. Люй Гуан, заняв Кучу, нашел, что она похожа на миниатюрную Чанъань. Он милостиво обошелся с жителями, что снискало ему популярность в прочих оазисах. Гуманность, основанная на силе, оказалась мощным доводом в пользу союза с империей Цинь. Тем временем Люй Гуан получил из Китая сведения, которые побудили его остаться в Куче навсегда, сделав из нее столицу самостоятельного владения. Но почему-то этот проект не был осуществлен, и в 386 г. Люй Гуан, ограбив покорившийся ему край, вернулся в Ганьчжоу, выгнал оттуда китайского правителя и захватил бывшее княжество Лян для самого себя³².

Как и почему этот энергичный полководец, которого не называют изменником, превратился в самостоятельного государя, мы узнаем из рассмотрения событий внутри Китая, ибо за то трехлетие, пока Люй Гуан утверждал тангутскую власть на склонах Тяньшаня, сама империя Цинь перестала существовать.

ВИХРЬ

До 379 г. тангутские войска вели планомерное наступление в верховьях Янцзы. Там власть цзиньской династии была непрочно. Осуществлялась она системой крепостей с сильными гарнизонами, державшими в страхе местное иноплеменное население. Тангуты брали крепость за крепостью, но тратили на каждую операцию много времени и сил, так что результаты продвижения были ничтожны.

В 379 г. Фу Цзянь направил удар на юго-восток. Тангутские войска перешли реку Хуай и приблизились к жизненным центрам Южного Китая. Фу Цзяню казалось, что дни империи Цзинь сочтены. Располагая 970 тыс. воинов (цифра — на совет автора хроники), он полагал, что успех в завоевании Южного Китая ему обеспечен.

Но его советники были настроены менее оптимистично. Они всячески пытались отговорить своего царя от войны, которая государству была не нужна и рискованна. Еще более грозной опасностью они считали возможность отпадения покоренных народов во время военных замешательств³³. Несмотря на все уговоры и указания на несправедливость завоевательной войны, Фу Цзянь II в 383 г. объявил мобилизацию 10% населения. По китайскому условному исчислению, у него собралось

90 тыс. пехотинцев и 270 тыс. всадников; не беремся сказать, сколько их было на самом деле, но во всяком случае много.

Передовые отряды уже успели пересечь реку Хуай, пока население, из бывшего княжества Лян, подходило к реке Вэй. Их речью было использовать в Сычуани, а на важнейший участок фронта была брошена сяньбийская конница под командой Му-юна Чуя и лучшая китайская пехота, доверенная недавнему противнику Чжу Сюю. Авангардом командовал талантливый и важный царевич Фу Жун.

По босвым качествам циньская армия неизмеримо превосходила южнокитайское 80-тысячное войско, но войны — не шахматные фигуры, и поле боя — не доска. Почти все циньские отряды либо происходили из племен, которые совсем недавно были покорены силой оружия, как сяньбийцы, либо просто захвачены в плен и поставлены противником в строй, как большинство китайских подразделений. Они были не тангуты и, подчинившись тангутскому царю, не превратились в тангутов. Потому-то не хотел видеть и понимать Фу Цзянь П. Он считал, что этнические различия призрачны, главное, чтобы человеку в таком-то было хорошо. Потому-то он лелеял чужих в ущерб своим и надеялся, нет, был уверен, что ему отплатят добром за добро. А то, что есть силы более мощные, чем личные чувства и внимание собственной выгоды, ему не приходило в голову.

Циньское наступление развивалось по всему фронту, от Хуан-хэ на западе до Шоучуня на востоке. Фу Жун взял Шоучунь и организовал продвижение южнокитайской армии. Фу Цзянь, окрыленный легким успехом, оставил часть своей пехоты у Сян-чэна (в Хэнани) и с 80 тыс. легкой конницы подошел к Шоучуню. Оставалось как будто немного — разгромить противника, имея пятикратный перевес в силах.

Но тут сказала свое слово измена. Чжу Сюю предупредил циньских полководцев Се Ши и Се Сюаня о дислокации циньских войск и дал совет перехватить инициативу, чтобы остановить тангутов, пока те не успели подтянуть все войска. Се Ши немедленно выделил пяти тысячный отряд отборной конницы, который проник через интервалы циньских войск и в ночном бросе у Лоцзяня нанес тангутам тяжелое поражение, захватив много боевого снаряжения. Эта неожиданность побудила Фу Цзяня стянуть войска на восток, и обе армии, северная и южная, сошлись у Шоюаня, на берегах реки Фэй.

И вот тут произошло нечто странное, получилась какая-то

смесь глупости и предательства. По совету того же Чжу Сюя китайский полководец Се Ши предложил Фу Цзяню несколько отвести войска от берега реки Фэй, чтобы китайцы могли переправиться и в бою по всем правилам решить судьбу войны. Казалось бы, вступать в переговоры с врагом перед битвой не следовало, но Фу Цзянь решил, что будет очень хорошо, если его латная конница сомнет строй противника и загонит его в реку. Он согласился и отдал приказ об отходе.

Но армия не отошла — она разбежалась; не от противника, а от начальства. За несколько минут воины превратились в дезертиров, не способных ни к самозащите, ни к планомерному отступлению. Китайцы спокойно перешли реку и беспрепятственно рубили беглецов. Фу Жун попытался навести порядок, но его конь упал, и царевичу отрубили голову. Фу Цзянь успел бежать. Это ему удалось лишь потому, что 30 тыс. сяньбийской конницы Муюна Чуя сохранили дисциплину, хотя и не вступили в бой. Чжу Сюй, бывший царь Ляна, и многие другие китайцы бросили знамя тангутского царя и вернулись к своим. Победители захватили царскую колесницу Фу Цзяня, коронные драгоценности и много разнообразного оружия. Разгром был полным и окончательным — Китай был спасен.

Когда гонец привез в Цзянькан (Нанкин) весть о победе, министр играл в шахматы со своим другом. Он просмотрел депешу, положил ее на диван и закончил партию. На вопрос друга: «Что нового?» — он ответил: «Ничего важного. Наши мальчики победили разбойников»³⁴. И все! Что это было — выдержка или равнодушие? Трудно решить, да это и не столь существенно, потому что дальнейшие события развивались стремительно, как лавина.

ОПРОКИНУТАЯ ИМПЕРИЯ

К концу дня из всего могучего циньского войска остались в строю только тысяча тангутских всадников, присоединившихся к своему царю, и 30 тыс. сяньбийцев Муюна Чуя. Фу Цзянь, страшась преследования, присоединился к Муюну Чую, и тут сразу сяньбийские старейшины и сын Чуя, Муюн Бао, требовали от своего вождя мести за покорение их государства. Но Муюн Чуй отказал им наотрез, сославшись на долг благодарности, сохранил Фу Цзяню жизнь и свободу и проводил его в Лоян, где стоял верный тангутский гарнизон. Туда же прибыли остатки великой армии — немногим больше десятой ее части»³⁵.

Если бы китайцы в 383 г. проявили больше настойчивости и инициативы, они могли бы освободить если не весь Северный Китай, то значительную его часть. Но они ограничились рейдом в Шаньдун и возвращением нескольких крепостей, благодаря чему Фу Цзянь получил передышку, а население Хэнани пережило новое разочарование в династии Цинь³⁶.

Проводив Фу Цзяня до границ Шэньси, Муюн Чуй просил дать ему на родину, чтобы предотвратить там беспорядки, неизбежные после поражения. Фу Цзянь, тронутый лояльностью сяньбийского принца, дал согласие на его отъезд. Напрасно местные вельможи уговаривали царя убить или задержать Муюн Чую, слишком популярного в своем племени. Фу Цзянь обещал, что, дав слово, он его сдержит... и Муюн Чуй уехал на родину. Тайные убийцы, посланные за ним без ведома Фу Цзяня, подстерегали его на мосту через Хуанхэ, но Муюн Чуй перешел через реку в лодке, избег смерти и оказался в родной стране.

В том же времени вихрь разрушения домчался от берегов реки Чжун до южных притоков Хуанхэ. В верховьях реки Вэй восставшие убийцы, поселившиеся там на опустелых землях с разрешения самого Фу Цзяня. Потерявший голову Фу Цзянь отправил на подавление мятежников офицера сяньбийского происхождения, не заинтересовавшись тем, что тот был родственником повстанца. Этот последний, Цифу Го-жань, присоединился к своим соплеменникам и освобожденным от тангутов территорию объявил самостоятельным царством.

На востоке некий динлин Ди Бинь, собрав шайку из дезертиров, блокировал Лоян. Муюнские принцы уговорили своих соплеменников и родственников ухуаней сбросить тангутское иго. Под контролем циньских войск оставались только цитадели в некоторых городах, и когда к городу Е, бывшей столице сяньбийской империи Янь, подъехал со своим эскортом Муюн Чуй, желавший поклониться могилам предков, его не впустили в город. Из этого возникло двусмысленное: тангутские князья были благодарны Муюну Чую за спасение Фу Цзяня, но считали его по-прежнему мятежником и колебались, не решаясь его простить. Муюн Чуй демонстрировал свою лояльность, но соплеменники требовали, чтобы он встал во главе восстания и в 384 г. отомстил за разгром 370 г. Опустим подробности. Тангуты все же таки сделали неловкую попытку убить сяньбийского принца, на что он в ответ объявил, что долг благодарности им уплачен, и

объединился с Ди Бинем. Лоян устоял против натиска мятежников, но это не смутило Муюна Чую. Собрав вокруг себя 20 тыс. сяньбийцев, он переправился на северный берег Хуанхэ и объявил империю Янь восстановленной. Фу Цзянь не мог этому воспрепятствовать, так как другие восстания потрясали всю страну.

Муюн Нун поднял ухуаней, и те, вооруженные дубинами и рогатинами, наголову разбили отряд регулярного тангутского войска. Муюн Хун поднял сяньбийские войска, расквартированные на границе Шаньси и Шэньси. Фу Цзянь послал против него 50 тыс. тангутов со своим сыном во главе, добавив тибетскую конницу Яо Чана — внука Яо И-чжуна. Повстанцы уходили на север, стремясь укрыться в степях, но тангуты настигли их и вопреки совету Яо Чана, рекомендовавшего «не ловить крысу за хвост, чтобы не укусила», вынудили к битве, в которой были разбиты. Царевич пал в бою. Яо Чан уведомил об этом Фу Цзяня. Тот, потеряв самообладание, казнил посла, чем толкнул на восстание дотоле верного Яо Чана. К 385 г. с Фу Цзянем остались одни тангуты.

В 385 г. Муюн Чуй перешел в наступление и осадил тангутский гарнизон в цитадели города Е. Тангуты держались столь стойко, что сяньбийцы открыли им проход и позволили уйти. Овладев столицей, Муюн Чуй восстановил императорское правление, пожаловал чины и т.д. Восстановленная империя получила название *Младшая Янь*.

Тем временем принц Муюн Чун собрал войско из своих соплеменников в Шаньси и обрушился на многострадальную долину реки Вэй. Население в ужасе разбежалось. Фу Цзянь заперся в Чаньани, но, поверив гадателю, рекомендовавшему ему покинуть город, удалился с наложницей и сыном к горам Уляншань, куда пытался созвать своих приверженцев. Муюн Чун вступил в покинутую гарнизоном столицу и отдал ее на разграбление своим воинам. Яо Чан между тем, обнаружив местонахождение Фу Цзяня, явился с войском, захватил императора и удавил его. Это произошло в 385 г. После этого Люй Гуан предпочел не возвращаться в Китай, а основать собственное государство в Ганьчжоу.

Судьба Фу Цзяня II была поистине трагична. Она даже могла бы вызвать сочувствие, если бы этому не мешал строгий исторический анализ. В самом деле, идея торжествует лишь в том случае, если она верна. Осуществление неверной идеи влечет за

тяжелые последствия, особенно когда оно проводится
ловательно. Фу Цзянь II был человеком по тому времени
ованным, но не профессиональным ученым. Это значит,
и был дилетантом. Ему были близки логические построения
не иррациональная действительность, и он уверовал в то,
что этническая принадлежность — рудимент, неактуальный в
этом просвещенном государстве. Он ее просто игнорировал, по-
лагая, что облагодетельствованные им люди будут платить ему
благодарностью. При прочих равных условиях оно так бы и
было, но китайцы считали Фу Цзяня варваром-ди, сяньбий-
цами — полукитайцем, тибетцы — представителем чужого племе-
ни, хунны — полезным союзником, но не больше; и все так или
иначе предали его, даже испытывая угрызения совести, как,
например, Муюн Чуй. Да и не могли они поступить иначе, по-
тому что службу императору Цинь они рассматривали как под-
данство тангутскому царю, лишившему их свободы и незави-
сими. Именно этот, часто неосознанный, но от этого еще
более сильный императив этнического поведения (этологии)
привел все народы, жившие в Северном Китае, на войну про-
тив тугутского ига, каким бы легким оно ни было. И поэтому
смерти Фу Цзяня не возникло на берегах Хуанхэ великой
реки, а появилось восемь небольших и взаимовраждебных
этнотерриториальных объединений. Именно этнические проти-
воставления разорвали железный обруч циньской деспотии и ввер-
гли Северный Китай в пучину таких бедствий, которые пре-
высили даже те, которые мы уже описали. Но это была не злая
воля тех или иных людей, а неумолимая историческая законо-
мерность.

ЗМЕЧАНИЯ

- 1. М.П. По степям и пустыням Центрального Китая // Природа. №11. С. 75-77.
- 2. Л.Н. По поводу «единой» географии (Ландшафт и этнос). VI. Вест-ГУ. 1967, №6. С. 125—128.
- 3. Н.Я. История Тибета... С. 120.
- 4. В те годы там сменилось четыре царя. См.. *Wieger*. С. 1142.
- 5. Очерки... С. 146—147; *Wieger*. С. 1143.
- 6. Н.Я. История Тибета... С. 117.
- 7. С. 121.
- 8. С. 1146.
- 9. 1146—1147.
- 10. Н.Я. История Тибета... С. 118.

Хунны в Китае

- ¹¹ *Wieger. С. 1147—1149; Шан Юэ. Очерки... С. 147.*
- ¹² *Boodberg P. Two Notes... С. 292—297.*
- ¹³ «Цзиньшу» — Цит. по: *Бернштам А. Очерки истории гуннов. С. 221—222. Ср.: Гумилев Л.Н. Хунну. С. 71—83.*
- ¹⁴ *Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. С. 221—222.*
- ¹⁵ *Бичурин Н.Я. История Тибета... Т. 1. С. 113.*
- ¹⁶ *Подробнее см.: Гумилев Л.Н. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1972, №4. С. 44—52.*
- ¹⁷ *См. работы Л.Н.Гумилева: Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века (Ландшафт и этнос), V. Вестник ЛГУ. 1966, №18. С. 85; Открытие Хазарии. С. 64.*
- ¹⁸ *Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 11—13.*
- ¹⁹ В «Бэйши» эти предводители названы сыновьями один другого. Это явная ошибка историка, происходящая из его склонности к модернизации. См.: *Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 185.* В «Туңцзянь ганму» эта ошибка не повторяется. См.: *Бичурин. С. 186.*
- ²⁰ *Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 186.*
- ²¹ Там же.
- ²² Это название удержало только одно из телеских племен. Оно образовано этнонимом «теле» + суффикс монг. мн. числа — «ут». Предлагаем применять этот термин вместо привычного «теле», потому что часто возникает путаница этнонима «теле» с названием «толос», что означает по-тюркски «восточное крыло орды». См.: *Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 13.*
- ²³ Цифра приближительна. Всего в империи Янь числилось 9 990 тыс. душ, но часть их были сяньбийцами (*Wieger. С. 1156*).
- ²⁴ *Wieger. С. 1157.*
- ²⁵ *Ibid. С. 1162.*
- ²⁶ Название «сяньби» состоит из иероглифов, обозначающих рыбу и барана. См.: *Wieger. С. 1159.*
- ²⁷ *Ibid. С. 1159.*
- ²⁸ Надо сказать, что этот комендант сдал крепость ради того, чтобы спасти свою мать, захваченную тангутами. С нашей точки зрения, он совершил измену, но по конфуцианским принципам забота о родителях выше заботы о государстве: этим он оправдал свое поведение, а верность родине проявлял тем, что грубил победителям.
- ²⁹ *Wieger. С. 1160.*
- ³⁰ Например, в 379 г. предатель открыл тангутам ворота крепости Саньян в низовьях реки Хань. Фу Цзянь казнил предателя, а мужественного коменданта крепости Чжу Сюя принял на службу и дал высокий воинский чин (*Wieger. С. 1163—1164*).
- ³¹ *Ibid. С. 1162.*
- ³² *Ibid. С. 1168.*
- ³³ *Ibid. С. 1165.*
- ³⁴ *Ibid. С. 1175.*
- ³⁵ *Wieger. С. 1176; Шан Юэ. Очерки... С. 148.* Указана цифра — 100 тыс. беглецов. Если бы это была точная цифра, то Фу Цзянь оставался бы хозяином положения, чего не было. Видимо, тут опять преувеличение, т.е. величина относительная к первоначальному числу.
- ³⁶ Ср.: *Шан Юэ. Очерки... С. 148.*

VI. ПОЛЫМЯ

О ПРОТИВ КОГО?

Смешанная, точнее, межэтническая борьба после смерти Цзяня II вылилась в открытую войну. Но это не была война против всех. Поведение освободившихся от тангутского владычества групп, в том числе их симпатии и антипатии, сложились в относительно строгую систему. Попробуем проследить ее стержень.

После гибели Фу Цзяня II тангуты оружия не сложили. Империя Великая Цинь — остались племена, отважные и неукротимые, возглавленные сыном погибшего императора Фу Пэем. Главным врагом тангутов был их ближайший сосед — тибетский вождь Яо Чан, провозгласивший себя императором династии Младшая Цинь, т.е. присвоивший традицию минувшей династии.

Чисто отрицательно относились к тангутам сяньбийские племена, которые были военной судьбой разбросаны по всему Северу Китая. Они не объединились для борьбы с врагом, а наоборот, использовали все возможности для раздельного существования. В наилучших условиях для этого оказалась группа сяньбийцев, осевшая в бассейне рек Таохэ и Вэйхэ. В 386 г. вождь этой группы Цифу Гожань объявил занимаемый им район империей Западная Цинь, также пытаясь присвоить традицию прежних, преданных им царей. Но и с тибетцами группа сяньбийцев не поладила и ничем не помогла Яо Чану

в надвигавшейся войне с потомками Фу Цзяня. Цифу Гожань предпочитал выжидать, сохраняя вооруженный нейтралитет.

Весьма неожиданно сложилась судьба другой группы сяньбийцев, под предводительством Муюна Чуна захватившей Чанъань. Муюн Чун провозгласил себя царем Западной Янь, но в 386 г. был убит бандитами некоего Дуань Суя, о котором ничего достоверного неизвестно, кроме того, что его самого разбили и убили другие принцы из фамилии Муюн¹. Однако, совершив месть, эти сяньбийцы покинули разграбленную Чанъань и, перейдя Хуанхэ, осели в западной Шаньси, назвав свое царство империей Западная Янь. Судьба этого государства, насчитывавшего 400 тыс. жителей сяньбийского происхождения, была печальна: за десять лет там сменилось семь царей, слишком легко убивавших друг друга. В 394 г. последнего прикончил Муюн Чуй — основатель династии Младшая Янь, т.е. восстановитель былой державы Муюнов, властитель Северо-Восточного Китая. Однако его власть не простиралась даже на северную Шаньси, которой в 386 г. вновь овладели табгачи, сбросившие тангутское иго и избравшие ханом молодого и энергичного Тоба Гуя, внука хана Шейгяня. Тоба Гуй сменил одно китайское название своего государства Дай на другое — Вэй², что отражало его претензию закрепиться во Внутреннем Китае, ибо Дай всегда было небольшим пограничным княжеством, а Вэй 800 лет тому назад — могучим царством.

Наконец во вражде с тангутами продолжали оставаться южные китайцы, не без оснований возымевшие надежду вернуть себе исконные земли на берегах Хуанхэ и изгнать «варваров» с китайской земли. Упустив время после битвы на реке Фэй, они теперь стремились наверстать потерянное.

Но и тангуты были не одиноки. Их искренне поддерживали ордосские хунны и жужани. Политические основания для глубокой симпатии жужаней к тангутам были достаточно весомы.

Сложная и напряженная политическая обстановка, сложившаяся в середине IV века, не позволяла жужаньской орде обойтись без покровителя. Чтобы избежать столкновения с табгачскими ханами, жужани выплатили им дань, но, как только тангуты разгромили табгачей, жужани перешли на сторону победителя. Тангуты были далеко, и поэтому платить им можно было мало или даже вовсе не платить. Представитель тангутской империи Лю Вэйчэнь сам нуждался в поддержке жужаней как союзника против побежденных, но не сломленных табга-

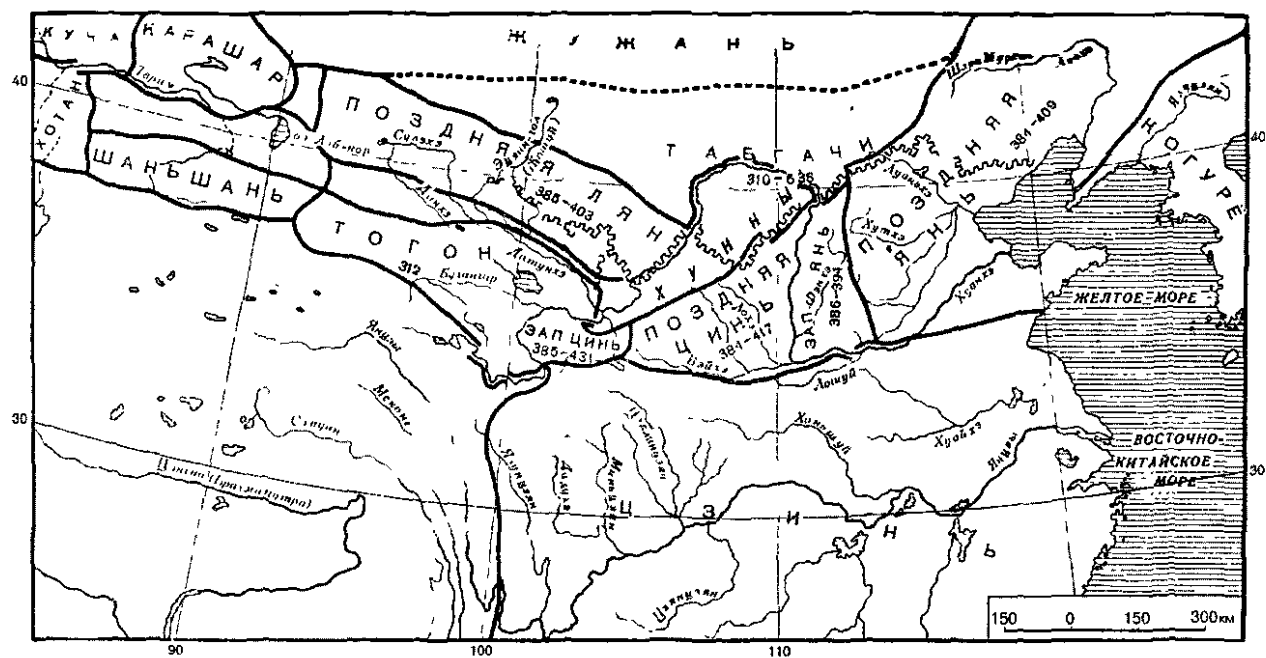

Рис. 5. Полюмя. Тибетцы против тангутов

чей. Все казалось прочным, но развал тангутской империи Цинь снова перепутал фигуры на доске. Западнее жужаней, в Великой степи множились племена телеутов (теле), притесняемые жужанями на севере от пустыни Гоби и тангутскими наместниками области Лян к югу от нее.

При разделе державы Тоба в 377 г. телеуты достались владельцу Ордоса — хуннскому князю Лю Вэйчэню. Однако Лю Вэйчэнь дружил с жужанями, их естественными врагами, постоянно грабившими телеутские кочевья. Поэтому при возрождении мощи Тоба телеуты немедленно подчинились Тоба Гую. Усилившись таким образом, Тоба Гуй заключил союз с Муюном Чуем, и два могучих сяньбийских вождя в 386 г. уничтожили хуннское княжество в северной Шаньси, которым правил сын Лю Кужэня, Лю Сян. За хуннами остался только Ордос, прикрытый в летнее время бурной рекой и спасенный от табгачского нашествия событиями, развернувшимися в последующие годы.

ТИБЕТЦЫ ПРОТИВ ТАНГУТОВ

Военная неудача словно привязалась к тангутам. После того как сяньбийцы покинули Чанъань в 386 г., они нанесли поражение остаткам тангутских войск, возглавленных сыном Фу Цзяня, Фу Пэем, и вытеснили тангутов из долины реки Фэнь при впадении ее в Хуанхэ³. Тем временем Яо Чан занял покинутую Чанъань и объявил ее столицей своей империи⁴. Пэй отвел свои потрепанные войска в опустелый Лоян, чтобы сделать эту древнюю столицу базой для контрнаступления против тибетцев и сяньбийцев, но тут ему в спину ударили южные китайцы. В бою у Лояна Фу Пэй был убит, а сын его взят в плен и увезен в Цзянькан на вечное заключение.

В этой войне обнаружилось, что степень жестокости и беспринципности еще возросла. Сяньбийский вождь Муюн Юн пожелал овладеть захваченной в плен вдовой Фу Пэя. Несчастная женщина, защищаясь, схватила меч... и была забита насмерть. Раньше сяньбийцы хоть и допускали насилия на поле боя, но к пленницам подходили несколько деликатнее. Очевидно, полувекое пребывание в Китае расшатало их бывшие традиции, а к освоению китайской цивилизации у них не возникло стимула. Проблема этнокультурного контакта решалась в IV веке таким способом, который не мог вызвать одобрения ни у современников, ни у потомков. И видимо, это было не слу-

дно, потому что столь же безобразно стали вести себя тибетцы Яо Чана, о чем будет рассказано ниже. Изменение одной черты стереотипа поведения всегда ведет к перестройке всего стереотипа и даже принципов этики этноса. Поэтому нельзя отбрасывать из виду эти, на первый взгляд маловажные, детали истории.

Мужественные тангуты не сложили оружия. Внук Фу Цзяня II, Фу Дэн, собрал в Шэньси 50 тыс. добровольцев и нанес Ю Чану несколько поражений. Война между тибетцами и тангутами держала в напряжении оба народа в течение трех лет. В 390 г. тибетцам удалось, обойдя армию Фу Дэна, захватить его лагерь, где укрывались тангутские женщины. Жена Фу Дэна схватила лук и сражалась на коне до тех пор, пока ее не окружили и не взяли в плен. Ее пытались изнасиловать и потом зверски убили.

Агония дружины Фу Дэна затянулась до 394 г., но он пережил своего врага Яо Чана на один год. Яо Син, унаследовавший власть в Младшей Цинь, сначала разбил войска Фу Дэна, который был при этом убит, а потом его сына, на чем и закончилось самостоятельное существование народа ди. Остатки этого героического племени смешались с победителями-тибетцами, впоследствии они вошли в состав средневековых тангутов, или лансянов⁵. Но нас сейчас больше занимает положение и состояние победившего государства — Младшей Цинь. Ведь оно тоже, включив в себя большое количество местных жителей, стало тибето-тангудо-китайской химерой и, как таковое, оказалось лицом к лицу с сяньбийцами, окружавшими его с востока, запада и севера, где прикрывавшие Шэньси ордосские хунны не пытались на себе силу табгачского оружия.

ОТНОШЕНИЯ ПРОТИВ ТАБГАЧЕЙ

Существование табгачского ханства грозило равно и хуннам князя Тоба Вэйчэня, и жужаням хана Вэньгэди⁶, лишившимся мощной поддержки тангутов. Поэтому оба эти государя постарались заключить союз с Яо Сином, который не мог не поддержать противников сяньбийцев. Однако хан Тоба Гуй воспользовался тем временем, когда тибетцы были связаны войной с тангутами, и взял инициативу неизбежной войны в свои сильные руки.

В 391 г. Тоба Гуй выступил против жужаней. Жужани, не приняв боя, ушли на север, но посреди Гоби были настигнуты

и разбиты. Табгачи преследовали их, несмотря на то, что съестные припасы кончились. Гуй приказал заколоть заводных лошадей и гнаться за врагом. Наконец беглецы стали сдаваться. Вождям отрубали головы или заковывали в цепи, а народ отвели в Китай и поселили в области Юньчжун (к югу от Иньшаня и к востоку от Ордоса)⁷. Скорее всего эти кочевники были нужны Тоба Гую для пополнения своей конницы.

Лю Вэйчэнь осознал надвигающуюся опасность и, пока главные силы табгачей преследовали разбитых жужаней, со всеми имевшимися у него войсками ударил с юга на Тоба. Но Тоба Гуй с небольшим отрядом отборной конницы обратил в бегство войско Лю Вэйчэня и, развивая успех, ворвался в Ордос. Во время возникшей паники Лю Вэйчэнь был убит своими подчиненными, его старший сын попал в плен, а младший, Хэлянь Бобо, спасся и пробрался в Младшую Цинь.

Почему-то хунны не могли тягаться с отважными степными кочевниками. Добыча, захваченная в Ордосе, была огромна: «изобилие разлилось в государстве Тоба»⁸.

Хунны не покорились победителю. С 391 по 394 г. они бежали в Южный Китай «с коровами, баранами, колесницами, кибитками и другим скарбом неисчислимым. Всего пришло их около 30 тыс. человек, и были приняты ласково»⁹.

Надо думать, что не меньшее число хуннов ушло на запад, в Хэси, где они вскоре и обнаружились. Час окончательной победы табгачей еще не пробил. Жужани и хунны еще таили в сердцах своих силу для сопротивления победителям.

Жужаням не улыбалась перспектива погибнуть в войнах с китайцами ради славы чужого хана. К тому же за полстолетия общность судьбы сплотила их крепче, чем телесцев, — общность языка и происхождения. В 394 г. они восстали. Их атаман Шэлунь, человек «находчивый, злой и лукавый»¹⁰, расправился с вождями, пошедшими на службу к притеснителю, и после некоторых неудач увел свой народ за песчаную степь в Халху. Там он подчинил себе разрозненные телеутские племена и «сделался сильным и страшным»¹¹. На востоке его ханство стало граничить с Кореей, а на западе — с Карашаром.

Блестящие победы табгачей оказались эфемерными. Через какие-нибудь четыре года выяснилось, что Великая степь не только потеряна, но и превратилась в постоянную угрозу для табгаческих кочевий в Иньшане. Опустелый Ордос пришлось покинуть, потому что все силы понадобились не для завоева-

а для борьбы за право на жизнь, и не с чужаками, а с единокровными братьями — муюнами.

МЮНЫ ПРОТИВ МУЮНОВ

Самым могучим правителем на берегах Хуанхэ был Муюн Чуй. Ему не устраивало ни хана табгачей Тоба Гуя, ни его окружение. Нерастроченная энергия бурлила в их сердцах и толкала их к созданию империи, еще более могучей, чем хуннская Чжао, восточная Цинь и сяньбийская Янь. Но увы, титул Тоба Гуя — ван — подчеркивал его второстепенное положение, в то время когда все его советники настоятельно требовали, чтобы он вел себя как вельможа при дворе императора. Ради величия своего и своего собственного они не жалели ничего и никого. «Иве сабли не вмещаются в одни ножны», — гласит персидская пословица. В Северном Китае не могли ужить два императора. Схватка между муюнами и табгачами была неизбежной. Муюн Чуй подал сам Тоба Гуй, разгромив союзников муюнов — ханов хуи (татабов) и кидань в Центральной Маньчжурии. Это вызвало охлаждение между державами, но активные военные действия не развивались, так как табгачи были заняты в Китае, а силы муюнов сковало наступление корейцев на Ляодун в 385 г. Корейцы были отбиты, но время для нападения на главу Тоба упущено.

До 395 г. Тоба Гуй не разрывал номинальной вассальной зависимости, но в июне 395 г. напал на пограничные области муюнов.

Муюн Чуй направил против него своего наследника Муюна Чуня с 80-тысячным войском. Тоба Гуй начал стратегическое отступление и ушел за Хуанхэ, бросив страну в жертву неприятелю. Муюны набрали много добычи, но не сумели переправить через Хуанхэ. Тем временем 70 тыс. табгачских всадников под командованием Муюна Бао и перерезали его коммуникации. В то время Муюн Бао сжег суда и повернул домой, надеясь на то, что наступил ледоход и войска Тоба Гуя не смогут переправиться и ударить ему в тыл. Но в начале декабря внезапно ударил сильный мороз с ветром, и лед на Хуанхэ стал. Немедленно Муюн Чуй с отборной табгачской конницей под предводительством своего хана переправились и пустились преследовать врага. Муюны «шли рано и поздно»¹².

Муюнские войска были уверены, что неприятель отделен от

них широкой, льдистой, вспененной рекой, и не принимали предосторожностей. Больше того, начальник арьергарда Муюн Линь распустил своих людей на охоту. На покато́й равнине Сэньхэпо войско муюнов захватила пурга, «воздух сгустился, как стена»¹³, и в это время разведка преследователей обнаружила отступавших.

Тоба Гуй приказал завязать морды лошадей, а ратникам взять в рот кляпы. Ночью все войско в безмолвии взобралось на гору, а при первых лучах солнца увидело внизу «неприятельский лагерь спящим». По знаку вождя табгачское войско кинулось на спящих муюнов; те в панике ударились в бегство, оставив на месте 10 тыс. трупов. Но бегство не спасло их. Они попали в засаду. Обошедшая их армия перехватила беглецов, и 50 тыс. человек сдались в плен. Самому Муюну Бао удалось бежать.

За этим последовала страшная сцена. Для того чтобы обессилить противника, Тоба Гуй приказал перебить всех пленных. Пятьдесят тысяч человек были убиты, и трупы их брошены на равнине. Табгачи выиграли много, но еще не все. В апреле следующего 396 г. сам Муюн Чуй, несмотря на болезнь, встал во главе своего войска. Он пересек «каменные вершины» хребта Циньлин и напал на тылы Тоба Гуя.

Князь Тоба Кянь, охранявший столицу, пал в битве, и вся его ставка досталась Муюну Чую.

В табгачской орде наступила паника. Сам Тоба Гуй хотел бежать, считая, что все потеряно. Но в решительный момент снова заболел Муюн Чуй. Лишенное вождя войско возвратилось домой, не реализовав успех. Вскоре Муюн Чуй умер.

Причиной внезапной болезни Муюна Чуя считали психическую травму. При переходе через покато́ую равнину Сэньхэпо он увидел груды скелетов, обглоданных птицами и волками. От стыда и горя у него будто бы пошла горлом кровь и усилилась болезнь. Но не это интересно для историка, а другое: каким образом болезнь полководца так сильно повлияла на ход событий, что муюны выпустили из рук верную победу? До какой степени разложения должно было дойти общество, чтобы монарх не мог никому доверить командования, и только сильная воля вождя принуждала ратников к несению службы? Организация всегда была слабым местом сяньби, и влияние цивилизации, видимо, не ослабило эгоистических инстинктов степного народа. Во времена расцвета Хунну в окружении заболевшего вождя, несомненно, нашлись бы толковые офицеры, которые

Они довели дело до конца. Но сяньбийские ратники руководствовались элементарными чувствами: они набрали пленных, захватили добычи и хотели увезти все трофеи домой. Типичная психология ландскнехтов или кондотьеров. Вот чему научились сяньбийцы в Китае!

Не лучше были и табгачи, начинавшие братоубийственные войны для сведения личных счетов, как только их переставала живить и направлять крепкая рука энергичного хана. Еще были окитаенные хунны и сами китайцы, служившие в рядах обоих соперников. Они отличались от полудивилизованных сяньбийцев лишь пониженными боевыми качествами, и тем не менее управляли своей страной умели только они. Тоба Гуй, отлично знавший способности своих соплеменников, доверил управление завоеванными территориями исключительно конфуцианским грамотеям¹⁴. Это был мудрый шаг, так как неизбежные столкновения между кочевниками и оседлыми земледельцами теперь в какой-то мере амортизировались бюрократической прослойкой, достаточно гибкой для того, чтобы установить *modus vivendi*.

МУЮНЫ ПРОТИВ ТАБГАЧЕЙ

Проиграть битву и утратить талантливую вождя, конечно, тяжело, но и то и другое не означает полного поражения храброго народа и могучего государства. Муюны имели достаточные ресурсы для отражения наступления Тоба Гуя. Последний не продвинулся ни дня. В сентябре 396 г. 400-тысячное табгачское войско двинулось на владения муюнов в северной Шаньси (на Маи) и месяц спустя подошло к крепости Цзиньян (в Бинчжоу).

Наследовавший Муюну Чую Муюн Бао, уже успевший доказать свою бездарность при Сэньхэпо, не сумел организовать сопротивление. Выступившее против табгачей войско было разбито и бежало, китайское население в городах заперло ворота и не пустило беглецов. Очевидно, режим Муюнов был несладок.

Развивая успех, Тоба Гуй пустил свою многочисленную конницу по всем дорогам, старым и новым, на юго-восток, почти не встречая сопротивления. Только в трех крепостях удержались муюнские гарнизоны, но там они сопротивлялись отчаянно и вылазками заставили табгачей отступить от крепости Е. Отосады муюнской столицы Чжуншани Тоба Гуй отказался, так как приступ стоил бы ему многих людей, а осада — много хле-

ба; он предпочел побережью и то и другое и, оставив крепость в тылу, двинулся к Пекину и взял прикрывавшую его крепость Синьду. Муюнь Бао решился на крайнюю меру: за сокровища короны и суммы, вырученные от распродажи гарема, он набрал в свое войско профессиональных преступников и выпустил их на врага. На берегу реки Хутхэ противники встретились: солдаты-преступники обошли табгачское войско, подожгли лагерь и вызвали замешательство. Но в решающий момент сражения в войске муюньбао без всякой видимой причины началась резня. Очевидно, преступники не смогли преодолеть своей природы и схватились с воинами. Тоба Гуй, увидев это, «ударил сбор войск», зажег вне лагеря множество огней, чтобы деморализовать противника, и бросил все наличные войска в сокрушительную атаку. Войско муюньбао рассеялось. У Муюньбао осталось еще 20 тыс. конной гвардии, вполне дисциплинированной и боеспособной, но во время отступления на этот отряд налетел снежный буран, что нередко случается в марте и даже позднее в континентальных районах, примыкающих к Великой степи¹⁵. «Множество ратников от стужи померли»¹⁶, а уцелевшие потеряли боеспособность. Не видя возможности длить сопротивление, Муюнь Бао бежал на восток и укрепился в Лунчэне, городе на реке Далинхэ, около Ляодунского залива. Там ему удалось собрать достаточно мощную армию и разбить у Сяциньчжая преследовавших его табгачей, которые были «храбры, но не стойки»¹⁷.

Тут, может быть, военное счастье вернуло бы муюньбао империю, но они сами выпустили из рук победу. Муюнь Хуэй, пониженный в чине, произвел мятеж, убил нескольких своих братьев, но был схвачен и казнен. Эта сумятица дала возможность Тоба Гую подтянуть свежие войска, разбить князя Муюньбао Лина и в 397 г. взять Чжуньшань, что сделало его хозяином всей огромной равнины низовий Хуанхэ.

Войска муюньбао оказались разрезанными надвое. Командующий гарнизоном Е, Муюнь Дэ, по совету прибежавшего к нему разбитого Муюньбао Лина покинул город, бросив на произвол судьбы китайское население области, и в 398 г. отвел 40 тыс. сяньбийцев с семьями в Шаньдун. Там, в отдалении от противника и от начальства, он объявил себя самостоятельным государем царства Южная Янь и к концу 399 г. подчинил себе весь Шаньдун.

Гораздо хуже сложились дела Муюньбао, который после своих поражений стал настолько непопулярен, что его хотели

Собственные офицеры. Он бежал было в Шаньдун, но и Дэ его не принял. Бедному императору не осталось мес-
 од солнцем. После многих приключений мятежники зама-
 его в Лунчэн и убили. Его сын Муюн Шэн подавил мя-
 но был вынужден сражаться на востоке с когурёзцами. Он
 в 401 г. Сменивший его Муюн Си оказался деспотом и
 ал против себя восстание, принудившее его к бегству. В
 с, его убил Муюн Юнь, приемный сын Бао, который два
 спустя сам погиб при возмущении своего народа, желав-
 иметь вождя, способного возглавить сопротивление табга-
 Таким образом, былая могучая империя Янь распалась на
 слабые царства, сумевших, правда, отстоять свою независи-
 юсть от табгачского хана, принявшего в 398 г. титул императо-
 ой (принято писать Тоба-Вэй, или Северная Вэй).

Однако пышный титул не помог Тоба Гую завершить поход,
 что в тылу у него активизировались жужани, и весь 399
 шел на степную войну. Окончилась она для табгачей удач-
 жужани убежали на север от Гоби, а множество телеутов
 захвачены в плен и пополнили императорскую конницу.
 и силы пришлось пустить в ход не для завершения войны
 ов муюнов, а для обороны на юго-западе, где за эти годы
 произошли важные перемены.

КИТАЙЦЫ И ТИБЕТЦЫ

Если бы, после победы при реке Фэй южные китайцы мог-
 конец перейти в широкое наступление на север, тем более
 стянувшийся поединок между табгачами и муюнами об-
 л им задачу освобождения земель, захваченных «варвара-
 Но империя Восточная Цзинь тоже не была монолитной:
 цидрало соперничество северных аристократов, бежавших
 от победоносных хуннов еще в начале IV века, и южных,
 вых вельмож. А против тех и других вместе были настрое-
 естьяне, руководимые отважными вождями даосского на-
 ения. Традиции «желтых повязок» на юге еще не угасли.
 му китайцы использовали передышку не для накопления
 ил, а для разрешения внутренних противоречий в своей
 с.

При принятом нами аспекте исследования нецелесообразно
 уделить внимание читателей на подробное описание восста-
 ний и мятежей, погубивших династию Цзинь. Достаточно от-

метить, что с 385 г. власть в империи Цзинь попала в руки родственника императора Сяо У-ди, Сыма Дао-цзы, который правил Южным Китаем как завоеванной страной. Бесчинства, лихоимство и казни вызывали негодование всех слоев населения. В 396 г. Сяо У-ди был задушен одной из своих жен, а против его сына, Ань-ди, вступившего на престол в 397 г., вспыхнули сразу мятеж местных вооруженных сил под предводительством Ван Гуна¹⁸ и крестьянское восстание, руководимое Сунь Таем, последователем учения «пяти доу риса», т.е. даосизма. После гибели Сунь Тая в 398 г. повстанцев возглавил его племянник Сунь Энь, укрывавшийся некоторое время на прибрежных островах и потому названный официальной китайской историографией «пиратом».

Мы не будем проследивать перипетии этой кровавой трехлетней войны, относящейся к истории Китая, а не кочевников. Отметим лишь, что до 404 г. Китай был не способен ни к наступательной, ни к оборонительной войне. Этим положением воспользовался тибетец Яо Син, оккупировавший Лоян и все земли до реки Хуай¹⁹. Этой акцией он восстановил империю своих предшественников Ши Ху и Фу Цзяня II, но, подобно им, сделал это на свою беду.

До тех пор пока тибетцы сидели в Шэньси, они не вызывали особого интереса у могучего хана Тоба Гуй. Но как только владения обеих империй сомкнулись, стала необходимой нормализация отношений. Тоба Гуй предложил Яо Сину отдать дочь в жены табгачскому хану (т.е. себе). Тот, зная, что императрицей назначена царевна из фамилии Муюн, сообразил, что его дочь будет просто наложницей, а это поставило бы его и его царство, по понятиям того времени, в подчиненное положение. Он отказался, и в 402 г. между табгачами и тибетцами вспыхнула война, в которой тибетцы потерпели поражение²⁰. Табгачам не удалось развить успех, так как снова выступили жужани, заключившие союз с Яо Сином. Тоба Гуй оттянул войска на север и отразил жужаней, но тем самым потерял инициативу в войне на юге. Это спасло тибетскую империю Цинь.

Однако умный Яо Син понял, что не всякое приобретение территории усиливает государство, и в 405 г. добровольно уступил Южному Китаю двенадцать провинций с китайским населением²¹. Равным образом он решил обезопасить себя с севера, использовав для этого заклятых врагов табгачей — уцелевших хуннов.

«ДЛИВЫЕ РЕКИ»

часть оазисов между хребтом Наньшань и пустыней, при-
 нившая к излучине Хуанхэ, официально составлявшая цар-
 ства Поздняя Лян²², носила название, характерное для китай-
 ской географии, определявшей местоположение застенных
 царств по ориентирам, — Хэси, что означало «к западу от реки»
 (хэ — река). Население ее представляло собой конгломерат всех
 многочисленных племен, населявших в то время долину Жел-
 тых рек.

Самыми многочисленными оказались сяньбийцы из державы Муюнов, бежавшие
 на запад от кровавожадных косооплетов, стройные, узколикие, бо-
 лее тангуты, низкорослые, скуластые кяны (кочевые ти-
 бы), голубоглазые дисцы из Шэньси, но во главе этого этни-
 ческого разнообразия в начале V века встали хунны. Большая
 часть хуннов, уцелевших после предательского покушения
 на Миня и жестокого разгрома Лю Вэйчэня Тоба Гуем,
 спаслась бегством в Хэси и сплотилась вокруг своего единопле-
 менника Мэн Суня. На западе Хэси граничило с Шаньшанью,
 на северо-западе — с Гаочаном, колонией китайских военнопон-
 ников, осевших в Турфанском оазисе еще со времен династии
 Хань.

Этническое разнообразие, описанное здесь возникло за счет
 миграций из Северного Китая, где из-за постоянных войн
 было более чем плохо. Беглецы надеялись, что под твер-
 достью Люй Гуана они смогут вздохнуть полной грудью,
 забыть. Старый полководец впал в маразм, стал верить
 в чудеса и в 397 г. казнил без всякого основания одного из
 своих вождей, хорошего и уважаемого человека. Хунны
 не те люди, которые мужественно и стойко умели переносить
 страдания ближнего. Племянник казненного, Мэн Сунь,
 собрав соплеменников и предложил им смыть стыд, падавший
 на них из-за убитого, и восстановить «хуннские деяния»²³. Хунны
 вооружились за оружие и провозгласили Мэн Суня царем Север-
 ной Лян. Через год тангуты были отброшены далеко на запад от
 Ляоу, захваченного хуннами.

В то же время в 397 г. от Люй Гуана отложились сяньбийцы
 и племя туфа (ответвление табгачей), поселившиеся на север-
 ных склонах верховий Хуанхэ. Когда в 394 г. победоносный
 Люй Гуан предложил их хану принять из его рук звучный титул,
 по понятиям того времени, означало вассальную зависи-

мость, тот счел за благо не отвергнуть таковой, объяснив соплеменникам, что это ни его, ни их ни к чему не обязывает. Когда же представился случай, этот хан захватил юго-восточную часть Хэси и все верховья Хуанхэ, подчинив себе обитавших там тибетцев, тангутов и китайцев, до границы с сяньбийским царством Цифу Гожаня — Западной Цинь. Это сяньбийское княжество получило название Южная Лян и столицу имело в Лоду, близ Синина.

Огорченный неудачами, Люй Гуан отрекся от престола в пользу своего сына и в 399 г. умер. Немедленно началась борьба за власть. Тангутские принцы и вельможи, вместо того чтобы защищать страну, стали предательски убивать друг друга. Воспользовавшись смутами, китаец Ли Хао, бывший правителем в Дуньхуане, отделился и основал собственное княжество — Западную Лян. В 401 г. тибетцы из империи Младшая Цинь совершили поход в Хэси и, захватив последнего тангутского князька, запятнанного многими преступлениями, увезли его в Чаньань на смерть. Земли Поздней Лян занял хуннский вождь Мэн Сунь, создав новое хуннское государство Хэси, где правил под титулом цзюйкюй. Это государство получило у ученых-буддистов название «Бриллианта северных стран» за то, что хунны из поколения в поколение покровительствовали наукам. Основатель династии Мэн Сунь обладал такими глубокими познаниями в области истории и астрономии и таким острым умом, что его современники полагали эти качества «неестественными для человека». Столица Хэси Лянчжоу по блеску культуры соперничала с Цзяньканом (Нанкином) — столицей Южного Китая. И надо не забывать, что Мэн Сунь был потомком тех одетых в овчины «варваров», которые за 650 лет до того провозгласили шаньюем отцеубийцу Модэ. При этом хуннам удалось сохранить военную доблесть, на что указывает их геройское и длительное сопротивление дикой храбрости табгачских косо-плетов.

В V веке решалась идеологическая судьба Восточной Азии: наступал буддизм. Всюду это учение встречало ожесточенное сопротивление. В Китае против буддийской проповеди совместно боролись недавние злейшие враги — конфуцианцы и даосы. В Западном крае с буддизмом соперничало манихейство; в Тибете царила религия бон. Тоба Гуй приблизил к себе даосов²⁴ и стал врагом буддизма. Зато у цзюйкюев и тибетских царей Младшей Цинь²⁵ бритоголовые монахи находили приют и

лю поддержку. При дворе последних хуннов китайская, степная и степная культуры чуть было не слились воедино. Не надо забывать, что в начале V века были еще хунны, но не похожие на соратников Мэн Суня. Они улучили и громко сказали свое слово, на время изменив ход ис-

Последний всплеск пламени

В 391 г., учиненной Тоба Гуем в Ордосе в 391 г., казалось, что возрождения хуннской независимости нет никаких шансов. Единственный из сыновей Лю Вэйчэня, не побегавший под табгачскими мечами, Хэлянь Бобо, нашел приют у Юэ Цяна. Это был человек умный и ловкий, высокого роста и крепкого сложения, что позволяло ему держаться гордо и решительно, потому что окружавших его людей физическая сила и мощь очаровывали больше, чем образованность и хорошие манеры. Кстати, Хэлянь Бобо, то спасаясь, то воюя, не успел нанести ни того, ни другого, но безграмотность не принесла ни малейшего ущерба. Он показал себя хорошим воином, талантливым правителем области. Яо Син очень любил советовать и даже дал ему высокий чин в империи, несмотря на предостережения своего брата, не доверявшего чужеземцу.

Хэлянь Бобо, чувствуя шаткость занимаемого им положения, покинул двор Яо Сина и перешел на левый берег Хуанхэ, к нему примкнули 20 тыс. его соотечественников²⁶. Это, по сообщению источника, и надо сказать, что сведения эти не точны. Мы не можем решить, было ли это движение стихийным или это был продуманный заговор. Но так или иначе на левом берегу Хуанхэ в 407 г. воссоздалась хуннская держава, основанная из добровольцев, твердо решивших вернуть себе степи и жить там, не имея нужды пресмыкаться перед китайскими царями. Эта программа выразилась в выборе названия новой державы — китайской традиции, усвоенной всеми инородцами, жившими в то время в Китае. Хэлянь Бобо назвал державу Ся, показывая, что он отвергает всю собственную культуру цивилизации, поскольку сами хунны считали себя последними принцами этой династии, Шун Вэй, изгнанным из Китая в степи в XVIII веке до н.э.²⁷.

Ся было одиозным, как синоним дикости, бродячей,

охотничьей жизни и свирепости, хотя основателем династии считался великий Юй, первый мелиоратор Китая. Но Хэлянь Бобо и его соратники мечтали именно о дикой воле и так на терпелись бед от соседей, что сами щадить никого не собирались. Не задумываясь, они порвали союз с тибетцами и покорили сяньбийские кочевья на юге Ордоса, выгнав тибетцев за линию Китайской стены. Завоеванные сяньбийцы пополнили хуннскую армию десятью тысячами всадников.

В отличие от других кочевых вождей, стремившихся завести крепости, придворных и китайскую роскошь, Хэлянь Бобо заявил: «Мы пропадем, если запремся в каком-нибудь городе. Будем носиться, как ветер степной, кидаясь на голову врага. Если он бережет хвост, нападая на хвост, когда он прячет голову. Утомим и изнурим их, и через десять лет весь Север будет наш. Вот умрет Яо Син, сын которого туп, и тогда я возьму Чанъань»²⁸.

Но еще до этого Хэлянь Бобо совершил набег на Южную Лян, князь которой, Туфа Жутань, отказался выдать свою дочь за хуннского вождя. Разумеется, это был предлог, а на самом деле Хэлянь Бобо округлял свои границы. Он одержал полную победу, имея всего 20 тыс. всадников против 70 тыс. сяньбийцев, и ознаменовал ее тем, что велел сложить башню из костей убитых врагов. Это произвело на всех его соседей весьма сильное впечатление.

Яо Син решил воспользоваться войной хуннов с сяньбийцами, для того чтобы покончить и с теми и с другими. В 408 г. он двинул две армии по 30 тыс. человек: одну на Жутаня, другую — на Хэлянь Бобо. Обе были разбиты наголову²⁹.

Продолжая войну против тибетцев, Хэлянь Бобо в 411 г. перешел Китайскую стену, одержал несколько небольших побед и привлек на свою сторону войска разбитых им циньских командиров. Это был самый важный для него результат, так как войны были его главным достоянием, а добычу — плату за службу — они добывали себе сами. Дальнейшее продвижение на юг было ненужным и опасным, так как империя Цинь была еще достаточно сильна. Поэтому Хэлянь Бобо ограничился тем, что оккупировал восточный Ордос и воссоздал государство своего отца Лю Вэйчэня.

Судьба играла ему на руку: в 409 г. могучий и страшный император Вэй, Тоба Гуй, был убит собственным сыном и возникшие при этом беспорядки, связанные с поимкой и казнью

цы, лишили табгачей возможности выступить против хуннов. А когда следующий хан и император, Тоба Сэ, навел поря- дом, начинать войну было уже поздно, ибо Хэлянь Бобо не успел к ней подготовиться.

Итак, почти одновременно рядом воссоздались два хуннских государства, но до чего же они были непохожи друг на друга! В первом кристаллизовалась веками накопленная культура, чуткость к чужим мыслям, восприимчивость, не убивающая истинной неповторимости. В Ордоосе — грубая сила, дикая жестокость, полное неприятие любой интеллектуальной стилистики, в том числе и своей древней традиции. И нельзя сказать, что Хэлянь Бобо был оригинален. Его держава была сколком с Урянхайского каганата и, подобно последнему, вобрала в себя противоположные элементы, готовых служить под знаменем удачливого атамана. Но жужани имели в своем распоряжении бескрайние просторы Великой степи и прикрывавшую их пустыню Гоби, а хунны были зажаты в маленьком Ордоосе, и вся их надежда была на то, что они раньше успеют опустошить соседей, чем те их. Вскоре мы увидим, оправдалась ли эта надежда.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Прежде, чем проследивать ход событий дальше, следует ответить на вопрос: какой смысл в перечислении бесконечных убийств и насилий, измен и предательств, расправ над женщинами и бегств от умеющих сражаться? Ведь за весь упомянутый IV век картина событий становилась все более четкой, и все описанные нами исторические персоны получили, «не бросивши векам ни мысли плодотворной, ни гением этого труда». Да стоит ли такая эпоха внимания историка?

Стоит, и даже очень, ибо мрачные столетия в истории столь закономерны, как и расцветы культур, и золотые осени цивилизаций. Иногда это болезни роста, иногда — тяжелые спазмы кризисов, а иногда — противоестественные совмещения чужеродных элементов. Именно последнее наблюдаем мы, не упавшим назвав при описании исходного положения процесса «варварские державы» на рубеже Китая и Великой степи этнокультурными химерами. Пока они находились в латентном состоянии, необходимость уживаться друг с другом стимулировала взаимное сцепление, но как только они выходили на широкую

историческую арену, как только военный успех соединял в одно целое еще большее число разнородных этнических элементов, система разваливалась как бы от собственной тяжести, принося гибель в первую очередь инициатору объединения. Так, попытка хуннских шаньюев объединить под властью империи Лю-Хань (304—328) хуннов, кулов и китайцев вызвала заговор Цзинь Чжуна и гражданскую войну, ознаменованную расправами Ши Лэ и Ши Ху. Империя Чжао стала жертвой принятого в семью Ши китайца Жань Миня, провозгласившего геноцид. Фу Цзянь пытался милостью и щедростью купить сердца побежденных противников — его предали и убили. Муюн Чуй хотел добиться свободы своего народа, но, как только он умер, его родственники предпочли убийство друг друга обороне от врага... и государство развалилось на две части. Хунны, найдя у тибетской империи Младшая Цинь защиту от табгачей, улучили момент, чтобы покинуть приютивших их друзей.

И наконец относительно небольшое тангутское княжество Младшая Лян распалось на сяньбийскую, хуннскую и китайскую части, ставшие суверенными государствами. Даже победоносное табгачское ханство, став империей Северная Вэй, потеряло все степи, из которых пришли в Китай их предки, и с трудом завоеванный Ордос, удержав только отнятые у муюнов земли в Хэбэе и Шаньси, да и то потому, что эти территории у них в этот момент некому было оспаривать.

Все это было так, но разве эта дифференциация не есть след направленного процесса? Ведь дробление империй было не случайным! Оно шло по строго соблюдавшемуся этническому принципу. Племена, заброшенные исторической судьбой в чужую страну, неуклонно, хотя и стихийно, обособлялись друг от друга. Они не могли жить в химерных системах и добивались взаимоиизоляции, жертвуя жизнью своей и чужой. К 410 г. в бассейне Хуанхэ и в предгорьях Наньшаня оказались десять³⁰ небольших и слабых племенных держав, деливших между собой господство над китайским населением, многочисленным, но, увы, неспособным добиться свободы. Та же картина была в Южном Китае, где северные аристократы-пришельцы боролись с южными, а даосы вели крестьян на засевших в городах чиновных конфуцианцев. И ведь что интересно: каждая этническая группа находила в себе силы для самообороны от более сильного противника. Исключение составили только тангуты, которые

нии первыми в 394 г., но это исключение подтверждает правило. Как мы увидим, за тангутами последовали все остальные.

На первый взгляд может показаться странным, что, много опираясь на этническое и менее подробно на культурное общение, мы почти не касались социальной эволюции. Но и это не случайно. Для того чтобы общество могло заметно эволюционировать, нужно время, большее, чем жизнь одного поколения, а все державы IV века оказались мотыльками. Соратники основателей держав Лю-Хань, Старшая и Младшая Чжао, Восточная Цинь, Младшая Цинь и Младшая Янь, не говоря о многих княжествах, в лучшем случае успевали умереть естественной смертью, оставив в наследство детям (даже не внукам) более или менее мучительную агонию. Поэтому все без исключения ограничивались тем, что для собственного употребления пытались сохранить остатки родовых традиций, а для покоренного населения использовали китайскую систему бюрократического управления, а китайцев в качестве чиновников. Поэтому китайские грамотеи имели сносные условия существования и сохранили культурную традицию, хотя и смешались со своими завоевателями, перенимая у них нравы, обычаи и воззрения, так, впрочем, и те у китайцев.

Надо сказать, что аналогичный процесс с перестановкой ролей шел и в Южном Китае. Там господами были китайцы, а местное население, принадлежавшее к тибето-бирманской, тайской и даже малайской (юе) группам, — подчиненными, но это не мешало им смешиваться. В результате древний юньский этнос раздвоился, с тем чтобы дать начало северокитайскому и южнокитайскому этносам. Этот процесс занял еще более ста лет, и поэтому мы не будем забегать вперед, отметив только, что в событиях V века расхождение начало давать себя чувствовать.

Итак, отсутствие анализа эволюции общественных отношений в IV веке не есть плод нашего невнимания к предмету, а следствие того факта, что мы наблюдаем не единый социальный процесс, а серию оборванных процессов, не связанных между собой генетически.

Тем не менее рассматривать описываемую здесь эпопею как цепь случайностей уж вовсе неверно. Как было показано выше, в основе антагонистических противоречий оказался этнический принцип, но он же связывал все население долины Хуан-хэ и предгорий Наньшаня в один комплекс, который можно

определить как суперэтнос. По существу это была древняя степная культура восточной Евразии, сдвинутая на юг временной аридизацией климата. Раньше в Великой степи эта культура была тоже полиэтнична, но до II века она была политически организована хуннами, а затем втянула в свою орбиту земли Северного Китая. Там племена набрали силу, вследствие чего державы ослабли. Этот тезис кажется парадоксальным, но рассмотрим общий механизм процесса.

Уподобим мощь политической системы (государства, орды, племенного союза) скорости движения физического тела. Известно, что скорость зависит не только от приложения тех или иных сил, но и от их направлений (векторов). Поэтому приложение многих сил (в нашем случае — десяти), направленных в разные стороны, ведет к взаимопогашению, а следовательно, замедлению движения. И наоборот, уменьшение числа приложенных сил вызывает ускорение, так как убран ряд помех. Итак, величина приложенной энергии и эффект движения не всегда совпадают, что мы наблюдаем в нашем случае.

При натуральном хозяйстве и кочевом быте сила системы определяется числом верных и храбрых воинов. Как мы видели, с верностью дело обстояло плохо. Никто не хотел добросовестно сражаться за чужого государя, а когда его к тому вынуждали, предавал и дезертировал. Сложение десяти государств было кульминацией этого процесса, ибо дальше делиться было некуда. Теперь выступила на первое место храбрость; должен был пойти процесс интеграции за счет уничтожения храбрых противников и подчинения вялых, предпочитавших покорность гибели. Так оно и пошло — это мы увидим ниже.

Итак, мы работали недаром, так как путем кропотливого сопоставления, казалось бы, неважных и случайных событий уловили закономерность варианта исторического становления и этногенеза. Более того, уясненный на частном случае механизм этногенеза в зоне этнического контакта, очевидно, имеет место в аналогичных ситуациях, каковые за историческое время, т.е. около пяти тысяч лет, встречаются неоднократно. Поэтому имеет смысл проследить ход событий дальше, до их естественного завершения, даже утрудив себя запоминанием непривычных географических названий и трудных имен³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Wieger*. С. 1186.
- ² *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... С. 173.
- ³ *Wieger*. С. 1188.
- ⁴ *Бичурин Н.Я.* История Тибета... С. 121.
- ⁵ *Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия... С. 368.
- ⁶ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 185.
- ⁷ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. III. С. 80.
- ⁸ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 174.
- ⁹ *Вернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. С. 221.
- ¹⁰ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 186.
- ¹¹ Там же. С. 186—187.
- ¹² Там же. С. 175.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Wieger*. С. 1199.
- ¹⁵ Подобную бурю 14 августа 1945 г. наблюдал И.Х.Овдиенко. Она продолжалась всего два часа и не принесла гибели ни людям, ни животным, так как было тепло. Но в марте средняя температура отрицательна (см.: *Овдиенко И.Х.* Внутренняя Монголия. М., 1954. С. 25, 30).
- ¹⁶ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. I. С. 176.
- ¹⁷ *Wieger*. С. 1202.
- ¹⁸ Фамилия Ван принадлежала южнокитайской аристократии. См.: *Шан Юэ.* Очерки... С. 151.
- ¹⁹ *Wieger*. С. 1209—1210.
- ²⁰ *Mailla*, IV. С. 525—527.
- ²¹ *Бичурин Н.Я.* История Тибета... С. 122.
- ²² Или Младшая Лян, основанная тангутским полководцем Люй Гуаном в 786 г.
- ²³ *Wieger*. С. 1207.
- ²⁴ *Ibid.* С. 1209.
- ²⁵ *Ibid.* С. 1225.
- ²⁶ *Mailla*, IV. С. 546.
- ²⁷ См. *Гумилев Л.Н.* Хунну. С. 12—14.
- ²⁸ *Wieger*. С. 1228.
- ²⁹ *Mailla*, IV. С. 548.
- ³⁰ С запада на восток: Си Лян, Бэй Лян, Нань Лян, Тогон, Ся, Си Цинь, Хоу Цинь, Бэй Вэй, Бэй Янь, Нань Янь; одиннадцатая — Жужаньский каганат в степи, но это особый вариант, разобранный нами в книге «Древние тюркские и сяньби носили свои тюркские и монгольские имена. Например, лю Вэйчэнь — geuci, т.е. «гость» или «чужеземец»; Лю Сян — subag, «чуждый» (масть коня). Встречаются звериные имена, очевидно, носившиеся параллельно. К сожалению, принятое чтение китайских имен базируется на фонетике языка, современного нам, а не событиям. Это осложняет лингвистический анализ этнонимов. Но поскольку мы ставим в данной работе задачи не филологические, а этнологические, то на наши выводы отсутствие правильной транскрипции не влияет.

VII. Три цвета пламени

УГАСАНИЕ

Известно, что наивысший накал дает белое пламя, но при понижении температуры в нем можно различить оттенки спектра: красный горячий огонь, желтое слепящее зарево и синие огоньки на догорающих углях. Воспользуемся этим образом для иллюстрации того, что нам надлежит изучить.

Не спеша, с подробностями отметим основное направление процесса. В бассейне Хуанхэ было в 386 г. восемь царств, в 400 г. — девять, в 415 г. — семь, в 425 г. — три и к 440 г. осталось две империи: Северная и Южная, делившие между собой Китай¹. Правда, в принятом нами ракурсе следует добавить хуннское княжество, отодвинутое далеко на запад, к Тяньшаню, потому что оно, несмотря на свои размеры, было плодом того самого процесса упрощения, или угасания, а точнее — «угашения», государств. Этот процесс отнюдь не был консолидацией племен в народ. Уничтожение самостоятельности было, как правило, связано с резней мужчин и продажей в рабство женщин и детей. Хотя по уровню истребительной техники того времени кое-кто из побежденных оставался в живых, но под новой властью им всегда было не сладко, и все же процесс шел с многочисленными вариациями, ибо каждому было предоставлено несравненное право самому выбирать себе смерть.

Чтобы нам было легче ориентироваться, попробуем применить цветовые обозначения, как это делали древние китайцы.

красный цвет — стихия огня — был выражением ханьской традиции, сохраненной в Южном Китае; желтый — стихия Земли — был принят Тоба Гуем для новой империи Вэй, созданной силами табгачей в Северном Китае²; синий³ — стихия растительности — всегда был цветом тюркоязычных племен, в интересующее нас время — хуннов. Это те, которые уцелели, а как исчезли прочие — посмотрим.

ИГБЕЛЬ МУЮНОВ

Положение северной ветви Муюнов было незавидно. Им подчинялась небольшая область около Ляодунского залива с городами Ги (Пекин) и Лунчэн (столица царства). Степные пространства Западной Маньчжурии подчинили себе жужани, а Ляодун захватило корейское царство Когурё. Но еще хуже было, что во главе царства оказался Муюн Си, не просто самодур, а самодур, влюбленный в свою жену. В 404 г. ради ее удовольствия он устроил грандиозную облавную охоту в горах, во время которой от морозов погибли около 5 тыс. воинов (загонщиков), не обеспеченных одеждой и пищей⁴.

Подобные «забавы» сделали его слишком малопопулярным в народе, чем воспользовался один из его придворных, китайский авантюрист Фэн Ба, постоянный собутыльник царя. В 407 г. скончалась царица, и Муюн Си пошел за ее гробом на кладбище пешком, а было далеко, больше 20 ли. Пока шли похороны, Фэн Ба возмутил население столицы и возвел на престол приемыша Муюнов Гао Юня. Вернувшийся Муюн Си не был впущен домой и убит в схватке. Фэн Ба стал во главе армии. В 409 г. два гвардейца почему-то убили Гао Юня. Фэн Ба казнил их, сел на престол сам и объявил, что его царство называется Северная Янь. В 412 г. он заключил союз с Жужаньским каганатом⁵ и империей Цзинь, обещавшей ему помощь против табгачской империи Северная Вэй. Впрочем, табгачи были заняты на западе и севере войной с хуннами и жужанями. Это дало новому китайскому царству 20 лет покоя.

Таким образом, Фэн Ба осуществил то, к чему безуспешно стремились Цзинь Чжун и Жань Мин. Он своими силами освободил китайское население Хэбэя от «варваров». Это удалось благодаря полному разложению правящей ветви Муюнов, проявившемуся в безответственном поведении последнего царя. Пожалуй, не стоит осуждать боевого генерала Муюна Дэ, кото-

рий предпочел сидеть в Шаньдуне и не связываться со своими северными родственниками. Он-то их хорошо знал!

Однако как только царство Южная Янь осталось одиноким, племянник и наследник Муюна Дэ, скончавшегося в 405 г., Муюн Чао, оказался беззащитным соседом Южного Китая, где военачальник Лю Юй в 409 г. получил императорское разрешение вернуть Китаю Шаньдун. Флотилия легких судов вышла из устья Янцзы и вошла в реку Хуай, везя продовольствие для китайской армии, смело углубившейся в Шаньдун. В горной части полуострова китайцев встретили 40 тыс. сяньбийской конницы, но сражение осталось нерешенным. Тогда китайцы совершили глубокий обход в тыл сяньбийцев, распустив слух, что это идет новая армия, высадившаяся на морском берегу. Сяньбийцы потеряли надежду на победу и в панике рассеялись. Китайцы беспощадно убивали бегущих врагов. Муюн Чао был осажден в цитадели своей столицы, где начал свирепствовать голод. Потерявшие голову осажденные открыли ворота китайцам, надеясь на пощаду, но не получили ее. Лю Юй велел отрубить головы всем защитникам крепости — трем тысячам сяньбийцев, знатым и простым⁶, а Муюн Чао был отослан в цепях в Цзянькан и там обезглавлен по приказу императора в 410 г. Муюнов больше не осталось.

КОНЕЦ ЮЖНОЙ ЛЯН

Дальнейшее наступление китайцев на север было задержано новыми смутами на юге. В то время когда победоносный Лю Юй наладил управление в освобожденном Шаньдуне, около Цзянькана вспыхнул мятеж для низвержения династии Цзинь, которая изрядно надоела южным китайцам. Лю Юй успел вернуться с войском, состоявшим из ветеранов. Мятеж был подавлен⁷, но темп наступления на «варваров» потерян. Следующий мятеж вспыхнул и был подавлен в 412 г.⁸. Цзиньское правительство было вынуждено убивать собственных солдат и полководцев, что продлеvalo существование его северных соседей. Однако последние воспользовались передышкой только для взаимоистребления.

Маленькое царство Южная Лян включало в себя много сяньбийских орд, состоявших, в свою очередь, из разных племен. Хотя сяньбийцы говорили на одном языке, они не составляли единый этнос, так как родо-племенные связи значили

больше, чем лингвистическое сходство. В 414 г. несколько орд восстали против главенствующего племени туфа. Царь Южной Лян двинулся с 7 тыс. конницы против повстанцев, оставив столицу на попечение своего сына. Этим воспользовался глава сяньбийцев царства Западная Цинь, Чжипань. Собрав 20 тыс. конницы, он захватил столицу Южной Лян. Из города спасся бегством только племянник царя Фань Ни, который сообщил дяде о происшедшем. Видя, что все потеряно, царь распустил свое маленькое войско и сдался Чжипаню. Тот принял его с почетом и через год... отравил. Фань Ни собрал своих соплеменников и увел их на запад, во владения хуннского князя Мэн Суня, который принял беглецов гостеприимно⁹.

Кому на пользу пошла эта трагедия? Да вроде бы никому! Победители поживились добычей и потешились расправой над пленными, но приобретенные земли они не могли освоить из-за своей малочисленности. Мятежные племена не добились свободы, а только сменили господина на более сильного и крутого. Против Чжипаня бунтовать было неповадно. Хунны рассчитывали усилить свое войско сяньбийскими пришельцами, а на самом деле разбавили свой и без того немногочисленный этнос чужаками, что на пользу делу не пошло. А уцелевшие члены племени туфа крепко держались друг за друга, не теряя надежды найти себе место под солнцем.

Единственный, кому при этом повезло, был Тогон, отделенный от Южной Лян кряжами Наньшаня. Это маленькое государство жило в вечном страхе вторжения с севера. Поэтому опустошение соседней территории было ему на руку. Тогонский князь Ачай, вступивший на престол в 417 г., начал завоевания окрестных малых владений кянов и ди еще при жизни своего старшего брата Шулоганя¹⁰. Он включил в свои владения «Песчаную страну» (Шачжоу) севернее Кукунора (около совр. города Гаотая)¹¹, чем округлил границы Тогонского царства и сделал его обороноспособным. Последнее обстоятельство вско-ре сыграло свою роль.

Уяснить причины гибели дотоле крепкой Южной Лян можно не мудрствуя лукаво. В 407—408 гг. племя туфа отразило хуннский и тибетский набеги, но потеряло много ветеранов. Молодежь, пополнившая ряды войска, оказалась менее стойкой и рассыпалась при первой же неудаче. Наиболее мужественные собрались вокруг князя Фань Ни, но для продолжения войны их было мало. Зато они породили крепких детей, роль

которых в истории была поистине грандиозна. О ней мы скажем ниже, пока лишь отметим, что описанное здесь событие только кажется мизерным, а на самом деле было очень важным.

Столицы младшей Цинь

В начале 416 г. в столицу Южного Китая Цзянькан пришла весть, что умный и волевой тибетский царь Яо Син скончался, оставив престол Цинь бездарному Яо Хуну. Поскольку Лю Юй справедливо полагал, что навел у себя на родине достаточный порядок, он счел момент удобным для возвращения Китаю древних столиц — Лояна и Чанъани, а также изгнания «варваров» с китайской земли. Лю Юй нашел подходящего союзника. Дисское княжество Уду, расположенное в южной Шэньси¹², доголе находившееся в союзе с тибетцами, в 396 г. перешло на сторону Китая и в 416 г. выступило против царства Поздняя Цинь¹³. Впрочем, оно сделало это не раньше, чем двинулась в поход китайская армия.

Основной удар китайцев был направлен через равнину реки Хуай, а затем через долину реки Ло на Лоян. Наступление велось тремя колоннами, для поддержки которых была послана флотилия речных судов. По малым рекам ее переправили в Хуанхэ.

Комендант Лояна запросил помощь из Чанъани. Однако китайцы встретили вспомогательную тибетскую армию и разбили ее наголову, после чего Лоян сдался без боя. Четыре тысячи пленных были отпущены на свободу, и многие из них вступили в ряды императорской армии¹⁴. Это указывает на то, что популярность тибетской династии упала даже еще быстрее, чем тангутской. Взятием Лояна закончилась кампания 416 г. Тибетцы не пошли в контрнаступление, так как Уду активизировалось, заняло Цишань и связало их силы, которые пришлось использовать для защиты западной границы.

Весной 417 г. китайцы возобновили наступление и прошли через проход Тунгуань в долину реки Вэй (Шэньси). Три тибетские армии, пытавшиеся их задержать, были разбиты одна за другой. Тем временем подошел речной флот, который, по мысли Лю Юя, должен был проплыть по Хуанхэ и подняться по реке Вэй от устья до Чанъани. Поскольку северный берег Хуанхэ находился в империи Тоба-Вэй, Лю Юй послал к табгачскому хану Тоба Сэ посольство с просьбой пропустить китайские

войска через табгачскую территорию. Но китайские послы застали у Тоба Сэ тибетское посольство, просившее помощи против Китая. Совет табгачских старейшин высказался в пользу тибетцев, связанных с их ханством династическим браком. Поэтому Тоба Сэ не только отказал китайцам, но выслал на берег Хуанхэ наблюдательный корпус из 30 тыс. всадников. Те шли по степи, примыкавшей к реке, следя за движением китайской флотилии. Когда течение прибывало джонку к северному берегу, табгачи убивали гребцов и грабили багаж, а при попытках китайцев завязать бой отходили в степь. Тогда Лю Юй приказал построить на северном берегу передвижную крепостицу, которая бы прикрывала движение флота. Под покровом ночи ее поставили на телеги, снабдили гарнизоном из 2 тыс. арбалетчиков и небольшими катапультами. Утром табгачи напали на этот форт и потерпели страшный урон, причем погиб даже полководец. После этого китайский флот беспрепятственно вошел в устье реки Вэй и направился к Чаньани, куда уже подходили сухопутные войска.

Яо Хун собрал последние силы и напал на китайскую сухопутную армию, но потерпел жестокое поражение и бежал в Чаньань, около которой успел высадиться китайский десант. После высадки Лю Юй приказал обрубить якорные канаты, и лодки унесло течением. Воинам, лишенным пищи и одежды, было предложено добыть то и другое, взяв город, либо сложить головы, ибо третьего выхода не было¹⁵.

Осознав безысходность своего положения, китайские воины с такой яростью бросились на врага, что сразу рассеяли тибетцев, прикрывавших подступы к столице. Победители ворвались в город, и Яо Хун решил сдаться. Его одиннадцатилетний сын умолял отца не надеяться на милость врага, а погибнуть, сражаясь, но Яо Хун, спокойно посылавший своих соплеменников в сечу, отдался в руки китайцев со всеми женами и детьми, за исключением того храброго мальчика, который бросился с высокой террасы дворца и разбился насмерть. Яо Хуна не спасла трусость: препровожденный с царским почетом в Цзянькан, он был там обезглавлен как мятежник.

Южнокитайские солдаты с лихвой вознаградили себя за понесенные трудности похода. Не только дворец, но и весь город были беспощадно разграблены. При этом равно пострадали тибетцы и местные китайцы. Радость последних по случаю освобождения от тибетского ига сменилась испугом. Но тут про-

и юшло то, что не могло не произойти: армия Лю Юя потеряла боеспособность! Лю Юю было ясно, что надо закончить завоевание Шэньси, но его офицеры ответили: «Нет!». Они были сыты войной и хотели только увезти домой награбленное имущество. К тому же в Цзянькане умер единственный искренний друг Лю Юя, которому тот доверил блюсти свои интересы в столице. Поэтому поход пришлось закончить, и Лю Юй повел войска назад, оставив в Чанъани сильный гарнизон, а прочая часть бывшего тибетского царства была предоставлена своей судьбе. Лю Юй считал, что это царство не воскреснет, и оказался прав. Но многого другого он не учел, иначе не доверил бы командование оккупационной армией своему юному сыну Лю И-чжэню, легкомысленному и неспособному справиться с задачей, оказавшейся сверхсложной.

СИНИ И КРАСНОЕ

Хуннский вождь Хэлянь Бобо, сидя в безопасном Ордосе, спокойно наблюдал за гибелью тибетской державы. Он знал, что эти земли легче завоевать, чем удержать. Хуннский вождь копил коней и людей, понемногу передвигая свои кочевья от Китайской стены на северные притоки реки Вэй. Он не отказался заключить с Лю Юем договор о братской дружбе, зная, чего стоят политические заверения китайцев, да и сам не придавал значения обещаниям. Как только Лю Юй отбыл на юг, Хэлянь Бобо занял проходы в Шэньси и послал своего сына Хэлянь Гуя с 20 тыс. всадников против чанъаньского гарнизона. Весной 418 г. хуннские всадники вступили в многострадальную долину реки Вэй и были встречены ее обитателями как избавители. С одной стороны, это объясняется тем, что обывателям надо было спасать жизнь, а с другой — тем впечатлением, которое произвела китайская армия на население освобожденной страны.

А в самой Чанъани было крайне неблагоприятно. Старая вражда между «северянами» — потомками эмигрантов из Северного Китая и «южанами» — местными жителями Южного Китая проявилась в формах, слишком острых для того, чтобы они могли совместно действовать против неприятеля. Один из генералов необдуманно высмеял другого; тот вызвал его на совещание и убил. Лю И-чжэнь казнил убийцу... и остался без помощников. Южане оклеветали верного советника-северяни-

на; Лю И-чжэнь казнил и его, после чего северяне разбежались, предоставив южанам оборонять город. А местные жители целиком перешли на сторону хуннов. Они уже привыкли жить в контакте с кочевниками, и подлинно китайские порядки приводили их в ужас. Хэлянь Бобо осадил Чаньань.

Как только Лю Юй получил известие о происшедшем, он послал сыну приказ оставить небольшой гарнизон в Чаньани и быстро уходить на восток, в Хэнань, отнюдь не отягощая себя добычей. Однако тот собрал что мог, еще раз ограбив жителей города, нагрузил телеги награбленным добром, посадил на них мальчиков и девочек, набранных для его забав, и повел домой целый обоз, приказав последним верным офицерам прикрывать арьергард. Естественно, обоз тянулся медленно, а хунны кружили вокруг него. Сначала они изнурили прикрытие и взяли в плен уцелевших бойцов, а потом обрушились на головную часть каравана.

Лю И-чжэнь успел скрыться в придорожном кустарнике, где его подобрал на круп своего коня китайский всадник и увез с поля боя, точнее, разгрома. Из трупов убитых китайцев хунны сложили пирамиду.

Как только в Чаньань дошла весть об уничтожении оккупационной армии, население поднялось и выгнало из города китайский гарнизон, который, уходя, поджег царский дворец. Хунны догнали уходящих китайцев и перебили их.

Хэлянь Бобо совершил торжественный въезд в Чаньань, устроил пир для своих воевод и объявил себя императором. Но, степной кочевник, он не любил городской жизни и вернулся в родной Ордос, оставив наместником одного из своих сыновей.

Потеря Чаньани вызвала в Южном Китае взрыв негодования против правительства¹⁶. Императора Ань-ди удавили и заменили его братом, который, страшась за свою жизнь, отказался от престола в пользу Лю Юя. Тот принял власть, которой фактически уже обладал, и в 420 г. в Южном Китае была торжественно провозглашена новая династия — Сун, обычно во избежание путаницы именуемая Лю-Сун.

Казалось бы, ответственность за катастрофу должен был нести полководец, бросивший армию, а не император, сидевший дома, но китайцы знали что к чему. Вспомним о борьбе северян, возглавлявшихся фамилией Сыма, и южан, к числу коих принадлежал Лю Юй. Последние возложили вину за поражение на тех северян, которые покинули знамя и разбежались, стра-

нились собственного военачальника — Лю И-чжэня, хотя именно он несправедливыми казнями их к этому принудил. Но на роль полководца внимания не обратили, потому что появился повод покончить с непопулярной династией. Это Лю Юй и сделал, завершив переворот тем, что без зазрения совести организовал убийство отрекшегося в его пользу последнего императора Цзинь — Гун-ди. Несчастный прожил после отречения всего один год.

КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ ЛЯН

Прежде чем анализировать события, приведшие к падению династии Цзинь, бросим взгляд на запад, в предгорья Наньшаня, где шел тот же процесс упрощения, хотя и в меньших масштабах. Царь Северной Лян, цзюйкюй (старинный хуннский титул) Мэн Сунь, воспользовался разгромом Южной Лян, чтобы округлить свои владения, и совершил поход на восток, где вытеснил сяньбийцев Западной Цинь из захваченных ими земель Южной Лян. Его отсутствием решил воспользоваться царь Западной Лян (столица в Сучжоу), китаец Ли Синь. Напрасно мигь и советники отговаривали его, напоминая, что хуннский князь не сделал ему ничего плохого. Юный китаец сгорал от жиды завоеваний. В 420 г. он, собрав 30 тыс. воинов, двинулся на запад, был разбит вернувшимся из восточного похода Мэн Сунем и пал в бою. Мэн Сунь вступил в Цзюцюань (совр. Сучжоу), запретив своим войскам грабить народ, и присоединил эту область к своим владениям. Мягкость по отношению к побежденным быстро снискала ему симпатию местного китайского населения, тем более что он даровал свободу матери погибшего царя, а его сестру выдал замуж за своего сына Муганя¹⁷.

Мудрая и трезвая политика создала Мэн Суню такой авторитет, что ему без войны подчинилась китайская колония военнопоселенцев в Турфанском оазисе — Гаочан¹⁸. Объединив, таким образом, все Принаньшанье, Мэн Сунь принял новое название для своего владения — Хэси. Этот топоним (в монголизированной форме — Хашин) жил еще в XIII веке. Короче говоря, Мэн Сунь создал жизнеспособное государство с естественными границами и оригинальной культурой. Казалось, что оно вполне жизнеспособно, а получилось... Но об этом ниже.

Перед нами поистине удивительная коллизия. Китайское население Шэньси и Хэси откровенно предпочло хуннское иго

освобождению с юга, о котором само же мечтало 110 лет. Именно благодаря такому внезапному изменению симпатий народа Хэлянь Бобо и Мэн Сунь стали правителями земель, бывших некогда форпостом Китая против их предков; только поэтому они одержали столь легкие победы над многочисленными армиями китайских патриотов. В чем тут дело?

Вспомним, что инициатором попыток возвращения Северного Китая была династия Цзинь, носительница если не живой традиции культуры древнего Китая, то по крайней мере ее инерции. Ее-то и ждали в Чанъани, а вместо этого пришел Лю Юй, южанин, чужой и суровый человек. В нем и в его воинах северные китайцы не узнали единоплеменников, а южане жестокими грабежами оттолкнули от себя население. Когда же распри между «южанами» и «северянами» заставили последних разбежаться, то дезертиры оказались наилучшими агитаторами против союза с Южным Китаем, где их — носителей древних традиций — беспощадно резали аборигены. С другой стороны, китайцы в бассейне Хуанхэ сто лет углубляли контакты с кочевниками, так как это был единственный способ выжить. Поэтому с хуннами у них был общий язык, которого (в прямом и переносном смысле) не оказалось при общении с южными китайцами. Фактически за IV век на месте единого древнекитайского этноса создались два новых (точнее, средневековых), равно не похожих на прототип. А последний угас, и это констатировала в свое время китайская историография, объявившая 420 год переломным, разделяющим эпохи. Новая эпоха получила название Северных и Южных Дворов, что в переводе на наши представления означает признание органического разделения Северного и Южного Китая. Оно зафиксировано даже в персидской географии, где Южный Китай называется не Чин, а Мачин, т.е. маньский Китай, смесь древних китайцев с южными инородцами — мань.

С этого времени война кочевников с Китаем приобрела совсем иные формы и иное значение, но современники событий осознали это не сразу.

ЖЕЛТОЕ И КРАСНОЕ

Лю Юю сопутствовала удача не только в жизни, но и в смерти. Он умер вовремя. В 422 г. его 17-летний наследник Лю Ичжэнь взошел на престол и сразу столкнулся с тяжелой внешне-

политической проблемой — войной за Хэнань. Эту проблему оставил ему победоносный отец, который занял Лоян и привинул границу столь близко к поселениям табгачей, что те не могли оставаться спокойными. В 422—423 гг. обе стороны оказались союзниками. К империи Сун примкнули Уду¹⁹ и Тоба-Сэ²⁰, к империи Тоба-Вэй — Западная Цинь и жившие в Сычуани инородческие племена²¹. Инициативу войны взяли на себя табгачи, собравшие мощную армию. Для отпора жужаням, продолжавшим тревожить северную границу табгаческой державы, были восстановлены и снабжены гарнизоны бастионы Китайской стены, после чего зимой 423 г. Тоба Сэ двинул 40-тысячную армию на юг под командованием опытного полководца Си Цзиня.

Все опять-таки решило сочувствие местного населения, потому что военные силы соперников были примерно одинаковы. Здесь оно высказалось в пользу северян даже более решительно, чем в Шэньси. Последний принц фамилии Сыма со всем своим войском передался империи Вэй, где получил высокий военный чин. Измена? Да, но что ему оставалось делать? Ждать, пока его убьют, как были убиты все его родственники в Цинькане, виновные лишь в том, что они принадлежали к опальной фамилии? Этот принц выбрал жизнь, что дало перевес табгачам.

Южане героически оборонялись в крепостях, но новая 40-тысячная армия под командованием хана Тоба Сэ взяла Цюань, после чего захватила всю Хэнань и Шаньдун. Плоды завоеваний Лю Юя были утрачены.

Южан спас героизм гарнизонов осажденных Си Цзинем крепостей, которые в конце концов пали, но стоили осаждающим столь больших потерь, что наступление табгачей было остановлено. Это позволило южнокитайскому правительству обвинить юношу-императора в легкомыслии, а затем и убить, возведя на престол его младшего брата Лю И-луня, правившего до 453 г. В том же 423 г. умер Тоба Сэ, передав престол своему сыну Тоба Дао.

В 430 г. империя Сун сделала попытку вернуть Хэнань. Вступив в союз с ордосскими хуннами, готовыми поделить Северный Китай²², и собрав 50 тыс. латников, император Вэнь-ди послал Тоба Дао ультиматум, требуя вернуть китайские земли южнее Хуанхэ. Хан занял выжидательную позицию, так как летом переправа конницы через Хуанхэ затруднительна. Сунские

войска, не встретив сопротивления, заняли Лоян и все крепости Хэнани, но зимой табгачские всадники перешли Хуанхэ по льду, разбили южан в открытом бою и возвратили себе все крепости. Южане бежали, побросав тяжелое оружие и речные суда. Конница табгачей уничтожила все запасы продовольствия в зоне военных действий, вследствие чего южная армия, оторвавшаяся от противника, начала испытывать голод. Но сунский полководец Тань Дао-ци сумел восстановить порядок в разбитом войске, дезинформировать табгачей до такой степени, что они прекратили преследование, и отвести остаток армии в сунские земли. Только благодаря его выдержке и стойкости империя Сун избежала вторжения табгачского хана. «В благодарность за подвиг» он был в 436 г. арестован и казнен вместе со всеми родственниками по навету императорского министра, интриговавшего против боевого генерала. Эта казнь вызвала живую радость в Тоба-Вэй, переставшей опасаться своего южного соседа.

Совсем иначе отметил победу Тоба Дао. Он устроил пир для своих офицеров, освободил от уплаты налога за 10 лет солдат, участвовавших в походе, а прочее население — за год. После торжеств и наград в империи Тоба-Вэй говорили: «Чтобы служить императорам Китая, надо иметь собачье сердце и сносить собачье обращение»²³. Не только кочевники, но и завоеванные тибетцы, тангуты, китайцы предпочитали милость табгачского хана произволу южнокитайских чиновников. Судьбы Северного и Южного Китая с этого времени разошлись на целых полтора столетия.

Дальнейшие события развивались для династии Сун неблагоприятно. В 433—434 гг. в княжестве Уду произошел переворот. Уду заключило союз с Тоба-Вэй и начало войну с Южным Китаем за область Ханьчжун, расположенную в Шэньси, южнее хребта Циньлин. Область была страшно опустошена. Дисские воины оделись в доспехи из кожи носорога, которую копьё не пробивало, но китайцы применили алебарды и в рукопашных боях нанесли противнику большие потери, что позволило им отбросить войска Уду на север²⁴. После этого поражения княжество Уду представляло дань обеим империям и фактически вышло из войны.

Р. Груссе, описывая это время, уподобил ситуацию той, которая сложилась в Европе после Великого переселения народов. Роль Византии, по его мысли, выполнял Южный Китай, а табгачи и хунны соответствовали франкам, лангобардам и го-

нам²⁵. Если принять эту иллюстративную аналогию, то можно сравнить Лю Юя с Юстинианом, завоевания которого еще при его жизни сделались для Византии источником бедствий, поскольку захваченный варварами Запад стал развиваться независимо от защитившего себя Востока. Действительно, романизация франков и готов сделала из них французов и испанцев, а нация табгачей превратила их в северокитайский этнос. Ключевым пунктом этого процесса в Северном Китае был момент, когда общность интересов и исторической судьбы табгачьего племени и китайского населения Хэбэя стала очевидной для них самих. Но этому повороту предшествовали годы тяжелых испытаний, которые особенно важны для нашей темы: на пути табгачей стояли хунны.

ОБЛОК И СИНЕЕ

Хуннское царство Ся было не менее грозным, нежели Тоба-Вэй. Оно располагало прекрасной армией, состоявшей из природных кочевников Ордоса, и черпало ресурсы из богатой плодородной долины реки Вэй, поныне являющейся житницей Северо-Западного Китая²⁶. Основатель этой державы Хэлянь Бобо был человек незаурядный. Китайская историография относит к нему враждебно, называет его «варваром, не расстающимся с луком и мечом». Он будто бы выкалывал глаза людям, покрывшим ему в лицо, отрезал губы улыбавшимся в его присутствии, рубил головы спорившим с ним и т.д.²⁷. Однако, вероятно, он имел и другие, более полезные качества, позволившие ему воссоздать погубленную державу с помощью людей, примыкавших к нему добровольно. Во всяком случае, пока он был жив, табгачи не посягали на Ордос. Умер он в 425 г.

Близкое соседство воинственной хуннской державы не могло не беспокоить табгачских ханов, но Тоба Сэ завоевывал юг, а Тоба Дао сразу после вступления на престол подвергся нападению жужаней, которые в 424 г. сожгли столицу Тоба-Вэй — Инчунь. Тоба Дао отразил жужаней, а в 425 г. совершил контрнаступление на Великую степь и загнал жужаней в горы Хамар-Дабан. Так он избавил свое государство от опасностей, грозивших с юга, севера и востока, где царство Северная Янь являлось одновременно союзником жужаней и Китая и, можно думать, посредником между ними. Одно оно не решалось выступить против Тоба-Вэй. В следующем году табгачский хищник решил

вступить в поединок с хуннским, причем для последнего это оказалось неожиданным, так как хунны и повода для войны не подавали. Но ведь внезапность удара обеспечивает половину успеха, не так ли?

В начале 426 г. табгачская конница перешла Хуанхэ по льду и обрушилась на Тунвань — ставку хуннского шаньюя, который пировал, не подозревая, что война началась. Хунны отбили набег, но табгачи разграбили и выжгли весь район Тунвани и отошли, уведя 10 тыс. пленных. В то же время полководец Си Цзинь, герой войны против Сун, взял Чанъань и подчинил державе Тоба-Вэй обитавших там тибетцев и тангутов. Услышав о табгачских победах, тибетское племя танчанов²⁸ и княжество Хэси предложили союз Тоба Дао²⁹. Царство Ся оказалось в кольце врагов.

На следующий 427 год хунны собрались с силами и пошли в контрнаступление. Князь Хэлянь Дин осадил Чанъань и стеснил Си Цзиня. Тоба Дао, рассчитав, что главные силы хуннов оттянуты на юг, с 30 тыс. всадников, без пехоты, повторил набег на Тунвань. Он рассчитывал на внезапность, на легкомыслие хуннского вождя и на стойкость своих косоплетов, не потерявших навыков степной войны. Спрятав свои лучшие войска в засаде, он подошел к стенам Тунвани с малым отрядом и сразу отступил, оставив доверенных людей, передавших хуннам и сообщивших им, что хан пришел в набег с малыми силами. Хэлянь Бобо на такую удочку не попался бы, но Хэлянь Чан вывел 30 тыс. всадников в погоню за врагом. Тоба Дао увлек хуннов к месту, где стояла засада, и втянул в бой при равных силах. Бой был жесток; конь под табгачским ханом был убит, а сам он чуть не попал в руки хуннов, но спасся, хотя и израненный. Однако в рукопашной схватке табгачей одолеть не мог никто. Хунны рассеялись. Хэлянь Чан, покинув столицу, бежал на юг, в долину реки Вэй, где надеялся получить помощь от Хэлянь Дина. Разгоряченный боем Тоба Дао ворвался в Тунвань, защитники которой успели закрыть крепостные ворота и чуть было не прикончили табгачского хана. Но его воины при помощи арканов и копий перелезли через крепостную стену, и после суток уличных (если так можно говорить об укреплённом кочевье) боев хунны сдались.

Огромную добычу скотом и людьми Тоба Дао распределил между своими соратниками, удовольствовавшись для себя тем, что подорвал материальную и моральную базу своего соперни-

В самом деле, узнав о падении Тунвани, Хэлянь Дин снял осаду с Чанъани и пошел на соединение с Хэлянь Чаном. Тоба Дао поручил Си Цзиню покончить с хуннами и вернулся в свою столицу Пинчэн, покрытый славой и ранами, которые только необходимо лечить.

В 428 г. Хэлянь Чан попробовал возобновить наступление и в верховьях реки Цзинь стеснил войска Си Цзиня. Хунны тревожили врагов постоянной перестрелкой и лишили возможности пополнять припасы продовольствия, что вызвало среди голодававших табгачей ропот, разумеется, против командующего.

Тогда один из офицеров Си Цзиня собрал 200 еще не оседлых коней, посадил на них отборных воинов, прошел в тыл хуннов, захватил Хэлянь Чана и бежал вместе с пленником к спосуму хану. Это не очень изменило положение заблокированной табгачской армии. Командование хуннами принял способный полководец Хэлянь Дин и, когда Си Цзинь попробовал напасть на хуннов, заманил его в засаду, где погибли 7 тыс. табгачей, а Си Цзинь был взят в плен хуннами.

Хэлянь Дин развил успех, вернул Чанъань и очистил от врагов всю долину реки Вэй. Снова перед Тоба Дао стояла боеготовая хуннская армия, опиравшаяся на богатую хлебом страну, в то время как его лучшие войска полегли в бою. Разгневанный хан велел казнить Хэлянь Чана, но это не принесло ему никакой пользы. Наоборот, Хэлянь Дин заключил с империей Сун наступательный союз против державы Тоба-Вэй, чтобы разделить пополам Северный Китай. Это и вызвало неудачное наступление сунской армии в 430 г. В ответ Тоба Дао договорился с сяньбийцами Западной Цин, теснимой хуннами князя Хэси, обещав им за помощь земли царства Ся. Жужани, конечно, готовы были в любую минуту напасть на тылы табгачей, но их связало выступление Юебани³⁰ в 429 г., оттянувшее большую часть их сил в Джунгарию, что развязало руки табгачим. Наконец в царстве Северная Янь в 430 г. умер энергичный император Фэн Ба. Его брат Фэн Хун, стремясь к власти, убил законного наследника — своего племянника — и еще более ста родственников. Такое потрясение государства лишило Северную Янь возможности вести активную политику, о чем было рассказано выше. Но пока Тоба Дао одерживал победы в Хэнани, Хэлянь Дин столкнулся с царем Западной Цинь, Цифу Мумо, в Шиньси.

КОНЕЦ ЗАПАДНОЙ ЦИНЬ

В 430 г. война табгачей против всех их соседей дошла до высшей точки, ибо Тоба Дао захватил инициативу. Одновременно с войной на юге он развернул кампанию на севере против жужаней. Огромное, по степным масштабам, войско вошло в Великую степь. Жужани рассеялись по ущельям, не пытаясь оказать сопротивление, а хан их Датань бежал на запад и пропал без вести. Телеуты, кочевавшие южнее Гобийской пустыни, переехали табгачам и вымещали на жужаньских беглецах былые обиды. Сын Датаня, Уди, признал себя данником империи Тоба-Вэй³¹.

К осени табгачи перебросили силы в поход против «горных хуннов»³². Под личным командованием хана (и императора) они окружили вождя горных хуннов, носившего китайское имя Бай Лун (Белый дракон), и в жестоком бою уничтожили их без остатка. Но все эти операции прошли столь успешно лишь потому, что главные силы хуннов были связаны войной против западных сяньбийцев, напавших на войско Хэлянь Дина с юга.

Положение Западной Цинь с каждым годом становилось все более острым. По сути дела это государство было военным лагерем в чуждой и враждебной сяньбийцам стране. Тибетцы, тангуты, хунны и тогонцы тяготились Западной Цинь, как занозой, прочно засевшей и вызывающей воспаление тканей. Однако выдернуть эту занозу им было не под силу, так как воевать сяньбийцы умели хорошо. Но вот прошло 40 лет (386—426), одно поколение завоевателей сменилось другим, надежды на покой не было... И Цифу Мумо решил покинуть верховья притоков Хуанхэ и уйти со своим народом в степи, поближе к соплеменникам-табгачам. В 430 г. он сжег свою ставку, уничтожил недвижимое имущество и с 15 тыс. семей потянулся на север через долину реки Вэй.

На богатые территории бывшего царства Западная Цинь претендовал хуннский князь Хэси — Мэн Сунь, но тогонский царь Мугуй оказался более расторопным и успел присоединить эти земли к своему царству³³. В этой акции содержалась тонкая дипломатическая коллизия: Тогон был союзником Южного Китая³⁴, а следовательно, и Хэлянь Дина, надеясь на победу которых он только и мог удержать захваченные земли. Хэси вошло в дружеские отношения с Тоба-Вэй³⁵, скрепленные династическим браком, что давало Мэн Суню повод надеяться на

помощь табгачей против тогонцев. Но все дипломатические ухищрения меркнут перед силой факта победы, а эта причудливая криво улыбалась и Хэлянь Дину, и Цифу Мумо.

В начале 431 г. хунны остановили продвижение сяньбийцев на север и блокировали их ставку, что вызвало там голод. Тщетно Цифу Мумо ждал помощи от своего союзника. Табгачские воюющие ограничили себя тем, что оккупировали северную Шэньси (северную Китайской стеной и долиной реки Вэй), и предоставили осажденным своей участи. Цифу Мумо сдался Хэлянь Дину, и все истомленные голодом сяньбийцы были убиты разъяренными хуннами. Еще одним этносом стало меньше.

ГОНОМ СЯ

Одержав блестящую победу, Хэлянь Дин не обманывал себя и не надеялся выиграть войну. Союзники были разбиты, земли захвачены табгачами, а его собственное войско было утомлено походом. Он избрал старинный хуннский способ спасения — отход на запад. Зная, что Мэн Сунь находится в контакте с Тоба Дао, а Мугуй является союзником хуннов, Хэлянь Дин повел свой народ вверх по течению Хуанхэ, чтобы через Тогон пройти в необъятные просторы западных степей. Но Мугуй заботился о своих интересах, а не о верности договорам. В узком ущелье, через которое несется еще маловодная, но уже стремительная Хуанхэ, во время переправы хуннов на них обрушилась 40-тысячная тогонская армия и почти без сопротивления захватила в плен ошеломленных предательством беглецов. Этим поступком Мугуй стремился оправдать себя перед Тоба Дао, чтобы тот позволил ему оставить за Тогоном захваченные земли.

В разделе хуннского наследства приняло участие и Уду, забывшее покинутый Хэлянь Дином город Шаньинь³⁶. Но Тоба Дао не был склонен делиться добычей. Его военная диверсия против Уду в том же 431 г. заставила это княжество умерить аппетит. Стремясь избежать конфликта с табгачами, Мугуй выдал им Хэлянь Дина, но получил за очередное предательство только грамоту, утверждающую его царем Тогона, которым он и без того был. Мугуй обратился к Тоба Дао с посланием, искренним до цинизма: «Государь! Я взял в плен самозванца и представил к твоему двору. Хотя ты и возвысил мое достоинство, но не прибавил ни пяди земли. Хотя ты придал блеск моим колесницам и кортежу, но не наградил меня сокровищами.

Желательно, чтобы ты обратил внимание на сие»³⁷. Но советники табгачского хана нашли, что его заслуги малы, ибо он вернул не всех пленных, и отказали в просьбе. Волей-неволей Мугую пришлось вернуться к союзу с империей Сун и ждать своей очереди в ряду жертв табгачского оружия.

Падение царства Ся не могло не отразиться на взаимоотношениях Тоба-Вэй с хуннами Хэси. Пока их разделяла мощная и воинственная держава в Ордосе, Мэн Сунь полагал полезным и выгодным для себя контакт с табгачским ханом. Когда же границы обеих держав сомкнулись, а земли Западной Цинь уплыли из рук Мэн Суня, он пересмотрел свои политические симпатии. То же самое сделал Тоба Дао, который вдруг вспомнил, что Мэн Сунь — ревностный буддист, а сам он предпочитает учение даосов. В 432 г. Тоба Дао потребовал, чтобы Мэн Сунь вернул ему назад сестру, некогда вышедшую замуж за хуннского князя, под тем предлогом, что приехавший из Средней Азии буддийский учитель, вызывавший демонов и лечивший путем магических заклинаний, может иметь на принцессу дурное влияние. Требование было одновременно наглым и фальшивым. Мэн Сунь вышел из себя и приказал убить посла, что означало разрыв, а может быть, даже и войну³⁸. Этого-то и хотел Тоба Дао, так как ему стало известно, что Мэн Сунь в старости стал жесток, развратен и потерял популярность, а его законный наследник слишком юн.

Однако судьба благоволила хуннам. В 433 г. Мэн Сунь тяжело заболел, и хуннские старейшины призвали на престол его незаконного, но способного сына Мугяня. Тот, дождавшись смерти отца, немедленно принес извинения табгачскому хану, чем отвратил готовившуюся войну. Тоба Дао, нимало не огорченный оттяжкой событий, которые он считал неизбежными, перенес военные действия на восточную окраину своей империи.

КОНЕЦ СЕВЕРНОЙ ЯНЬ

После победы над хуннами, доставшейся табгачам более дорогой ценой, чем все прочие, Тоба Дао обратил свое внимание на последнее самостоятельное государство в бассейне Хуанхэ — Северную Янь. Царствовавший там братоубийца и узурпатор Фэн Хун мог только просить помощи у империи Сун, но о получении ее не могло быть и речи. Тогда, видя, что напор табга-

и на его маленькое царство проводится планомерно и последовательно, он обратился за помощью к корейцам.

Когда в 436 г. табгачские войска вторглись в Северную Янь, корейцы прислали небольшое войско, но не для того, чтобы защитить союзную страну, а для того, чтобы овладеть особой тем, что им и удалось. Оставив столицу Лунчэн врагам, Фэн Хун уходил под защитой корейцев, увозя за собой население, лучшие жилища, грабя страну. Уцелевшие жители вздохнули покойно, только попав под власть императора Тоба-Вэй. Они были китайцами, и для них он не был ханом.

В 438 г. Фэн Хун, живя в Корее, принял посланца из империи Сун, что стало известно корейскому царю. Тот, усмотрев в этих переговорах измену, приказал казнить Фэн Хуна с сыновьями и внуками. На этом закончилось объединение бассейна великой реки Хуанхэ, за исключением ее истоков, где держался Гогон. Процесс этот занял всего 30 лет, т.е. объединение страны было делом рук одного поколения табгачей. Правда, за это время сменились три хана, но юноши, участвовавшие в последних походах Тоба Гуя, стали командирами своих детей при походах над хуннами, китайцами и жужанями. Традиция степной доблести и верности не прерывалась. Эта инерция степной культуры обеспечила победы Тоба Дао и дальнейшие успехи табгачского оружия, но в самой империи Тоба-Вэй наметился перелом, связанный с тем, что китайское население покоренных областей стало численно и культурно преобладать над племенным. Это придало последующей истории новую, неожиданную окраску.

ПРИМЕЧАНИЯ

Wieger. С. 1186.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 177.

Горнее: сине-зеленый, по-тюркски — «кок»; цвет и неба и травы.

Wieger (С. 1225) приводит сведения о том, что многие из погибших были растерзаны тиграми и волками.

Wieger. С. 1246.

Ibid. С. 1239.

Вожьд восставших, спасавшийся на джонке, утонул; его труп был выловлен, обезглавлен и привезен в столицу для демонстрации.

Вожьд восставших Лю И пытался укрыться в буддийском монастыре, был выгнан монахами и в отчаянии повесился.

Бичурин Н.Я. История Тибета... С. 125.

Гам же. С. 78.

Хунны в Китае

- ¹¹ Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948. С. 384—385.
- ¹² Центром этого царства было плоскогорье Чэучи (совр. Лунмэньшань); на север оно простиралось до Циньчжоу и Цишань (ныне — Фэнсянфу), на восток — до Ханьчжунфу и на юг — до Ляньчжоу (см.: Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия, II. С. 191).
- ¹³ Бичурин Н.Я. История Тибета... С. 102.
- ¹⁴ Wieger. С. 1248; Mailla, IV. С. 579.
- ¹⁵ Wieger. С. 1251; Mailla, IV. С. 583.
- ¹⁶ Cordier H. С. 325.
- ¹⁷ Wieger. С. 1260—1261.
- ¹⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 249.
- ¹⁹ Бичурин Н.Я. История Тибета... С. 102.
- ²⁰ Wieger. С. 1263.
- ²¹ Ibid. С. 1266.
- ²² Ibid. С. 1276.
- ²³ Ibid. С. 1229.
- ²⁴ Бичурин Н.Я. История Тибета.. С. 103—104.
- ²⁵ Grousset R. L'Empire... С. 103.
- ²⁶ Овдиенко И.Х. Китай. М., 1959. С. 267.
- ²⁷ Wieger. С. 1255.
- ²⁸ Бичурин Н.Я. История Тибета... С. 111.
- ²⁹ Wieger. С. 1272.
- ³⁰ Хуннская держава в Семиречье и Тарбагате, основанная во II в. при отходе хуннов на запад.
- ³¹ См.: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 15.
- ³² Что это за «горные хунны», в источнике не пояснено (Wieger. С. 1290—1291). Можно думать, что речь идет о той части хуннов, что после разгрома Хэлянь Чана в 428 г. укрылась в Алашане, или Иньшане, и оказалась вблизи от войск Тоба Дао, оперировавших в степях севернее Ордоса. При такой гипотезе противоречий с хронологией и географией не возникает.
- ³³ Wieger. С. 1277.
- ³⁴ Ibid. С. 1263.
- ³⁵ Ibid. С. 1272.
- ³⁶ Бичурин Н.Я. История Тибета... С. 104.
- ³⁷ Там же. С. 80.
- ³⁸ Wieger. С. 1279—1280.

VIII. Зарево

ОБРАЗОВАНИЕ КОАЛИЦИЙ

Быстрый рост табгачского могущества и естественные опасения по этому поводу хуннов и жужаней вызвали образование коалиций. Занятый войной на востоке, Тоба Гуй на время отказался от проникновения на запад, но уже в 436 г. «владельцы: кучацкий, кашгарский, усуньский, юебаньский, шаньшаньский, каршипарский, чешиский и согдский в первый раз отправили к Северному Двору посланников с дарами»¹. Это означало, что оседлые владения Западного края сочли целесообразным ориентироваться на северокитайскую империю. Против кого? Конечно, против кочевников, значит, против жужаней.

Еще более важным событием был переворот в китайском городе Гаочане, расположенном в Турфанской впадине. Китаец Гань Шуан захватил власть в городе, отказал в подчинении князю Хэси и попытался завязать сношения с Тоба Дао, однако жужани перехватили табгачское посольство и только после долгих переговоров отпустили пленников домой². В 437 г. другое табгачское посольство сумело добраться через долину Тарима в Среднюю Азию. Оно было прекрасно принято в Фергане и Чаче (Ташкенте). Оседлые владельцы оазисов подтвердили свое желание торговать с Китаем³. Для них не имело значения то, что династия была кочевнической; они хотели наживы, как всякие истые купцы. Тоба Дао тоже решил восстановить сношения с Западом. Причина этого проста: в это самое время

Хэси, Тогон и Жужань заключили союз против растущей агрессивной империи Тоба-Вэй.

Первым и главным мероприятием жужаньского хана и цзюйкюя было прервать сообщение между Тоба-Вэй и владениями Западного края. Сделать это было им очень легко, так как послы не могли миновать их владений, и они сделали это. Таким образом, нашелся повод для войны, которая вспыхнула в 439 г.

В поисках причин этой войны особенно мудрить не придется. И для жужаней, и для табгачей война и грабеж были родной стихией, без которой они не мыслили существования. Более культурные хунны и обитатели оазисов Западного края, хотя сами без войны могли обойтись, отнюдь не хотели стать жертвой варварских вождельцев. Значит, им пришлось защищаться. Но интересы их были различны: хуннам угрожали косоплеты, обитателям оазисов — жужани, поэтому они вошли в союз с врагами своих врагов. Распределение сил определялось исключительно политической конъюнктурой.

война за хэси

Тоба Дао начал войну нападением на самого сильного врага — жужаней. Однако те успели откочевать, и табгачи, дойдя до восточного Тяньшаня и не встретив неприятеля, вынуждены были вернуться ни с чем. При этом они потеряли около половины людского и конского состава⁴.

Но мало этого, восточная колонна табгачей в составе пятнадцати отрядов была разбита жужанями, и командир ее, князь Пи, брат императора, попал в плен⁵.

Цзюйкюй Мугянь обнародовал весть о победе своего союзника главным образом для того, чтобы отвлечь западные владения от союза с Тоба-Вэй. Но прежде чем пропаганда дала результаты, табгаческие войска вступили в Хэси.

Поход был подготовлен тщательно, так как в императорском совете высказывалось мнение, что пустыня, окружающая Ганьчжоу, безводна, и если осажденные перекроют каналы, снабжающие оазис водой, то экспедиционный корпус может погибнуть от жажды⁶. Эти сведения были устарелыми. Уже много лет Хэси получало достаточно атмосферной влаги для прокорма огромных стад и постоянно растущего населения. Здоровый скепсис большинства советников толкнул их на поддержку на-

мерения хана, и осенью 439 г. табгачи подошли к Ганьчжоу. Сяньбийские племена, в разное время покоренные хуннами, передались на сторону единоплеменников, и после двухмесячной осады город сдался на милость победителя. Милость хуннскому князю была оказана. Приведенный пленником, он получил в жены сестру Тоба Дао и почет, достойный ханского зятя. Однако через год несчастная царевна стала вдовой. Дело в том, что победа табгачского хана и императора не была полной. Братья Мугяня, Ухой и Аньчжоу, отступили в Дуньхуан и продолжали сопротивление. Стараясь спасти своего союзника, жужаньский хан Уди произвел диверсию и, обойдя заставу в горах Иньшаня, подступил к городу Датунфу, чем вызвал панику в столице. Однако пограничные табгачские войска разбили резервы жужаней к северу от Иньшаня⁷ и этим заставили самого хана поспешно отступить. Свой гнев император выместил на беззащитном пленном хуннском князе, казнив его.

После победы над жужанями у Тоба Дао оказались развязанными руки для войны на западе и юго-западе, но тут вмешался в войну Тогон.

Династия, правившая в Тогоне, принадлежала к фамилии Муюн. Это обстоятельство не меньше, чем давний союз с хуннами, определило решительную антитабгачскую позицию тогонского государя Мулияня.

Поддержка Тогона дала возможность Ухою и Аньчжоу выиграть кровопролитный бой за Дуньхуан, взять обратно город Цюцюань (Сучжоу) и дойти до реки Эдзин-Гол, но под Ганьчжоу хунны потерпели поражение. Вслед за тем табгачи взяли обратно Сучжоу, голодом⁸ принудив его к сдаче, и в 441 г. Ухой был вынужден принять предложение Тоба Дао занять пост лянчжоуского губернатора с титулом князя.

Такая уступчивость императора находит объяснение в том, что вскоре ему пришлось послать свои лучшие войска, во главе которых встал герой жужаньской войны князь На, против Тогона. Мулиянь бежал через Цайдам на запад, не приняв боя. Дойдя в 445 г. до Хотана, тогонцы взяли город, убили правителя и «произвели великое кровопролитие в народе»⁹. Однако их появление и проявленное ими зверство вооружили против них княжество Лобинь¹⁰, откуда выступили войска для отражения врага. Ход войны нам неизвестен, но удержать Хотан тогонцы не смогли и год спустя вернулись обратно на берега Кукунора.

Падение хуннского царства в Хэси было не только концом

ние одного эфемерного государства, но и началом двух мощных процессов этногенеза. Среди сторонников Мугяня были люди, которые по разным причинам не хотели подпасть под влияние табгачского хана. Одним из таких был Ашина, который увел 500 семейств на север к своим союзникам — жуэням и получил от них разрешение поселиться на склонах Алтая. Он и его дружины повелись древние тюрки¹¹. Вторым был бывший князь Южной Лян — Туфа Фань Ни, который увел свой отряд в Тибет и стал родоначальником династии тибетских царей, насаждавших в этой стране буддизм¹². Несмотря на то, что род туфа являлся ответвлением табгачского народа, Фань Ни предпочел трудную судьбу изгнанника переходу под власть соплеменника. Мы не знаем его мотивов, но думается, что религиозный момент в данном случае оказался более сильным, чем родо-племенной.

В 440 г. Тоба Дао успел проявить себя как активный враг буддизма и сменить былое безразличие к вопросам совести на нетерпимость неопфита. Фань Ни же прожил много лет в буддийской стране, а его потомки искренне боролись за буддизм. Думается, что свои идейные симпатии они могли принести в Тибет из Хэси. Это только гипотеза, но она помогает понять дальнейшее развитие исторической судьбы народов Срединной Азии, выходящее за хронологические рамки нашего повествования.

Итак, последовательное прослеживание хода событий как рабочий метод оказывается полезным. Поэтому вернемся к политической истории, чтобы понять, почему князь На отказался от завоеванного им Тогона. Его отказ продлил жизнь этому региону азиатского Великого переселения народов на 200 лет и позволил ему пережить империю Тоба-Вэй.

война за уду

Отправляясь в поход на запад, Тоба Дао принял меры для охраны южной границы. Пострадав в минувшую войну, империя Сун не отваживалась совершить прямое нападение на Тоба-Вэй, но постоянно интриговала в буферном государстве Уду. Это последнее древнетангутское княжество благодаря своему выгодному географическому положению держало под контролем северную Шэньси и северную Сычуань. Поэтому симпатии лисских князей покупались равно северянами и южанами. В

439 г. один из дисских правителей получил из рук Тоба Дао царский титул в своем отечестве. В 441 г. он совершил нападение на Сычуань, стремясь выгнать оттуда сунские войска, но в 442 г. прибывшие из Китая подкрепления наголову разбили тангутов. Княжество их было оккупировано китайцами и превращено в область, правителем которой был назначен другой тангутский князь — сторонник Китая.

В 443 г. табгачское войско выгнало китайцев из Уду. Китайский ставленник бежал, но и табгачский ставленник, вернувшийся вместе с северной армией, под давлением своих соплеменников попытался отложиться от империи Тоба-Вэй. Табгачский полководец заманил князя к себе и убил. В ответ на это вспыхнуло восстание всего народа, и потребовалась помощь из метрополии, чтобы спасти табгачский экспедиционный корпус от ярости дисцев. Повстанцы получили военную помощь из Южного Китая, но в открытом бою табгачи разбили войска империи Сун. Тангуты сопротивлялись табгачам до 448 г., но были побеждены. Вождь их бежал в Южный Китай, где его лишили княжеского титула и земель, сочтя виновником поражения. Часть тангутов примирилась с властью табгачей, и, когда в 450 г. прокитайски настроенный князь вернулся освобождать свой народ, ему было оказано такое сопротивление, что китайские хозяева наказали его за неудачу. Уду осталось разделенным на две части, большая из коих оказалась во владении Тоба-Вэй¹³.

Эта, казалось бы, незначительная война поглотила те табгачские силы, которые должны были бы удерживать нагорья вокруг озера Кукунор, благодаря чему Тогон был спасен от верной гибели, а его народ обрел покой. Новые важные внутренние дела парализовали наступательный порыв табгачей. Но и до той поры упрямые тогонцы поддерживали дипломатическую связь с Южным Китаем и охраняли свою родину от посягательств Северного. Вот яркий пример того, что народ, даже небольшой, может отстоять свою независимость, если он действительно этого хочет.

ВОЙНА ЗА ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

Тем временем неукротимый Ухой задумал новый план восстановления хуннского самостоятельного государства. В Дуньхуани он был зажат между табгачами, державшими Хэси, и Шань-

Видя невозможность возвращения своих наследственных земель, он попытался овладеть Шаньшанью и создать базу борьбы с Тоба-Вэй. Собрав отряд в 5 тыс. всадников, он взял во главе их своего брата Аньчжоу и послал его на занятие Шаньшани. Некоторое время шаньшаньцы оказывали ожесточенное сопротивление, но, поняв безнадежность борьбы, опустошили свои земли и ушли на запад, в оазис Гюймо, расположенный на берегах Черчендарьи¹⁴. Тоба Дао усмотрел в этом вполне справедливо, вызов и направил полководца Ван Чэна в Шаньшань с задачей ликвидировать хуннскую самонадеянность. Ухой не стал оборонять Дуньхуан и ушел со всеми сторонниками к своему брату на запад, но так как вернуться в окровавленной Шаньшани было невозможно, хунны обошли пустыню Такламакан в ее узкой, восточной части, перелохнули в гостеприимном Карашаре и двинулись оттуда в Турфанскую котловину, где обострение политической ситуации благоприятствовало их вмешательству.

В эту эпоху Турфанская впадина была куда более благодатным местом, нежели в XX веке¹⁵. Тогда еще текла река, окруженная деревьями, впоследствии разобранная на орошение и сажанная после вырубki тростника на топливо источником почвенной эрозии. В V веке оазис делили местные жители княжества Чэши и китайцы Гань Шуана, засевшие в крепости Гаочан. Мира между ними не было. Жители Чэши получили поддержку хамийского князя. Гань Шуан обратился за помощью к Ухою. Это его погубило.

В 442 г. Ухой без труда разгромил чешисцев и хамийцев, но полностью выгнал и Гань Шуана, занял Гаочан и основал новое хуннское княжество. Вскоре к нему примкнул Аньчжоу, оставшийся в Шаньшани наместником. Поскольку властители степей — жужани были союзниками хуннов, Турфан представлял Ухою надежным укрытием.

Можно было думать, что владетели Западного края с восторгом будут ждать прибытия табгачского войска, которое прогнали кочевников. Однако за несколько лет знакомства с империей Тоба-Вэй их политические симпатии изменились. Может быть, свою роль сыграла жужаньская дипломатия, поскольку еще до рокового 439 г. жужаньский посол объявил всем обитающим оазисам, что будто бы «дом Вэй обессилел, а он, жужаньский хан, сделался сильным в Поднебесной», и запретил снабжать чем-либо послов из Северного Китая. Не исключено, что

многие этому поверили, но так или иначе Западный край не желал допустить табгачей в свои пределы. Поэтому миссия Ван Ду-гуя преследовала двойную цель: покончить с хуннами и заставить обитателей оазисов уважать особу императора Вэй. Сам же Тоба Дао взялся за жужаней и увяз в степной войне до 444 г.

Ван Ду-гуй, заняв Дуньхуан, оставил там обозы и с 5 тыс. легкой конницы вступил в Шаньшань. Оставшиеся при хуннах шаньшаньцы в ужасе перед союзником разбежались и попрятались, а владетель, оставленный там Ухой, добровольно сдался, умоляя пощадить неповинный народ. Ван Ду-гуй отправил пленника в столицу (Пинчэн) и, оставив в Шаньшани гарнизон, двинулся в обход Лобнора, думая добраться до хуннов через Карашар.

В ту эпоху Карашар был княжеством, включавшим в себя девять оазисов. Владетель его носил титул *лун*. Карашарцы были не прочь ограбить китайские посольства, но, самое главное, были настоящими буддистами. Появление войск заклятого врага буддизма грозило им весьма тяжелыми последствиями, и они решились на сопротивление. Сначала Ван Ду-гуй взял крепости Цзохо и Халгаамань и осадил Юанькюй. Лун Гюхубина собрал 50 тыс. человек (явное преувеличение) и попытался организовать оборону. Ван Ду-гуй решился на любовой удар. В рукопашной табгачи одержали полную победу. Карашарцы рассеялись, столица сдалась, а лун Гюхубина ускакал в Кучу, владетель которой, бай (титул) Угемути, был его затем. Угемути выступил против захватчиков с 3-тысячным войском (эта цифра ближе к истине), а у Ван Ду-гуя оставалась всего тысяча всадников. Очевидно, победа над Карашаром далась недешево. Однако Ван Ду-гуй пошел навстречу кучасцам и «обратил их в бегство, положив до 200 человек»¹⁶.

О походе на Кучу, конечно, не могло быть и речи. Даже Карашар удержать Ван Ду-гуй не смог, так как кучасцы могли возобновить нападение, а сяньбийцам неоткуда было пополниться. Ван Ду-гуй счел за благо очистить Карашар и удовлетвориться присоединением Дуньхуана и Шаньшани. Это не помешало китайским хронистам приписать Тоба Дао покорение Западного края¹⁷.

Таким образом, хуннское княжество в Турфане уцелело, а новые столкновения с жужанями и южными китайцами заставили Тоба Дао отказаться от попыток проникновения на запад.

В 444 г. умер Ухой, оставив престол восстановленного им

княжества своему брату и сподвижнику Аньчжоу, который княжил до 460 г. (он был современником Аттилы). О том, чем все это кончилось, мы расскажем в следующей главе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 241.

² Там же. С. 250.

³ *Wiederg.* С. 1291—1292.

⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 191—192; Грумм-Гржимайло Г.Е. Внутренняя Монголия... С. 184.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 242.

⁶ *Wiederg.* С. 1281.

⁷ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. I. С. 192.

⁸ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 187.

⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 247; История Тибета... С. 82.

¹⁰ Я Бичурин считал Лобинь Бадахшаном, но, возможно, это любое из среднеазиатских княжеств.

¹¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 22—24.

¹² Гумилев Л.Н. Величие и падение Древнего Тибета // Страны и народы Востока VIII. М., 1969. С. 157.

¹³ Бичурин Н.Я. История Тибета... С. 105—107.

¹⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 245; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 130.

¹⁵ Об антропогенном факторе образования центральноазиатских пустынь см. Мурзаев Э.М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966. С. 279—280; Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Известия ВГО. 1933. Т. 65, вып. 5.

¹⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 257.

¹⁷ Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Т. III. СПб., 1828. С. 183; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия... С. 189.

IX. Огни гаснут

ПЛОДЫ ПОБЕД

Нет сомнения в том, что табгачи проявили несравненное мужество, победив за полвека всех своих соперников. К середине V века в бассейне Хуанхэ сгорело все, что могло гореть, но, продолжая метафору, скажем, что раскаленные головни тлели повсюду и дышали таким жаром, который не уступал пожару. Окинем взглядом, хотя бы бегло, состояние новорожденной империи, так как ей пришлось пережить коллизии, по сложности и ответственности не уступавшие самым тяжелым войнам.

Несмотря на блестящие победы, положение самого Тоба Дао и всего народа косошплетов было крайне сложным и напряженным. Прежде всего надо учесть, что сяньбийцев-тоба (табгачей) было не очень много, а прочие племена были врагами империи Вэй. Одни — из-за родственных связей с вырезанными мююнами; другие, как, например, кидани и хи (татабы), предпочитали дикую волю и охотничьи забавы службе в императорской коннице; третьи, жужани, не просто уклонялись от подданства, но вложили всю энергию в борьбу против новорожденной империи. Утрата Халхи лишила табгачских властителей возможности черпать людские пополнения из кочевого мира, поэтому одной из основных проблем тоба-вэйской политики была необходимость любыми средствами привязать к себе немногих телеутов, не откочевавших на север и обитавших по северную сто-

Цзиньшаня¹. Еще более острым был китайский вопрос. Китайское население численностью значительно превосходило тюркское и уступало тому лишь в военном искусстве. Самым опасным врагом военной империи оказался буддизм. Эта система идеологии превращала закаленных воинов в мирных аскетов и отшельников. Понятно, что такая пропаганда вырывала из рядов сяньбийского войска людей, абсолютно необходимых для военной службы. В V веке буддийская пропаганда в Центральной и Восточной Азии была особенно активной. Тоба Дао не мог ее игнорировать, да и не хотел. Итак, империи Вэй пришлось вести беспощадную войну на три фронта и опираться при этом исключительно на собственные силы.

СОЦИАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ИМПЕРИИ ВЭЙ

Приобретения Тоба Гуя на юге и потери на севере поставили табгачскую орду в совершенно непривычное положение. Кочевники потеряли степь, но оказались господами многолюдной оседельческой страны. Нужно было примениться к новым условиям. В подобных ситуациях способ был всегда один — социализм как институт³.

Но прежде чем табгачи пришли к этому выводу, они перепробовали несколько возможностей приспособления орды к господству над культурной страной, сопряженного со стремлением возможно большего сохранения своих кочевнических обычаев. Этот процесс нашел свое выражение в реформах Тоба Гуя⁴.

Ище в 394 г., до победы над муюнами, Тоба Гуй создал земледельческие военные поселения, в которых табгачи в принудительном порядке обучались у китайцев возделыванию проса. В некоторых аймаках, на которые разделялось коренное табгачское население, были назначены инспектора по земледелию. В зависимости от урожая табгачские земледельцы награждались или наказывались.

Победа над муюнами в 396 г. и приобретение богатых территорий поставили перед табгачским ханом проблему их использования. В 398 г. Тоба Гуй раздавал «новому народу» земельные участки и коров, т.е. стремился восстановить в завоеванных областях хозяйство, разрушенное войной. Естественно, он собирался получить с новых подданных налог, однако это еще труд-

но рассматривать как феодальное обращение свободных крестьян в крепостных, так как сами табгачские кочевники в это время несли государственные повинности. Из этой затеи ничего не получилось; это видно из того, что уже в 410 г. Тоба Сэ стал селить на своих опустелых землях китайцев, ранее бежавших из-под власти кочевников и возвращавшихся домой, на условиях наделного землепользования. Так был сделан первый шаг примирения кочевой орды с китайским оседлым населением. Эти мероприятия избавили табгачей от необходимости заниматься земледелием. Фискальные мероприятия 413 г., когда был установлен налог: с 60 дворов — 1 строевая лошадь, и 421 г.: от 100 голов рогатого скота — 1 строевая лошадь, показывают, что табгачи вернулись к привычному занятию скотоводством⁵. Затея Тоба Гуя, имевшая целью создать земледельческую орду из военнопоселенцев, последствий не имела.

Вместо того чтобы организовать собственное табгачское земледелие, Тоба Гуй восстановил для китайского населения своей державы китайский земельный налог и промысловую подать. Это позволило его преемникам сохранить большую часть своего племени как постоянную армию с пожизненным сроком службы. Можно ли считать такую ситуацию феодальной? Ни в коем случае! Это не что иное, как попытка стабилизации варварской орды, разумеется, обреченная на неудачу, как и любая попытка приостановки исторического процесса. Табгачские всадники еще не были феодалами, а китайских крестьян нельзя считать крепостными на том только основании, что они вносили налог государству на содержание армии.

В 398 г. при провозглашении империи Тоба Гуй перевел в свою столицу Пинчэн (в Шаньси) из различных областей свыше 100 тыс. семейств (цифра условна, но, видимо, близка к истине), среди которых было много ремесленников. Последние были закреплены за казной: частным лицам не позволялось иметь рабов-ремесленников. За нарушение этого закона полагалось поголовное истребление виновного рода. Дети ремесленников в обязательном порядке наследовали занятие и профессию родителей.

Можно ли считать ремесленников государственными рабами? В европейском понимании слова *раб* — нет! Это были люди, закрепленные за местами работы, но охраняемые законом, не подлежащие купле и продаже. Это чисто кочевая форма зависимости. Такие же ремесленники были через 200 лет у

пиркютов. Они назывались *кул*, что переводят как «раб», но этот перевод не адекватен⁶.

А настоящие рабы у табгачей тоже были — военнопленные и преступники. Существовало и долговое рабство. Рабов использовали сначала в качестве домашней прислуги, впоследствии — на сельскохозяйственных работах, причем рабам давался для возделывания такой же надел земли, как и свободным крестьянам. Это показывает, что рабовладение не привилось у табгачей, ибо не развивалась работорговля, без которой рабовладение неминуемо вырождается в колонат.

Чрезвычайно важным мероприятием Тоба Гуя был закон о престолонаследии. У всех сяньбийских племен положение женщины было очень высоким. Ханша имела подчас решающее влияние на государственные дела, а ее родные проникали в органы правления. Отсюда возникала постоянная борьба за власть между родами хана и ханши. Чтобы избежать этой системы ограничения ханской власти, при преемниках Тоба Гуя была введена практика убийства ханши после объявления ее сына наследником престола. В результате знатные табгачи старались не отдавать дочерей в императорский гарем, и ханам приходилось брать в жены чужестранок или пленниц. Это привело к отчуждению хана, ставшего императором, от своей аристократии и определило возможность китаизации табгачей свер- ждые им китайцы — родственники цариц.

Однако без своей знати ханы не могли и не хотели обходиться. Для нее они создали систему чинов по китайскому образцу, но, в отличие от китайских, должности и титулы были наследственными. Это был еще не совсем феодальный институт, но решительный шаг к нему. Распределение произошло в 404 г.

Первые четыре ранга, носившие китайские названия *ван*, *гун*, *хоу* и *цзы*, принадлежали аристократам по праву рождения:

ваны (10 человек)	получили в управление	большой округ
гуны (22 »)	»	» малый округ
хоу (79 »)	»	» большой уезд
цзы (103 »)	»	» малый уезд

Следующие пять рангов — служилое дворянство, военные и чиновничество — состояли при вельможах. Вану полагалось 200 человек, гуноу от 100 до 50, хоу — 25 и цзы — 12 чиновников. Вначале эта система действовала только на завоеванных терри-

ториях, но в 417 г. она была распространена на табгачские кочевья. Там было создано «Управление старшин шести аймаков», причем старшины получили титул *гун*.

Несмотря на то, что этот аппарат был скопирован с бюрократической системы империи Цзинь, наследственность должностей придала ему характер, позволивший ему перерасти в феодальную систему. На первых порах знатность подразумевала обеспеченность, но не богатство. С течением времени вельможи стали сосредоточивать в своих руках земли, которые превратились в латифундии.

Делались попытки учредить и ленные владения. После разгрома Хэси цзюйкую Ухою была пожалована западная окраина современного Ганьсу и город Сучжоу на условии лояльного управления его собственной страной. Та же самая мера в 439 г. была применена к князю Уду, Ян Бао-цзуну, которому были «пожалованы» его родина и высокий военный чин⁷. Этим способом какой-то прожектер из числа советников Тоба Дао хотел организовать управление завоеванными окраинами, а это и есть известная всем ленная система, без которой немыслим юридически оформленный феодализм⁸.

Однако то, что блестяще привилось в Западной Европе, в Северном Китае оказалось мертворожденным. Племенные вожди, которых правительство империи Тоба-Вэй стремилось превратить в феодалов, не понимали, чего от них хотят. Будучи князьями, они остались членами рода, установления и интересы которого воспринимались ими как очевидный императив. Они не могли предать своих соплеменников, потому что тем самым они предавали бы себя. Им просто в голову не приходило, что можно отказаться от своей среды и кровных взаимоотношений, потому что эта среда была для них воздухом, без которого организм гибнет. Их нельзя было подкупить, ибо шелка и золото имели для них лишь потребительскую ценность. Так, при избытке шелка, когда у всех ханских жен было по халату, излишек отдавался женам сановников, боевых командиров и, наконец, отличившихся воинов. Ну как можно было растолковать такому князьку, что он должен блюсти интересы чужеземного завоевателя в ущерб своим родственникам?

Другое дело, если бы подданными подобного наместника были китайцы, но для управления этой частью населения была сохранена привычная ему бюрократия. Назначаемые и часто смещаемые чиновники совмещали административные и судеб-

ные функции; замещение должностей шло не по наследству, а по протекции.

Итак, юридический феодализм не получил развития в империи Тоба-Вэй в царствование Тоба Дао, что не мешало существовать экономическим формам феодальной эксплуатации. Поддержка в социальном развитии в значительной мере объясняется теми потрясениями империи, которые вызвали религиозная нетерпимость Тоба Дао и связанные с ней экзекуции.

Воскресший даосизм

Три идеологии оспаривали друг у друга первенство в Китае; даосизму выпала самая худшая доля. Конфуцианцы занимали первые места в бюрократических системах империй Цзинь и Сун; буддисты обрели приют при дворах тибетских, тангутских и хуннских царей; даосы нашли приверженцев в среде восставших крестьян... и гибли вместе с ними. Однако учение их не исчезло и наконец обрело могучего покровителя.

Тоба Гуй был человеком веротерпимым и практичным. Забывав Шаньси, он не преследовал сбежавшихся туда даосов, но служебные вакансии предоставлял конфуцианцам. Для даосов это было благо, ибо их не жаловали даже кроткие буддисты. В тангутском и тибетском царствах Цинь за чтение даосских книг полагалась смертная казнь. А кому не надоест вечно скрываться?

Главный советник хана Тоба Сэ, начитанный и умный Цун Хао, терпеть не мог и даосов, и буддистов. Особенно последних. Он говорил: «Зачем нам, китайцам, почитать варварских богов?»⁹. Этот открытый шовинизм вместе с повышенным вниманием советника к прекрасному полу позволили табгачским вельможам добиться его опалы. Очутившись в немилости, он начал увлекаться даосизмом. Как раз в это время от подпольной даосской общины к императору Тоба-Вэй прибыл «Учитель правил Небесного дворца» Коу Цянь-чжи. Цун Хао оказал ему протекцию и благодаря этому сам вышел из-под опалы, так как теперь уже и Тоба Дао увлекся даосским учением. Последнее понятно: каждому интересно научиться летать в пространстве, жить без пищи, узнавать будущее и т.п. Таким образом, коу фанатика и пройдохи обеспечили даосскому учению свободу проповеди в империи Тоба-Вэй и царское благоволение (173 г.).

Лиха беда начало! Поскольку врагами Тоба Дао были южно-китайские конфуцианцы, хуннские буддисты в Хэси и язычники-политеисты — жужани, то даосская идеология, отвергнутая повсюду, кроме табгачской столицы, стала для табгачского хана надежной опорой во внешней и внутренней политике. А даосам было как нельзя более выгодно пользоваться милостью сильнейшего из владык. Союз трона и алтаря после каждой победы укреплялся и через пятнадцать лет стал давать плоды религиозной нетерпимости.

Наиболее опасными соперниками для даосов были буддисты, и первый удар пришелся по ним. В 438 г., готовясь к войне с Хэси, Тоба Дао указом вернул в мир буддийских монахов моложе 50 лет, сославшись на нужду в воинах¹⁰. Это мероприятие остановило распространение буддизма. В 440 г. под влиянием Коу Цянь-чжи Тоба Дао учредил новое летосчисление и провозгласил себя «Государем-покровителем наивысшего покоя», чем официально включился в даосскую общину¹¹.

Первые шаги на поприще даосизма были безвредны. Так, для уединенных размышлений императора было приказано построить высокую башню, куда бы не доносился никакой отвлекающий шум вроде лая собак и крика петухов. Башню начали, но не достроили. Дальше пошло хуже: начались казни за применение магии и даже за толкование снов. В 444 г. был издан указ, согласно которому все, от князя до простолюдина, обязаны были выдавать властям известных им незарегистрированных буддийских монахов и частных колдунов; за уклонение от выполнения указа полагалась смертная казнь вместе с семьей. Второй указ предписывал обязательное обучение в государственных школах и запрещение школ частных¹². Мысль в государстве была взята под контроль даосской общины.

Затем пришла очередь язычников. Табгачи, попав в Китай, приняли местный культ — поклонение Небу, Земле, предкам и божествам (шэням), сохранив почитание своих древних богов. В 444 г. последнее было запрещено и всем родовичам предложено почитать лишь китайских богов¹³.

Вскоре последовали эксцессы. Тоба Дао, будучи в 446 г. в Чанъани, посетил буддийский монастырь и случайно обнаружил там склад оружия, винокурню и женщин. Это, конечно, нарушение устава, но казнь всех монахов была воспринята как неожиданность. Это была первая ласточка новой политики, а два года спустя, в 448 г., последовал указ об уничтожении всех

буддийских икон и статуй, сожжении индийских книг и предании смерти всех монахов, без учета возраста. Каждый, почитавший чужеземных богов и делавший идолов из серебра или меди, обрекался на смерть вместе со своими родственниками. Автором текста указа был не кто иной, как Цун Хао¹⁴. Такой ценой он снова обрел царскую милость.

Указ поразил всех, в первую очередь табгачскую знать. Многие вельможи и принцы крови были знакомы с буддийским учением и если не симпатизировали ему, то по крайней мере интересовались. Других оно увлекало. В их числе был принц Гоба Хуан, человек искренний и смелый. Он решился задержать опубликование указа, о содержании которого все уже знали, чем дал возможность многим монахам скрыться и спасти книги и иконы. Но кумирни были уничтожены все.

По поводу этого указа в исторической литературе сохранилась интересная полемика. Один известный автор считал казни монахов справедливыми, так как, живя в Китае, они чтити чужеземный закон, согласно которому не несли воинской повинности, нарушали долг детей перед родителями (отказываясь от мира) и родителей перед детьми (соблюдая целомудрие), изнуряли себя постом (грех перед телом) и собирали милостыню, т.е. не работали. Все вместе рассматривается как непростительное преступление.

Другой автор возражает первому. Если государь любит тех подданных, которые мудры, то он должен жалеть тех, которые глупы, и просвещать их, а не казнить, лишая возможности исправиться. Поэтому не следовало казнить буддистов, не предупредив их о недозволенности буддийского учения, нужно было дать им время и возможность пересмотреть свои верования. К тому же сердце человеческое необоримо склонно к одному либо к другому осмыслению действительности (мы бы сказали, «органически»). Поэтому Тоба Дао должен был распространять конфуцианскую истину, которая кладет конец буддийским заблуждениям, без напрасного кровопролития¹⁵.

Итак, расправа над беззащитными мечтателями вызвала протест не только со стороны табгачей, но и служилых китайцев, принципиальных противников буддизма, но поборников иконности. Тоба Дао не склонен был терпеть оппозицию и решил добить конфуцианство, так же как он истребил буддизм. Ноход на юг был предreshен.

Нельзя не отметить, что религиозная реформа больше всего

ударила по сторонникам и друзьям табгачского хана. В число чужеземных богов попали родовые табгачские духи-хранители, и космополитический буддизм был принесен в жертву идеологической диверсии китайцев, которые по-прежнему не любили завоевателей. Ведь эту акцию можно сопоставить с политическими авантюрами Цзинь Чжуна и Жань Миня; только на этот раз были использованы конфессиональный принцип и фанатическое ослепление императора. Даосизм был слишком заумен для того, чтобы стать системой мировоззрения кочевников. По существу, он явился в данном случае формой китайского стремления к изгнанию иноземцев из интеллектуальной сферы. Но по неумолимой логике событий жертвой шовинистического движения должно было стать вполне китайское конфуцианство, на которое в 450 г. Тоба Дао обрушил то последнее, что у него оставалось, — военную силу.

ПОХОД НА ЮГ

Осенью 450 г. Тоба Дао, видимо, решил, что введение принудительного единомыслия достаточно укрепило его державу для того, чтобы покончить с Южной империей. Силы Вэй и Сун были не только не равны, а несоизмеримы: южане даже не надеялись устоять. Правителям пограничных областей была дана инструкция в случае серьезного нападения табгачей отходить, уводя с собой население. Но нападение оказалось столь внезапным, что этот план не успели выполнить. И тут возник первый сюрприз. Небольшая крепость Хуань Пао с гарнизоном меньше тысячи человек отбила все приступы многочисленного противника и дождалась подкреплений, которые заставили табгачского хана снять осаду. Такого оборота дела не ожидал никто.

Более того, отряд южнокитайских войск совершил глубокий рейд через долину реки Хань в долину реки Вэй и нанес сильное поражение табгачам у крепости Ся, прикрывавшей горный проход из Шэньси в Хэнань. Захваченные в плен китайцы, состоявшие на службе Северной империи, сослались на безысходность своего положения: они были вынуждены драться против своих соотечественников. Довод был признан убедительным, и пленных отпустили на свободу. Этот акт великодушия получил широкий отклик. Хунны, тибетцы и прочие инородцы, живущие в долине реки Вэй, предложили свои услуги южнокитайскому полководцу, но, поскольку главные силы северян

вели широкое наступление на востоке и уже захватили Шаньдун, южнокитайский отряд отошел на юг, не закрепившись в Шэньси¹⁶.

Этот поход сам по себе был не более чем эпизодом, но он показал, насколько упала популярность табгачского правительства за последние годы. Однако вскоре мы увидим, что настолько же снизилась боеспособность табгачской армии, дотеле не знавшей поражений.

Оставив без внимания западную окраину, Тоба Дао пятью колоннами повел наступление на долину реки Хуай. На этот раз Хуань Пао была взята и дорога на юг открыта. Полевые войска южнокитайцев были достигнуты при отходе и изрублены табгачской конницей. Но крепость Хуи на реке Хуай не открыла ворот противнику, и Тоба Дао был вынужден блокировать и оставить ее в тылу, чтобы не снижать темп наступления. Его войска уничтожали все на своем пути; китайское население бросало имущество и бежало на юг. Двигавшееся по опустошенной стране войско Тоба Дао начало испытывать голод, но хан довел его до голубых вод Янцзы и стал станом против Цзянькана, находившегося на южном берегу. Только речные волны защищали южную столицу, где возникла паника, охватившая и начальство, и народ. С башни столичной цитадели стан врагов был виден как на ладони, и бледный от страха император плакал от горя и раскаяния.

Но и положение Тоба Дао было нелегким. Кормить войско было нечем, организовать переправу невозможно: кочевники не умели делать лодки. Поэтому табгачский хан счел за благо предложить мир и богатые подарки. Обрадованный император согласился и послал еще более роскошные дары. Торжественно отпраздновав (что праздновали, трудно определить)... Тоба Дао повернул свои войска на север и по дороге сделал попытку взять крепость Хуи. Он бросил на штурм этой крепости телеутов, хуннов, тангутов и тибетцев, крича осажденным: «Убивайте их, если можете; вы окажете мне услугу, уменьшив число разбойников в моем государстве»¹⁷. Бои шли тридцать дней; крепость устояла и дождалась флотилии речных судов, доставивших по реке Хуай подкрепление и продовольствие. Тоба Дао сжег осадные машины и ушел в свою страну. Преследовать его южнокитайские воеводы не решились.

ГИБЕЛЬ ТИРАНА

Война 451 г. показала, что сравнительно с эпохой Фу Цзяня II и Север и Юг потеряли ту пассионарную энергию, которая толкала людей IV века на поступки, ставшие невозможными в середине V века. В самом деле, разве можно было обрекать на гибель хуннов Лю Яо и Ши Лэ или тибетцев Яо Хуна, заявляя, что смерть их пойдет на пользу государству? Да они бы ни минуты не потерпели такого обращения с собой, потому что умели идти на смерть сами — за свое дело, за свое племя, за свою доблесть, а не ради каприза презиравшего их деспота. А в V веке их потомки стали больше бояться «палки капрала, чем штыков противника». Соответственно изменилась и власть. Если Тоба Гуй был табгачским ханом, Тоба Сэ — ханом и императором, то Тоба Дао стал императором Вэй и в то же время оставался ханом, не неся положенных хану обязанностей. Вместо консолидации степных племен долины Хуанхэ он учредил империю с китайской идеологией, где степняки, включая табгачей, лишились всех прав, кроме права на безусловное подчинение царю. Выиграли при этом только те китайцы, которые сумели втереться в милость к монарху и использовать его доверие для своих подлых целей. Таким был гвардейский офицер Цзун Ай, враг наследного принца Тоба Хуана.

Наследник престола зарекомендовал себя как человек смелый и добрый уже потому, что он спас много буддистов от ярости своего отца. Можно было бы думать, что Цзун Ай был даосом и потому возненавидел царевича, но дело обстояло проще: Цзун Ай был всего-навсего мерзавцем. Когда Тоба Дао вернулся из похода и искал, на ком бы сорвать злобу, Цзун Ай обвинил в измене наследника и его друзей. Придворных казнили без суда и следствия. Царевич, «потеряв лицо», кончил жизнь самоубийством.

Такого оборота дела Цзун Ай не предвидел. Скандал получился такой, что к нему обратилось внимание двора и царя. Найти клеветника было просто, но Цзун Ай, пользуясь своим положением дворцового гвардейца, при помощи нескольких сообщников задушил царя¹⁸.

Хан умер, да здравствует хан! Табгачские вельможи предложили возвести на престол принца Тоба Ханя, но Цзун Ай успел тайно договориться с принцем Тоба Ю, пьяницей, страстным охотником и лентяем. Вооружив дворцовых евнухов, Цзун Ай

пригласил во дворец министров, и по мере того как они входили, им рубили головы. Заодно Цзун Ай прикончил своих товарищей по заговору и принца Тоба Ханя, а затем возвел Тоба Ю на престол, за что получил титул императорского маршала. Опять китаец-заговорщик захватывает власть в «варварском» царстве — случаев столько, что это уже система.

Дружба нового хана с фаворитом продолжалась недолго. К концу 452 г. они начали тяготиться друг другом, и Цзун Ай приказал дворцовому евнуху убить хана, что тот и исполнил. Но тут вмешался другой гвардейский офицер, Лю Ни, который крикнул толпе народа, что произошло убийство, и провозгласил царем законного наследника — Тоба Сюня. Народ его поддержал, убийцы были схвачены и после многих пыток казнены. Опять получилось так, как во всех описанных нами случаях, за исключением частных деталей.

Но здесь важно другое: взойдя на престол, Тоба Сюнь отменил указ своего деда о запрещении буддизма. Он даже разрешил строить пагоды, хотя и с ограничением: не больше одного монастыря с 40—50 монахами на уезд¹⁹. Смерть больше не грозила буддистам, и даже сам царь брил голову в знак уважения к «Учению».

И все-таки религиозная реформа Тоба Дао не прошла бесследно для народа. Обрядовые традиции, принесенные табгачами, не восстановились. Конечно, табгачи не превратились в китайцев — сторонников даосизма, но за протекшие шесть лет они перестали обращаться к своим родовым духам и заполнили возникшую в психике пустоту... пьянством. Этот порок поразил больше всего их, не имевших повода бунтовать против своего хана и не хотевших принять чужой образ мысли. Пьянство развилось настолько, что в 458 г. Тоба Сюнь издал закон о смертной казни за самовольное курение вина. Но уже в 465 г. его пришлось отменить²⁰: было поздно.

Однако на первых порах двойное цареубийство оздоровило империю Тоба-Вэй. Проснулась табгачская военная доблесть, что немедленно испытала на себе империя Сун, попытавшаяся использовать гибель Тоба Дао для контрнаступления на табгачей. В 452 г. южнокитайская армия вторглась в империю Вэй и осадила крепость Гаонай. Защитники крепости вырыли ход, неожиданно появились среди осаждающих и учинили там такую резню, что китайцы немедленно вернулись восвояси²¹.

Удачно стали складываться дипломатические дела. В 452 г. в

Тогоне умер враг табгачей царь Мулиянь, и заменивший его Шэинь вступил в союз с империей Тоба-Вэй. Отмена указа о преследовании буддизма благотворно повлияла на отношения северокитайской империи с княжествами Западного края, и уже в 456 г. табгачи без сопротивления заняли оазис Хами, обеспечив себе контроль над Великим караванным путем, по которому везли на Запад шелк.

Но больше всего от реформы Тоба Дао выиграл сам буддизм. Поскольку непопулярный правитель ополчился на эту концепцию, то к ней примкнули все недовольные властью — тибетцы, тангуты и хунны, а также многие китайцы как на Севере, так и на Юге. «Золотистое учение» давало утешение, нужное обиженным людям, и не требовало от неопита отказа от привычных воззрений. Число кумирен, идолов и икон возросло до такой степени, что южное правительство (Сун) обеспокоилось утечкой из обращения драгоценных металлов и шелка. Еще опаснее было влияние монахов на женщин из знатных фамилий. В 458 г. в империи Сун был издан специальный указ, запрещающий монахам беседы с императорскими женами, а в 462 г. был восстановлен древний культ «Пяти царей», призванный замедлить конфуцианство, бессильное против буддийской проповеди. Однако новый возврат к древности только дал повод для зубоскальства, потому что в этих «царей» уже никто не верил²².

Медленно и постепенно холодное золотистое сияние загасило желтое пламя на Севере и красное — на Юге Китая. Только синий хуннский огонек мерцал в Турфанском оазисе, но вскоре угас и он.

ГИБЕЛЬ ХУННОВ

Последним реальным успехом Тоба Дао был разгром (хотя и не покорение) жужаньского ханства. Покорить жужаней было невозможно: они переносили войну в пространство и прятались в ущельях Хэнтея и Монгольского Алтая, дожидаясь, пока утомленные враги уйдут, а потом собирались снова. Но каждое поражение уносило из их среды бойцов, а естественный прирост не восполнял убыли. В 445 г. умер отважный враг табгачей хан Уди, а сменивший его Тухэчжэнь вынужден был ограничиваться обороной или мелкими грабительскими набегами. В 448 г. Тоба Дао принял посольство княжества Юебань, т.е. среднеазиатской ветви хуннов, жившей в это время в Тарбагатае и Запад-

ной Джунгарии. Переговоры, занесенные в историю, означали заключение союза, который мог иметь только одну цель — войну с жужанями. Если бы юебаныцы стеснили жужаней с Запада, то те сразу бы потеряли возможность маневрировать. Правда, прямых сведений о войне в Джунгарии у нас нет, но, судя по ходу событий, мира там тоже не было, и Жужань стала клониться к упадку.

Какова в этой ситуации могла быть позиция хуннского князя Аньчжоу? Он был союзником жужаней, но соплеменником юебаныцев; войска у него было мало, а население Турфанской котловины относилось к нему враждебно. Ему приходилось маневрировать, лгать, изворачиваться, но всему приходит конец. В 460 г. жужаньское войско осадило его крепость, а когда она пала, все хунны, находившиеся там, были убиты.

И не странно ли, что на эти самые годы приходится столь же критический конец западной ветви хуннов, которую принято называть гунны, чтобы подчеркнуть этническую модификацию, произошедшую вследствие смены места обитания и интенсивного смешения с уграми и аланами²³. Могучее царство гуннов не только пало, но и исчезло без следа.

Трудно утверждать, что хронологическое совпадение гибели китайских хуннов и европейских гуннов было случайностью, но столь же трудно усмотреть здесь прямую историческую закономерность. Однако нельзя не отметить, что если в 451 г. Аттіла решил судьбы Римской империи, то уже в 454 г. его сын и наследник Эллак пал смертью храбрых у реки Недао, а его братья Денгизих и Ирник тщетно пытались закрепиться в причерноморских степях. Агония гуннов продолжалась до 469 г., когда голова Денгизиха была доставлена в Константинополь. Агония эта была осложнена событиями, происшедшими в Средней Азии, казалось бы, равно далекой и от Турфана, и от Черного моря.

Здесь мы отойдем от принятой манеры повествования, т.е. прямых ссылок на источники, потому что реконструкция хода событий, с одной стороны, слишком громоздка, а с другой — сделана нами в ряде узкоспециальных исследований²⁴.

Но краткая справка о событиях в Средней Азии в V веке нужна, чтобы связать историю азиатских хуннов с всемирной историей.

В середине V века хунны юебани, базировавшиеся на склонах Саура и Тарбагатай, на юге граничили с племенем абар,

или «истинных авар», называемых так в отличие от «псевдоавар», или племен «вар», живших на Яике и Эмбе. Около 460 г. эфталиты совершили поход на север и так напугали абар, что те бросились спасаться и напали на племя сабир²⁵, обитавших в Западной Сибири, на границе тайги и степи²⁶. Эти последние двинулись на Запад и столкнули с места угорские племена сарагуров, оногуров и урогов, которые в 463 г. победили гуннское племя акациров, чем лишили западных гуннов тыла и обрекли их на поражение. Дальнейшая история этих племен исчерпывающе изложена М.И.Артамоновым²⁷, а нам важнее события, происходившие в Средней Азии.

Юебаньские хунны воспользовались ослаблением абар и распространились на все Семиречье, куда абары вернулись, но уже не как самостоятельное племя. Им пришлось кооперироваться с мукринами, одним из сяньбийских племен, еще во II веке прикочевавшим на склоны Тяньшаня и некоторое время существовавшим там самостоятельно под названием Западно-сяньбийской орды. В VI веке эти племена слились и образовали народ тюргешей. Юебань же просуществовала всего до конца 80-х годов V века. Ее самостоятельность была уничтожена телеутами, отложившимися в 487 г. от Жужани. Но и счастье тех было недолговечно: их завоевали в 495—496 гг. эфталиты, а затем разгромили жужани и наконец в 547 г. покорили тюркюты. А потомки среднеазиатских хуннов уцелели. Они образовали четыре племени — чуюе, чуми, чумугунь и чубань, игравшие огромную роль во время существования Великого тюркского каганата и после него, но хуннами их уже называть нельзя, хотя они, бесспорно, потомки хуннов.

Но тут мы натолкнулись на основную проблему этнологии: что такое этнос? Все народы имеют предков, восходящих к палеолиту; большинство народов, исчезая, оставляет потомков. Этногенез хуннов — только фрагмент этнической истории человечества; в нем, как и в других отдельных случаях, частное перепутано с общим настолько, что расчленить одно от другого невозможно. Поэтому отошлем читателя к нашим специальным рассуждениям о природе этноса и ритме этногенеза, а пока попытаемся ответить на поставленный вопрос: гибель хуннов случайна или закономерна?

Во второй половине V века хуннский этнос исчез в четырех районах, не похожих друг на друга ни по природным условиям, ни по населению, ни по культуре. Точнее, погибли четыре на-

рода, в которых хунны присутствовали как необходимый компонент. Это скорее говорит о том, что хунны несли в себе зародыш гибели. Но это не значит, что сами члены хуннского этноса были неполноценными людьми. Как только исчезла этническая целостность, они нашли для себя возможности существования в рамках других этнических целостностей. Так, кациры смешались с сарагурами и породили древних болгар; юньсуйские хунны вошли в состав орды тюркютов Ашина; чуйские племена поддерживали величие Западнотюркютского каганата и выделили из своей среды героическое племя тюрков-шию, в X веке вновь овладевшее Китаем. Наконец хунны, оставшиеся в Ордосе, Шэньси и Шаньси, смешались с табгачами и разделили судьбу империи Тоба-Вэй, что принуждает нас вернуться к истории зоны этнического контакта, чтобы проследить исчезновение народа, хронологически отставшее от падения его политической самостоятельности.

II. Будберг, отмечавший кровные связи хуннов с табгачами, датирует последнее самостоятельное выступление хуннов в Шаньси 525—526 гг., когда их вождь Лю Ли-шэн принял титул кина²⁸.

Правда, самоназвание этого племени было не хунну, а «ши ху», или, в другом месте текста, «горные ху», что дает повод усомниться в их генеалогии, но их этнокультурная принадлежность к хуннской культуре сомнений не вызывает. По-видимому, это был реликт, сохранявшийся на северной окраине империи Вэй до VI века. Это последнее упоминание о хуннах как об отдельном народе. Оно в сочетании со всеми высказанными соображениями дает нам право проследить последнюю страницу истории этнического контакта в эпоху, когда межплеменные коллизии уступили место социальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия. С. 199—200.

² Grousset R. et Regnault-Gatier S. L'Extrême-Orient // Histoire Universelle, I. Paris, 1965. С. 1655.

³ Ibid.

⁴ Думан Л.И. К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // Ученые записки ИВАН. Т. XI (китайский сборник). М., 1955.

⁵ Вряд ли будет правильно рассматривать закон 421 г. как усиление налогового обложения. Во-первых, сама система обложения основана на другом принципе, что было бы невозможно, если бы первый принцип сохранился в силе. Во-вторых, в 413 г. табгачи еще вели войну на три фронта, а к

421 г. уже одержали полную победу; странно было бы при этих обстоятельствах удваивать налог строевыми лошадьми. В-третьих, для оседлого населения в это время была восстановлена китайская система обложения; если допустить, что закон 413 г. продолжал действовать, то придется считать, что оседлые табгачи платили двойной налог, т.е. больше, чем китайцы, что исключается. На основании этих соображений следует вывод, что закон 421 г. пришел на смену закону 413 г., а не дополнил его.

⁶ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 54—55.

⁷ Бичурин Н.Я. История Тибета... С. 105.

⁸ «Происхождение феодализма коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания, и эта организация лишь после завоевания, благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах, развивалась в настоящий феодализм» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. С. 74.

⁹ Wieger. С. 1267.

¹⁰ *Ibid.* С. 1313.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.* С. 1315.

¹³ *Ibid.* С. 1316.

¹⁴ *Ibid.* С. 1317.

¹⁵ *Ibid.* С. 1317—1319.

¹⁶ *Ibid.* С. 1306.

¹⁷ *Ibid.* С. 1310.

¹⁸ Mailla, IV. С. 80.

¹⁹ Wieger. С. 1319.

²⁰ *Ibid.* С. 1338.

²¹ *Ibid.* С. 1321—1322.

²² *Ibid.* С. 1334—1335.

²³ Иностранцев К.А. Хунну и гунны. Л., 1926.

²⁴ См. работы Л.Н. Гумилева: Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ, 1959, №1; Некоторые вопросы истории хуннов // ВДИ, 1960, №4; Три исчезнувших народа. В кн.: Страны и народы Востока, II. М., 1961; Эфталиты — горцы или степняки? // ВДИ, 1967, №3; В кн.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962 / Прим. ред. 13. С. 106—107; Древние тюрки. С. 35; Ирано-эфталитская война в V в. В кн.: Altheim F. und Stiehl R. Die Araber in der Alten Welt. Bd V, 2. Berlin, 1969.

²⁵ Самодейское племя. См.: Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen den Samoeden und die jenseitschen Völkern // Acta Orientalia, t. III. С. 88—89.

²⁶ Предполагалось, что «абарами», толкнувшими сабиров, были жужани. Помимо всего прочего, читатель может видеть, что в 460 г. жужани были в таком положении, что скорее их можно было толкать; кроме того, они не граничили с народами Сибири, ибо их разделяла Юебань.

²⁷ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 61.

²⁸ Boodberg P. Two Notes... С. 297 — n. 55.

А. Угли остывают

ЦАРЬ-МОНАХ

Их двенадцать лет своего царствования Тоба Сюнь боролся разве только что с пьянством. Эта откровенная пассивность правительств, равно терпевшего даосов и буддистов, позволила последним полностью овладеть общественным мнением страны. Даосы успели опостылеть всем — и китайцам, и «варварам», а буддизм был ничей и годился для всех, кто нуждался в утешении. А кто в нем не нуждался!

В 465 г. на престол вступил Тоба Хун I. Он был искренний и ревностный буддист, ознаменовавший свое царствование сооружением не дворца или парка с павильонами для наложниц, а гигантской статуи Будды, на которую пошло неимоверное количество меди и золота. Впрочем, набожность не помешала ему удачно разрешить сложные проблемы внешней политики. В 466—469 гг. табгачи победили южных китайцев, заняли Шаньлун и провели границу по реке Хуай, а в 470 г. нанесли поражение тогонцам и жужаням, чем заставили тех и других приостановить грабительские набеги на империю Вэй. В 471 г. Тоба Хун отрекся от престола в пользу своего малолетнего сына и ушел в буддийскую обитель спасать душу, но продолжал руководить политикой, к великой досаде своей жены, императрицы Фэн¹, ставшей регентшей. В 475 г. царь-монах издал указ, запрещающий приносить в жертву животных, так как в любом из них может оказаться душа человека (путем метампсихоза). Дру-

гим указом он воспретил казнить родственников преступника, как это практиковалось в Китае, ограничиваясь казнью самого виновника. Но среди первых же нескольких чиновников-плутов, которых он казнил, оказался фаворит императрицы Фэн. Эта энергичная дама вскоре отравила своего мужа и взяла власть в свои руки (476 г.). Политическая линия при этом не изменилась.

Достигнутый компромисс с буддийскими монахами дал возможность Тоба Хуну I усилить нажим на своих китайских подданных. В 465 г. был запроектирован закон о землепользовании и рабовладении. Неизвестно, был ли осуществлен этот закон, но сам смысл его говорит о многом. Согласно этому закону, предполагалось ввести земельные наделы — по 80 му мужчинам и по 40 му женщинам во временное пользование; по достижении мужчиной предельного возраста — 66 лет надел возвращался в казну. Надо думать, что наделялись не все подданные империи, а только сяньбийские воины, на что указывает установление предельного возраста держателя надела: старики для службы не годились. Таким образом, можно рассматривать надел как бенефиций — раннефеодальное учреждение. Тот же закон ограничивал рабовладение: свободным людям (т.е. простым воинам) и мелким чиновникам разрешалось иметь до 60 рабов, а знати — от 100 до 300². Интерпретируя смысл этой реформы независимо от того, осуществилась ли она, мы видим, что направлена она была против китайской земельной аристократии. Именно в северных районах Китая располагались громадные латифундии, приобретенные пограничными генералами, образовавшими чиновные династии вроде Юаней или Ма. Обрабатывались эти земли либо крестьянами, которых всемогущие вельможи могли к этому легко принудить под любым предлогом, либо рабами из военнопленных. Обращение с рабами было весьма жестоким, например, однажды за прелюбодеяние раба с рабыней хозяин хотел их казнить, но, сжалившись, лишь наказал влюбленных, дав обоим по 40 палок³.

Очевидно, что табгачи, овладев Северным Китаем, ликвидировали китайскую земельную аристократию, и из латифундий составилась земельный фонд казны. Первое время кочевники жили за счет своих стад и военной добычи: война кормила воину, но долго так продолжаться не могло — нужно было изыскать внутренние средства для содержания постоянной армии. Эти средства могла дать земля, обрабатываемая рабами. Итого земельная реформа Тоба Хуна I была своеобразным феодально-

рабовладельческим гибридом, позволявшим приостановить завоевательные, т.е. грабительские войны и перенести центр тяжести на эксплуатацию уже завоеванных территорий. Такая реформа была равно не похожа ни на китайскую (значит, китайская табгачей была чисто внешней), ни на хуннскую, где, как известно, хозяином земли был род. Она проистекала из принципа «орды», т.е. формы военной демократии «варваров», и из фактической необходимости кормить досыта войско, не давая воинам отвлекаться от военных упражнений мирным трудом. Возможность продажи земли отпадала, так как с III века в самом Китае натуральный обмен заменил денежный. В качестве денежных единиц стали употребляться зерно и ткани, а у кочевников — шкуры и скот. Последний без земли не мог быть накоплен⁴.

Однако табгачские вельможи от этой реформы не пострадали, так как ограничение землевладения не затронуло бенефиции, которыми владели чиновники. Больше того, за ними были укреплены наделы от 600 до 1500 му (36,15—93,6 га), в зависимости от ранга. Рабовладельцы, сверх того, получали наделы на рыбов, которые, таким образом, из пленных становились колониями. А кто были рабовладельцы, понятно: воины и воеводы, имевшие возможность захватить пленных, т.е. табгачи, а отнюдь не китайские подданные империи. Эта деталь заставляет думать, что под властью косоппетов Северный Китай отнюдь не процветал: площадь обрабатываемых земель сокращалась, и поэтому надел стремились дать каждому, кто был в состоянии его обработать. Но из этого числа исключались лица, явно не лояльные правительству, т.е. китайская знать. В принципе табгачское правительство ничего не имело против крупного землевладения. Например, оно стало наделять огромными имениями буддийские монастыри. Но оно хотело получать налоги с наделов⁵ и желало, чтобы сяньбийские воины использовали труд рабов на земле⁶, т.е. превратились в мелких помещиков. Это уже, бесспорно, феодальная система; жаль только, что неизвестно, была ли она осуществлена. Зато точно известно, что она была недолговечна.

ПАРИЦА-МОДНИЦА

В правление регентши-мужеубийцы произошло несколько событий, важных и показательных. На южной границе начались

неудачи. Гнилую династию Сун в 479 г. сменила новая династия — Ци, сразу переманившая на свою сторону княжество Уду и отразившая два натиска северян в 480 и 481 гг. Зато на северной границе намечалось улучшение. В 479 г. заявил о своем существовании народ киданей. Это древнемонгольское племя, обитавшее в Северо-Западной Маньчжурии, испытывало натиск со стороны Когурё и потому добровольно подчинилось империи Вэй, согласившись платить дань⁷, но отказавшись давать людей для пополнения вэйской армии. В 480 г. потомки юйвэньцев, татабы, просили разрешения поселиться в пределах империи и были приняты в число подданных⁸. Жужань ослабела, так как от нее отделились телеуты. Они откочевали на запад и создали самостоятельное владение, искавшее союза с империей Вэй. Наконец Тогон, естественный враг империи Вэй, увяз в мелкой войне с танчанами — кочевыми тибетскими племенами нагорий Амдо⁹ — и перестал тревожить западную окраину империи¹⁰. Но все эти события происходили почти без участия правительства императрицы Фэн, которое больше занималось внутренней перестройкой своего государства.

Двор в Пинчэне постепенно, но неуклонно терял свой кочевнический облик и превращался в обычную столицу Китая. Инициатива перестройки принадлежала придворным кругам.

Говоря об экономическом развитии страны, следует учитывать не только как собираются богатства, но и на что они растрачиваются. Императрица Фэн устанавливала при своем дворе китайские моды. Для придворных разных рангов как знаки различий были введены значки в виде красивых подвесок, брелков и лент. Кочевнические халаты оказались вытесненными красивыми красными куртками. Во дворце соорудили роскошный тронный зал. Для детей знатных богатей учредили школу с китайскими учителями¹¹. Однако жестокой сянбийской обычай, по которому мать наследника престола предавали смерти, чтобы лишить ее влияния на будущего царя, остался в силе¹². Табгачское государство, становясь китайским, в конце V века переживало мучительную стадию перерождения — оно превратилось в кочевническо-китайскую химеру.

Скомпрометированный даосизм, уступивший свое влияние на «варварское» население империи Вэй буддизму, терял последние позиции при дворе, понемногу вытесняемый конфуцианством. В 482 г. юный император Тоба Хун II впервые совершил церемонию поклонения предкам по конфуцианскому

ритуалу¹³. Одно это должно было обеспокоить даосов, но в 481 последовал указ против магии и гаданий, т.е. против узкой специальности даосских монахов. Мотивом запрещения было противоречие науки о предсказывании будущего классическим книгам, и особенно строго воспрещалось гадать о судьбе народа. Гадательные книги было предписано сжечь, хранение их квалифицировалось как преступление¹⁴. Указ лишил даосов права на всякую деятельность, но окончательная гибель их общины, разумеется, в легальной форме, наступила год спустя после смерти императрицы Фэн, т.е. в 491 г. Тогда был сооружен знаменитый алтарь Лао-цзы, вооруженный Тоба Дао, запрещены старинные табгачские обряды и введен новый культ поклонение солнцу и луне, в 492 г. замененный обычным китайским культом «Пяти царей», т.е. конфуцианством¹⁵.

Реформы культа и изменение обычаев можно рассматривать как индикатор изменения политической ориентации. Правительство императрицы Фэн явно предпочитало китайских подданных табгачским. Ради примирения с китайским населением в 484 г. была проведена реформа налогов. До этого налог взимался с группы, состоявшей из 3—10 семей, плативших в казну 2 куска ткани, 2 фунта пряжи, фунт шелковой нити и 200 мер зерна. Кроме того, в пользу местного правителя добавлялся один кусок ткани, а часто и больше. Из собранного налога местные правители брали себе столько, сколько хотели, а остальное сдавали в казну. Реформой было установлено жалование чиновникам и снижен налог: 2 куска ткани и 29 мер зерна в казну и 2 куска ткани — чиновникам. За расхищение и вымогательство должностные лица подвергались смертной казни¹⁶.

Эта реформа облегчила положение китайского крестьянства, но за счет табгачской знати, утеревшей все плоды своих побед. Преимущественное положение детей завоевателей превратилось в фикцию, и было ясно, что это только начало процесса.

Еще раньше получили облегчение жители городов, обслуживавшие двор и придворных. Сразу вслед за отречением царя-монаха Тоба Хуна I указом 471 г. было освобождено большое количество рабов, что подрывало экономическую мощь табгачской знати, и были сняты все ограничения с ремесленников, населявших города. С этого времени они получили право выбирать место жительства, свободно передвигаться по стране и менять профессию¹⁷.

Как и в средневековой Европе, престол в борьбе против феодалов блокировался с горожанами.

Реформа коснулась и администрации.

Чиновники в округах и уездах были переведены на жалованье, определявшееся в зависимости от численности населения¹⁸. Этим мероприятием табгачские феодалы были отстранены от управления, а на ответственные должности назначены китайцы¹⁹.

Была создана новая система сельского самоуправления — институт «трех старшин» (саньчжан). Каждые 5 дворов составили соседскую общину с квартальным старшиной: 5 таких общин — деревенскую общину; 5 деревенских общин — сельскую общину. В обязанности старшин входили учет населения; распределение налогов и повинностей; ежегодный передел земли; наблюдение за политической благонадежностью населения. Для табгачей, не растворившихся в китайской массе, места в жизни не оставалось.

ИЗМЕНА ПРОШЛОМУ

Императрица Фэн скончалась в 490 г., и юный Тоба Хун II получил всю полноту власти. От отца он унаследовал энергию своих табгачских предков, а от матери — утонченность китайских. Поэтому он с отцовской страстностью продолжал материнское дело — китаизацию табгачей. Для начала он обеспечил тыл империи. Одним удачным походом Жужань была сокрушена, но, конечно, не завоевана, ибо жужани, как всегда, разбежались и попрятались в горных ущельях Хангая и Хэнтея. Другой поход в том же 491 г. вернул к покорности Тогон, причем император милостиво отпустил пленных. В 493 г. Тоба Хун II выступил против Южного Китая, но дожди и недостаток необходимого снаряжения заставили его прекратить военные действия и остановиться в Лояне.

Древний китайский город произвел на Тоба Хуна II такое впечатление, что он решил перенести туда столицу своей империи и в 494 г. выполнил это намерение. Ему казалось, что, имея базой Лоян, близкий к театру военных действий, он легко добьется победы над империей Ци, но наступление северян захлебнулось. Это еще раз заставило Тоба Хуна II пересмотреть порядки в своем государстве.

За сорок лет относительно мирного существования табгачи

приняли многие степные традиции и усвоили много китайских вещей. Это не могло не повлиять на военную выучку табгач-молодежи; она была просто необстреляна. Но Тоба Хун II поводов достаточно, чтобы разочароваться в своем народе. В 495 г. он издал указ, запрещающий употребление сяньбийского языка, ношение сяньбийской одежды и косы, бывшей отличительной особенностью табгачей. Китайский язык, одежда и прическа были объявлены обязательными под угрозой разжалования в рядовые. Были также запрещены браки табгачей с чиновниками, сяньбийские имена велено было сменить на китайские и даже запрещалось хоронить покойников в родных степях. Доводя дело до конца, Тоба Хун II изменил даже название династии Тоба на Юань²⁰.

Разумеется, среди табгачской знати возникла оппозиция реформе, во главе заговора оказался наследник престола. Он просто хотел вернуться в родной Пинчэн и жить по-старому, но на пути домой его арестовали вместе со спутниками, и все они были казнены. Феодализм пожрала полицейско-бюрократическая система — наследие ханьского Китая.

Реформа 495—497 гг. превратила форпост кочевого мира в шурящее китайское царство. При следующих императорах при дворе началось полное разложение: процветали ханжество, лицемерие, фаворитизм. Огромные суммы уходили на постройку буддийских храмов и на содержание индийских монахов, число которых в одном Лояне достигло 3 тыс. Расходы двора потребовали введения новых налогов, а армия, оставленная без внимания, быстро превращалась из табгачской в китайскую.

А теперь обратимся к нашей основной проблеме — этногенезу народов зоны контакта в зависимости от их исторической судьбы. Объединение племен под властью табгачского хана привнесло к укреплению и углублению связей между ними. Со временем исчезли перегородки племенных традиций, препятствовавшие смешанным бракам, хотя они и дотоле не очень им мешали. Полвека спокойной жизни после гибели Тоба Дао способствовали включению в табгачский этнос потомков хуннов, тибетцев и осколков сяньбийских племен, но все они, слившись, противопоставляли себя китайцам. Китаефилия Тоба Хун II коренным образом изменила положение. Хранить обычаи предков значило теперь быть нелояльным к власти. Тоба Хун II перестал быть ханом и остался императором. Принудительная смена разговорного языка, одежды, прически — это не

просто бутафория. Люди при этом меняют систему поведения, а Конфуций учил: китаец, живущий среди «варваров» по их обычаю, — «варвар»; «варвар», живущий среди китайцев по принятому этикету, — китаец. Стереотип поведения — это основа этнической традиции; ломка его — это смена этноса. Именно этот процесс произошел с табгачами и всеми примкнувшими к ним племенами.

Мало того, конструкция империи китайского типа, в которую сначала по названию, а затем и по существу превратилось табгачское ханство, требовала в качестве чиновников людей грамотных и хитрых, а не смелых и верных. Поэтому высшие и средние должности стали замещаться китайцами конфуцианского направления, а низшие и придворные — китайцами-буддистами, ибо их поддерживали царицы и фаворитки царей. А природным табгачам оставалось либо служить в армии, либо бездельничать в имениях северной Шаньси и Хэси, которые они успели приобрести до того, как звезда их народа закатилась. И все-таки, несмотря на сложившуюся ситуацию, агония табгачского этноса затянулась на сорок лет.

ИНЕРЦИЯ ПОБЕД

Нельзя утверждать, что, искажая облик своего народа, Тоба Хун II руководствовался исключительно эмоциональными побуждениями. Политический расчет у него был, и, более того, это был правильный расчет. Для победы над извечным врагом табгачей — Южным Китаем сочувствие китайских подданных было тем козырем, которого до сих пор не хватало вэйским владыкам. Как ни мерзко вели себя императоры — вырожденцы из династий Лю-Сун и Ци, — население Южного Китая предпочитало их деспотизм власти чужеземцев. Тайные и явные убийства представителей правящих династий мало трогали народные массы, которые зато справедливо опасались вторжения «варваров». Крестьянские восстания 469 г. и 485 г. были кратковременны и напомнили правителям провинций, что у народа есть граница терпения, за которой летят головы чиновников. К тому же сельское хозяйство страны было на подъеме. Бежавшие от хуннов крестьяне Шэньси и Хэнани принесли на юг приемы глубокой вспашки. Они умели применять удобрения, пользовались орошением, что в корне изменило былое подсечное хозяйство южан. Морское побережье было укрепле-

но дамбами, и этот обширный и прежде малонаселенный район был превращен в плодородный, богатый и густозаселенный край. Равным образом развивалось ремесло, особенно техника плавки железа, что было необходимо для перевооружения армии. Расцвела и торговля, особенно морская, потому что караванные пути находились под контролем империи Вэй.

Короче говоря, Южный Китай был достойным противником Северного, тем более что у последнего в тылу лежала непокоренная Степь. Война между двумя империями иногда затихала, но никогда не прекращалась.

В 497 г. Уду, бывшее вассальным княжеством империи Юань-Вэй, передано на сторону империи Ци. Тоба Хун II был вынужден послать туда большую армию, которая одержала в открытом бою победу, но только в 505 г., после покорения несконно китайской области Ханьчжун, последнее сопротивление храбрых тангутов-ди было подавлено, и в 506 г. их княжество стало областью империи Юань-Вэй.

Не меньше хлопот доставил Тоба Хуну II север. В 496 г. восстали поселенные в пределах империи татабы, но с ними удалось справиться быстро. Тогда же империя Юань-Вэй лишилась тех позиций в Западном крае, которые приобрела империя Тоба-Вэй. Эфталиты подчинили себе Хотан и Карашар, а жителя Срединной Азии Гаочан передался Жужани. Но самые большие огорчения доставили императору, отказавшемуся быть князем, иньшаньские телеуты. Когда в 498 г. их попробовали мобилизовать для похода на Южный Китай, они взбунтовались и убежали к своим врагам — жужаням, явно предпочитая подчинение степнякам службе в войске китайского владыки. В этой связи любопытно донесение китайского пристава (ду-ду), сообщившего, что эти кочевники «не считаются с велениями законов (видимо, вновь установленных, т.е. китайских. — Л.Г.) и легкомысленно относятся к условиям общественной жизни (опять-таки к новым порядкам, ибо прежде они были лояльны. — Л.Г.); применяемые к ним меры строгости, не убеждая их в необходимости нести государственные повинности, ведут лишь к возмущениям; тем не менее управлять ими возможно, но для этого нужен человек, который сумел бы завладеть их доверием: действуя одним лишь убеждением и справедливостью, он мог бы достичь очень многого»²¹.

Этот документ показывает, настолько популярна была реформа Тоба Хуна II среди тех самых кочевников, которые воз-

вели его династию на престол Китая. Тоба Хун II вынужден был сдаться и издать указ, удовлетворивший кочевников, которые, получив гарантии, что их не будут «переделявать» в китайцев, вернулись обратно и выслали в Лоян депутацию с изъявлением покорности.

Тем не менее Тоба Хун II прервал начатое наступление на Хэнань, где он успел взять г. Юань, и совершил поход на север. Там он, казнив одного из зачинщиков мятежа, установил с остальными мир и союз.

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА

В северном походе Тоба Хун II заболел и вернулся в столицу. Когда он проезжал через город во дворец, его поразило, что некоторые прохожие носили шапки и короткие одежды. Реформа встречала сопротивление. Во дворце он узнал, что его любимая жена, мачеха наследника, ему неверна. Все вместе так повлияло на него, что он вскоре умер, завещав наследнику Юань Ко слушаться дядей и казнить мачеху, что тот и сделал (499 г.), отомстив за убитую мать.

А затем возобновилась война с Южным Китаем, жестокая и бессмысленная для обеих сторон. Увеличение числа китайских подданных снижало процент табгачей в империи Вэй, что только ослабляло ее. И все же идея объединения Китая была для правящих кругов Юань-Вэй этико-политическим императивом и обсуждению не подлежала. Война могла быть тяжелой, даже неудачной, но у северян нашелся реальный союзник — император династии Ци Сяо Бао-гуань. Этот самодур считал, что смысл его царствования заключается в доставлении удовольствий самому себе, а советников, понимавших всю сложность ситуации, он казнил. Жизнь обитателей не только дворца, но и всей столицы превратилась в кошмар: каждый с минуты на минуту ждал, что его убьют императорские холоуи, причем никаких причин для этого не требовалось, достаточно было попасться на глаза развлекающемуся извергу. Этого не стерпели даже патристично настроенные китайские воеводы. Командующий флотилией речных судов на реке Хуай, собрав своих офицеров, заявил им, что император — дикий зверь и надо спасать страну. Те приняли воззвание с восторгом, двинулись на столицу и осадили дворец, но были разгромлены войсками князя Сяо И, пришедшими на выручку царю. Из-за неудачного мятежа войс-

верян без особых трудов заняли в 500 г. несколько территорий между реками Хуай и Янцзы. Это была кульминация ус- империи Юань-Вэй.

о Бао-гуань остался верен себе и немедленно отравил сво- адителя. Но как только весть об этом преступлении рас- ранилась, брат погибшего, Сяо Янь, правитель г. Сянь- поднял восстание и двинулся на столицу. Высланные и него войска разбежались, города, верные правительству, вняты, но Сяо Бао-гуань так и не понял серьезности сво- ожения. Даже будучи осажденным в столице, он продол- амлекаться. Наконец в 501 г. один из секретных агентов ия ворота дворца, а его соумышленники отрубили голову ирагору, спокойно игравшему на флейте. Сяо Янь занял иницу, казнил наложниц и любимцев тирана и объявил все- ищую амнистию. Законным наследником считался брат уби- ио императора, Сяо Бао-жун, но он отрекся от престола и ии пожалован высоким титулом князя первого ранга. Однако о его не спасло: через несколько дней ему было предложено ичить самоубийством. Мальчик (ему было 15 лет) заявил, что и предпочитает выпить вина, напился... и был удушен.

Взойдя на престол, Сяо Янь объявил, что начинает новую инастию Лян. Он царствовал до 549 г. и ознаменовал свое ивление исключительной благосклонностью к буддизму.

Эта трагедия обеспечила дальнейшие успехи империи иань-Вэй, но отнюдь не табгачского народа, который превра- ился в собственной стране в угнетаемое этническое меньшин- иво, стиснутое между некогда покоренными им и озлобленны- ии массами и правительством, предавшим свой народ. Империя-победительница была явно нежизнеспособна, но ма- ирим наступал постепенно, и еще одно поколение прожило, не иняя, какой конец его ожидает.

Итак, по культуре сяньбийцы заняли совсем особое положе- ие, которое нельзя считать промежуточным между Китаем и иельню. Скорее это была третья вершина треугольника. В этом ища их сила, но это же обрекло их империю на гибель, так как ие питала ни Великая степь, ни Великий Китай. Добившись ильгурной неповторимости, они оказались предоставлены иственным силам, которые иссякли. Но древняя доблесть, ирилась с неизбежностью, сделала конец империи Вэй мучитель- иым и страшным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В переводе — Феникс, мифическая птица. См.: *Wieger*. С. 1355.
- ² *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. С. 488.
- ³ *Ло Гуань-чжун.* Троецарствие. Т. I. С. 304.
- ⁴ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. С. 490.
- ⁵ Земельный налог с пахоты; промысловая подать с туговников и конопляников.
- ⁶ Рекомендовалось иметь 60 рабов, т.е. идти на войну и поймать их. Стимул к поднятию падающей воинственности.
- ⁷ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 74.
- ⁸ Там же. С. 73.
- ⁹ *Бичурин Н.Я.* История Тибета... С. 83.
- ¹⁰ Попытка царя Фулянчоу порвать отношения с Вэй и исправить границу была пресечена в 492 г. См. там же. С. 84.
- ¹¹ *Wieger*. С. 1366.
- ¹² *Ibid.* С. 1363.
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Ibid.* С. 1364—1365.
- ¹⁵ *Ibid.* С. 1368—1370.
- ¹⁶ *Ibid.* С. 1364.
- ¹⁷ *Думан Л.И.* К истории государства Тоба-Вэй и Ляо и их связей с Китаем. С. 12.
- ¹⁸ Там же. С. 13.
- ¹⁹ *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия... С. 200.
- ²⁰ Мотивом переименования было происхождение Тоба от Хуанди (конечно, вымышленное) и фантастическая этимология этнонима, который означал землю и потому мог быть переведен на китайский язык как «желтый цвет». См.: *Mailla*, V. С. 185.
- ²¹ Г.М.Грумм-Гржимайло датирует этот мятеж 487—493 гг. (Западная Монголия... С. 199—200), опираясь на «Исторический очерк уйгуров» Д.Позднеева (С. 28—29), но предпочтительнее дата, указанная *Wieger* (С. 1377), так как поход начался именно в 498 г.

VI. ЦЕНЕЛ

РАСПИНАЮЩИЙ ФЕОДАЛИЗМ

Пятнадцатилетнее царствование императора Юань Ко протекало слишком благополучно. «Слишком» — в том смысле, что внешнеполучие было обманчивым. Внешнеполитическая ситуация сложилась в пользу империи Юань-Вэй. На юге, в междуречье Хуай — Янцзы, северяне одерживали победы над южанами. Эти победы, ничего не решая, давали только лишние участки территории, населенной китайцами, что усиливало анти-табгачский элемент в империи, но сам факт побед льстил самолюбию императора и его двора. На севере Жужань слабела, несмотря на войну с восставшими западными телеутами, и, следовательно, была неопасна. Эфталиты, еще недавно угрожавшие Западному краю, увязли в Индии, где местное население восстало против них и в 510 г. разгромило их войска. У императора Юань Ко были все основания почивать на лаврах своих предков, иначе говоря, проводить досуг в гареме. Так он и поступал.

Тут-то и проявила себя традиционная ненависть к варварам, пусть даже миролюбивым и доверчивым. На этот раз против остатков табгачской традиции выступила сила женских чар фаворитки Гао. По ее навету император позволил убить своего «наставника», завещанного ему отцом в качестве главы правительства. Власть перешла от табгача к китайцу Гао Чжао, брату фаворитки.

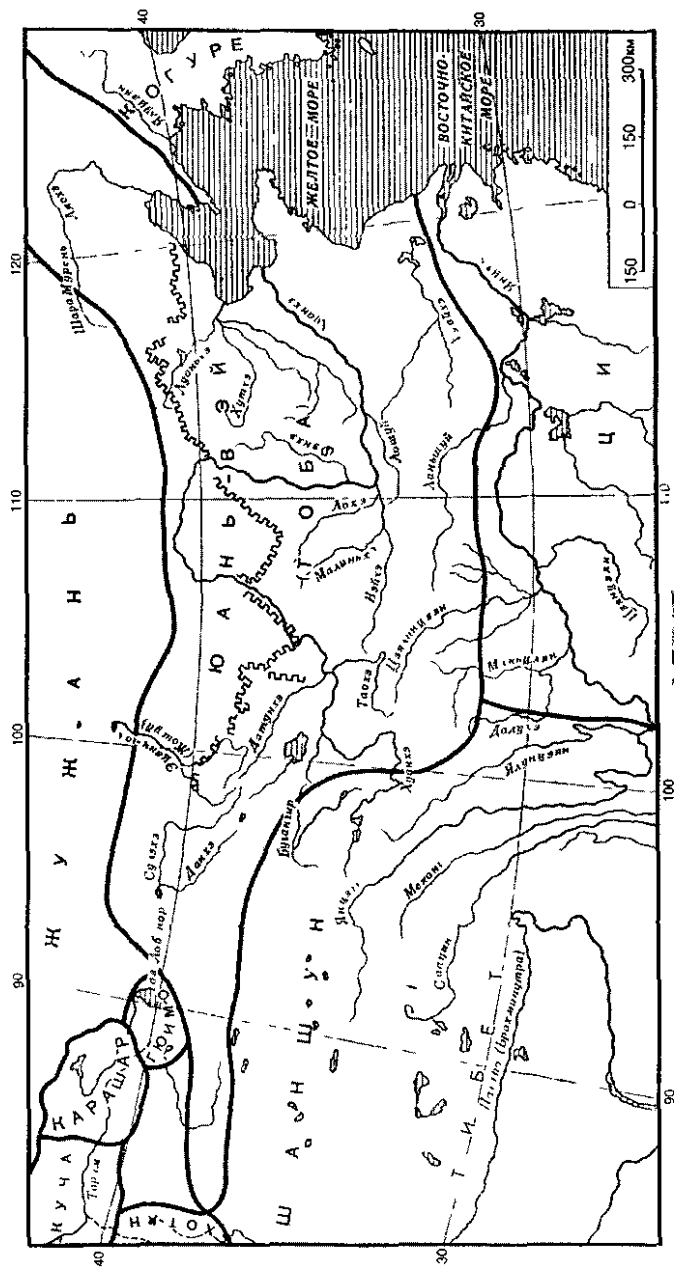

Рис 8 Пелел Деформация хинэры

Следующий шаг совершила другая дама — Ху. В 510 г. она пошла в монастырь, вышла замуж и заявила, что готова отдать свою жизнь ради того, чтобы принести отцу и императору наследника-сына. Эта преданность столь тронула окружающих, что после того, как родился мальчик, его мать не убили. Видимо, правившие в то время китайцы не сочли необходимым проливать кровь ради сына. Но через пять лет император Юань Ко умер, четырехлетний Юань Сю был возведен на престол, а его мать стала полновластной правительницей страны, потому что табгачи еще не разучились уважать женщин. Мать хана была для них священной неприкосновенной.

Это сочувствие значительной части двора и вельмож позволило даме Ху расправиться с дамой Гао. В 515 г. первый министр Гао Чжао был убит, а его сестра с обритой головой отправлена в буддийский монастырь, где ее продержали три года, а затем тоже убили. Но дама Ху быстро забыла, чем она обязана табгачской династии. Она была развратницей и ханжой. От табгачских полководцев она легко избавилась, отправив их воевать против Южного Китая, где они в 516 г. овладели г. Сюй-ши, а сама завела фаворитов и, чтобы замолотить грехи, в 518 г. объявила буддизм государственной религией Северного Китая. В последнем она была не оригинальна: годом раньше ту же религиозную реформу провели император династии Лян — У-ди и хан жужаней Чеуну. Фактическими господами всей Восточной Азии сделались отрекшиеся от мира монахи. А это означало усиление налогового пресса и сокращение жалованья императорским чиновникам, потому что государственные доходы были обращены на строительство кумирен и оплату миссий в Западный край и Индию за религиозными рукописями, самыми большими по тем временам немалых денег. Жертвой безответственного хозяйничанья чиновников, пользовавшихся покровительством всемогущей буддийской общины, стали даже драгоценные памятники китайской старины. В 518 г. были разбиты 46 мраморных досок с изображениями древних царей, уцелевшие в многострадальном Лояне со времен ханьского императора Лин-ди (167—189). Мрамор понадобился для строительства пагоды, и, вместо того чтобы выломать и привезти плитняк, уничтожили дивные произведения искусства. Когда же правительница по просьбе культурных чиновников приказала изъять разбитые куски и реставрировать плиты, то ее приказ просто забыли выполнить¹.

Легкомысленное поведение правительницы и полное ее небрежение к государственным делам дало возможность принцу Тоба И при содействии гвардейского капитана Лю Тэна произвести дворцовый переворот. В 520 г. заговорщики ввели войска во дворец, арестовали регентшу, казнили ее фаворита и провозгласили императором одиннадцатилетнего Юань Сю, внука Тоба Хуна II. Дама Ху, мать царя, была оставлена в живых. Ее заключили в крошечную комнату во дворце и держали впроголодь, только чтобы она не умерла. Юный император даже не знал, где томится его мать.

Новый правитель Тоба И оказался еще хуже, чем дама Ху и ее фавориты. В 523 г. поднялась кровавая заря народной войны. Но узурпатор удержал власть до 525 г., когда в его отсутствие даме Ху удалось выбраться из темницы и увидаться со своим сыном-императором. Со слезами она умоляла сына отомстить за обиды матери. Тот, будучи все-таки табгачом, растрогался и немедленно возвел ее в звание регентши. После этого дворцовая стража закрыла ворота перед вернувшимся Тоба И. Для узурпатора все было кончено. Его семью уничтожили, имущество конфисковали, а ему самому была оказана последняя милость — дозволено покончить жизнь самоубийством.

Почтительный сын вскоре разочаровался в своей мамаше. Дама Ху спешила наверстать время, проведенное в тюрьме. Она доверила власть фаворитам, делившим с ней ложе, а сына держала под строгим надзором, скрывала от него все государственные дела и удаляла симпатичных ему людей. Вскоре вместо искренней сыновней любви она снискала столь же искреннюю ненависть, а исторические события развивались своим путем и вели страну к гибели.

Дворцовые перевороты и связанные с ними опалы, преследования семей опальных, интриги и т.п. не могли не сказаться на военной мощи империи Юань-Вэй. За десять лет (с 516 по 526) гегемония в Восточной Азии была утрачена. Южнокитайская империя Лян перехватила инициативу в военных операциях и вернула пятьдесят городов в бассейне реки Хуай. Самой тяжелой утратой для северян была потеря в 526 г. крепости Шоуян — это свело на нет все успехи Тоба Хуна II и Тоба Ко.

На западе в 525 г. отложился Тогон. Маленький свободолобивый народ использовал свое географическое положение, для того чтобы изолироваться от общего процесса этнической деформации, протекавшего на просторах Срединной равнины и

нкой степи. В VI веке Тогон превратился в реликт эпохи распада племен, но именно сохранение традиций кочевого образа жизни обеспечило ему столетие независимости.

Владения Западного края также вышли из-под контроля Северного Китая, так как эфталиты, господствовавшие в Хотане, Шагере и Куче и державшие в своих руках караванный путь на запад, с 516 г. вступили в переговоры с империей Лян² и затем заключили с ней союз, отрезав империи Вэй путь в Индию и Центральную Азию.

На севере усилилась Жужань, в 524 г. победившая западных соседей. Хан Анахуань возглавил борьбу за восстановление кочевой державы и к середине VI века перехватил гегемонию империи Юань-Вэй, ту самую, которую его предки уступили империи Тоба-Вэй. Видимо, смена названия отражала смену коренной ломки, кризиса, определившего грань между кочевой элитой испепеленной древности и буйными ростками Средневековья. Но прежде чем давать определенно-академически строгие или литературно-образные, прозаические описания ход событий последнего десятилетия существования империи Вэй, как табгачской (Тоба), так и китаизированной (Юань-Вэй).

ФОРМАЦИЯ ХИМЕРЫ

Если вернуться назад. Империя Тоба-Вэй в V веке объединила все племена Срединной равнины, ассимилировала их и противопоставила как нечто монолитное китайскому населению страны. Тоба Хун II реформой 495 г. положил конец этому противопоставлению и создал Юань-Вэй, т.е. табгачско-китайскую химеру. Люди, жившие в этой стране, стали рассматриваться не как табгачи или китайцы, а только как подданные императора. Конечно, его современники не могли сразу забыть свои обычаи и формы поведения, но их дети, рожденные около 490 г., выросли в обстановке не только утраты, но прямого запрещения старых традиций. К двадцатым годам VI века они достигли зрелости, и, хотя еще помнили, что их отцы были табгачами или кочевниками, сами уже не были ни теми, ни другими. Весь сознательный период их жизни прошел в обстановке жестокого правительственного зажима, основанного на подчинении народа грубой силе. В качестве же идеологического утешения им был предложен буддизм, рекомендовавший не придавать значения

мирским благам, поскольку и горе, и радость — иллюзия. Однако налоги взимались отнюдь не иллюзорно и службу приходилось выполнять неукоснительно, так что действительность ежеминутно вступала в конфликт с идеалами. Поскольку тяготы жизни увеличивались, а правительство постепенно теряло силу, то дети табгачей и китайцев совместно выступили против выродившейся династии. В 423—426 гг. народные восстания потрясли Северный Китай.

Однако, хотя этнические традиции иссякли, инерция их еще ощущалась. Все восстания возникли севернее Хуанхэ, и заводи-лами были дети чочевников. А там, где население было сплошь китайским, в Хэнани и Шаньдуне, оно оставалось в покое, несмотря на то что лянские войска двигались на север и несли освобождение от «варваров». Но освобождение запоздало, его перестали желать и ждать.

В 523 г. восстало население шести северных округов к востоку от Цинь и Лун (восточная Ганьсу) и к северу от Ци и Би (северная Шаньси)³. Поводом к восстанию послужили насилия чиновников правителя-узурпатора Тоба И. Эти округа были населены главным образом южными телеутами, но и китайское население примкнуло к повстанцам. Во главе восстания был некий Полу Хань Ба-лин, судя по первой части имени — жу-жань. Чиновники, застигнутые врасплох, были перебиты, а три армии, брошенные на подавление в 524 г., двигались столь медленно и боязливо, что были наголову разбиты повстанцами. Вэйское правительство обратилось за помощью к жужаням, и хан Анахуань привел степную конницу, которая одержала скорую и решительную победу, разграбив при этом север Китая.

Но этим иностранным вмешательством дело не кончилось. В 525 г. восстание перекинулось в Хэси, где некий Моци Чоуну объявил себя императором⁴. В Шаньси, очищенном жужанями, появились хунны под именем ши ху; их вождь Лю Ли-шэн принял титул хана⁵. Но самым грозным оказалось восстание в Хэбэе, возглавленное популярным полководцем табгачом Гэ Жунем, к которому примкнули массы китайского населения. В 526 г. Гэ Жун разбил вэйский карательный корпус, занял г. Инчжоу (Хэцзянь в Хэбэе) и провозгласил себя императором государства Ци. Любопытно, что табгач, ставший вождем китайцев, избрал для своего государства название Ци, наименее «варваризованное» из всех древнекитайских царств. А как мы убежда-

раньше, название заключало в себе политическую программу.

В 27 г. власть Гэ Жуна распространилась на весь Хэбэй, большую Хэнань и часть Шаньси. Правительственные войска отступали перед повстанцами.

Причина поражения вэйских войск крылась не столько в снижении боевых качеств воинов, сколько в руководстве извне. Так, направляя в поход против Гэ Жуна одного полководца, император дал ему приказы в качестве помощника его личного недруга. Этот полководец просил доверить операцию кому-либо одному из своих сыновей, но юный император оставил в силе оба назначения, и соратники-полководцы погибли вместе с вверенной им армией⁶. Этот эпизод показывает, что безответственность и беспринципность придворных превратилась в национальное бедствие. Благодаря слабости противника, Гэ Жун осадил город Е.

И вот тут в историю вошел последний яркий представитель вэйской и носитель «духа времени» — Эрчжу Жун. Это был «благородный племянник», очевидно сяньбийского, осевшего в Шосяне, северной Шаньси⁷. Род Эрчжу, подобно другим знатым сяньбийским родам, получил большие земельные владения, и многие старейшины стали латифундистами. Эрчжу Жун, не довольствуясь спокойной жизнью, в 527 г. продал свои земли и на вырученные деньги нанял бродивших без дела солдат. Прощаясь он к себе, очевидно, с большим выбором, потому что это средств хватило всего на 7 тыс. человек. Зато это были опытные вояки. С этим отрядом в 528 г. он выступил на защиту престола и около Е напал на стотысячное ополчение Гэ Жуна. Как не раз бывало в истории, крестьянское войско при первом ударе рассыпалось и покинуло вождя, попавшего в плен. Эрчжу Жун и не стал преследовать бегущих. Он удовлетворился тем, что доставил Гэ Жуна в Лоян, где тот был казнен. На этом закончилась народная война против деспотического режима императрицы Ху⁸.

Теперь попытаемся предложить осмысление событий. Гэ Жун возглавил поколение «детей» из народных масс и выступил против своих вельможных сверстников. Эрчжу Жун, возросший на окраине империи, по складу относился к поколению «отцов», т.е. остался сяньбийцем. Но к себе в войско он набрал не членов рода, а «внуков», т.е. молодых людей смешанного происхождения, без домашнего воспитания, без традиций, принципов и даже без воспоминаний о таковых. По существу

его отряд был бандой профессиональных убийц, кондотьеров, но ведь и при конце славной династии Хань такой же кондотьер Лю Бэй таким же образом подавлял крестьянское восстание «желтых повязок». И так же, как Лю Бэй не ужился с Цао Цао, Эрчжу Жун, по смыслу истории, должен был поссориться с императрицей Ху и ее придворными, которых он спас от ярости народной. Разрыв был неизбежен потому, что императрица, ублажая себя, вела страну к краху и не имела ни ума, чтобы это понять, ни реальной военной силы, чтобы себя защитить, а Эрчжу Жун обладал и тем и другим. Поэтому события покатились, как лавина.

НЕЖЕЛАННЫЙ СПАСИТЕЛЬ РОДИНЫ

Правительство императрицы Ху было предельно непопулярно в стране. Но инерция власти и разобщенность подданных, уже лишенных былых племенных связей, позволяли придворным и чиновникам по-прежнему пользоваться благами своего положения, тем более что угроза крестьянского восстания была устранена. Единственной реальной силой в стране был отряд Эрчжу Жуна, усиленный после победы над повстанцами приливом добровольцев, авантюристов, людей нищих, но честолюбивых и алчных. Среди них оказался китаец Гао Хуань, снискавший к себе симпатию вождя усмирением ретивого коня, а затем ставший его советником. Именно Гао Хуаню приписывается программа замены разложившегося правительства военной диктатурой⁹. Эрчжу Жун этот план принял без опасений за свою жизнь, договорился с несколькими принцами Тоба и даже с самым юным императором, который так страдал под игом материнских любовников, что предпочел покровительство полководца. В 528 г. Эрчжу Жун двинулся на столицу спасать императора от фаворитов. Ху немедленно отравила «любимого» сына и объявила императором трехлетнего внука, но это ее не спасло. Эрчжу Жун без сопротивления вступил в Лоян, арестовал регентшу, ее внука и около 2 тыс. чиновников и провозгласил императором принца Тоба Цзы-ю. Засим последовала расправа. Регентшу и ее внука бросили с моста в воды Хуанхэ, а арестованные чиновники были изрублены конниками Эрчжу Жуна, после чего была объявлена общая амнистия.

Переворот, совершенный наемной армией, не вызвал восторга ни у населения, ни у принцев Тоба. Еще во время пира по

после коронации, когда пьяный Эрчжу Жун свалился под ногами нового императора просил своих приближенных сломать ему голову, но те не решились. Очнувшись, Эрчжу Жун почувствовал слабость и стал беречься яда и кинжала. Украшенный титулами князя и маршала, он сделал своей резиденцией г. Цзинь-чжоу, поручив наблюдение за императором своей дочери, которая стала императрицей. Но положение его было не твердо.

Господствующие классы вэйского общества — «лоянцы, хэньцы» и прочие «дети» табгачей и китайцев — были довольны порядком. Перемена императорской фамилии Тоба на Юнь и связанные с этим реформы их полностью удовлетворяли. Конечно, безобразия фаворитов регентши Ху не вызывали у них симпатии, и они спокойно позволили истребить непопулярное правительство. Однако деклассированная молодежь, объединявшаяся вокруг Эрчжу Жуна, вызвала в них законные опасения. Сам Эрчжу Жун был осколком ненавистного прошлого, когда походы отважных косоплетов залили кровью Северный Китай. Его воины казались обывателям призраком еще более нежелательного будущего, так как они не имели ни традиции, ни общественных связей, ну, словом, ничего, кроме безудержной смелости и профессиональных военных навыков. Опасаясь в их власти было равносильно тому, чтобы попасть в положение завоеванного народа, и потому общие симпатии обратились к династии Юань, невзирая на ее «варварское» происхождение.

В 529 г. против Эрчжу Жуна выступил принц династии Юнь Тоба Хао и нашел поддержку как в самой стране, так и за ее пределами. Укрывшись от казни, ожидавшей его наравне с прочими вельможами, Тоба Хао бежал в Южный Китай, где император У-ди принял его и послал в помощь ему армию для наказания узурпатора — Тоба Цзы-ю. Эта армия легко взяла Аньчун и Суйян, после чего Тоба Хао провозгласил себя императором и с триумфом вступил в Лоян. Тоба Цзы-ю успел бежать на север к Эрчжу Жуну.

Хэнань охотно подчинилась новому государю, но гарнизон Цзиньчжоу отказал ему в покорности на том основании, что он привел лянские войска. Для того чтобы продолжать активные военные действия, надо было просить подкреплений с юга, а советники Тоба Хао не рекомендовали ему полностью отдаваться во власть войск союзника¹⁰. Не зная на что решиться, Тоба Хао предался всем возможным в Лояне порокам.

Тем временем Эрчжу Жун и Тоба Цзы-ю собрались с силами и двинулись на юг. Тоба Хао успел дать приказ разрушить мост через Хуанхэ и не ожидал удара. Войска Эрчжу Жун переправились через реку на плотках и бросились на Лоян. Обыватели немедленно покинули Тоба Хао, а когда он, спасаясь, вошел в г. Линьин, жители города убили его. Южнокитайская армия отступила в порядке, но все захваченные ею территории вернулись империи Вэй¹¹. Эрчжу Жун в третий раз спас отечество.

Тоба Цзы-ю вознаградил своего спасителя и полководца как умел. В 530 г. он заманил его в Лоян, сообщив, что его дочь, императрица, уличена в супружеской неверности. Эрчжу Жун приехал в Лоян ради спасения дочери и в тронном зале был заколот самим императором¹². По этому случаю придворные устроили великолепный пир. Наконец-то они избавились от человека, умевшего одерживать победы над врагами.

Нет, здесь не только злая воля и неблагодарность высокородного вырожденца! Предательство не могло бы совершиться, если бы ему не сочувствовали широкие круги общества. Но что это было за общество, столь последовательно стремившееся к бесславному концу? Почему оно вело себя столь близоруко, аморально и трусливо? Думается, что в принятом нами аспекте возможно найти объяснение хода событий.

До тех пор, пока империя Вэй была табгачско-китайской химерой, она оставалась конструкцией, где соперничество этнических субстратов цементировало государственную целостность. Традиции, в том числе и этнические, переплетались, но не исчезали. Когда же ассимиляция стала фактом, химера превратилась в огромную амебу, расплзавшуюся от столицы до границ государства. Исчезло противопоставление этносов, но вместе исчезли и принципы этики, на которых эти этносы держались. Все племена и классы смешались... и потекла кровь.

АГОНИЯ

Радость по случаю убийства их защитника от внешних и внутренних врагов была преждевременна. Более того, она была бы непонятна, если бы мы не учитывали тех изменений, которые, постепенно нарастая, изменяли психологию и стереотип поведения потомков табгачей и китайянок. Население многолюдной столицы империи Северная Вэй не объединяли ни предания, унаследованные от предков, ни цели, к которым все стреми-

ни, ни противопоставление себя чужеземцам, ни мечты о
 и свершениях, так как буддисты научили их не прида-
 чения мирским деяниям. Единственное, что у них было
 о, — это легкий и веселый быт богатого города: базары,
 кабачки с девицами, уютные дома и уверенность, что
 должен их оберегать и ублажать. Неизбежным спутни-
 кой самовлюбленной обывательщины всегда бывает са-
 лизорукий эгоизм. Ни один из лоянцев не рискнул бы
 ради того самого императора, который символизировал
 особой процветание и величие. У них даже атрофиро-
 образование: они не могли себе представить, что есть не-
 я кого долг и справедливость дороже жизни. Но отста-
 гачи северной Шаньси воспринимали жизнь как цепь
 ностей — к роду, к военачальнику, к семье, даже к свое-
 лу или табуну. Поэтому как только в Цзиньян прилетела
 убийстве Эрчжу Жуна, его брат Эрчжу Ши-лун поднял
 тревоге всех имевшихся под рукой всадников, которых ока-
 лось всего одна тысяча, и вступил в Лоян, разметав прегра-
 живших ему путь императорских гвардейцев. Он требовал выда-
 тела брата, а заодно попытался схватить предателя-царя.
 жение моста через Хуанхэ одним храбрым гвардейским
 офицером приостановило приток подкреплений к Эрчжу Ши-
 лу и задержало пятый акт трагедии. Но, когда северные всад-
 ники переправились через Хуанхэ и подошли к столице, импе-
 торская гвардия разбежалась, покинув свои посты. Как заяц
 илки, попал Тоба Цзы-ю в железные оковы, а оттуда в шел-
 ную петлю, перетянувшую его горло, в то время когда побе-
 щители грабили город и его обитателей.

Но заслуживают ли они сострадания? Вот пример поведе-
 ния, характерного для той эпохи. Советник плененного импе-
 ратора покинул его в беде, забрал золото и табун коней и
 открылся у своего друга, за пределами опасности. Друг прикон-
 чил гостя и отослал его голову Эрчжу Ши-луну, а богатства ос-
 тавил себе. Ночью призрак убитого явился к Эрчжу Ши-луну и
 пожаловался тому на потерю казны. Последний приказал вер-
 нагграбленное, а похитителя и гостеубийцу казнить со всей
 лней¹³. Так говорит легенда, но откуда все-таки Эрчжу Ши-
 лун мог узнать о судьбе императорского имущества? Только из
 вестий соседей убийцы. Предательство в квадрате, даже в
 е! На что же могло надеяться столь разложившееся общест-
 14 Только на то, чтобы стать жертвой военной диктатуры, ко-

торию осуществили члены сяньбийского рода Эрчжу и бывший советник убитого вождя китаец Гао Хуань. А царем они назначили принца Тоба Хуа.

Но если основная масса населения молчала и терпела, то группа кочевников из Хэси, по-видимому, телесского племена¹⁴, восстала и обрушилась на Северный Китай. Выступивший против них Эрчжу Дао (брат Эрчжу Жуна и Эрчжу Ши-луна) потерпел несколько поражений и вынужден был просить поддержки у Гао Хуаня, командовавшего в то время гарнизоном Цзиньчжоу. Гао Хуань разбил кочевников и выгнал их из пределов Китая, за что ему был пожалован титул принца и область Гичжоу, ставшая базой его честолюбивых замыслов.

В 531 г. члены семьи Эрчжу сместили с престола Тоба Хуа и возвели Тоба Гуна, который восемь лет считался глухонемым. Сев на престол, он заговорил, и оказалось, что этот принц таким способом спасал свою жизнь в обстановке роскошного дворца. Но говорить ему пришлось недолго.

Гао Хуань не любил сяньбийцев вообще, а семью Эрчжу в особенности. Как только представилась возможность, он восстал, захватил город Е и посадил там императором Тоба Лана, став при нем канцлером. Выступивший против него Эрчжу Дао был разбит. Вслед за тем в 532 г. Гао Хуань взял Лоян и низложил Тоба Гуна, а заодно и собственного принца Тоба Лана, и возвел на престол Тоба Сю. От его имени Гао Хуань казнил трех экс-императоров, а год спустя разгромил Эрчжу Дао и истребил всех членов этой фамилии. Но стать единоличным владыкой Китая ему не удалось.

Последний энергичный принц фамилии Тоба, Сю, в безнадежнейшим из положений сделал попытку спастись. В 534 г. он бежал от своего министра и сумел добраться до Шэньси, где правитель этой области Юйвэнь Тай принял императора и защитил его от погони. Гао Хуань не растерялся и посадил на престол другого принца, благо их было много. Женив его на своей дочери, Гао Хуань управлял страной как подобает военному диктатору. Последнее не могло прийтись по вкусу богатым помещикам еще не разоренного Шаньдуна¹⁵. Они сочли за благо последовать за своим императором в Шэньси, где их поселили в уездах Гуаньчжун и Лунси. Там они породнились с местными китайскими землевладельцами, и так составила группа Гуаньлун, сказавшая свое слово в последующую эпоху¹⁶. Но они ничего не сделали для несчастного Тоба Сю, которого

Юйвэнь Тай отравил, чтобы заменить более сговорчивым приемцем. Так в 534 г. северокитайская империя распалась на Восточную и Западную Вэй, но обе уже были просто китайскими царствами. С кочевым элементом южнее Великой китайской стены было кончено.

Но не значит, конечно, что все сяньбийцы, хунны и тибетцы, пришедшие в III веке в долину реки Хуанхэ, погибли, не оставив потомства, хотя многие из них действительно сложились. Этнос — не арифметическая сумма человеческого поголовья, а стройная динамическая система с оригинальным (в том отдельном случае) ритмом. Именно эти системы исчезли тогда в середине VI века в стране на время воцарился хаос. Падение империи немедленно вызвало войну между Востоком и Западом, а голод 536 г. унес около 80% населения в небытие⁴⁷. Несчастное население дошло до людоедства.

Но бедствия изменили лицо страны. В отличие от войны убивает не наиболее, а наименее активную часть населения. Те, кто предавал своих вождей, и те, кто равнодушно смотрел на предательства или убийства, оказались предоставленными самим себе. Гао Хуань и Юйвэнь Тай кормили только тех, кто был им нужен или близок. А так как война между ними не затихала, то уцелели (вернее, имели больше шансов выжить) активные сторонники той или другой партии. Последними фамилии Тоба были никому не нужны. Некоторое время Гао Хуань и Юйвэнь Тай их держали для придания своей политике нужного блеска, но вскоре это стало излишним. Тогда пришла долго сдерживаемая китайская ярость. В 550 г. прекратил существование Гао Хуаня объявил себя императором Северной Ци и начал изрубить на куски всех членов царственной фамилии Юйвэнь. Останки их были брошены в волны Хуанхэ, и память о них ушла в прошлое. В 557 г. почти то же самое сделал император Юйвэнь Тая. Он заставил последнего подставного императора отречься от престола и вскоре отравил его. Так закончилась эпоха.

В том же жестокие годы получила смертельный удар южнокитайская империя Лян. После смерти Гао Хуаня в 547 г. наместник Хэнани Хоу Цзин восстал против Восточной Вэй и перешел к Юйвэнь Таю. Но через месяц он предал и его, предложив императору Лян, У-ди, покорность и совместное завоевание Южного Китая. У-ди доверчиво принял хэнаньского владыку, патриота и поддержал его, но тот, потерпев поражение от

северных войск, снова переменял фронт и напал на южную столицу — Цзянькан. После шестимесячной осады город пал и был отдан на разграбление солдатам. В 549 г. пепел Цзянькана прибавился к пеплу Лояна.

Хоу Цзин не смог установить в Южном Китае тот режим военной диктатуры, который привился на Севере, и в 552 г. погиб. Но это не принесло Китаю мира. Воевали все против всех: северяне против южан, принцы династии Лян друг против друга, кидани и жужани против Китая, землевладельцы против восставших крестьян и т.д. К счастью, нам нет больше необходимости проследивать перипетии этих войн, так как они всецело относятся к истории Китая. Достаточно сказать, что в 557 г. бедный крестьянин Чэнь Ба-сянь, сделавший карьеру при подавлении крестьянского восстания в Ганчжоу, низверг династию Лян и объявил себя императором династии Чэнь. При этом он, вернее, его государство, окончательно потеряло спорные земли в бассейне Хуанхэ, отошедшие к северокитайским царствам. Во время этих смут сторонники одного из принцев династии Лян, движимые отчаянием, ибо пощады от противников не ждали, создали в 554 г. при помощи войск Западной Вэй маленькое государство в Центральном Китае. Оно называлось Поздняя Лян.

Из всех царств, действовавших в эпоху восточного Великого переселения народов, уцелел только Тогон, прикрытый заснеженными хребтами Наньшаня и далекий от тех процессов этногенеза, которые привели к гибели кочевые народы, вступившие на землю *Срединной равнины*. Тогон превратился в изолят, когда на месте динамики развития возникает гомеостасис, консервируются обычаи, экономика, прирост населения, а история сводится к взаимоотношениям с соседями. А когда тех поблизости нет — можно жить долго.

Древний Китай погибал. Никто не был в состоянии воспрепятствовать идущему процессу, как нельзя остановить наводнение или выветривание почв. Логика событий столь же неуклонна.

Двести тридцать лет война не утихала. Ради войн на народ были наложены двойные налоги. Податные слои, спасая жизнь и свободу, покидали разоренные дома и бродили по стране в поисках пропитания. Этим пользовались богатые семьи, умевшие при сменах власти ценой предательства приобрести обширные земли. Они предлагали бродягам работать у них за поло-

...ный, сравнительно с казенным, оброк или служить при
...ме. Число бедняков, поступивших в услужение богачам, на-
...тывалось сотнями семей в одном богатом доме¹⁸.

Утечка налогоплательщиков вынуждала правителей перекла-
...вать тяжесть налогов не оставшихся, что, в свою очередь,
...жило тех на бегство. Правительство слабело и становилось
...бойчей соседа или мятежника, а тогда катились головы бога-
...их, имущество которых имело смысл конфисковать. Но на-
...рбленные богатства доставались хищным чиновникам, лени-
...им, беспечным и невежественным, умевшим только
...отрачивать, но не созидать. И даже самые лучшие законы, в
...другое время составившие бы счастье людей, не могли спасти
...страну и народ от бедствий. Они просто не соблюдались и при
...общих злоупотреблениях теряли силу. Чтобы найти выход,
...ужны были не законы, а люди — честные, преданные, мужест-
...нные и способные на самопожертвование, хотя бы ради ил-
...юний. И пока они не народились сразу в большом числе, стра-
...на жила в пропасть. Но они появились внезапно, и история
...чилась заново.

ГЛАВА II. ЛЮДИ

...вляемся назад, на описанные три века. Невольно напраши-
...ается мысль, что они нарисованы слишком мрачными и тем-
...ными тонами. Неужели же за столь долгий период не было мес-
...а для радости созидания, искренности, милосердия и
...отродства души? Это кажется невероятным, однако вспом-
...ним, что это была эпоха долгого и неотвратимого упадка и что
...наше есть для него объективный критерий — кривая числен-
...ности населения¹⁹.

В эпоху династии Хань население Китая, как писал И. Заха-
...ров, насчитывало 59 594 978 человек (2 г. н.э.). Это можно счи-
...тать оптимальным наполнением вмещающего ландшафта, без
...необходимости изнурения природных ресурсов. Реформы Ван
...Ляня и связанные с ними экзекуции вызвали восстание «крас-
...нобровых» и резню, погубившую около 70% жителей. Но как
...только порядок был восстановлен, прирост покрыл потерю, и к
...1 г. число китайцев достигло 56 486 856 человек. Однако это
...были уже иные люди.

Как бы ни пыжилась Младшая Хань, какие бы победы ни
...черживали ее дипломаты, умевшие натравить сянбийцев и

Хунны в Китае

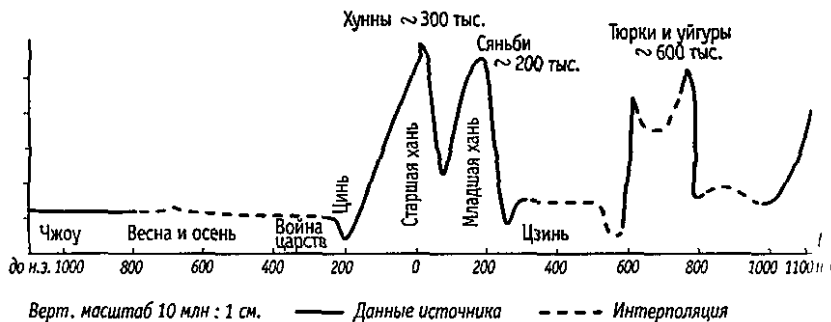

Схема этногенеза хунну

динлинов на хуннов, потенция страны шла на убыль, ибо строгие нравы уступили поприще умению устраиваться при дворе и пользоваться минутами милости для личного обогащения. Разочарованность стала лозунгом века. Она пронзила сердца не только ученых и знатных, но и простых крестьян, взбалабавших «Желтого неба справедливости» вместо «Синего неба насилия». И тогда потекла кровь.

После смуты Троецарствия население Китая составляло 7 672 881 человек, причем окраины пострадали меньше, нежели сердце страны. Это означало повышение удельного веса инородческих племен при ослаблении традиции древней культуры. И даже когда население Центрального Китая возросло к 280 г. до 16 163 863 человек, то это были усталые и деморализованные люди, неспособные защитить себя и свою страну от пришельцев. Это объясняет успехи хуннов, тангутов и сяньбийцев.

Вполне понятно, что за период постоянных смен правлений, сопровождаемых кровопролитиями, переписи населения не проводились. Следующая цифра, столь же неточная, падает на 589 г. — 11 млн. человек²⁰, из которых 1,5 млн. в Южном Китае. При этом надо учесть, что в течение 30 лет население интенсивно росло. Следовательно, в наиболее тяжелое двадцатилетие — с 534 по 554 г. — численность населения Китая упала еще ниже, нежели после Троецарствия, а последующий подъем произошел к 606 г., когда она поднялась до 46 млн.²¹ — это опять таки результат естественного прироста, характерного для земледельческих стран с мягким климатом.

Однако имеем ли мы право, следуя традиции, считать эти

ю популяцию продолжением старой, ханьской? Для этого никаких оснований, кроме средневековой историографии, нет, она, мягко говоря, устарела. Ведь население Северного Китая сложилось из хунно-сяньбийско-китайских, а Южного — ханьско-маньских метисов. По сути дела, это были новые народы, с новым стереотипом поведения, с новыми идеалами и идеями, вкусами и потребностями, несмотря на то что характер ландшафта диктовал людям формы хозяйства, сходные с традиционными, а этническое окружение вынуждало императоров династий Суй и Тан относиться к тюркам примерно так же, как римляне относились к хуннам. Но, несмотря на обусловленные одной совпадением, между древним и средневековым Китаем существует различие, сказавшееся на истории Азии и ее судьбы.

Ц — и вновь начало»

История — ровесница человечества, и, следовательно, в процессе ее существования она не имеет ни начал, ни концов. Но если бы это было так, то ее было бы невозможно изучать, потому что изучение есть сравнение соразмерных явлений, установление их сходств и различий и выявление их взаимосвязей. Явление одно, то оно не сравнимо ни с чем; можно без основания перечислять события, но нельзя уловить их смысл и даже предсказать, имеется ли таковой в самом деле.

Особенность трудности изучения истории подметил древний историк китайской древности Сыма Цянь и нашел ее выразив в тезисе, ставшем заголовком данного раздела. Действительно, если уподобить историю не струе воды, текущей из крапчатого зерна, выдаваемого элеватором, то ясно, что каждая крупица имеет форму, вес, заряд биохимической энергии, которые индивидуальные черты, отличающие его от прочих. Но оно в струе прочих влекомо на мельницу.

Сыма Цянь не только предложил условное деление истории на периоды (сму известной) на периоды, но открыл в этих периодах новую сущность квантов исторического времени²². Цепочки событий, связанные причинностью, не бесконечны, иначе не было бы места ни случайности, ни вероятности. Начавшись с незначительного, иногда очень незаметного, факта, события растут, как снежный ком, до тех пор, пока не иссякнет инерция и остатки хаоса, вовлеченные в поток закономерности, не улягутся

на дне глубокого ущелья или широкой равнины. Тогда, и только тогда начинаются новые процессы, неповторимые в деталях и сходные в общих чертах. Так протекала и та эпоха, которую мы проследили от начала до конца.

Отличительной чертой «Эпохи пяти варварских племен» (Уху) было возникновение весьма тесного контакта между народами, вытесненными засухой III века из Великой степи, и абorigенами Срединной равнины, т.е. Северного Китая. До этого те и другие развивались самостоятельно и находились в фазе исторического упадка²³.

Для развития культуры как таковой контакт двух различных суперэтносов оказался неплодотворным. Действительно, все участники событий погибли, за исключением двух небольших групп, успевших бежать с поля постоянных сражений. В 439 г. сяньюбец Туфа Фань Ни увел небольшую группу своих соплеменников в Центральный Тибет, а другой сяньюбец, Ашина, с отрядом из «пятисот семей» откочевал в Восточный Алтай. Обе группы беглецов дали начало могучим державам Средневековья: Тибетской империи и Тюркютскому каганату²⁴. Им же между собой и мятущимся Китаем преграды из высоких гор и песчаных пустынь, они обеспечили своим потомкам жизнь и свободу.

Но и сам Китай не остался прежним. С гибелью рода Эрчжу равнина по обе стороны Хуанхэ перестала быть зоной этнического контакта. Она опять превратилась в Северный Китай, ограниченную от Великой степи линией, обозначенной руинами Китайской стены. Этническая изоляция, нарушенная событиями минувшей эпохи, восстановилась. После страшных 30-х годов VI века население Северного Китая начало быстро расти, но в числе новорожденных не было ни родовичей кочевых племен, ни древних китайцев — наследников империи Хань. Возникший новый этнос мы условно называем северокитайским, а современники по привычке именовали его «табгач». На самом деле он не был ни тем, ни другим, а созданная им культура эпохи Тан и Сун была еще более блестящей и многогранной, чем утраченная древняя. Преемственность же культур обеспечивалась не живыми ритмами этногенеза, а иероглифической письменностью, игравшей в Китае ту же роль, которую в Европе выполнял мертвый латинский язык. Средневековые китайцы, как и европейцы, часто хотели, но никогда не могли воспроизвести утраченную античность.

Так, прослеженная нами эпоха, с одной стороны, самостоятельный период взаимного погашения этнических противоборствующих тенденций, приведших к исчезновению их носителей, а с другой — переходный период, когда возникавшие царства писались соками уходящих культур — степной и китайской. Эти государства были некрофагами. Они ничего не накапливали, а только истощали богатства, добытые копьем, и этим невольно подготавливали основу собственной жизни. Но для этнолога равно интересны подъемы и упадки, расцвет и гибель, созидание и разрушение. То и другое равно характеризует многогранный противоречивый процесс развития, являющийся предметом исторического исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Mailla V. V. С. 242—243.
 Maxset R. L'Empire... С. 111.
 Шан Юэ. Очерки... С. 169.
 Миллер Л. Н. Гржимайло Г. Е. Западная Монголия... С. 201.
 Nordberg P. Two Notes... С. 297.
 Wiegner. С. 1416.
 Cordier. С. 352; Wiegner. С. 1417; У Шан Юэ (Очерки... С. 170) ошибочно написано «Шэньси». См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений по исторической географии... С. 61.
 Cordier, опираясь на Mailla (С. 286—290), дает другую версию, по которой Шан Юэ был разбит позже переворота. Однако см.: Wiegner. С. 1422, и Шан Юэ. С. 170.
 Wiegner. С. 1421.
 Mailla, V. V. С. 293—294.
 Nordberg. С. 296.
 Wiegner. С. 1424.
 Wiegner. С. 1425—1426.
 Шан Юэ — титул их вождей — фу означает «бег», это свидетельствует о их тюркоязычности, см.: Cordier H. С. 253.
 Шан Юэ. Очерки... С. 170.
 Миллер Л. Н. Древние тюрки. С. 51.
 Wiegner. С. 1428 (опечатка, вместо 536 г. написано: 526).
 Шарон И. Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды члена Российской духовной миссии в Пекине. I. СПб., 1852. С. 276—278.
 Там же. С. 270—274.
 Там же. С. 278—279.
 Там же. С. 281.
 См.: Конрад Н. И. Запад и Восток. С. 76—78.
 Миллер Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970, № 2. С. 43—45.
 См. работы Л. Н. Гумилева: Древние тюрки; Величие и падение древнего Тибета.

Синхронистическая таблица

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Средняя Азия
190— 163	Падение династии Хань; Троецарствие: Цао-Вэй, У и Шу	Южные хунны в составе царства Цао-Вэй участвуют китайскую цивилизацию	Распадение державы Сяньби на племена. Табгачи переселились к Иньшаню
165	Основание династии Цзинь	Основание царства Дуань в Ляоси. Добровольное переселение хуннов из Великой степи в Китай	Упадок табгачского ханства
266— 281	Объединение Китая. Восстание хуннов подавлено	Образование княжеств Муюн и Юйвэнь	Хунны Юебань вытеснили усуней из Семиречья
282— 291	Усиление Китая. Переворот императрицы	Муюн Хой захватил Фуую и воевал против Китая	Усиление Карашара. Фергана, Аксу, Карашар и Рим шлют послов в Китай. Разделение табгачей на три аймака
292— 301	Раздоры принцев в династии Цзинь	Муюн Хой завоевал Ги (около Пекина) Восстание хуннов и кянов подавлено	Поход табгачского хана Ито до верховьев Иртыша
302	Основание царства Чэн (Хоу-Шу) в Сычуани	Муюн Хой нанес поражение юйвэньскому Мохою. Китай признал Юйвэнь и Дуань	

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
303	Распря князей Сыма Ина и Сыма Юя		
304	Поражение Сыма Ина	Восстание хуннов под предводительством Лю Юаня	
305	Резня в Чанъани, произведенная наемными сяньбийцами Сыма Юя	Лю Юань объявил себя Хань-ваном	
306	Поражение и гибель Сыма Ина. Отравление императора Хой-ди; возведение на престол Хуай-ди		
307	Восстание Цзи Сана, взятие им Е и разгром его Сыма Юем	Восстание хуннских кулов под предводительством Ши Лэ. Муюн Хой объявил себя «Великим шаньюем сяньби», заняв город Гичэн (около Мукдена)	Объединение табгачских аймаков и союз их с Муюном Хоем
308	Корейцы отняли у Китая Ляодун	Набег хуннов на Лоян. Лю Юань объявил себя императором Хань	
309	Восстание народа против чиновников, облегчившее рейд хуннов	Поражение китайцев у Хуанхэ, хуннов у Лояна. Хуннский рейд к реке Хуай	
310	Интриги императора Хуай-ди против Сыма Юя. Союз с табгачским ханом Илу против хуннов	Лю Юань умер; вступил на престол Лю Цун, убив своего брата Лю Хо. Союз хуннов с «белыми» сяньби (в Шаньси). Муюн Хой подчинил племена сухи и мувань	
311	Поражение Сыма Юя. Ши Лэ. Падение Лояна; взятие Чанъани хуннами. Восстание беженцев на юге Китая подавлено	Победа табгачей над хуннами; бегство «белых» сяньби к озеру Кукунор. Поход Ши Лэ к реке Хуай и ликвидация китайского правительства	Табгачам уступлена область Бинчжоу в сев. Шаньси за помощь в войне против хуннов

Синхронистическая таблица

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
112	Китайцы вытеснили хуннов из Чанъани	Разгром хуннов Лю Яо табгачами. Ши Лэ отбил нападение Дуани и заключил с ней мир.	Образование царства Тогона
113	Мин-ди вступил на престол в Чанъани. Образование княжества Лян (от Синина до Лянчжоу)	Муюн Хой нанес поражение Дуани. Нападение хуннов на Чанъань отражено китайцами	Табгачи овладели г. Чэнло и укрепились в сев. Шаньси
114	Отложено Ван Сюня, правителя Ючжоу	Ши Лэ захватил Ючжоу; Лю Яо разбит под Чанъанью	Хан Илу получил титул Дай-ван
115		Наступление хуннов на Чанъань отбито южно-китайскими войсками	
116	Сыма Жуй в Цзянькане взял власть в свои руки	Лю Яо взял Чанъань и пленил императора	Лусю, сын Илу, убил отца. Распря; ханом стал Юйлюй
117	Казнен император Мин-ли. Цзу Ти разбил Ши Ху в Хэнани	Хунны захватили западную часть Дуани	Хан табгачей Юйлюй завоевал степи до Лобнора и северо-западную Маньчжурию
118	Основана династия Восточная Цзинь на юге Китая. Сыма Жуй — император Юань-ди	Умер Лю Цун. Переворот Цзинь Чжуна. Лю Яо дал династии название Чжао. Союз Муюнов с Цзинь	
119	Цзу Ти повел наступление против Ши Лэ	Разрыв Лю Яо и Ши Лэ. Муюн Хой разгромил Юйвэнь и занял Ляодун	
120	Признание Муюна Хоя Великим шаньюем	Заговор и мятеж дисцев против Лю Яо подавлены амнистией	
121	Цзу Ти умер, и наступление китайцев на хуннов остановилось	Ляодун официально уступлен Муюну Хою	Юйлюй убит заговорщиками. Ханом стал Хэну
122	Отложилось от Китая царство Уду. Мятеж Ван Дуна		
123	Мин-ди вступил на престол	Ши Лэ объявил войну империям Цзинь и Чжао	

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
324	Подавлен мятеж Ван Дуна		
325	Китай потерял земли севернее реки Хуай	Ши Ху разбил войска Лю Яо под Лояном	Табгачский хан Хэну бежал от народа и умер; на престол возведен его брат Гэна
326	Сыма Янь вступил на престол (посмертный титул — Чэн-ди)		Табгачи утратили северные степи
328		Лю Яо разбил Ши Ху при Пуфане, но сам разбит под Лояном, взят в плен и казнен	
329		Разгром Старшей Чжао (хуннов)	Гэна бежал от народа в Юйвэнь. Возведен Ихуай, сын Юйлюя
330		Ши Лэ объявил себя императором Младшей Чжао	
333		Ши Лэ умер. Ши Ху, вырезав его родных и друзей, вступил на престол. Муюн Хой умер. Муюн Хуан вызвал восстание своего брата Муюна Жэнь в союзе с Дуань против себя	
334	Восточная Цзинь напала на Младшую Чжао	Повстанцы имели успех, но не развили его. Муюн Хуан отбил натиск дуаней и подчинил Ляодун	Гэна вернул престол. Ихуай бежал к Ши Ху
336		Муюн Хуан разбил и казнил своего брата	
337		Муюн Хуан принял титул Янь-ван	Ши Ху поставил ханом табгачей Ихуан
338		Ши Ху и Муюн Хуан разгромили Дуань	Хан Ихуай умер. Хан Шеигянь успокоил народ; он покорил степи до Джунгарии (южнее Гоби) и Северную Шаньси

Синхронистическая таблица

годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
39	Цзиньский генерал Юй Лян разбит хуннами в Хубэе	Муюн Хуан совершил поход на Корею	
40		Неудачный поход Ши Ху на Муюна Хуана	Шеигянь установил штат чиновников-китайцев
41	Цзинь признала царство Янь (Муюнов)		
42	Чэн-ди умер	Муюны разгромили Корею	
43	Сыма Ю вступил на престол (посмертный титул — Кан-ди)	Корея прислала дань Муюнам	
44	Кан-ди умер	Муюн Хуан покорил Юйвэнь	
45	Основание Ранней Лян. Сыма Дэ вступил на престол (посмертный титул — Му-ди)		
46		Война Младшей Чжао с восставшей Лян	
47	Диский князь Фу Хун собрал вокруг себя кочевников, поселившихся в Шэньси		
48		Муюн Хуан умер; на престол возведен Муюн Цзюнь	
49	Союз Лян с Муюнами. Восстание Фу Хуна	Восстание Лян Ду разгромлено Ши Ху умер, распри принцев	
50	Основание царства Цинь. Разгром Яо Сяна Фу Хуном. Отравление Фу Хуна генералом Ма Цзю. Взятие Чаньани Фу Цзянем I	Переворот Жань Миня; истребление хуннов в Младшей Чжао. Завоевание Дуани Муюном Цзюнем	
51	Фу Цзянь I вступил на престол в империи Цинь	Восстание хуннов против Жань Миня при поддержке Муюна Цзюня. Поражение хуннов	

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
352		Поражение и казнь Жань Миня. Создание сяньбийской империи Янь	
353	Инь Хао разбит Яо Сянем. В Лян умер Чжан Чжун-хо		Хиониты ворва- лись в Согдиану и столкнулись с Ираном
354	Поход цзиньцев на Цинь и отступление		
355	В Лян низложен Чжан Яо-лин, на престол вступил Чжан Цзо, вскоре убитый Чжан Хуай-цзинем		
356	Фу Цзянь I умер. Фу Шэн начал казни вельмож. Разгром Яо Сяна тангутами	Утрата Муюнами Лоя- на	Шапур II воюет на восточной гра- нице «с труднос- тями и не без по- терь»
357	Фу Шэн убит Фу Цзя- нем II		
358			Мир Ирана с хи- онитами
359			Образование орды Жужань
360	Ухуани и сяньбийцы поддались Фу Цзяню II, который выселил их за Китайскую стену	Муюн Цзюнь умер, на престол вступил Муюн Вэй	
361	Му-ди умер		Союз хана Шей- гяня с Лю Вэйчэ- нем
362	Сыма Пэй вступил на престол (посмертный титул — Ай-ди)	Неудачное наступле- ние Муюнов на Лоян	
363	В Лян убит царь Чжан Хуан-цзинь; вступил на престол Чжан Тянь-си		
365	Ай-ди умер	Муюны вернули Лоян	Отложение Лю Вэйчэня от таб- гачского ханства
366	Сыма И возведен на престол (посмертный титул — Ди И)	Муюны захватили бас- сейн реки Хуай и Шаньдун	

	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
100	Восстание тангутских князей против Фу Цзяня II; подавление и казнь их	Умер Муюн Ко — наставник царя	Разгром табгачами Лю Вэйчэня
109	Цзиньцы напали на муюнов и разгромлены	Бегство Муюна Чуя в Цинь. Война Фу Цзяня II против Муюнов; взятие Лояна	
110		Взятие Цзиньяна и разгром Муюнов. Конец империи Янь	
111	Военный переворот в Восточной Цзинь Сыма Ю возведен на престол (посмертный титул — Цзянь Вэньди) и умер		Неудачное покушение на хана Шеигяня Восстание в Балхе наместника Аршакида, разбившего персов, при поддержке хионитов
112	Возведен на престол Сыма Яо (посмертный титул — Сяо У-ди)		
113	Указ Фу Цзяня II против даосов		
116	Фу Цзянь II завоевал Лян и совершил интервенцию в Степь. И (племя) покорилось Цинь		Хан Шеигянь убит заговорщиками
117	Хуннские князья признали власть Фу Цзяня II	Лю Кучжэню подчинены восточные, а Лю Вэйчэню — западные табгачи	Табгачи покорены Фу Цзянем
118	Нападение Цинь на Цзинь — осада Саньяна		Восстание Аршакида подавлено эфталитами
119	Падение Саньяна и переход циньских войск за реку Хуай		
120	Основание военной школы в Цинь		

Хунны в Китае

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
381	Все инородцы, жившие в Китае (И), подчинились Цинь		62 среднеазиатских владетеля прислали посольства в Цинь
382	Подготовка Фу Цзянем войны против Цзинь		
383	Битва при Фэйшуй	Восстание сяньбийцев на реке Вэй против тангутов. Основание ими царства Западная Цинь	Теле перекочевали в северные степи. Поход тангутов в Западный край, взятие Кучи
384			Эфталиты появились в персидском войске при осаде Эдессы
385	Гибель Фу Цзяня II		Тоба Гуй возведен на престол с титулом Вэй-ван
386	Основана Младшая Лян. Основана Младшая Цинь. Цзиньцы заняли Лоян	Муюн Юн основал Западную Янь и разбил Фу Пэя, отошедшего в покинутый Лоян	
387	Тангуты выступили против тибетцев	Разгром Лю Сяна муюнами и табгачами	
388		Разрыв табгачей с Муюном Чуем	
389	Тибетец Яо Чан разбил тангута Фу Дэна		
391		Разгром Лю Вэйчэня Тоба Гуем. Резня. 30 тыс. хуннов бежали в Южный Китай	Поход Тоба Гуя на Жужань и покорение телеутов табгачами
392		Ликвидация Муюном Чуем орды «динлина» Ди Шао, который потом убит в Западной Янь	Кидани разбиты Тоба Гуем и бежали на север
393	Яо Чан умер, на престол Младшей Цинь вступил Яо Син	Еще 10 тыс. хуннов прикочевали в Южный Китай	Распря в Жужаньском каганате
394	Яо Син разбил тангутов окончательно. Конец Великой Цинь	Еще 15 тыс. хуннов пришли в Южный Китай. Муюн Чуй занял Западную Янь	Восстание жужаней против Тоба-Вэй

Синхронистическая таблица

	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
04		Война Тоба-Вэй против Муюнов-Янь. Победа табгачей	Переход жужаней на север от Гоби и союз хана Шэлуня с Яо Сином
06	Сяо У-ди убит. Возведен на престол Сыма И-дэ (посмертный титул — Ань-ди). Цзинь признали Уду суверенным государством	Разгром Муюнов. Тоба Гуй принял на службу китайских чиновников	Ли Гуан объявил себя императором Младшей Лян
07	Вступление на престол Ань-ди и мятеж Ван Гуна	Наступление табгачей остановлено Муюнами. Распри среди Муюнов. Тоба Гуй занял город Е	Хунны в Хэси отделились от Младшей Лян, создав свою Северную Лян. Сяньбийцы Туфа основали Южную Лян
08	Даосское восстание Сунь Тая и Сунь Эня	Тоба Гуй принял титул императора Северной Вэй; Муюн Дэ основал Южную Янь; Муюн Шэн взял власть в Поздней Янь	
09	Яо Син покорил Лоян и бассейн Хуанхэ	Тоба Гуй разбил жужаней и покорил телеутов	У Гу (Южная Лян) покорил верховья Хуанхэ и окрестности Синина
10			Основана Западная Лян
11			Уничтожена Младшая Лян, а земли захвачены хуннами
12	Сунь Энь разгромлен, но восстание продолжается. Мятеж Хуан Сюаня против временщика Сыма Даоцзы	Тоба Гуй разбил Яо Сина	
13	Хуан Сюань узурпировал престол Цзинь		Шэлунь напал на табгачей и отошел без потерь, уведя в Джунгарию пленных телеутов

Хунны в Китае

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
404	Лю Юй разбил Хуань Сюаня и истребил его род, после чего взял фактическую власть	В Тоба-Вэй создана система наследственных чинов	
405	Яо Син уступил Южному Китаю 12 областей и обратил свой народ в буддизм	В Южной Янь умер Муюн Дэ, на престол вступил Муюн Чао	
407	Фэн Ба взял власть в Поздней Янь	Хэлянь Бобо создал хуннское царство Ся	Разгром Южной Лян хуннами. Набег жужаней на табгачей
408		Хэлянь Бобо разбил войско Яо Сина	Южная Лян отбила наступление Яо Сина
409		Фэн Ба (китаец) основал Северную Янь. Убит Тоба Гуй, на престол Тоба-Вэй вступил Тоба Сэ	Набег жужаней на Тоба
410	Лю Юй разгромил повстанцев, наступавших на Цзянькан	Лю Юй уничтожил Южную Янь. Конец Муюнов. Тоба Сэ привлекает китайских крестьян на опустевшие земли	Набег жужаней на Тоба отражен. Шэлунь умер, ему наследовал Хулюй
411	Крестьянское (даосское) восстание подавлено	Хэлянь Бобо вторгся в Шэньси, разбил войска Яо Сина и переманил к себе его воинов	Жужани покорили Саяны и Баргу
412	Лю Юй подавил мятеж Лю И		
413		Китайцы в Тоба-Вэй обложены налогом	
414			Союз Хулюя с Фэн Ба. Южная Лян захвачена сяньбийцами Западной Цинь
415	Яо Син умер; на престол вступил Яо Хун	Набег жужаней на Тоба-Вэй	Датань захватил престол Жужани
416	Царство Уду напало на Позднюю Цинь		

	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
17	Лю Юй взял Чанъань и уничтожил Позднюю Цинь	В Тоба-Вэй бюрократизация: создано «Управление старшин шести аймаков»	
18	Удавлен император Ань-ди; на престол возведен его брат Гун-ди, но правит Лю Юй	Хэлянь Бобо взял Чанъань и уничтожил южнокитайскую армию	Война между Жужанью и Юебань. Основание царства киданей
19 20	Лю Юй взял власть, прекратил династию Цзинь и основал династию Сун		Мэн Сунь покорил Западную Лян и Гаочан
21	Удавлен Гун-ди	Табгачи в Тоба-Вэй обложены налогом	
22	Лю Юй умер. Сун признала Уду		
23	Тогон заключил союз с Сун против Тоба-Вэй. Мань (в Сычуани) подчинилась Тоба-Вэй	Вторжение табгачей в Хэнань и Шаньдун. Тоба Сэ умер; на престол вступил Тоба Дао	Западная Цинь подчинилась Тоба-Вэй
24	Шао-ди низложен и убит. Возведен Лю И-лун (посмертный титул — Вэнь-ди)	В Тоба-Вэй прибыло посольство из Турфана (Чеши)	Жужани разгромили столицу Тоба-Вэй
25	Танчаны вступили в союз с Тоба-Вэй	Хэлянь Бобо умер, передал престол Хэлянь Чану	Жужани разбиты и отогнаны табгачами
26	Чанъань захвачена табгачами	Набег табгачей на хуннов и отход с пленными	Северная Лян и танчаны заключили союз с Тоба-Вэй
27		Хунны осадили табгачей в Чанъани. Табгачи взяли ставку Хэлянь Чана, принудив снять осаду с Чанъани	Разгром кидаритов персами, а эфталитов — индусами
28		Хэлянь Чан попал в плен, его сменил Хэлянь Дин, который вернул Чанъань	
29			Юебань заключила союз с Тоба Дао против жужаней

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
430	Вторжение сунских войск в Хэнань и разгром их табгачами	Хэлянь Дин заключил союз с Сун, обещав поделить «Север» (Китай), а Тоба Дао — с Западной Цинь, теснимой хуннами Хэси. Династический переворот в Северной Янь; кровопролитие после смерти Фэн Ба	Сяньбийцы Западной Цинь вторглись в Шэньси, а их земли заняли тогонцы. Поход табгачей на жужаней и бегство жужаней. Умер хан Датань
431		Хэлянь Дин истребил 15 тыс. сяньбийцев Западной Цинь. Хэлянь Дин разбит тогонцами и пленен	
432		Хэлянь Дин выдан Тоба Дао и казнен	Мир Жужани и Тоба-Вэй
433	Восстание Уду против Сун и союз с Тоба-Вэй		
434	Китайцы выгнали удусцев из Ханьчжуна		
435			Брачный союз правителей Жужани и Тоба-Вэй. Умер Мэн Сунь; наследовал Мугань
436		Табгачи захватили Северную Янь	Шаньшань вступила в союз с Тоба-Вэй
437		Табгачское посольство в Срединную Азию	Отложился от Хэси Гаочан. Набег жужаней на Тоба-Вэй
438		Тоба Дао вернул в мир буддийских монахов моложе 50 лет	
439	Царство Уду подчинилось Тоба-Вэй	Тоба Дао завоевал Хэси	Жужани отбили нападение табгачей
440		Тоба Дао провозгласил даосизм официальной религией. Нанесено поражение нападшим жужаням	Хунны держатся в Дуньхуане и воюют против Шаньшани

Синхронистическая таблица

Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
<p>1 Война между Уду и Сун из-за Сычуани</p> <p>2 Сун завоевала Уду</p> <p>3 Тоба-Вэй освободила Уду</p>	<p>Казни в Тоба-Вэй</p> <p>Указ Тоба Дао о преследовании буддизма.</p> <p>Война с Тогоном</p>	<p>Вторжение Ухой в Хэси</p> <p>Ухой взял Гаочан</p> <p>Ухой овладел Шаньшанью и разграбил Чэши</p> <p>Поход табгачей на Жужань.</p> <p>Умер Ухой, вступил на престол Аньчжоу</p> <p>Умер жужаньский хан Уди. Тогонцы бежали на запад и взяли Хотан, потом вернулись на родину</p>
<p>6 Восстание Уду против Тоба-Вэй подавлено</p>	<p>Уничтожение буддийских кумирен</p>	<p>Окончательное завоевание Хэси табгачами</p> <p>Посольство Юебани в Тоба-Вэй</p>
<p>9 Рейд сунских войск в долину реки Вэй</p> <p>10 Сунцы отстояли крепость Хун, вынудив табгачей отступить</p> <p>11 Сунцы взяли крепость Гаонао, вырезали гарнизон и ушли</p>	<p>Вторжение табгачей в империю Сун</p> <p>Табгачи дошли до Янцзы и отступили</p>	<p>Поход табгачей на Жужань</p> <p>Персы потеснили кидаритов</p>
<p>12</p>	<p>Тоба Дао убит Цзун Аем; Цзун Ай убил Тоба Ю, но схвачен и казнен. На престол возведен Тоба Сюнь; указ против буддизма отменен</p>	<p>В Тогоне умер Мулиянь, на престол вступил Шилунь, союзник Тоба-Вэй</p>
<p>13 Вэнь-ди убит; на престол возведен Лю Цзюнь (посмертный титул — Сяо У-ди)</p>		
<p>14</p>		<p>Кидариты разбили персов</p>

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
455			Союз эфталитов с кидаритами против Индии и Ирана
456			Табгачи заняли Хами. Эфталиты изгнаны из Индии
457			Эфталитская интервенция в Иран для поддержки Пироза
458	Указ об ограничении прав буддийских монахов	Закон о запрещении винокурения	Поход табгачей на Жужань безрезультатен
459			Поход эфталитов на абаров (в Семиречье)
460			Гаочан взят жужанями. Конец хуннов
461			Абары потеснили сабиров, сабиры — сарагуров, урогов и оногуров, которые заключили союз с Византией
462			Сарагуры подчинили акациров
464			Умер хан Жужани Тухэчжэнь, на престол вступил Юйчэн
465	Сяо У-ди умер. Возведен на престол и убит Лю Цзы-е; на престол возведен Лю Юй (посмертный титул — Мин-ди)	Умер Тоба Сюнь. Закон против винокурения отменен. Тоба Хун I возведен на престол	Персы повели наступление на кидаритов
466	Удачное восстание в Уду против табгачей	Табгачи завоевали северный берег реки Хуай и соорудили гигантскую статую Будды	Последнее сопротивление гуннов (европейских) болгарам, византийцам и гелидам

Синхронистическая таблица

	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
9	Крестьянское восстание в Чжэцзяне	Табгачи завоевали Шаньдун	Окончательный разгром гуннов. Персы выгнали кидаритов в Индию
10	Мин-ди умер. Возведен на престол Лю Юй (посмертный титул — Цан У-ван или Хоу Фэй-ди)	Табгачи разгромили жужаней и Тогон Отречение Тоба Хуна I в пользу пятилетнего сына Тоба Хуна II Набег жужаней	Жужани разграбили Хотан
11		Набег тогонцев	Эфталиты выгнали хионитов из Согда, распространились до Каспийского моря и захватили северо-западную Индию
12	Уду поддалась Тоба-Вэй. Союз Сун и Жужани	Набег жужаней на Наньшань отбит	Жужаньский хан Юйчэн представил дань Тоба-Вэй
13		Запрещение приносить в жертву коней и быков	
14	Хоу Фэй-ди убит. Возведен на престол Лю Чжунь (посмертный титул — Шуань-ди)	Отравлен отрекшийся царь Тоба Хун I	
15	Низвержение династии Сун и установление династии Ци (Сяо Дао-Чэн; посмертный титул — Гао-ди)	Восстание в Уду против Тоба-Вэй подавлено	Киданьский хан стал данником Тоба-Вэй
16	Царство Уду поддалось Ци	Вторжение северян в долину реки Хуай отражено	Татабы покорились Тоба-Вэй, приняты и поселены
17			Умер тогонский царь Шэинь, на престол вступил Дунхоу и умер, передав престол Фуляньчоу

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
482	Император Гао-ди умер	Тоба Хун II впервые совершил церемонию поклонения предкам	
483	Вступил на престол Сяо Чжэ (посмертный титул - У-ди)		Телеуты захватили Гаочан, но изгнаны местными жителями
484		Налоговая реформа	Победа эфталитов над Ираном; гибель Пероза
485	Крестьянское восстание в Чжэцзяне и Цзянсу	Указ, запрещающий магию как противоречащую классическим книгам	Умер хан Жужани Юйчэн, возведен на престол Доулунь
486		Введение китайских мод при дворе	Тогонцы напали на тибетцев в Амдо
487		Засуха, голод, эпидемии	Телеуты восстали против Жужани. Переход их в долину Черного Иртыша
488			Телеуты уничтожили Юебань
490		Смерть императрицы-регентши; Тоба Хун II принял власть	Попытка телеутов заключить союз с Вэй против Жужани неудачна
491		Религиозная реформа, запретившая даосизм Вторжение в Жужань. Усмирение Тогона	Телеуты разделились на северных и южных
492			Хан Жужани Доулунь убит; возведен на престол Нагай и умер, передав престол Футу
493	У-ди умер. Возведен на престол Сяо Чжао-я, который убит, и возведен на престол Сяо Чжао-вэнь, который убит, и возведен на престол Сяо Лунь (посмертный титул — Мин-ди)	Война против империи Ци	

Синхронистическая таблица

Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
491	Перенос столицы в Лоян. Неудачное вторжение в долину реки Хуай и отступление	Эфталитская интервенция в Иране
496	Запрещение сяньбийского языка, одежды и прически (косы) Усмирено восстание татабов. Переименование династии в Юань-Вэй. Казнь наследника — противника реформы	Эфталиты разгромили южных телеутов Эфталиты покорили северных телеутов
497	Поход вэйских войск на Уду и поражение тангутов	Эфталиты захватили Карашар. Гаочан поддался Жужани
498	Мин-ди умер. Возведен на престол Сяо Бао-гуань	
499	Зверства императора Сяо Бао-гуаня	Война болгар против Византии началась
500	Переворот в империи Ци; осада дворца	Гаочан расторг союз с Жужанью
501	Убийство Сяо Бао-гуаня. Конец династии Ци	
502	Основание династии Лян. Сяо Янь (посмертный титул — У-ди)	
504	Буддизм объявлен государственной религией	
505	Завоевание Ханьчжуна	Жужаньский хан Футу просил
506	Покорение Уду	мира у Юань-Вэй
507	Вторжение вэйских войск в долину рек Хуай и Янцзы отражено	

Хунны в Китае

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Средняя Азия
508			Телеуты разбили жужаней; хан Фути погиб
509			Вступил на престол Чэуну
510			Эфталиты проигрели войну в Индии
511			Жужаньский хан
512			Чэуну обратился к буддизму
515		Умер Юань (Тоба) Ко. Регентство императрицы Ху Ши	
516	Нападение лянцев на вэйскую крепость Цзетун отбито	Наступление вэйцев на юг удачно	Жужани разбили телеутов
517	Указы Лян У-ди в пользу буддизма		Посольство эфталитов в Лян
518		Регентша Ху Ши объявила буддизм государственной религией	Империя Юань-Вэй признала княжество Гаочан
520		Арест регентши принцем Тоба И, взявшим власть	Переворот в Жужани: Чэуну убит, распря братьев хана.
521			Жужани разбиты телеутами и бежали в империю Юань-Вэй
523		Восстание Хань Ба-лина в северной Шаньси	Жужани убежали из Китая
524		Жужани разбили Ба-лина	Жужани разбили телеутов
525		Ху Ши вернула власть и казнила Тоба И. В Шаньси отложились «горные ху», вождем которых принял титул — хан	Тогон отложился от империи Юань-Вэй
526	Лянцы отняли у Вэй г. Шоюан		

Синхронистическая таблица

Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
	<p>Восстание Гэ Жуна в Хэбэе. Эрчжу-Жун разбил Гэ Жуна</p> <p>Ху Ши отравила сына и возвела на престол трехлетнего внука. Эрчжу-Жун взял Лоян и утопил императрицу с внуком. Казнены вельможи империи Юань-Вэй. Возведен на престол Тоба Цзи-ю</p> <p>Восстание принца Юань Хао разгромлено Эрчжу Жуном</p>	
	<p>Эрчжу Жун заманен во дворец и убит. Его брат Эрчжу Шилунь взял Лоян, казнил убийц и возвел на престол Тоба Хуа</p>	<p>Вторжение двух болгарских ханов в Византию</p>
	<p>Эрчжу Шилунь сменил царя. Гао Хуань разбил Эрчжу Дао и провозгласил царем Тоба Лана</p>	
	<p>Гао Хуань взял Лоян и возвел на престол Тоба Сю</p>	
	<p>Гао Хуань казнил трех низложенных царей и истребил род Эрчжу</p>	<p>Византия вернула Боспор</p>
	<p>Тоба Сю бежал в Чанъань к Юйвэнь Таю. Гао Хуань возвел на престол Тоба Шань-цзяня. Разделение империи на Западную и Восточную Вэй. Юйвэнь Тай отравил Тоба Сю и возвел на престол Тоба Бао-цзюе</p>	<p>Война жужаней с телеутами</p>

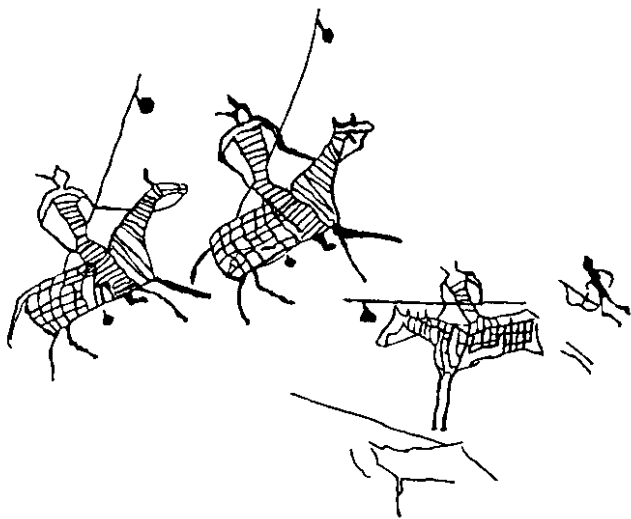
Хунны в Китае

Годы	Китай	Зона контакта (хунны и сяньби)	Срединная Азия
536— 537 538	Голод, погубивший 80% населения Север- ного Китая	Война между Западной и Восточной Вэй	Война жужаней с телеутами
541			Покорение теле- утской державы жужанями
542 545	Гао Хуань стеснил Юйвэнь Тая	Жужань и Тогон — в союзе с Гао Хуанем	Восстание телеу- тов. Покорение телеутов тюркю- тами
546		Посольство тюркютов в Западную Вэй	Посольство от эфталитов в За- падную Вэй
547	Гао Хуань умер. Вос- стание Хоу Цзина	Хоу Цзин, передав- шись Западной Вэй, изменил ей в пользу Лян	Конфликт Бумы- на, князя тюркю- тов, с Анахуанем, ханом жужаней
549	Хоу Цзин предал Лян и сжег Цзянькан		
550	Основание Бэй Ци; казнь членов рода Тоба		
551			Брачный союз Бу- мына с царевной Западной Вэй
552	Гибель Хоу Цзяна. Возрождение Лян		
553	Бэй Ци победила ки- даней	Посольство от эфтали- тов в Западную Вэй	Восстание тюр- кютов против жу- жаней. Бумын умер. Разгром Жужаньского ка- ганата
554	Образование царства Младшая Лян, зави- симого от Западной Вэй	Вторжение войск За- падной Вэй в Южный Китай для поддержки Младшей Лян	Поход тюркютов на запад до Арала

ГЕГЕМОН АЗИИ

Этносы в Азии и Европе

КАМБУЛА

Средствующим звеном между гуманитарным источниковедением и исторической географией является учение об этногенезе: возникновении и исчезновении этносов, процессах, протекающих в тех или иных пространственных регионах в определенные отрезки исторического времени, то есть времени, исчисляемого событиями, находящимися в причинно-следственной связи.

Историко-географический подход позволяет дать объяснение тем событиям, которые ранее не поддавались интерпретации и часто оставались без того внимания, которого они заслуживали. Такова судьба этноса «хун», существовавшего с III века н.э. по X век и оставившего после себя разнообразные остатки в составе тюрко-монгольских этносов.

Выбор сюжета не случаен. Закономерность взаимодействия этноса и ландшафта особенно наглядна в экстремальных условиях, так же как и столкновения этносов с разнообразными типами культуры и хозяйства. Центр тяжести нашего исследования лежит в выявлении связи между развитием хуннской имперской державы и резкими климатическими колебаниями, и прежде всего великой засухой III века, превратившей на время степную зону в полупустыню¹. Цель работы и вывод ее таков: если бы тюркские этносы — хунны были носителями полностью оригинальной культуры, союзниками древних славян — восточных германцев, то стремление принизить их неправомочно.

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

Посредине Евразийского континента, от Уссури до Дуная, тянется Великая степь, окаймленная с севера сибирской тайгой и с юга — горными хребтами. Эта географическая зона делится на две части, не похожие друг на друга. Восточная называется Внутренней Азией; в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири ее отделяют хребты Саяно-Алтайский, Хамар-Дабан и Яблоновый, от Тибета — Куньлунь и Наньшань, от Китая — Великая степь, проведенная между сухой степью и субтропиками Северного Китая, а от западной части — горный Алтай, Тарбагатай, Саур и Западный Тянь-Шань. Западная часть Великой степи включает не только нынешний Казахстан, но степи Причерноморья и даже — в отдельные периоды истории — венгерскую пушту.

С точки зрения географии XIX века, эта степь — продолжение восточной степи, но на самом деле это не так, ибо при этом не учитывается характер движения воздушных масс², атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи. Циклоны Атлантики доносят влагу до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной. Над Монголией висит огромный антициклон, не пропускающий влажных западных ветров. Он прозрачен, и через него легко проходят солнечные лучи, раскаляющие поверхность земли. Поэтому зимой здесь выпадает мало снега, и травоядные животные могут разгребать его и добывать корм — сухую калорийную траву. Весной раскаленная почва размывает нижние слои воздуха, благодаря чему в западную степь вторгается влажный воздух из Сибири, а на юге — тихоокеанские муссоны. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных кормом на весь год. А там, где сыт скот процветают и люди. Именно в восточной степи создавались могучие державы хуннов, тюрок, уйгуров и монголов.

А на западе степи снежный покров превышает 30 см и, хуже того, во время оттепелей образует очень прочный наст. В результате скот гибнет от бескормицы. Поэтому скотоводы вынуждены на лето, обычно сухое, гонять скот на горные пастбища — джейляу, что делает молодежь, а старики заготовляют на зиму сено. Даже половцы имели свои постоянные зимовки, но есть оседлые поселения, и потому находились в зависимости от русских князей, ибо, лишённые свободы передвижения по степям, они не могли уклоняться от ударов регулярных войск. Во

в западной части Великой степи сложился иной быт и общественное устройство, нежели в восточной³.

Циклоны и муссоны иногда смещают свое направление и с юга по степи, а по лесной зоне континента, а иногда даже с севера, то есть по тундре. Тогда узкая полоса каменистой тундры и Гоби и пустыня Бет-Пак-дала расширяются и отступают на север, а следовательно, и фауну на север, к Сибири, и на Китай. Вслед за животными уходят и люди «в поисках корма и травы»⁴, и этнические контакты из плодотворных становятся случайными. За последние две тысячи лет великая засуха опустошила Великую степь трижды: во II—III веках, в X и XVI веках и каждый раз степь пустела, а люди либо рассеивались, либо погибали. Но как только циклоны и муссоны возвращались на привычные пути, трава одевала раскаленную почву, животные кормились ею, а люди обретали снова привычный быт и жилище.

Триединые стихийные бедствия не влияли ни на социальное развитие, ни на культуру, ни на этногенез. Они воздействовали только на хозяйство, а через него — на уровень мощи коалиции, ибо те слабели в экономическом и военном отношении, но восстанавливались, как только условия жизни возвращались к оптимальным. Но это не означает, что в Великой степи не было никаких государственных перемен. Народы развивались не менее бурно, чем в земледельческих районах Западной Азии и Востока. Социальные сдвиги были, хоть и не такие, как на европейские, но не менее значительные, а этногенез шел по той же схеме, как и во всем мире. Кочевники Великой степи сыграли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем европейцы и китайцы, египтяне и персы, ацтеки и индейцы. Только роль их была особой, оригинальной, как, впрочем, и у каждого этноса.

История до хуннов

Ни одной страны, где бы со времен палеолита не сменилось несколько раз население. И Монголия — не исключение. Во время ледникового периода она была страной озер, окаймленных густыми зарослями и окруженных цветущей степью. Горы Хамар-Дабана и восточных Саян давали столь много воды, что на склонах Хэнтея и монгольского Алтая росли густые леса. Кое-где они сохранились поныне, пережив не-

сколько периодов жестоких усыханий степной зоны евразийского континента, погубивших озера и придавших монгольской природе ее современный облик.

Тогда среди озер и лесов в степи паслись стада мамонтов копытных, дававших пищу хищникам, среди которых первое место занимали люди верхнего палеолита. Они оставили в томкам схематические изображения животных на стенах пещер и утесов. Великая степь, простиравшаяся от реки Хуанхэ почти до берегов Ледовитого океана, была населена самыми различными племенами. Здесь охотились на мамонтов высокорослые европеоидные кроманьонцы, широколицые, узкоглазые монголоиды Дальнего Востока и даже американоиды, видимо, пересекавшие Берингов пролив и доходившие до Минусинской котловины⁵.

Так было в течение тех десяти тысячелетий, пока ледник не регрессировал дорогу Гольфстриму и теплым циклонам с Атлантики. Пока он наращивал свой западный край, передвигался Таймыра (18 тыс. лет до н.э.) в Фенноскандию (12 тыс. лет до н.э.), откуда сполз в Северное море и растаял, его восточный край таял под лучами солнца, пропускаемыми антициклонами. С тающего ледника стекали ручьи, которые орошали степи примыкавшие к леднику, наполняли впадины, превращая их в озера, и создавали тот благоприятный климат, в котором расцветала культура верхнего палеолита.

Но как только ледник растаял и циклоны прорвались на восток по ложбине низкого давления, пошли дожди и снежные пады, а от избытка влаги выросли леса, отделившие северную степь — тундру, от южной — пустыни. Мамонты и быки не могли добывать корм из-под трехметрового слоя снега, и в месте степи появилась тайга. А на юге высохли озера, побились травы, и каменистая пустыня Гоби разделила Монголию на Внешнюю и Внутреннюю. Но в I тыс. до н.э. эта пустыня была еще не широка и проходима даже при тех несовершенных средствах передвижения: на телегах, запряженных волами, где колеса заменяли катки из стволов лиственницы, просверленные для установки осей.

Накануне исторического периода — во II тыс. до н.э. — племена, жившие севернее Гоби, уже перешли от неолита к бронзовому веку. Они создали несколько очагов разнообразных культур, существовавших одновременно и, очевидно, взаимодействовавших друг с другом. Оказалось, что в Минусинской

ные археологические культуры не следуют одна за другой, революционно сменяя друг друга, а сосуществуют⁶.

Вместо тем же датировкам, переселение предков хуннов с южной окраины Гоби на северную совершилось не во II, а в X в. до н.э. и тем самым связывается с образованием империи породившей античный Китай и впоследствии знаменитую агрессию. А эти грандиозные события, в свою очередь, сопоставимы с началом скифского этногенеза, последние фазы которого описаны Геродотом⁷. Итак, рубеж доисторических периодов и исторических эпох падает на X век

до н.э. в распоряжении ученых, кроме радиоуглеродных дат, остались имена народов, ранее называвшихся условно, по названию археологических находок или по искаженным чтениям китайских иероглифов, которые в I веке до н.э. произносятся не так, как сейчас. И оказалось, что вместо «пазы» следует говорить «юэчжи», и затем было доказано, что «юэчжи» произносятся «согдой», то есть согды. Тагарцы — древнее историческое имя — динлин, сюнну — хунны, тоба — тибетцы, сяньби — сибирь, ту-кю — тюркюты. Только слово «юэчжи» пришлось сохранить, ибо его правильное звучание перешло на жителей Средней Азии, которых позже стали называть китайцами.

Несмотря на все успехи науки, связанная история народов степей может быть изложена начиная с III века до н.э., племена Монголии были объединены хуннами, а полуостровные скифы Причерноморья сменены сарматами. Тогда возникла могучая держава Средней Азии — Парфия и был открыт Великий Шелковый путь. С этого времени можно осмыслить этническую историю Евразийской степи.

Для того чтобы последующий исторический анализ и этнографический синтез были успешны, напомним еще раз, что помимо вести повествование на заданном уровне. Это означает, что там, где требуется широта взгляда, например, для выяснения судьбы этноса или суперэтноса (системы из нескольких этносов), мелкие отличия не имеют значения. Выбор определяющей задачей. Нам нужно охватить промежуток времени между I в. до н.э. и I в. н.э., Великую степь и сопредельные страны — последние рубежи контроля и пополнения информации.

ХУННУ И ФАЗА ПОДЪЕМА КОЧЕВОГО МИРА

Нет, не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как и люди имеют отца и мать. Этнические субстраты — компоненты возникающего этноса в момент флуктуации энергии живого вещества биосферы сливаются и образуют единую систему — новый, оригинальный этнос, обретающий в этом слиянии целостность, созидающую свою, опять-таки оригинальную культуру. Момент рождения этноса хунну связан с переходом племени хяньюнь и хунюй с южной окраины пустыни Гоби на северную и слиянием их с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру. Имя этноса, создавшего культуру плиточных могил⁸, украшенных изображениями оленей, солнечного диска и оружия, не сохранилось, но нет сомнения в том, что этот этнос наряду с переселенцами с юга был компонентом этноса хунну или хуннов, относящегося к палеосибирскому типу монголоидной расы⁹.

В IV веке до н.э. хунны образовали мощную державу — племенной союз 24 родов, возглавляемый пожизненным президентом (шаньюем) и иерархией племенных князей «правых» (западных) и «левых» (восточных). Новый этнос всегда богаче, мощнее, нежели старые, составившие его: хуннам предстояло великое будущее.

Не только хунны, но и их соседи оказались в ареале толчка IV—III веков до н.э., на этот раз вытянутого по широте Маньчжурии до Согдианы. Восточные кочевники, предки сяньбийцев (древних монголов), подчинили себе хуннов, а согдийцы (юэцжи), продвинувшись с запада, из Средней Азии, до Ордоса, обложили хуннов данью. На юге Срединная равнина была объединена Цинь Ши-хуанди, который вытеснил хуннов из Ордоса в 214 г. до н.э., лишив их пастбищных и охотничьих угодий на склонах хребта Иньшань и на берегах Хуанхэ. А хуннский шаньюй Тумань готов был на все уступки соседям, лишь бы они не мешали ему избавиться от старшего сына Модэ. Он передал престол младшему сыну.

Тумань и его сподвижники были людьми старого склада степными обывателями. Но среди молодых хуннов уже появилось пассионарное поколение, энергичное, предприимчивое патриотичное. Одним из таких новых людей и был Модэ. Он отдал его в заложники согдийцам и произвел на них набег, что

они убили его сына. Но Модэ похитил у врагов коня и бегемота своим. Под давлением общественного мнения Тумань был вынужден дать ему отряд в 10 тыс. семей. Модэ установил в своем войске крепкую дисциплину и произвел переворот, в результате которого погибли Тумань, его жена и младший сын (209 г. до н.э.). Модэ, получив престол, разгромил восточных соседей, которых китайцы называли «дунху», отвоевал у китайцев Орхосесниел согдийцев на запад и покорил саянских динлинов чиков. Так создалась могучая держава Хунну, население которой достигло 300 тыс. человек¹⁰.

В то время в Китае продолжалась гражданская война, которая унесла две трети населения, пока крестьянский вождь Цинь не покончил со всеми соперниками и не провозгласил империю Хань в 202 г. до н.э.

Военные силы Китая, даже после потерь в гражданской войне, превосходили силы хуннов. Однако в 200 г.

Модэ победил Лю Бана и заставил его заключить «договор о родстве»: китайский двор выдавал за варварского царевича и ежегодно посылал ему подарки, то есть замаскированную дань.

Хунны не только венценосцы, а и все хуннские воины стремились иметь шелковые халаты для своих жен, просо для печенья, и другие китайские лакомства. Система постоянных набегов оправдывала себя, гораздо легче было наладить пограничную меновую торговлю, от которой выигрывали и хунны, и китайское население. Но при этом проигрывало ханьское правительство, так как доходы от внешней торговли не попадали в казну. Поэтому империя Хань запретила прямой обмен на границах. В ответ на это хуннские шаньюи, преемники Модэ, отвечали набегами и потребовали продажи им китайских товаров по двойным ценам, ведь всех богатств Великой степи не было бы для эквивалентного обмена на ханьских таможенных, а необходимость получать доход на оплату гражданских и военных чиновников требовала повышения цен.

В сложном положении оказались кочевые тибетцы области Амдо¹¹. До гражданской войны западную границу империи Хань охраняли недавние победители — горцы западного Шэньси. Поражения от повстанцев унесли большую часть некогда имевшего войска. Мало помогла обороне и Великая китайская стена. Для того чтобы расставить по всем ее башням достаточные гарнизоны и снабжать их провиантом, не хватило бы ни

людей, ни продуктов всего Китая. Поэтому ханьское правительство перешло к маневренной войне в степи, совершая набег на хуннские кочевья, еще более губительные, чем те, которые переносили китайские крестьяне от хуннов и тибетцев.

Почему так? Ведь во II—I веках до н.э. в Китае бурно шли процессы восстановления хозяйства, культуры, народонаселения. К рубежу новой эры численность китайцев достигла почти 59,6 млн человек¹². А хуннов по-прежнему было около 300 тыс., и, казалось, силы хуннов и империи Хань несоизмеримы. Так думали правители Китая и их советники. Однако сравнительная сила держав древности измеряется не только числом жителей, но и фазой этногенеза или возрастом этноса. Китай переживал инерционную фазу (преобладание трудолюбивого, но отнюдь не предприимчивого обывателя), ибо процесс этногенеза в Китае начался еще в IX веке до н.э. Поэтому армиям там вынуждены были комплектовать из преступников («молодых негодяев») и пограничных племен, для коих Китай был убогим нетателем. И хотя у Китая были прекрасные полководцы, боевая способность армии была невелика.

Хунны же находились в фазе этнического становления, пассионарного подъема. Понятия «войско» и «народ» у них совпадали. Поэтому с 202 до 57 г. до н.э., несмотря на малочисленность, хунны сдерживали ханьскую агрессию. И только ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против хуннов окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволила империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Рост пассионарного напряжения в этнической системе был готовлен для нее лишь до определенной степени. После фазы подъема наступает «перегрев», когда избыточная энергия разрывает этническую систему. Наглядно это выражается в междоусобных войнах и расколе на два-три самостоятельных этноса. Раскол — процесс затяжной. У хуннов он начался в середине I века до н.э. и закончился к середине II века. Вместе с единством этноса была утрачена значительная часть его культуры, даже исконная территория — монгольская степь, захваченная во II веке сяньбийцами (древними монголами), а потом табунами и жужанями.

И тогда хунны разделились на четыре ветви. Одна подчинилась сяньбийцам, вторая поддалась Китаю, третья, «неукротимые», отступила с боями на берега Яика и Волги, четвертая

«малосильные», укрепились в горах Тарбагатай и Саура, а потом перешли в Семиречье и Джунгарию. Эти последние оказались более долговечными. Они частью смешались на Алтае с кочевниками и образовали этнос куманов (половцев), а частью перешли в Китай и основали там несколько царств, доживших до нашей эры (вернувшиеся назывались «тюрки-шато», а их потомки — слились с монголами в XIII веке).

Кризисная фаза этногенеза, или пассионарный перегрев социальной системы, иногда служит спасению этноса в кризисной ситуации, а иногда ведет его к крушению, потому что консолидация всех сил для решения внешних задач легко достигается.

Пассионарное напряжение разорвало хуннский этнос на две группы. На юг, к Великой китайской стене, ушли поборники родового строя, наиболее консервативная часть хуннского общественного правительства охотно предоставило им возможность поселиться в Ордосе и на склонах Иньшаня, так как это было в их интересах в качестве союзных войск против северных хуннов. Поскольку китайцы не вмешивались в быт хуннов, те сохранили родовой строй и старые обычаи. Но это не устраивало молодых людей, особенно дальних родственников, которые не могут выдвинуться, так как все высшие должности принадлежали по родовому старшинству. Пассионарным удалцам не хотелось делать в Южном Хунну, и они едут на север в поисках новых просторов и военной добычи.

Северные хунны после поражения закрепились на рубеже Тарбагатай, Саура и Джунгарского Алатау и продолжали войну с Китаем с переменным успехом до 155 года. Окончательный удар был нанесен им сяньбийским вождем Таншихаем, после чего хунны переместились снова: 200 тыс. «малосильных»¹³ попрятались в ущельях и оврагах Тарбагатай и бассейна Черного Иртыша. Там они пережили опасность и впоследствии завоевали Семиречье. В конце III века они образовали там новую хуннскую группу — Юебань. А «неукротимые» хунны отступили на запад и в 158 г. достигли Волги и Нижнего Дона. О прибытии их в Европу упоминает античный географ Дионисий Периегет, а потом о них упоминает Птолемей на 200 лет.

Как было показано, что хуннов в I веке до н.э. было 300 тысяч человек. Прирост их численности за I—II века был очень большим, так как они все время воевали. Правда, добавились захваченные племена — кулы, особенно при Ван Мане и экзекуциях, пос-

ледовавших за его низвержением. В III веке в Китае насчитывалось 30 тыс. семей, то есть около 150 тыс. хуннов, а «мало-мало сильных» в Средней Азии было около 200 тысяч. Так сколько же могло уйти на запад? В лучшем случае 20—30 тыс. воинов без жен, детей и стариков, неспособных вынести отступление по чужой стране, без передышек, ибо сяньбийцы преследовали хуннов и убивали отставших.

Этот отход затянулся на два с лишним года, пока хунны оторвались от преследователей и не нашли покой в Волжско-уральском междуречье. За это время было пройдено по прямой 2600 км, а если учесть неизбежные зигзаги, то вдвое больше. Нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, за этот срок на столь огромное расстояние не могла быть осуществлена. К тому же приходилось вести арьергардные бои, где погибли семьи уцелевших воинов. И уж, конечно, мертвых хоронили, так как на пути следования хуннов «остатков палео-сибирского типа почти нигде найдено не было, за исключением Алтая»¹⁴. На запад в 155—158 гг. ушли только наиболее крепкие и пассионарные вояки. Это был процесс отбора, проведенный в экстремальных условиях, по психологическому складу, с учетом свободы выбора своей судьбы. Он-то и повел к расколу хуннского этноса на четыре ветви.

Во II веке миграций в Восточную Европу было две: готы около 155 г. из «острова Скандзы» перебрались в устье Вислы, после чего дошли до Черного моря¹⁶, и хунны — из Центральной Азии в 155—158 гг.¹⁷ достигли берегов Волги, где вошло в соприкосновение с аланами. Ситуация в степях Прикаспия и Причерноморья изменилась радикально и надолго. Но если история готов, граничивших с Римской империей, является относительно известной, то история хуннов с 158 по 350 г. совершенно неведома. Можно лишь констатировать, что за 200 лет они изменились настолько, что стали новым этносом, который принято называть «гунны»¹⁸.

Согласно принятому нами постулату — дискретности этнической истории — мы должны, даже при размытости начальных дат, считать середину II века за исходный момент этнической истории региона. Общий исход событий легко восстановить методом интерполяции, что уже в значительной степени сделано. И хотя гунны находятся в центре нашего внимания, начнем анализ с их окружения: готов, римлян и ранних христиан, в I веке создавших Византию.

Римская империя во II веке еще была страной вполне благополучной, а в III веке уже превратилась в поприще убийств и грабежей, в IV веке сменила даже официальную религию и в V—VI веках пережила смену культуры. Иначе говоря, в 192—193 гг. произошла смена фаз этногенеза: инерция древнего толчка сломалась и заменилась фазой обскурации. Христианские общины росли, крепились, множились и ветвились. Так бывает лишь тогда, когда пассионарный толчок зачинает новый процесс этногенеза. Хотя попытка христиан гальванизировать Западную Римскую империю не дала положительных результатов, этносы, порожденные этим толчком, в том числе готы, обрели новую энергию и находились в фазе пассионарного подъема. А гунны?..

ПРОБЛЕМА И ЗАДАЧА

Какие гунны и каково их соотношение с азиатскими хунну? Невозможно, оба эти народа были по культуре далеки друг от друга. Однако К.А.Иностранцев, отождествивший их¹⁹, был прав, исключением даты перекочевки (не IV, а II в.). Американский историк О.Мэнчен-Хелфен²⁰ сомневался в тождестве гуннов и хуннов напрасно, ибо его возражения (неизвестность местонахождения хуннов и гуннов, невозможность доказать факт перехода хуннов на Волгу, несходство искусства тех и других) легко опровергаются при подробном и беспристрастном разборе обихода и культуры II—V веков.

Современная наука ставит перед нами уже не эту загадку, а другую: каким образом могло получиться, что немногочисленный пассионарный этнос создал огромную державу, развалившуюся спустя 100 лет, да так основательно, что от самого этноса осталось лишь имя? Этнология как самостоятельная наука²¹ в сочетании с традиционной фактографией помогает в поисках решения этой задачи.

ПЕРВЫЕ ВОПРОСЫ

Первый вопрос возникает первое недоумение: в синхроническом разрезе гунны были не более дики, чем европейские варвары, то есть германцы, кельты, кантабры, лузитаны, иллирийцы, даки, да и большая часть эллинов, живших в Этолии, Аркадии, Фессалии, Эпире, короче говоря, все, кроме афинян, коринфян и римлян. Почему же имя «гунны» (хунны, переселившиеся в Ев-

ропу) стало синонимом понятия «злые дикари»? Объяснять это просто тенденциозностью нельзя, так как первый автор, описавший гуннов, Аммиан Марцеллин, «солдат и грек»²², был историком добросовестным и осведомленным. Да и незачем ему было выделять гуннов из числа прочих варваров, ведь о хионитах он ничего такого не писал, хотя и воевал с ними в Месопотамии, куда их привели персы как союзников. С другой стороны, китайские историки Сыма Цянь, Бань Гу²³ и другие писали о хуннах с полным уважением и отмечали у них наличие традиций, способности к восприятию чужой культуры, наличие людей с высоким интеллектом. Китайцы ставили хуннов выше, чем сянбийцев, которых считали примитивными, одновременно признавая за ними большую боеспособность и любовь к не зависимости от Китая и от хуннов²⁴.

Кто же прав, римляне или китайцы? Не может же быть, что те и другие ошибаются. А может быть, правы и те и другие, только вопрос надо поставить по-иному? А была ли у хуннов самостоятельная высокая культура или хотя бы заимствованная?

Первая фаза этногенеза, как правило, не создает оригинального искусства. Перед молодым этносом стоит так много неоглаженных задач, что силы его находят применение в войне, организации социального строя и развитии хозяйства. Искусство же обычно заимствуется у соседей или у предков, носителей былой культуры распавшегося этноса. И вот что тут важно. Искренняя симпатия к чужому (ибо своего еще нет) искусству лежит в глубинах народной души, в этнопсихологическом складе, определяющем комплиментарность, положительную или отрицательную.

Хунны в эпоху своего величия имели возможность выбора. На востоке находился ханьский Китай, на западе — остатки разбитых скифов (саков) и победоносные сарматы. Кого же надо было полюбить искренне и бескорыстно? Раскопки царского погребения в Ноин-уле, где лежал прах шаньюя Учжулю, скончавшегося в 18 г., показали, что для тела хунны брали китайские и бактрийские ткани, ханьские зеркала, просо и белый рис, а для души — предметы скифского «звериного стиля», несмотря на то, что скифы на западе были истреблены сарматами, а на востоке побеждены и прогнаны на юг — в Иран и Индию.

Итак, погибший этнос скифов, или саков, оставил искусство, которое пережило своих создателей и активно повлияло на

еюгих губителей — юэчжей и соседей — хуннов. Шедевры «звериного стиля» уже хорошо описаны²⁵. Нам важнее то, на что раньше не было обращено должного внимания: соотношение мертвого искусства с этнической историей Срединной Азии.

Искусство хуннов и юэчжей (согдов) восходит к одним и тем же образцам, оно отнюдь не идентично. Это свидетельствует о продолжительном самостоятельном развитии. Живая струя культуры «андроновской» культуры II тыс. до н.э. разделилась на несколько ручьев и не соединилась никогда. Больше того, когда степь после засухи VIII—V веков до н.э. снова стала обильной и многолюдной, хунны и согдийцы вступили в борьбу за добычу и власть. В 165 г. до н.э. хунны победили, а после того, как они были разбиты сяньбийцами и вынуждены бежать с берегов Волги, в 155 г. н.э. победили там сарматское племя аланов, «истомив их бесконечной войной»²⁶. Тем самым хунны, подозревая о своей роли в истории, оказались мстителями за поражения, перебитых сарматами в III веке до н.э.

Судьбы древних народов переплетаются столь причудливо, что только предметы искусства (подвиды древних богатырей, кристаллизовавшиеся в камне или металле) дают возможность разобратся в закономерностях этнической истории, но эта последняя позволяет уловить смены традиций, смысл древних сюжетов и эстетические каноны исчезнувших племен. Этнология и история культуры взаимно оплодотворяют друг друга. И так, хотя хунны не восприняли ни китайской, ни иранской, ни эллино-римской цивилизации, это не значит, что они были к этому неспособны. Просто им больше нравилось искусство скифов. И надо признать, что кочевая культура до III века, с точки зрения сравнительной этнографии, ничуть не уступала культурам соседних этносов в степени сложности системы.

ГРЕЧИ

Перейдя на новое место, хунны не могли не встретиться с абorigенами. Обычно именно встречи и столкновения на этническом уровне привлекали внимание древних историков и фиксировались в их сочинениях. И о приходе хуннов в Прикаспий есть упоминания географа Дионисия Периегета около 160 г. и Птолемея в 175—182 годах. Но этого так мало, что даже возникло сомнение, не вкралась ли в тексты этих авторов ошибка переписчика²⁷. Однако такое сомнение неосновательно, ибо автор

VI века Иордан, ссылаясь на «древние предания», передает версию, проливающую свет на проблему²⁸.

Король готов Филимер, при котором готы во второй половине II века появились на Висле, привел свой народ в страну Ойум, изобилующую водой. Предполагается, что эта страна располагалась на правом берегу Днепра²⁹. Там Филимер разделился на каких-то женщин, колдуний, называемых по-гот «галиурунами», и изгнал их в пустыню. Там с ними встретил «нечистые духи», и потомки их образовали племя гуннов. Видно, так и было. Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сяньбцев, остались почти без женщин. Ведь редкая хуннка могла нести тысячу дней в седле без отдыха. Описанная в легенде метисация — единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения. Но эта метисация вместе с новым ландшафтом, климатом, этническим окружением так изменили облик хуннов, что для ясности следует называть их новым именем «гунны», как предложил К.А.Иностранцев.

Такая радикальная перемена в образе жизни и культуре явление естественное³⁰. Хунну и гунны — пример этнической дивергенции. Последняя — следствие миграции, а на новом месте пришельцы не могут не вступить в контакт с соседями. Но контакты бывают разными.

Аланы, жившие между Нижней Волгой и Доном, встретили хуннов недружелюбно. Однако во II—III веках хунны, постепенно становящиеся гуннами, были слишком слабы для войн с аланами, потрясавшими даже восточные границы Римской империи. На берегах Дуная их называли «рокс-аланы», то есть «блестящие», или «сияющие аланы». В низовьях реки Сейхун (Сырдарья) жил оседлый народ хиониты, которых китайцы называли «хуни» и никогда не смешивали с хуннами. С хионитами хунны не встречались. Лежавшая между ними суглинистая равнина, с экстрааридным, то есть сверхзасушливым климатом, была природным барьером, затруднявшим этнические контакты, нежелательные для обеих сторон.

Северными соседями хуннов были финно-угорские и угр-самодийские племена, обитавшие на ландшафтной границе тайги и степи. Их потомки манси и ханты (вогулы и остяки) — реликты некогда могучего этноса Сыбир (или Сибир³¹), в средневековом произношении — савир. Прямых сведений о хунно-сибирских контактах нет, что само по себе говорит об отсутствии больших войн между ними. Косвенные соображения

ворот, подсказывают, что отношения савиров и хуннов, а также — гуннов, были дружелюбными.

БОЛЬШОЕ МЕСТО

Восточные области обширного Евразийского континента принципиально отличаются от прибрежных характером увлажнения. Западная Европа, по существу, большой полуостров, и соприкосновение ее моря делают ее климат стабильным. Конечно, и здесь наблюдаются вариации с повышением или понижением влажности, но они невелики и значение их для хозяйств народов Западной Европы исчерпывается отдельными метеорологическими засухами или наводнениями. Те и другие быстро компенсируются со временем, но даже в этом случае последствия их отмечаются в хрониках (летописях). Так, в дождливые периоды в них фиксируются ясные дни или месяцы, и наоборот. Особенно важно учитывать смены повышенных атмосферных фронтов. Как установлено, пути циклонов постоянно смещаются с юга на север и обратно. Эти смещения происходят от колебаний солнечной активности и соотношений между полярным, стабильным, и тропическим, антициклонами, причем ложбины низкого давления по которым циклоны и муссоны несут океаническую влагу на континент, создают метеорологические режимы, оптимальные или для леса, или для степи, или для пустыни. И если в прибрежных регионах эти смещения заметны, то внутри континента они ведут к изменениям границ между климатическими поясами и зонами растительности. Последние же определяют распространение животных и народов, хозяйство которых тесно связано с окружающей средой.

Смены зон повышенного увлажнения наглядно выявляются в изучении уровней Каспия, получающего 81 процент влаги с Волгу из лесной зоны, и Арала, которые питают реки степной зоны. Уровни эти смещаются гетерохронно, то есть во время трансгрессии Каспия идет регрессия Арала, и наоборот. Возможен и третий вариант: когда циклоны проходят по арктическим широтам, севернее водосбора Волги, снижаются уровни внутренних морей. Тогда расширяется пустыня, отступает север тайга, влажные степи становятся сухими и тает Ледовитый океан. Именно этот вариант имел место в конце II и начале III века. Кончился он только в середине IV века.

Хунны уходили на запад по степи, ибо только там они могли кормить своих коней. С юга их поджимала пустыня, с севера манила окраина лесостепи. Там были дрова — высшее благо в континентальном климате. Там в пролесках паслись зубры, олени и косули, значит, было мясо. Но углубиться на север хунны не могли, так как влажные лесные травы были непривычны для хуннских коней, привыкших к сухой траве, пропитанной солнцем, а не водой. Местное же население, предки вогулов (манси)³², отступало на север, под тень берез и осин, кедров, елей и пихт, где водились привычные для них звери, а реки изобиловали рыбой. Им не из-за чего было ссориться с хуннами. Наоборот, они, видимо, понравились друг другу. Во всяком случае в конце V и в VI веке, когда гуннская трагедия закончилась и гуннов как этноса не стало, угорские этносы выступают в греческих источниках с двойным названием: «гунны-савиры», «гунны-утигуры», «гунны-кутригуры», «хунугуры»³³.

Если даже приуральские угры не смешивались с хуннами, то очевидно, что они установили контакт на основе симбиоза, а отнюдь не химеры. Такой контакт позволил им объединить силы, когда они понадобились. Симбиоз — близкое сосуществование двух и более этносов, каждый из которых имеет свою экологическую нишу. Химера — сосуществование в одной экологической нише. Отношения между этносами могут быть и дружелюбными и враждебными, метисация возможна, но не обязательна, культурный обмен иногда бывает интенсивным, иногда — слабым, заменяясь терпимостью, переходящей в безразличие. Все зависит от величины разности уровней пассивного напряжения контактирующих этносистем.

Иногда имеет значение характер социального строя, но в нашем случае этого не было. Южносибирские и приуральские финно-угры в III веке имели свою организацию, которую китайские географы называли Уи-Бейго — Угорское Северное государство³⁴. Оно было расположено на окраине лесной зоны, примерно около современного Омска. У хуннов тоже была военная организация и вожди отрядов, без которых любая армия небоеспособна. Но и те и другие находились еще в родовом строе, что исключало классовые конфликты между этносами. Двести лет прожили они в соседстве, и когда наступила пора дальних походов в Европу, туда двинулись не хунны и угры — потомки и тех и других — гунны, превратившиеся в особый этнос. Хунны стали ядром его, угры — скорлупой, а вместе

новой системой, возникшей между Востоком и Западом в результате уникальной судьбы носителей хуннской пассионарности.

ПОБЛИКАЯ ПУСТЫНЯ И СЕВЕР

И все-таки хунны не смогли бы уцелеть, если бы в ход событий вмешалась природа. Степь, которая была для их хозяйства привычным ландшафтом, в начале новой эры была не пустой равниной, покрытой только ковылем и типчаком. В ней были вырублены островки (колки) березового и осинового леса, выжигались сосновые боры. Там паслись стада сайгаков; лисицы и горсаки охотились на сурков и сусликов. Дрофы и журавли подвергались нападениям степных орлов и удавов. Степь могла выдержать даже такого хищника, как человек. Почему же финно-угры так легко отказались от принадлежавших им степных богатств?

Во II веке атлантические циклоны сместили путь своего хождения. В I веке они несли влагу через южные степи и выносили ее на горные хребты Тарбагатай, Саура и Тяньшаня, откуда они текли в Балхаш и Арал. Степи при этом зимой увлажнились оптимально. Снега выпадало достаточно (свыше 259 мм в год), чтобы пропитать землю и обеспечить растительность возможностью накормить травоядных, а телами их — хищников, в том числе людей. В середине II века путь циклонов сдвинулся в лесную зону, что вызвало обмеление Арала и поднятие уровня Каспия на 3 метра³⁵. Но спустя столетие вековая засуха вернулась с невиданной мощью. Северная аридная степь сместилась еще к северу, заменившись экстрааридной пустыней. Количество осадков снизилось до 100—200 мм в год. Погибла ковыль, куланы заменили сайгаков, ящерицы, змеи, варан — удавов.

Тогда угры покинули изменившую им природу и двинулись на север по Оби, а самодийцы — по Енисею³⁶. Самодийцам было больше. Они достигли северного аналога Великой степи — тундры, научились приручать северного оленя и сделали его местопребывание ареалом своего развития. От берегов Хаймы и Дудыпты до Кольского полуострова распространились оленеводы, о которых мы, к сожалению, ничего не знаем, как и о судьбе прочих бесписьменных народов. Угры, двинувшиеся по Оби, встретили племя, а может быть, целый

народ, имени которого история не сохранила. Открыли его археологи и свою находку назвали устьполуйской культурой³⁷. Название же, которое они ему попытались дать, исходя из мансийских преданий, — «сииртя», означает неупокоенный дух убитого, приходящий по ночам для отмщения своим погубителям³⁸. Манси считали, что последние «сииртя» прячутся в пещерах Северного Урала и Новой Земли и, являясь невидимками, очень опасны. Что же, может быть, так оно и было.

Правильнее всего предположить, что миграция угров на север произошла вследствие великой засухи III века или сразу после нее, а пассионарность, необходимую для столь грандиозных свершений, угры получили от метисации с хуннами, у которых пассионарность была в избытке, а все остальное потеряно. Но метисация всегда бывает взаимной, и, как уже было сказано, хунны превратились в гуннов.

Встает, однако, вопрос: как скотоводческий и конный этнос мог преодолеть таежный барьер, отделяющий южную степь от северной, то есть тундры? Зимой в тайге глубокий снег, через который лошадей не провести, а летом — болота с тучами гадюк. По Лене предки якутов в XI веке спускались на плотах, по Енисею и через перекаты и мели Оби этот способ передвижения слишком рискован. А кроме того, угры и сами гунны распространились на север по Волге, а в этой реке течение сильное. Тем не менее большинство северных народов Восточной Европы имеют два раздела: финнский — древний и угорский — пришлый. Мордва: эрзя — финны, мокша — угры. Марийские горные черемисы — финны, луговые — угры. «Чудь белоглазая» — финны, «Чудь Заволоцкая» — угры (Чудь Заволоцкая, и Великая Пермь, Биармия скандинавских саг).

Видимо, южным этносом были лопари, сменившие свой древний язык на финнский. Язык, поскольку он является средством общения, бесписьменные этносы меняют легко и часто. Передвигаться же по тундре с востока на запад, на Кольский полуостров и в Северную Норвегию, было и тогда несложно. Наконец, чувашский язык состоит из двух компонентов: местного тюркского, даже не угорского. Поскольку чувашский принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно³⁹.

Все перечисленные этносы живут около Волги и ее притоков или поблизости от них. Значит, именно Волга, замерзающая зимой, могла быть дорогой угров и гуннов на север. Ту же роль

уральские играли Обь и Енисей. Угро-самодийцы обрели народину, заменив собой древние циркумполярные этносы⁴⁰, из которых сохранился только один реликт — кеты.

Предлагаемой реконструкции гипотетична только дата пещенного — III—IV века. Она предлагается на базе изучения климатической и этнической истории. Действительно, ни до, ни после этой даты не было ни мотивов, ни возможностей столь большой миграции.

Наконец: финны и угры с гуннами не ассимилировали друг друга, а жили на основе симбиоза. Это снижало необходимость межплеменных войн. Только несчастные «усть-полуйцы» попали в страшных духов — «сииртя», а в прочих местах миграция прошла относительно благополучно.

Пустыня и юго-запад

И те, и сменившие их сарматы жили полуседлым бытом, сохранив земледелие с отгонным скотоводством. Скот их нужен был в тени, потому что в их степях снеговой покров превышал норму, что исключает тебеневку (добычу скотом корма из-под снега). Сухие степи их не привлекали, а пустыня отпугивала. Степная и лесостепь сарматы умели осваивать, чуждаясь только заболоченных и березово-осиновых лесов; там им нечего было делать.

Поэтому, сопоставив карту распространения сарматских племен I века и разнотравно-дерновинно-злаковых степей, нельзя определить размеры Сарматии: от среднего Дуная на западе до Яика и даже Эмбы на востоке.

Однако зауральская Сарматия была периферией их ареала, Причерноморье получает дополнительное увлажнение от муссонных токов черноморского воздуха. Каспий же в то время стоял на абсолютной отметке минус 36 м, и его северный берег был расположен южнее параллели 45° 39', хотя Узбой в то время впадал в Каспий. При столь малом зеркале испарение было слабым и не влияло заметно на климат северного берега Каспия.

Когда же наступила великая засуха, сарматы стали покидать плодородные степи и берега Каспийского моря. Они передвинулись к Волге, а сокращение пастбищных угодий компенсировали расширением запашки зерновых, ибо Римская империя постоянно покупала у них хлеб. Таким образом, восточнее Волги образовались свободные от населения пространства, и они ста-

ли пристанищем для хуннов, привыкших на своей родине еще более засушливым степям, нежели полынные опустыненные степи северного Прикаспия.

Но подлинная пустыня надвигалась на степь с юга. Полупустыня уступала место саксаулу и солянкам. Тот ландшафт, который ныне бытует в Кызылкумах и Каракумах, окружил с севера Аральское море, которое высохло настолько, что превратилось в «болото Оксийское»⁴¹. И эта местность в III веке была даже хуже, так как бурые суглинки, в отличие от песков, не впитывают дождевую воду, а дают ей испариться, оставляя равнину гладкой, как стол. Засуха не пощадила и Балхаш, который высох так, что дно его было занесено эоловыми отложениями, перекрытыми соленые почвы. После засухи, закончившейся в IV веке, Балхаш не успел осолониться⁴². Обитавшие вокруг него усунь отошли в горы Тянь-Шаня, а их земли заняли потомки «малосильных» хуннов, сменившие свое имя на «чуйские племена».

ВЕЛИКАЯ ПУСТЫНЯ И ЮГ

Все населявшие степи племена в III веке были слабы. Политическое значение они обрели лишь во второй половине IV века, когда атмосферная влага вновь излилась на континентальную пустыню.

Все силы народов Приаралья и Припамирья были скованы тогда войнами с Ираном⁴³. Его внешнеполитическое положение в середине III века было весьма напряженным. Борьба с Римской империей была делом нелегким. После первых успехов закончившихся пленением императора Валериана в 260 г., им самим пришлось перейти к обороне. Римляне вели контрнаступление планомерно и последовательно: в 283 г. они отняли у персов контроль над Арменией, а в 298-м навязали Ирану невыгодный Нисибинский мир. Шах Шапур II был вынужден в первую половину своего царствования тратить средства и силы на отражение наступления хионитов, но к 356 г. они стали вассалами Ирана, и под их натиском пала Амида, форпост римлян в Месопотамии.

Успокоение на восточной границе дало персам возможность отразить наступление императора Юлиана в 361 г., в результате чего персы снова смогли вмешаться в армянские дела. В дальнейшем шла упорная борьба короны со знатью. Царь Аршак

лишийся римской ориентации, истреблением одного из их родов вызвал восстание нахараров; к восстанию присоединились даже бывшие сторонники Рима. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, персы вторглись в Армению, многие сплотились перед лицом врага. К 368 г. персам удалось овладеть оплот армян — Артагерс, но в 369 г. наследник Артагерса, Шапур, явился в Армению с римскими войсками и изгнал персов. В 371 г. Шапур попытался снова ворваться в Армению, но был отбит, после чего нажим персов на запад ослаб. Почему?

В 368—374 гг. восстал наместник восточной провинции Ирана, Аршакид, сидевший в Балхе. В 375—378 гг. персы потерпели поражение настолько сильное, что Шапур вынужден был отозвать войска с западной границы и прекратил войну с Римом. Хунны, то есть хиониты, поддержали восстание, разорвав связь Ираном; восстание погасло при совершенно не описанных источниками обстоятельствах, но сразу же вслед за подавлением Аршакида в персидских войсках в 384 году появляются отряды как союзники шаха. Это не может быть случайным совпадением. В самом деле, Балх лежит на границе Иранского плоскогорья и горной области Памира. Задачей персидского наместника было наблюдение за соседними горцами, и, можно предположить, до восстания ему удавалось препятствовать их объединению. Но как только это воздействие прекратилось, горные племена объединились и покончили со своим врагом, чем и объясняется их союз с шахом.

В середине IV века эфталитское царство стало преградой между оседлым Ираном и кочевыми племенами евразийской степи, в том числе среднеазиатскими хуннами. Этим объясняется, почему Иран больше беспокоился об укреплении каменных проходов, нежели о восточной границе, лишенной естественных преград. Эфталиты — народ воинственный, но многочисленный. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Эфталиты совершали губительные набеги, главным образом на Индию, а для стран востока Памира и Тянь-Шаня их вмешательство было только помехой.

В III веке китайцы утратили влияние к северу от Великой китайской стены. Крайним пунктом распространения Китая на север стал Дуньхуан. Династия Цзинь вернула часть застенных провинций, а именно низовья реки Эдзин-Гол и Турфанскую

котловину, которая в 345 г. была переименована в «область Гюнь»⁴⁴. Управление этой отдаленной областью было для китайского правительства затруднительно, и она, естественно, вошла в сферу влияния правителей Хэси. Прочие владения в III веке имели тенденцию к укрупнению: на юго-западе создано государство Сулэ (Кашгар), на юге оно включило Яркенд⁴⁵, а на северо-западе — Тянь-Шань. Хотан усилился и остался единственным владением, продолжавшим тяготеть к Китаю. Но это была не политическая зависимость, а культурная близость, вытекавшаяся из регулярных посольств из Хотана в Китай.

На северо-западе распространилось по северным склонам Тянь-Шаня княжество Чэши, от озера Баркуль на востоке до верховьев реки Или на западе; на юге Шаньшань объединил все владения от стен Дуньхуана до берегов Лобнора. В центре страны захватил гегемонию Карашар (Яньки), около 280 г. подчинивший себе Кучу и ее вассалов Аксу и Уш⁴⁶. Однако можно думать, что Карашар стал столицей не монолитной державы, а конфедерации, так как на карте Западного края эпохи Цзинь помечена граница между Кучей и Карашаром, и в дальнейшем оба эти государства имеют разных правителей, хотя и выступают в тесном союзе. Местный народ охарактеризован как «тихий и мирный», избегающий общения с чужеземцами⁴⁷. Обитатели Западного края обогащала только посредническая торговля, так как культура шелка была введена в Хотане лишь во второй половине IV века, откуда перешла в Согдиану в V веке⁴⁸. Все сведения о Западном крае, или «Серике», получены античными авторами не из первых рук, потому что парфяне не допускали прямых сношений между Римом и Китаем⁴⁹.

Итак, грандиозная засуха III века так ослабила степные зоны Турана, что они проиграли войну с Ираном⁵⁰ и стали жертвой своих восточных соседей: сначала гуннов, а потом тюрок.

цивилизации II—IV веков

Древние историки охотно и подробно описывали события, и известные, причем их осведомленность была довольно велика. Но если событий не было, то они и не писали. О появлении хуннов в прикаспийских степях упомянули два древних географа, а потом целых 200 лет о них в письменных источниках не ни слова, а в конце IV века целый фонтан сведений и сомне-

их подробностей, ибо гунны начали воевать. Но коль скоро, то, значит, с 160 по 360 г. они жили мирно, хотя это и не согласуется с привычным представлением о гуннах как о граби-

лущая пустыня III века избавила гуннов от южных соседей — парфянов, хионитов, абаров и готов, а самое главное — от римлян, пребывавших в фазе обскурации. Солдатские императоры зависели от своих легионеров и приближенных, а те представляли свои интересы, корыстные или карьерные, государственным. Вот поэтому-то война в империи не затихала. Она разгоралась иногда на границах с иноплемениками, иногда с собственным населением — восставшим и подавляемым, но чаще легионеры бились друг с другом. Страшная это штука — императорская пассионарность!

Не все обитатели Римской империи были субпассиональными. Пассионариев, и весьма активных, в III веке стало появляться очень много, но они меняли стереотип поведения и моральным выпадали из римского суперэтнуса. Эти люди, произошедшие от разных предков, разрывали и семейные традиции, и культурные связи с современниками, и даже некоторые общественные отношения с законностью в том виде, как она понималась в античном обществе. Например, Римская республика могла возбудить дело о преступлении, только получив донос римского гражданина. А вот люди нового типа, те, которые считались членами христианских, митраистских и манихейских общин, объявили предательство худшим из возможных. Взаимовыручка стала поведенческим императивом для них.

Для них было особенно существенно для военной службы, потому что исключало предательство боевого товарища или полководца. Это же происходило и в гражданском обществе, так что языческие легионеры превратили в привычку или в новый промысел, ибо, по обычаю, новый император давал старому императору денежный подарок. Из-за этого менять власть стало делом обычным. Но митраисты, создавшие тайные группы именно в Риме, категорически возбраняли своим членам «обман доверия». Митраисты были в милости у начальства. Культ «Бездимного Солнца» исповедовали все солдатские императоры, включая Константина Великого.

Учение манихеев о том, что в основе лежит не вера, а знание, было одновременно и мистическим и атеистическим. Оно давало ложь, что крайне облегчало им жизнь, потому что

первое время на них смотрели как на безобидных болтунов. Правда, Диоклетиан воздвиг на них гонение, но вскоре оно погасло. А вот на христиан обрушились девять жестоких гонений. И тем не менее число их росло, и в легионах они составили самую боеспособную часть воинов, дисциплинированных и верных. Но христианские легионеры категорически отказывались сражаться против единоверцев. В 286 г. Максимиин послал в Галлию Десятый фиванский легион на подавление восстания багаудов, но он отказался от проведения экзекуций над христианами. Две децимации оказались безрезультатными, и тогда убили всех остальных солдат этого легиона⁵¹.

Зато Константину христианские легионеры доставили престол и спасли жизнь. За это он дал эдиктом 313 г. веротерпимость христианам, а в 315-м отменил распятие как позорную казнь и приказал сжигать тех евреев, которые возбуждают мятежи язычников против христиан⁵². Так в Римской империи возникло из одного суперэтнуса два, а это уже химера. Химера — образование хищное, но не устойчивое. Существует она до поры, пока не растратит всех богатств, накопленных минувшими этносами, жившими либо порознь, либо в симбиозе. Италики, эллины, галлы, иберы и пунийцы оставили такое наследство, что его хватило на 100 лет, но оно тоже кончилось. Ведь стране надо было защищать от соседей, более пассионарных, чем римляне. Эти последние вообще не хотели воевать; им больше нравилось интриговать и предаваться излишествам. Поэтому в V веке армия Римской империи состояла из наемных германцев, арабов и берберов, а римлянами в ней были лишь редкие офицеры, поставленные по связям в сенате, или фавориты императора.

Так же как от внешних, они не могли защищаться от внутренних врагов: манихеев, митраистов и христиан, но те, пренебрегая антипатией язычников, боролись между собой крайне активно. Особенно христиане! В истории церкви фаза этнического подъема просматривается очень четко. В Африке знаменем этнического подъема стал донатизм, в Испании в 384 г. был сожжен гностик-епископ Присциллиан, в Египте заспорили Арий с Афанасием. Ариане победили и крестили многих германцев, для которых арианство после торжества православия в 381 г. стало символом противопоставления римлянам.

Но во всех случаях на востоке империи шел быстрый процесс создания из конфессиональных общин сначала субэтнуса,

относно, а потом суперэтноса — Византии, так как там имелся избыток пассионарности. А на западе, где его не было, при тех же экономических, социальных и политических условиях химера разваливалась на части, которые быстро теряли способность сопротивления. Безразличие и равнодушие оказались патогенными факторами, чем фанатизм, авантюризм и агрессивность. Поэтому Византия пережила многие беды, а Западная Римская империя погибла.

III—IV ВЕКОВ

В то время, когда цивилизация разлагалась, к северо-востоку от Рейнской-дунайской границы тоже шло брожение, но с другой доминантой. В середине II века готы пересекли Балтийское море и погнали перед собой ругов и вандалов до самой Дуны. Это был типичный пассионарный толчок, ось которого тянулась от южной Швеции, через Карпаты, Малую Азию, Сирию, до горной страны Аксума. Начиная с I века нахваченные пассионарностью, вспыхивали и сторали в соприкосновении с еще неразложившимся Римом. Две войны вынесли на свет три — евреи, одну маркоманы и одну — квады.

Но готы, опоздавшие на старт, вышли победителями.

Механизм этого процесса прост: римская суперэтническая система разлагалась неуклонно, но медленно. Траян и Андриан не могли побеждать, ибо у них были послушные и умелые воины, Марк Аврелий мог только удержать границу; Деций и Валериан терпели поражения от готов (251 г.) и от персов (260 г.). Сделано было не в силах врагов, а в слабости римлян. Ведь Одената, араб из Пальмиры, выгнал персов из Сирии, страны, через которую прошел пассионарный толчок. А до этого Сирия была наиболее развращенной и слабой из провинций империи. Откуда же взялась здесь такая сила? У Одената были толковые помощники и народ, обретший храбрость. Пассионарность — признак, переносимый генетически и потому распространяющийся на широкие ареалы⁵³.

К середине III века германские племена между Эльбой и Рейном, до того бессильные и спивавшиеся, стали образовывать военные союзы. Так на базе древних племен, уже превратившихся в реликты и неспособных отразить наступление римской армии Германика даже после удачного истребления трех племен Вара в Тевтобургском лесу, возникли новые этничес-

кие образования с условными названиями: франки — свободные, саксы — ножовщики, алеманны — сброд, свевы — бродяги⁵⁴. Это были организации, созданные исключительно для войны, то есть военная демократия, уживавшаяся в Европе родовым строем, так как некоторые племена сохранили родовой строй.

Тем же толчком была задета территория, населенная предками славян: лугиями и венедами⁵⁵. Они не уступали германцам энергии, а иногда превосходили их. За короткое время они распространились до Балтийского моря, а в последующие века овладели Балканским полуостровом и добрались до Днепра, где встретились с племенем росомонов⁵⁶. Позднее восточные славяне и росомоны слились в единый древнерусский этнос⁵⁷. Но в III—IV веках они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы, победившие римлян и отторгшие у них в 271 г. целую провинцию — Дакию. Кровь лилась в фазе этнического подъема не менее обильно, чем в фазе обскурации.

Но где же в эту эпоху — 160—360 гг. — царил мир? Какой этнос избегал столкновений, потрясавших Европу, Ближний Восток и Среднюю Азию? Кто умел избежать кровопролития? Только те, о ком не вспоминают историки тех лет: это гунны. Можно подумать, что античные географы просто не уделяли внимания кочевым народам. Но это не так. Об аланах сообщают Иосиф Флавий, Лукиан и Птолемей, а о гуннах подробно рассказывает только Аммиан Марцеллин, да и то с чужих слов, которые стали актуальными лишь в конце IV века.

Аланы были одним из сарматских племен. Аммиан Марцеллин писал о них: «Постепенно ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя»⁵⁸. Об этом же сообщают китайские географы эпохи Младшей Хань, называя вновь образовавшееся государство «Аланья»⁵⁹. Территория аланов включала Северный Кавказ и Доно-Волжское междуречье. Хозяйство их было основано на сочетании скотоводства с земледелием, а ремесла и искусство были на очень высоком уровне. Культура их была продолжением скифской, хотя царских скифов и скифов-кочевников сарматы истребили так, что тех вообще не осталось, кроме как в степном Крыму. Последних прикончили готы.

Западные сарматы, роксоланы и язиги постоянно воевали с римлянами на берегах Дуная⁶⁰, восточные, проходя через «Аланские ворота» — Дарьяльское ущелье, вторгались в Арме

и Медию⁶¹. Короче говоря, аланы 200 лет постоянно воевали против гуннов, их соседей, даже успели позабыть. Это не могло быть случайностью. Скорее это историческая загадка.

А ЦВЕТА И ВРЕМЕНИ

Изменения начались с природы Великой степи. В середине IV века ледники понесли тихоокеанскую влагу в пустыню Гоби, а реки — атлантическую влагу в Заволжье и к горам Тянь-Шаня и Тарбагатая. Река Или наполнила водой впадину Балхана, уровень подняла уровень «болота Оксийского», снова затопив его в Аральское море. Лесостепь поползла на юг, за ней же двинулась тайга. Сухие степи, бывшие доселе ареной почти 200-летнего обитания гуннов, стали сокращаться, и пространство стало тесновато. Однако давние мирные отношения с немногочисленными пришельцами (гуннами) и редким кочевым населением Западной Сибири, видимо, повели не к конфликтам, а скорее наоборот — к углублению контактов и появлению политических союзов. Это видно из того, что несколько лет спустя племена болгар и сабир носят приставку — «гунно». Причислять себя к гуннам в VI веке было гордо.

Вот почему по-иному восприняли эти изменения аланы. Во II веке они покидали прикаспийские равнины, усыхавшие у них на глазах. Но это были их земли. И когда разнотравные злаковые степи поползли на восток, аланам должно было показаться, что кочевники с берегов Орхона и Селенги не должны жить на берегах Волги и Яика. Конфликт аланов с гуннами был подсказан самой природой, меняющейся вечно и даже быстрее, чем жизнь общества или существование социальной системы.

Известно, что гунно-аланская война началась, по устаревшим данным, в 350 г., а по уточненным — в 360 г.⁶², и закончилась победой гуннов в 370 году. И это несмотря на то, что аланы были гораздо сильнее гуннов. Подобно юэчжам (согдам) и парфянам они применяли сарматскую тактику ближнего боя. Всадники в чешуйчатой броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к шее коня, так что в их удар вкладывалась вся сила движения коня и всадника, бросались в атаку и сокрушали даже римские легионы — лучшую пехоту III века.

За спиной у алан было громадное готское царство, созданное Германарихом из рода Аманов. Оно простиралось от берегов Балтийского моря до Азовского, от Тисы до Дона⁶³. Остро-

готы стояли во главе державы; визиготы, гепиды, язиги⁶⁴, часть вандалов, оставшаяся в Дакии⁶⁵, тайфалы, карпы, герулы⁶⁶, и южные соседи — скиры и северные — росомоны, венедаи, морденс (мордва), мерене (мера), тьюдо (чудь), вас (весь) и другие были их подданными. Готам принадлежал и степной Крым и Черноморское побережье Северного Кавказа. При этом они были надежными союзниками алан. Так что последние считали, что их тыл обеспечен. Наконец у алан имелись крепости в Гунны же брать крепости не умели. Так почему же гунны победили и алан, и готов, чего не смогли сделать ни римляне, ни персы?

Источники, то есть соображения людей IV века, ничего нового не сообщают. Они только констатируют некоторые факты, отнюдь не достаточные для решения задачи.

В поисках ответа на вопрос вернемся к географии. Циклоны, проходившие в III веке по полярной зоне, в середине IV века вернулись в аридную. Следовательно, в начале IV века они обильно оросили гумидную, то есть лесную, зону. Там постоянные летние дожди и зимние заносы снега, весной таявшего быстро и заболачивающего лесные поляны, были крайне неблагоприятны для хозяйства лесных этносов. Потому готам, ушедшим продвигаться в степи, к берегам Черного моря, удалось установить гегемонию на большей части юга Восточной Европы⁶⁸. Балтские (литовские) этносы оставили следы своего пребывания по всей лесостепной и лесной зоне вплоть до Пензы. Венеды заняли область между Вислой и Лабой (Эльбой). Но возможно, что, сохраняя автономию, оба эти этноса находились в сфере готской гегемонии, ибо в неблагоприятных климатических условиях им было трудно собрать силы для борьбы за независимость.

Итак, Германарих создал доскутную империю, прочностью которой обеспечивалась только высоким уровнем пассионарности самих готов и низким ее уровнем у части покоренных ими племен. Ну а у другой части — ругов, росомонов, антов. Этот вопрос надо рассмотреть особо.

КАК ДОБЫТЬ ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ?

Это непросто. Если бы сохранившиеся источники, ныне издаваемые, переведенные и комментированные, давали толковый ответ на вопрос о первом столкновении Дальнего Востока

ним Западом, то нам было бы незачем писать эту статью. Ошибки невразумительны. Поэтому на минуту отвлечемся ради методики.

Следует сказать слово в защиту Аммиана Марцелина и его соратников. Они писали чушь, но не из-за глупости или злобы, а из-за невозможности проверить тенденциозную мафию. Ведь не мог же римский центурион ради научных целей выправить себе командировку в Западную Сибирь? И бы он даже смог туда поехать, то во время Великого переселения народов у него было слишком мало шансов уцелеть и вернуться, чтобы написать очередной том «Истории». Критическое отношение к древним авторам — не осуждение, а способ разобраться в сути дела. Но вот кого следует считать, так это источниковедов XX века, убежденных, что буквальное следование древнему тексту есть правильное решение, и вся трудность — только в переводе, который следует доверить историку выполнять самостоятельно.

Буквальный перевод, сделанный филологом, обязательно будет неточным, потому что без знания страны (географии), народа (этнографии) и его традиций (истории) перемыслить источник невозможно. Если же за дело берется историк, то он будет неизбежно подгонять значения слов и фраз под собственную, уже имеющуюся у него концепцию, а последняя тогда предвзята. Так, А.Н. Бернштам «сочинил»⁶⁹ перевод надписи из Суджи и «родил» тем самым великого завоевателя Ягларкара, возникшего из неправильного перевода⁷⁰.

Какой выход предлагает С.Е. Малов? Цитирую: «Я придерживаюсь того, что сначала тюрколог-языковед, используя точный текст памятника, дает его перевод, согласный с тюркским акцентом и грамматикой, после чего историк может пользоваться этим памятником для своих исторических построений» (там же). Автор этих строк вполне согласен с великим тюркологом. Историк и географ имеют право уточнять значения титулов и географических названий, которые в «Древнетюркском словаре» (Л., 1969) вообще не приведены. Например: «Болчу — древние реки» (с. 112). Где эта река? Как называется теперь? В современном атласе ее можно найти?⁷¹ Филологу это неважно! Поэтически-филологически правильный перевод — это сырье, требующее дальнейшей обработки.

Ну а если добавить к переводу хороший комментарий, как делали Д.С. Лихачев и Е.Ч. Скржинская? Этим способом мож-

но достичь адекватного восприятия текста источника или, то же, понять взгляды, воззрения и интересы древнего автора. Нестора или Иордана. Но ведь у читателя XX века совсем другие запросы, требования к предмету, интересуют его иные сюжеты: не как думал Нестор или Иордан о передвижениях готов и гуннов, а почему эти передвижения совершались? И какое место они занимают либо в обществоведении, либо в науке о биосфере, то есть в этнологии? Вот чтобы ответить на последний вопрос, написана эта статья. Поэтому в ней двухступенчатая система сносок предпочтена прямой — сносам на источники, ибо тогда пришлось бы давать собственный комментарий, дублирующий уже сделанный. А это было бы неуважением не только к Дмитрию Сергеевичу и Елене Чеславовично и к многим другим историкам, труды которых были нами внимательно прочитаны и изучены.

Иными словами, соотношение переводчика, комментатора и интерпретатора таково же, как заготовителя сырья, изготовителя деталей и монтажника. Один из них не достигнет успеха без помощи двух других. А опыты совмещения трех профессий в одном лице не давали положительных результатов даже в древности. Но в одном я позволю себе не согласиться с С.Е.Маловым. Он пишет: «Я буду очень рад, если историки будут заниматься переводом памятников, но только с соблюдением всех правил грамматики»⁷². Наверно, академик пошутил! Ведь это же, что рекомендовать строителю высотного дома самому выплавлять сталь из железной руды, самому изготавливать двутавровые балки, самому поднимать их краном и уж потом водворять на место. Знание древнего языка для историка — роскошь. Ведь если он переведет текст иначе, чем филолог, ему надлежит отказать от своего толкования. Филолог-то знает грамматику лучше.

А для обобщения язык источника вообще безразличен, важен только смысл: война, мир, договор, поход — попросту говоря, событие. Оно-то и является тем «кирпичом», из которого сооружают дворцы, замки и халупы. Тут другой первичный материал и другая методика, которую, в отличие от «филологической», можно назвать «криминалистической». Подобно тому как хороший сыщик использует не только рассказы свидетелей, но и состояние погоды в момент преступления, мотивы и черты характера преступника и жертвы и, главное, вспоминает примеры аналогичных поступков, стремясь уловить отклонения

закономерности, так и этнолог вправе учитывать географию, историческую и личную психологию, фазы этногенеза и моменты нарушения закономерности при контактах. Расширяя горизонты зрения и отсложив факты от источника, этнолог может уловить скрытые связи событий, их внутреннюю логику и добиться результатов, недоступных и ему самому и читателю.

ИЗЛОЖЕНИЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ ВЕРСИИ.
ПРЕИМУЩЕСТВА ГУННОВ В IV—V ВЕКАХ

Иоанн Марцеллин и Иордан объясняют победу гуннов над аланами их специфической тактикой ведения войны. «Аланов, равных им в бою, но отличных от них человечностью, образом жизни и наружным видом, они... подчинили себе, срывая частыми стычками»⁷³. Почему же аланы не переняли тактику гуннов? У них было время — целых 200 лет. Гунны, как известно, разбивали и готскую пехоту, вооруженную длинными копьями, на которые легко поднять и коня и всадника, и накопленные аланами крепости, которые гунны брать не умели. Так или иначе, но версия обоих древних авторов недостаточна для выяснения сути дела.

Сравним теперь фазы этногенеза. Хунны и сарматы — родственники. Оба этноса вышли на арену истории в III веке до н.э. В III веке, 700 лет спустя они были в самом конце фазы надлома, когда у хуннов испытали феномен смещения — внешний разгруппированный раскол этнического поля. В этой фазе появляется много пассионариев, разлагающих этносоциальную систему или выступающих в роли балласта. У алан так и было, а хунны сбросили балласт сяньбийцам, и те быстро разложили сяньбийскую империю, вместо которой появились десять химерных этносов.

Но «неукротимые» хунны, то есть пассионарии, оказавшиеся на западе Великой степи, нашли выход из крайне тяжелого положения. Вместо того чтобы встречать и побеждать врагов, они стали искать друзей где только было можно. И когда в IV веке началась война с гото-аланским союзом, поддержанным римлянами, у гуннов было много друзей, говоривших на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умноживших их ряды. Вот что дал симбиоз!

Но он достижим лишь при наличии терпимости и взаимности. У субпассионариев первое бывает часто, но как следствие

равнодушия, а второго не бывает вовсе, ибо они эгоистичны. Поэтому субпассионарии презирают и часто ненавидят своих соседей, и говорят о них так, как информатор Аммиана Марцеллина о гуннах. Чтобы установить симбиоз, надо иметь и уважение и добрую волю, а эти качества на популяционном уровне соответствуют акматической фазе этногенеза, то есть молодости этноса. Гунны — это возвращенная молодость ханов, хотя хватило ее только на 100 лет.

Готы тоже были молодым этносом, находившимся в фазе подъема. Но их держава была построена на принципе силы, неуважения к обычаям соседей и без симпатии ко всем, за исключением римлян. Последними готы восхищались и даже переняли религию потомков императора Константина Великого — арианство. Но поскольку большинство византийцев, то есть ромеев-христиан, держалось православия, готы оказались в изоляции и тут. Да и митраисты — анты, венеды и склавны, видимо, не испытывали восторга от того, что ими управляли пришельцы, чуждые по крови и по религии.

В списке племен, якобы покоренных Германарихом, привлекают внимание руги и росомоны. Первые — это племя, назвавшееся с «острова Скандзы» задолго до готов. Готы зашли в ругов на южном берегу Балтийского моря и на его островки может быть, на острове, ныне именуемом Рюген. Готы поглотили ругов и их соседей — вандалов на юг, до берегов Дуная, и неизвестно, удалось ли готам упрочить свою власть над ругами и тем, кто сохранили самостоятельность, передвигаясь вверх по Дунаю до Норика.

Руги интересны потому, что немецкие хронисты X века называют киевскую княгиню Ольгу царицей ругов. Следовательно, в их глазах народ «Русь» был ветвью ругов. Иордан и другие исследователи среднего Приднепровья называют росомонами⁷⁴. Это очевидно, предки древних русов⁷⁵, но каково их отношение к историческим ругам, рассеянным в V веке по Италии? Крайне сомнительно признать росомонов за группу ругов, убежденную от готов не на Дунай, вместе с прочими, а на Днепр. Доказать это невозможно, ибо росомоны упомянуты только Иордана и один лишь раз. Зато ясно другое: росомоны, как и руги, вандалы и анты, были не в ладах с готами. Иордан называет их «вероломным народом» и считает их виновниками постигших готов. Думается, что он прав.

ОБ ОЛЕНЕ, ИЛИ НЕПРЕДВИДЕННАЯ ПОБЕДА

стало ясно, что аланы войну с гуннами проиграли, но этого разгрома и покорения ими аланов было очень мало. Великие конные отряды гуннов контролировали степи от Кавказа от Каспийского моря до Азовского⁷⁶. Но многие крепости аланов взяты не были, не была захвачена и Дона, что вообще было не под силу кочевникам, базировавшимся на водораздельные степи⁷⁷. Низовья Дона оборонялись аланами, этнос, по-видимому, не скандинавский, а местный⁷⁸, обороненный Германарихом и впоследствии огерманивший Италлию, которую они покорили под предводительством в 476 г., этот этнос известен как герулы. Эрулы отличались необычайной подвижностью и высокомерием. Они предлагали соседям легкую пехоту. О столкновении их с гуннами сведений нет. Это указывает на то, что гунны не пытались овладеть низовьями Дона. Они нашли иной путь.

Согласно сообщению Иордана, в 371 г. гуннские всадники появились на Таманском полуострове пасущуюся там самку оленя и напали на нее. Притиснутая к берегу моря олениха воюю и, «то ступая вперед, то приостанавливаясь»⁷⁹, перескочила на Крым. Охотники последовали за ней и установили место, где она стояла, по которой шел брод. Они вызвали сюда своих охотников, перешли пролив и «подобные урагану плечами схватили врасплох племена, сидевшие на побережье нашей Скифии», то есть Северного Крыма⁸⁰. Дальнейшее представить. Гунны прошли через степи до Перекопа и в тыл готов, которые, будучи союзниками аланов, сохранили свои войска на Дону, обороняя его высокий берег от возможного вторжения гуннов. Гуннам никто не мешал развернуться на равнине Приазовья.

В начале V века Евнапий писал: «Побежденные скифы (готы) были истреблены гуннами, и большинство их погибло. Одних истребили вместе с женами и детьми, причем не было никакой жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе, обратились в бегство»⁸¹. Конечно, тут не обошлось без предостережений. Многие остrogоты остались с гуннами и сражались на их стороне на Каталаунском поле, а потом против них на Пуллауде. Но важнее другое: держава Германариха представляла собой не союз племен, а «лоскутную империю». Разбив готов, гунны дали возможность завоеванным готами

племенам освободиться и, надо думать, рассчитаться захватчиками.

М.И.Артамонов полагает, что «черняховская культура погребений» по своему характеру должна быть приписана там. Она бытовала всего два века — III и IV. Даже если культура не была этнически монолитна, то есть включала гот сарматов и, возможно, славян (антов), то остается фактом исчезновение в IV веке, что совпадает с гуннским нашествием⁸². Доводы М.И.Артамонова убедительны, но остается только одно сомнение: черняховская культура размещена в лесостепных гунны — степняки. Не помогли ли им местные славянские, сарматские и угро-финские племена? От нашествия гуннов пострадали также эллинские города бывшего Боспорского царства, в том числе Пантикапей (Керчь). Эта область сохранила некоторую самостоятельность под римским верховным владычеством, но в IV веке была покинута римлянами на произвол судьбы. В эпоху Августа и Тиберия южнобережные города имели ценность как торговые центры, а греки привозили вино и предметы роскоши⁸³. Но в III веке готы заставили боспорцев предоставлять им корабли для пиратских набегов на Малую Азию и Грецию⁸⁴. После этого предательства римляне потеряли симпатию к Боспору. И когда пришли с Северного Кавказа гунны, они уничтожили все города бывшего Боспорского царства. Почему же сдались эллинские крепости, если гунны осаждали и брать города не умели? Почему боспорцы даже пошли на почетную капитуляцию? Ведь гунны были достаточно покорны своему вождю Баламберу и, следовательно, дисциплинированы. Да и корабли у греков были, и море под боком... Немногие энергии, и можно было отбиться или спастись!

Вот что такое фаза обскурации в процессе этногенеза: в этой фазе легче погибнуть, чем сопротивляться. А если бы нашелся энергичный грек, предложивший способ спасения, его бы постигла судьба Стилихона и Аэция⁸⁶, ибо таково действие статистических закономерностей этногенеза. Вследствие погрома, учиненного гуннами эллинским городам бывшего Боспорского царства, Восточная Римская империя, становившаяся Византией, оказалась в числе врагов гуннов.

Пройдя Перекоп, гунны столкнулись не с обскурантами, а с этносами, находившимися в фазе подъема. Энергии у них было даже слишком много, но доминанты, которая бы направила эту энергию в заданное русло, не было. Германариху было уже

и он в силу своей дряхлости не мог быстро находить выходы и применяться к изменившейся ситуации. Визиготы тяготели к власти, ибо их королей сделали просто «судьями»⁸⁷, титулов и власти. Всеми силами старались добиться независимости и гепиды, но хуже всех было венедам (славянам). Банку Сунильду Германарих за измену супругу приказал сжечь на части дикими конями. Тогда ее братья Сар и Амуннесли ему удар⁸⁸. Хотя Германарих не умер и не выздоровел, но стал управлять делами как больной старик, то есть плохо.

До этого Германарих подчинил «достоинных презрения»⁸⁹ племена, которые были многочисленны и пробовали сначала подчиняться. Он подчинил также эстиев (литовское племя) и гуннов⁹⁰, приобретая, таким образом, еще одних подданных, которых ненавидели остроготов. Поскольку гунны, в отличие от остготов, искали не врагов, а друзей, то все обиженные племена и народы вошли с ними в контакт. В 375 г. Германарих, видя неизбежность гибели, вонзил в себя меч, а остроготы частью подчинились гуннам, а частью ушли к визиготам, твердо решив не сдаваться. Они управлялись родом Балтов (храбрых), предшественников соперничавших с королевским родом Амалов (благополучных), и отчасти поэтому приняли решение, которое, как впоследствии оказалось, повело к этнической дивергенции — расщеплению одного этноса на два взаимно враждебных.

Войны между тем продолжали идти на запад. Визиготы ждали на Днестре. Отряд гуннов переправился через Днестр там, где не было охраны, напал на визиготов с тыла и вызвал у них панику. Большая часть готов бросилась бежать к Дунаю и там искать убежища у императора Валента. В 376 г. они с разрешения властей империи переправились через Дунай и крестовались по арианскому обряду⁹¹. Меньшая, языческая часть визиготов во главе с Атанарихом укрепились засеками в густом лесу между Прутом и Дунаем. Но, поняв безнадежность дальнейшего сопротивления гуннам, Атанарих договорился с восточным воеводой Феодосием и в 378—380 гг. перевел свое войско в Италию на правах федератов — союзников с автономным командованием.

Вскоре сложилась судьба остроготов. Готы после гибели Германариха попытались вернуть себе независимость. Преемник Германариха Винитарий «с горечью переносил подчинение»⁹². В конце IV века он попробовал «применить силу,

двинул войска в пределы антов. В первом сражении он был бежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и паял их короля Божа с сыновьями его и с семидесятью старшинами»⁹³. Как понять такое странное самовольство? Види рассказ Евнапия о свирепости гуннов является преувеличением. Иначе откуда бы взяться у остроготов большому вой после того как в 376 г. ушли визиготы и увели часть острог а гепиды, хоть и готское племя, но отделились от острог при первом же их ослаблении⁹⁴.

Анты были «многочисленны и сильны»⁹⁵. Война с ними была трудной и в конечном счете гибельной. Это был как вызов гуннам путем ликвидации их союзника. В ответ на через год после казни Божа гуннский царь Баламбер, при на помощь тех остроготов, которые остались ему верны, на на Винитария и после нескольких неудач разбил и убил е бою на реке Эрак (Нижний Днепр). После этого в степи на нил долгий мир.

Гунны в начале V века продвинулись на запад, но без ных столкновений. На первый взгляд это удивительно, но т мотрим на ход событий и на историческую географию этно Паннонии. В Дакии укрепилось готское племя гепидов, во коих Ардарих был личным другом Аттилы. Остроготы, уи шие с визиготами в римские пределы, не ужились с ними 378 г. полководцы Алатей и Сафрах увели своих острогот Паннонию и поселили на берегах Дуная⁹⁶. В 400 г. на этои появились гунны. Мятежный готский федерат Гайна, прои столкновение с населением Константинополя, бежал за Ду был схвачен гуннами и обезглавлен⁹⁷. Около того же врем сын римского полководца Гауденция, Аэций, будучи залож ком у гуннов, тоже подружился со своим сверстником Агги и его дядей Ругилой, который затем стал царем гуннов. И гунны заняли Паннонию без войны, при поддержке мно племен, среди которых, вероятно, были анты и руги. Так глядело «губительное вторжение гуннских орд»?!

Но были у гуннов и враги. Точнее, это были враги союз с гуннами племен. Это были свевы — враги гепидов, вандалы враги ругов, бургунды и злейшие враги самих гуннов — ала Эти этносы покинули свою родину, страшась гуннов. В 40 они ворвались в Италию. Вождь их Радагайс дал обет прине в жертву богам всех захваченных сенаторов, но сам был ок жен войсками Стилихона, предан и казнен. Только этот по

можно считать последствием гуннского нажима на этносы Азии. А ведь Великое переселение народов, по общепринятому мнению, началось в 169—170 гг. с маркоманской войны⁹⁸, тогда готов «из Скандзы», но никак не с появления в западных степях гуннов.

Главная ставка гуннских вождей в начале V века находилась в Причерноморья. Туда направлялись византийские походы до 412 года. Тем не менее переселение гуннов на берега Дуная шло неуклонно; венгерская пушта (степь) напоминает восточную родину, которую к V веку гунны покинули, поскольку климатический сдвиг от вековой засухи к повышению влажности степной зоны вызвал расширение сибирской тайги и лесостепи к югу. Полоса сухих степей сузилась, а значит, сузился и гуннский ареал.

Интенсивное кочевое скотоводство требует больших пространств с редким населением. Лошади и овцы, привыкшие к сухим травмам, не могут жить на лесных влажных кормах, а им приходится добывать корм из-под глубокого снега. Следовательно, необходимы сенокосы, а этого ремесла гунны не знали. Поэтому они сдвинулись на территории завоеванные, где было легче использовать труд покоренных аборигенов. Но тех надо было либо держать в страхе, для чего у малочисленных гуннов не было сил, либо компенсировать их военной добычей. Европейские пассионарные варвары знали, что компенсацию они получат только в Римской империи. Но без должной организации их вторжения были сначала неудачны, потом неудачны: римляне впустили бургундов в долину Роны, вандалов — в Испанию, визиготов — в Аквитанию, аланов — в Галлию, но остальные варвары тоже хотели урвать свою долю римского пирога, а умный правитель, как известно, должен считаться с пожеланиями масс. Ругила был правителем умным и осторожным. Когда в 430 г. гунны достигли Рейна, он попытался наладить с Римом дипломатические контакты и даже предложил империи свои войска для подавления багаудов в Галлии. Но империя перешла в 434 г., и власть перешла к Аттиле и Блде — детям его предка Мундзука.

УСЛОВИЯ И ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА

История европейских гуннов уже написана, и куда подробнее, поэтому можно сделать в одной статье. Но никто из историков

не ставил при этом задачи показать уникальное соотношение возрастов этноса, то есть поставить проблему как соотношение старца, юности, мужа в расцвете сил и пожилого многоопытного человека. А в это жуткое 20-летие, когда решались судьбы этносов Европы и даже путей развития культур, ситуация была именно такова.

В V веке римский суперэтнос находился в фазе обскурации: он почти переставал существовать. Но Восточная Римская империя была сильна, ибо многие обитатели Малой Азии, Сирии и Армении находились в акматической фазе этногенеза. Там прошла ось пассионарного толчка, и христианские, гностические и манихейские общины всосали в себя тех пассионариев, которым была противна самовлюбленная античная пошлость. Они спорили друг с другом, проповедовали свои учения всем, желавшим слушать, интриговали и защищали стены своих городов, что давно разучились делать те, кто оставался язычниками. И, в отличие от германцев, у них была этническая доминанта, философия, переданная им неоплатониками. Эта философия не существовала в глубокой древности, ни в эллинской, ни в иудейской, ни в египетской. Первым неоплатоником был Христос. Однако этим энергичным пассионариям мешали субпассионарии, расплодившиеся за три века имперского благополучия и изобилия. Они отнюдь не были «низами» общества. Многие из них пролезали на высокие и средние должности. Но где бы они ни находились, они разъедали тело римской цивилизации, не желая думать о завтрашнем дне, а тем более — о неизбежном конце.

Выслушаем беспристрастного современника событий. В 448 г. Приск Панийский в ставке Аттилы, где он был в составе посольства, встретил грека, одетого в «скифские» одежды, и записал его слова: «Бедствия, претерпеваемые римлянами во время смутное, тягостнее тех, которые они терпят от войны... ибо закон не для всех имеет равную силу. Если нарушающий закон очень богат, то несправедливые его поступки могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дела, тот должен понести налагаемое законом наказание». Приск возразил, что законы римлян гуманнее и «рабы имеют много способов получить свободу». Грек ответил: «Законы хороши, и общество прекрасно устроено, но властители портят его, поступая не так, как поступали древние»⁹⁹.

Итак, грек отметил переменчивость стереотипа поведения

как главный фактор, дающий людям жить. Культура — стабильна, а римский суперэтнос уже вступил в последнюю фазу: мечтатели оплакивали уходящую культуру, а подонки ее продали. И пока готы не разредили античного населения в Македонии, Фракии и Элладе настолько, что подготовили пустые места для славян, то есть до VI века, Византия была заключена в городских стенах, а Гесперия¹⁰⁰, где эти стены пали, вообще исчезла с карты мира.

Германцы, ровесники византийцев, не имели такой культурной традиции, способной объединить их в суперэтническую целостность. Наоборот, пассионарный толчок, не будучи направлен, разорвал даже те связи, которые у них были в первые века н.э. Чтобы объединиться, им было нужно начальство, и они нашли его в гуннах. Гунны, как и их соперники — аланы и хунны в Северном Китае, переживали фазу надлома, или неуклонного снижения пассионарного напряжения этнической системы. На этом фоне достоинства отдельных личностей меркли. Лишенные своей экологической ниши, они были вынуждены получать необходимые им продукты как дань или военную добычу. На чужой земле они превратились в хищников, которые вынуждены охотиться на соседей, чтобы не погибнуть, и пользоваться услугами этносов, на них непохожих и им неприятных, но крайне нужных.

Пассионарность их была разжижена из-за включения в их среду многочисленных угро-финнов, за счет коих они пополняли потери в боях. Угро-финны были очень храбры, выносливы и энергичны, вполне лояльны гуннским вождям, но сердце их билось в другом ритме, их собственном, вследствие чего они образовали гунно-угорскую химеру. До V века их сочетание не носило такого характера, ибо они жили в разных экологических нишах: в степи и в лесу. А когда историческая судьба задвинула их в окруженную горами долину Дуная да еще добавила к ним кельтов-бастарнов, дакийцев-карпов, сарматов-язигов и кое-какие роды славян, то все изменилось, и отнюдь не к лучшему. На этом фоне и развернулись события, связанные с деятельностью Аттилы и Аэция.

Аттила был невысок, широкоплеч, с темными волосами и плоским носом. Борода у него была редкая. Узкие глаза его смотрели так пронзительно, что все подходившие к нему дрожали, видя осознанную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны ве-

двинул войска в пределы антов. В первом сражении он был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял их короля Божа с сыновьями его и с семидесятью старейшинами»⁹³. Как понять такое странное самовольство? Видимо, рассказ Евнапия о свирепости гуннов является преувеличением. Иначе откуда бы взяться у остроготов большому войску, после того как в 376 г. ушли визиготы и увели часть остроготов, а гепиды, хоть и готское племя, но отделились от остроготов при первом же их ослаблении⁹⁴.

Анты были «многочисленны и сильны»⁹⁵. Война с ними была трудной и в конечном счете губительной. Это был как бы вызов гуннам путем ликвидации их союзника. В ответ на это через год после казни Божа гуннский царь Баламбер, призвав на помощь тех остроготов, которые остались ему верны, напал на Винитария и после нескольких неудач разбил и убил его в бою на реке Эрак (Нижний Днепр). После этого в степи наступил долгий мир.

Гунны в начале V века продвинулись на запад, но без военных столкновений. На первый взгляд это удивительно, но посмотрим на ход событий и на историческую географию этносов Паннонии. В Дакии укрепилось готское племя гепидов, вождь коих Ардарих был личным другом Атиллы. Остроготы, ушедшие с визиготами в римские пределы, не ужились с ними. В 378 г. полководцы Алатей и Сафрах увели своих остроготов в Паннонию и поселили на берегах Дуная⁹⁶. В 400 г. на этой реке появились гунны. Мятажный готский федерат Гайна, проиграв столкновение с населением Константинополя, бежал за Дунай, был схвачен гуннами и обезглавлен⁹⁷. Около того же времени сын римского полководца Гауденция, Аэций, будучи заложником у гуннов, тоже подружился со своим сверстником Атиллой и его дядей Ругилой, который затем стал царем гуннов. Итак, гунны заняли Паннонию без войны, при поддержке многих племен, среди которых, вероятно, были анты и руги. Так выглядело «губительное вторжение гуннских орд»?!

Но были у гуннов и враги. Точнее, это были враги союзны с гуннами племен. Это были свевы — враги гепидов, вандалы — враги ругов, бургунды и злейшие враги самих гуннов — аланы. Эти этносы покинули свою родину, страшась гуннов. В 405 г. они ворвались в Италию. Вождь их Радагайс дал обет принести в жертву богам всех захваченных сенаторов, но сам был окружен войсками Стилихона, предан и казнен. Только этот поход

и можно считать последствием гуннского нажима на этносы Европы. А ведь Великое переселение народов, по общепринятому мнению, началось в 169—170 гг. с маркоманской войны⁹⁸, перехода готов «из Скандзы», но никак не с появления в заволжских степях гуннов.

Главная ставка гуннских вождей в начале V века находилась в степях Причерноморья. Туда направлялись византийские посольства до 412 года. Тем не менее переселение гуннов на берега Дуная шло неуклонно; венгерская пушта (степь) напоминала им заволжскую родину, которую к V веку гунны покинули, поскольку климатический сдвиг от вековой засухи к повышенному увлажнению степной зоны вызвал расширение сибирского леса и лесостепи к югу. Полоса сухих степей сузилась, а значит, сузился и гуннский ареал.

Экстенсивное кочевое скотоводство требует больших пространств с редким населением. Лошади и овцы, привыкшие к степным травам, не могут жить на лесных влажных кормах, а тем более добывать корм из-под глубокого снега. Следовательно, необходимы сенокосы, а этого ремесла гунны не знали. Поэтому они сдвинулись на территории завоеванные, где было можно использовать труд покоренных аборигенов. Но тех надо было либо держать в страхе, для чего у малочисленных гуннов не было сил, либо компенсировать их военной добычей. Европейские пассионарные варвары знали, что компенсацию они могут получить только в Римской империи. Но без должной организации их вторжения были сначала неудачны, потом полудачны: римляне впустили бургундов в долину Роны, вандалов, севов и аланов — в Испанию, визиготов — в Аквитанию, франков — в Галлию, но остальные варвары тоже хотели урвать свою долю римского пирога, а умный правитель, как известно, считается с пожеланиями масс. Ругила был правителем умным и осторожным. Когда в 430 г. гунны достигли Рейна, он попытался наладить с Римом дипломатические контакты и даже давал империи свои войска для подавления багаудов в Галлии. Но он умер в 434 г., и власть перешла к Атилге и Блде — детям его брата Мундзука.

АТТИЛА, АЭЦИЙ И ФАЗЫ ЭТНОГЕНЕЗА

История европейских гуннов уже написана, и куда подробнее, чем это можно сделать в одной статье. Но никто из историков

рили в его таланты и отвагу, поэтому под его властью объединились все племена от Волги до Рейна. Под его знаменем сражались, кроме гуннов, остроготы, гепиды, тюринги, герулы, турклинги, руги, булгары и акациры, а также много римлян и греков, предпочитавших справедливость гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников.

Сначала Атиллы делил власть со своим братом Бледой, но в 445 г. убил его и сосредоточил власть в своих руках. При совместном их правлении гунны, а точнее, присоединившиеся к ним племена, совершили набег на Балканский полуостров и дошли до стен Константинополя. Они сожгли 70 городов, от Сирмия до Наиса. Но добыча их была меньше ожидаемой, так как на полуострове уже дважды похозяйничали визиготы. В 447 г. Феодосий II заключил с Атиллой унизительный для империи мир, обязался платить ежегодную дань и уступил южный берег Дуная от Сингидуна до Наиса, но сменивший Феодосия Маркиан расторг этот договор в 450 г., заявив, что его подарки — для друзей, а для врагов у него есть оружие.

Но Атиллы был дипломатом, он рассчитал, что на западе он достигнет больших успехов и решил двинуть свои войска в Галлию. Для похода был повод: просьба принцессы Гонории обручиться с нею и, что важнее, — союзники: один из франкских князей, изгнанный из своего отечества, и король вандалов — Гензерих, взявший столицу провинции Африки — Карфаген. Отупевших и опешивших римлян можно было не бояться, но хорошо продуманный поход дал неожиданный результат. У Атиллы оказался противник, достойный его и по личным качествам и по уровню пассионарности, — Аэций.

Аэций, сын германца и римлянки, был представителем нового поколения, новой породы пассионариев, которое подняло раннюю Византию. Красивый, сильный мужчина, он не имел равного в верховой езде, стрельбе из лука, метании дротика. Честолюбие и властолюбие было лейтмотивом его бурной биографии. На его глазах мятежные легионеры убили его отца, он дважды был у гуннов, то как заложник, то как изгнанник. Он свободно говорил на германских и гуннском языках, что располагало к нему легионеров, среди которых уже не было уроженцев Италии. Карьеру он сделал быстро, но ревность к славе и власти породила в нем вражду к наместнику провинции Африки — Бонифацию, честному, доброму и способному «последнему римлянину», как потом назвал его историк Прокопий¹⁰¹.

Аэций оклеветал Бонифация и спровоцировал его на мятеж. Бонифаций в 429 г. пригласил на помощь вандалов из Испании, но те, как водится, захватили провинцию Африку для себя. Бонифаций вернулся в Рим и оправдался, ибо действительно потеря Африки была вызвана интригами Аэция. Тогда Аэций, командовавший войсками в Галлии, двинулся на Рим. Бонифаций, командуя правительственными войсками, разбил Аэция, но, раненный в бою, скоро умер (432 г.). Аэций же бежал к гуннам, где его принял Ругила, но после смерти Бонифация вернулся и в 437 г. вторично стал консулом. В третий раз он получил эту должность в 446 г. До тех пор многократно консулами бывали только императоры¹⁰². Но ведь только Аэций смел заставить варваров сражаться за ненавистный им Рим.

Аэций и Атила стояли во главе военно-политических коалиций (отнюдь не «племенных союзов»), население которых было чуждо своим правителям и по крови и по религии, да и по этническому облику. Во главе восточной коалиции германославяно-угорских племен стоял гунн, потомок древнейших тюрков; во главе западной — германо-кельтско-аланской — римлянин, потомок захватчиков и рабовладельцев. Варвары, вторгшиеся в начале V в. в Галлию: визиготы, бургунды, аланы, армориканцы (кельты из Валлиса, переселившиеся на материк в V в., после чего занятый ими полуостров был назван «Бретань»), франки и отчасти алеманны были усмирены Аэцием, который мобилизовал их друг против друга. Движение багаудов Аэций подавил с помощью гуннских отрядов, присланных ему Атилой. И Атиле пришлось подавлять сопротивление своих подданных акациров — «старшего войска»¹⁰³, подстрекаемого антиийскими лазутчиками¹⁰⁴.

Атила и Аэций в детстве были приятелями. Ссориться им было незачем. Но правители зависят от масс не меньше, чем те от них. А в фазе пассионарного подъема массы не могут и не хотят жить в состоянии покоя. В Византии рост пассионарности породил борьбу церковных направлений, а в среде варваров — войну, в которую были втянуты гунны и Рим, хотя воевали в основном германцы.

ПОИШКА 450—472 гг. И ЭТНОГЕНЕЗ

Каждое явление истории может быть рассмотрено в различных ракурсах, не подменяющих, а дополняющих друг друга: в соци-

альном, культурном, государственном и т. д. Нам для нашей темы нужен этнический аспект. Посмотрим, какие же этносы сражались под руководством Атиллы? «В его войске были, кроме гуннов, бастарны, скиры, остроготы, гепиды, герулы, руги, алеманны, часть франков, бургундов и тюрингов¹⁰⁵. Здесь перечислены только германские и кельтские этносы, а прочие объединены, видимо, под названием «гуннов», в том числе биттогуры, или «черная угра»¹⁰⁶, анты, которые как союзники гуннов не могли не участвовать в походе. Список этносов, самоуправляющихся, независимых друг от друга и связанных только политическими договорами, никак нельзя назвать «племенным союзом», как это часто делается.

Равным образом не было «племенным союзом» войско, собранное Аэцием: визиготы, аланы, армориканцы, саксы, часть франков, бургундов и какие-то литицианы, рипарии, олибрионы¹⁰⁷. Но возникает вопрос: если этих людей не гнали в бой их короли, то зачем они пошли на войну? Без этнологии объяснить нельзя. Знак этнической доминанты фазы подъема в фазе спада меняется на обратный. Нам понятна ситуация, когда люди хотят сидеть дома, а начальники гонят их в бой. При подъеме пассионарности, напротив, люди гонят в бой королей. Впрочем, субпассионарии делают то же самое, только без цели и без смысла.

На пути в Галлию гунны (точнее, разноплеменное войско Атиллы) разбили бургундов и уничтожили их королевство, затем, разрушая все города на своем пути, дошли до Орлеана и отступили от него. В 451 г. на Каталаунской равнине гунны приняли бой с подошедшими войсками Аэция. Битва была кровавой, но победа не далась никому. Атила отступил, Аэций его не преследовал. В 452 г. Атила возобновил войну. На этот раз он вторгся в Италию и взял самую сильную крепость — Аквилею. Поскольку сами гунны крепостей брать не умели, тут, очевидно, постарались остроготы и гепиды. Разграблена была вся долина По. Медиолан и Павия сдались, чтобы, отдав имущество, сохранить жизнь людей. Аэций имел слишком мало войск для отпора гуннам.

Римляне просили мира и предложили Атилле громадный выкуп за уход из Италии. Атила принял предложение, ибо в его войске возникла эпидемия, и гунны покинули Италию. В 453 г. Атила женился на бургундской красавице Ильдико, но умер в брачную ночь. А в следующем, 454 г., гуннская держава

распалась, и в том же году император Валентиниан собственноручно заколол Аэция во время аудиенции. Римляне говорили, что император левой рукой отрубил себе правую. В 455 г. вандалский король Гензерих взял Рим и отдал город на разграбление своим войнам. Дальнейшая история Италии — это агония уже даже не этноса, а его осколков.

Именование Аттилы «бичом Божиим» совсем не оправдано. Конечно, он был человек волевой, умный и талантливый, но так зажатый этнической ситуацией, что ради спасения себя и своего народа вынужден был плыть по течению. Гунны в Паннонии были окружены со всех сторон враждебными подданными, поэтому они оказались на поводу у большинства, которое их не любило. На Каталаунском поле напор Аэция удержали не союзники гуннов, а их богатыри, которые полегли на поле боя. В Италии много гуннов умерло от эпидемии в непривычном климате. Восполнить потери было нечем, ибо акациры Северного Причерноморья были ненадежны.

Наследство, оставленное Аттилой, было губительно для его сыновей и близких. Его заслуга перед своим народом только в том, что он отдалил гибель гуннов на 20 лет, а среди европейцев оставил о себе память едва ли мифическую. Но Великое переселение народов, начавшееся до вторжения гуннов, продолжалось и после их исчезновения.

Итак, Аэций и Аттила на персональном уровне — талантливые герои, на этническом — индикаторы контактных ситуаций, на суперэтническом — детали грандиозных процессов, бессильные их исправить или изменить. Однако суперэтнические процессы не только можно, но нужно изучать, как метеорологию или сейсмографию. Так, своевременно зная о цунами, можно уйти в горы и спастись. А это далеко не бесполезно.

ПРИ ПОРАЖЕНИИ

Смерть Аттилы оказалась переломным моментом в истории Восточной Европы. Когда после похорон сыновья правителя стали спорить за права наследования, король гепидов Ардарих объявил, что считает себя обиженным недостаточным уважением к нему, и поднял восстание. В возникшей войне приняли участие все племена и народы, только что подчинившиеся Аттиле. Произошла решительная битва на р. Недао (Недава, приток Савы), о которой повествует Иордан: «В ней можно было

видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алана... с тяжелым, а герула — с легким оружием»¹⁰⁸.

Кто был за кого? Из текста Иордана это неясно. Известно, что остроготы были на стороне гепидов, а поэтому можно думать, что там же были и аланы, то есть язиги. А вот руги и свевы? Видимо, они были за гуннов, потому что позже, в 469 г., они бьются против готов на реке Болии¹⁰⁹. А поскольку Одоакр покорил часть ругов, то надо полагать, что герулы, на которых он опирался, были врагами ругов и, следовательно, друзьями гепидов. Иордану все эти отношения были, конечно, ясны. В этой битве погиб любимый сын Атиллы — Эллак и 30 тыс. гуннов и их союзников. Уцелевших гуннов братья Эллака Денгизих и Ирник увели на восток, на старые земли готов, в низовья Днепра. Остроготы заняли опустевшую Паннонию, а руги ушли в Норик (кроме тех, которые нашли приют в Византии).

Гунны продолжали войну против готов, но тут их настигла вторая беда, на этот раз с востока. «В 463 г. к ромеям (византийцам) пришло посольство от сарагур, урогов и оногур и рассказало, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а те в свою очередь были прогнаны аварами, бежавшими от некоего народа, обитавшего на берегах океана. Послы также сообщили, что сарагуры покорили акацир... и желают вместо них быть союзниками империи»¹¹⁰. Ныне названия у перечисленных здесь народов расшифрованы¹¹¹. Сарагуры, оногуры и уроги — угры, предки древних болгар; савиры — этнос самодийской группы¹¹², населявшей окраину сибирской тайги; абары — джунгарское племя¹¹³. Разгромив акациров, болгары уничтожили гуннский тыл, а савиры продвинулись по лесостепной полосе до Десны и остановили движение антов на восток. Анты же были союзниками гуннов.

Чем объяснить такую странную и внезапную подвижку племен, явно вынужденную событиями на юго-востоке? И почему эта война стала возможной? Ведь 200 лет сибирские народы не испытывали никаких неприятностей от южных соседей, так как между ними лежала пустыня. Вспомним, что в середине IV века изменили путь своего прохождения атлантические циклоны¹¹⁴. Они начали смещаться к югу и увлажнять уже не северную тайгу, а ее южную окраину. Сухая степь зазеленела и стала легко

проходимой. Тогда-то события, происходившие в Средней Азии, и отозвались эхом, достигшим Восточной Европы.

Казалось бы, повышенное увлажнение Великой степи — много, но для савиров оно обернулось бедой. Значительная часть их покинула родину. Они побеждали, но не могли пользоваться плодами побед. Те, которые по западному берегу Каспийского моря прошли в Иран, были вынуждены отдавать свои услуги на службе у персидских шахов или византийских императоров¹¹⁵. Северные савиры ославянились по языку, но долгое время боролись с россами и антами¹¹⁶.

Итак, оптимизация природных условий Великой степи привела к беде три этноса: савиров, болгар и акациров. Циклоны, проходя через лесную зону, наполнили влагой истоки Волги и ее притоков, из-за чего уровень Каспия поднялся на 3 м и обривалась волжская дельта, которую заселили выходцы с низовий Терека — хазары¹¹⁷. Природа вечно меняет ландшафты и их население — этносы. Подобно всем природным неуправляемым системам, этносы возникают как определенные целостности и исчезают, теряя системные связи. А люди? Они входят в состав иных этносов и продолжают жить, забывая утраченное прошлое. Конечно, такие перемены не безболезненны. Процессы этногенеза, как жизнь организмов, дискретны: они имеют начала и концы.

КАТАСТРОФА

После болгарского удара в спину — разгрома акациров — положение гуннов стало безнадежным. Но гунны сохранили древнюю тюркскую доблесть и угорское упорство. Так как оба предка обучили потомков не бояться смерти в бою, то Денгизих продолжал войну с готами. Его поддержали три гуннских племени (ултзинзуры, биттогуры, бардоры) и одно германское, пришедшее к готам, ангискиры¹¹⁸. На его стороне были и садаги, гуннское племя, оставшееся в Паннонии после битвы при Нелло¹¹⁹. Готы напали на садагов в 60-х годах V века, но Денгизих совершил поход на город Басиану в южной Паннонии. Готы были вынуждены оставить садагов в покое и бросить свои войска на гуннов. Те же, выполнив боевую задачу, отошли в степи Поднепровья.

После удачной диверсии, связавшей руки готам — врагам не только гуннов, но и Византии, Денгизих попытался в 468 г. на-

ладить союз и торговлю с константинопольским двором, но получил отказ. Вместо контакта возник конфликт. Но почему? Потому что готы были одновременно проклятием и опорой поздней Римской империи. Они 90 лет (378—468 гг.) грабили население Италии и Балканского полуострова, так что древние этносы (македонцы, фракийцы, многие эллины, часть иллирийцев) просто исчезли с этнографической карты. Но вместе с тем готские наемники были наиболее боеспособной частью императорской гвардии. Будучи арианами¹²⁰, они охотно подавляли народные движения в городах, где после Халкидонского собора 451 г. православные и монофизитские монахи придавали народным волнениям неслыханный размах. И за все расплачивалось сельское население, отдаваемое правительством империи в жертву воинственным варварам.

На Западе свев Рицимир, на Востоке алан Аспар, командуя германскими гвардейцами, готовили Рим и Константинополь для сдачи варварам. Рицимир умер от заразы, оставив Италию беззащитной, ибо ее население начисто потеряло древнюю доблесть (пассионарность). Но Восток устоял, хотя готские гвардейцы держали в своих руках столицу и заставили Льва I выплачивать ежегодную стипендию не только себе, но и своим паннонским сородичам. В 469 г. арианин Аспар разбил естественного союзника Византии Денгизиха и отправил его голову в Константинополь.

Официальная версия событий гласила, что гунны совершили набег на Византию. Но гунны были тогда окружены: с запада им грозили готы, с востока — болгары, с севера — савиры. Могли ли они начать новую войну? А вот Аспару гибель гуннов была выгодна, за это можно было получить благодарность от готов. Поэтому и было объявлено, что гунны «прорвались» через Дунай. Но когда в 471 г. Аспар был убит и гвардейцы его перебиты саврийскими войсками, находившимися под командой будущего императора Зинона, выяснилось, что гунны переходят Дунай вовсе не для войны, а чтобы вступить в подданство империи. Им были выделены земли в Малой Скифии (Добружде)¹²¹. И на этом их история кончилась. Их сменили племена ранних болгар — кутургуров и утургуров, а также и огоров (угров). В VI веке степи до Дона и берега Черного моря подчинили тюркюты, которым помогли хазары.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН И ТРАДИЦИЙ

Китайская историко-географическая традиция сохранила смутное сведение об «отрасли дома Хунну от Западного края (так назывался в древности бассейн Тарима. — Л.Г.) на Запад». Это, безусловно, слух о державе Аттилы, то есть гуннах, по легенде начисто истребленных соседями; уцелел лишь один 9-летний мальчик, которому враги отрубили руки и ноги, а самого бросили в болото. Там от него забеременела волчица. Мальчика все-таки убили, а волчица ушла на Алтай, спряталась в пещеру и родила там десять сыновей. По прошествии нескольких поколений некто Асянше (Аслан-шад) вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана. Дальше идет история каганата, включающая наряду с изложенной легендой еще две версии происхождения тюркютов (древних тюрков), хотя и менее романтических, но более вероятных и, по-видимому, более верных.

Разумеется, понимать легенду буквально — неправомерно. Но важны отдельные детали, сохраненные ею. Мальчик брошен в болото — похоже на озеро Балатон, около которого гунны потерпели сокрушительное поражение. Венгерское его название произошло из славянского «болото», так что гуннский перевод верен. Волчица, родившая от искалеченного ребенка десять сыновей, — образ такой же, как «галльский петух» или «английский леопард» Плантагенетов. Пещера, в которой скрылись потомки волчицы, — центральная часть Горного Алтая, место весьма пригодное для укрытия. И наконец, тюркские ханы сами себя считали по психической структуре волками, а слово «ашина» обозначало у них «благородный волк», хотя корень слова — монгольский.

Этот сюжет был введен в китайскую хронику как одна из версий тюркского этногенеза, но на самом деле это поэма, а не история. Подумать только: перед нами четверной перевод. Гуннский вариант переведен на древнетюркский язык, тот — на китайский, а последний — на европейские языки. Известно, что каждый перевод поэтического текста снижает его эстетическое достоинство на порядок. Так поэма превратилась в изложение сюжета, как если бы кто-либо составил сухой пересказ «Песни о Нибелунгах», убрав из нее все поэтические удачи. «Песнь о Нибелунгах» здесь приведена не случайно. Она такой же отзвук гуннской трагедии, как и перевод легенды о волчице и ее потомках, только сохранилась западная версия полнее, по-

тому что пергамент лучше сопротивляется губительному Хроносу, чем береста.

Но что дает этот скучный пересказ науке, стоит ли эта недостоверная информация того, чтобы уделять ей внимание? Пожалуй, стоит. Она показывает, что при полной политической раздробленности идейное единство хуннов и гуннов сохранялось, что этническая традиция, она же — сигнальная наследственность, была не нарушена и, наконец, что западный поход Истеми-хана в 555 г. был идейно связан с хуннскими миграциями II века, то есть что 400 лет между этими двумя походами были не провалом в этнической памяти, а поводом для преодоления исторической несправедливости, ибо гуннам и тюркютам предательство гепидов и сарагуров представлялось именно таковым. Эстетическое восприятие прошлого — это сила, способная вдохновить народ на великие дела. Тюркюты их совершили потому, что незабытые деяния хуннов и гуннов вдохновляли их.

Так сомкнулись две нити повествования: историко-географическая и этнологическая, причем первая подтвердила правильность второй.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Статья покоится на фундаменте из моих монографий «Хунну» (М., 1960); «Хунны в Китае» (М., 1974) и 14 статей под общим подзаголовком «Ландшафт и этнос» (Вестник Ленинградского университета, серия географии и геологии, 1964—1973). Экстрактом этой серии является статья «История колебаний уровней Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XIV в. н.э.)». В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
- ² Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. №1.
- ³ Гумилев Л.Н. Этноландшафтные регионы Евразии за исторический период // Чтения памяти академика Л.С.Берга. Вып. VIII—IX. Л., 1968.
- ⁴ Грумм-Гржимайло Г.Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Известия Всесоюзного географического общества (ВГО). 1933. Т. XV. Вып. 6.
- ⁵ А.Каримуллин доказал, что очень много дакотских и тюркских слов совпадает по звучанию и смыслу. Если в Америке нет следов древнего пребывания азиатских монголоидов, то американоидные черты встречаются в скелетах Сибири III—II тыс. до н.э. Следовательно, не тюрки проникли в Америку, а индейцы — в Сибирь (см.: Вопросы географии США // Доклады Географического общества СССР. Л., 1976. С. 123—126).
- ⁶ Руденко С.И. Культуры бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки // Доклады Географического общества СССР. 1968. Вып. 5.

- ⁷ Геродот. История в девяти книгах. Т. 1. М., 1888. С. 11.
- ⁸ Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1940. Т. VIII; Его же. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Эрмитажа. 1941. Т. 1.
- ⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 121.
- ¹⁰ Расчет прост: 60 тыс. всадников — 20 процентов всего населения (см.: Haloun G. Zur Uetsi-Frage // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1937. S. 306).
- ¹¹ Грумм-Гржимайло Г.Е. Материалы по этнологии Амдо и области Кукунора // Известия Русского географического общества (РГО). 1903. Т. XXXIX. Вып. 5; Его же: Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? // Журнал Министерства народного просвещения. 1903.
- ¹² Захаров И. Историческое обозрение народонаселения Китая // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. 1. СПб., 1852. (Цифры нельзя воспринимать буквально, но соотношения их выдержаны, по-видимому, правильно.)
- ¹³ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: В 3-х т. Т. II. М.; Л., 1950. С. 258—259.
- ¹⁴ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 123.
- ¹⁵ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 195.
- ¹⁶ Дата появления гетов на Черном море (весьма приблизительно) — «время Каракаллы» (211—217 гг.). См.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. М., 1893. С. 449.
- ¹⁷ Гумилев Л.Н. Некоторые вопросы истории хуннов // Вестник древней истории (ВДИ). 1960. №4.
- ¹⁸ Иностранцев К.А. Хунны и гунны // Труды туркологического семинария. 1926. Т. 1. С. 118—119. К.А. Иностранцев предложил применить название «гунны» для европейской ветви хуннов, дабы избежать путаницы.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Maenchen-Helfen O. The Huns and the Hsiung-nu // Byzantion. American Series. III. Т. XVII. 1925; Ejusd. The Legend of the Origins of Huns // Ibid.
- ²¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- ²² Аммиан Марцеллин. История. Т. III. Киев, 1908. С. 236—243. См.: Бичурин Н.Я. Ук. соч. Т. II. Гл. «Хунну».
- ²³ Там же. Гл. «Сяньби».
- ²⁴ Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962; Его же: Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тыс. до н.э.). М., 1961.
- ²⁵ Иордан. Ук. соч. С. 91.
- ²⁶ Maenchen-Helfen O. Op. cit. P. 244—252.
- ²⁷ Иордан. Ук. соч. С. 90.
- ²⁸ Там же. С. 115.
- ²⁹ См.: Гумилев Л.Н. Некоторые вопросы истории хуннов. С. 120—125.
- ³⁰ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 103—113.
- ³¹ Именно предки вогулов (манси) в первых веках н.э. имели наибольшую территорию, и этнонимы манси, мадьяр и мишар — всего лишь звуковые варианты одного имени (см.: Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 190).

- ¹³ См.: *Скржинская Е.Ч.* Комментарии. В кн.: *Иордан*. Ук. соч. С. 222—223.
- ¹⁴ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Ук. соч. Т. III. М.; Л., 1953. Прил. карта 3 (время Сань-го).
- ¹⁵ *Рихтер В.Г.* Донные отложения Кара-Богаз-Гола как индикатор колебаний уровня Каспийского моря // Бюллетень Московского общества изучения природы (МОИП), отделение геологии. 1961. Вып. 1.
- ¹⁶ *Hajdu P.* Die ältesten Berührungen zwischen Samojedem und die jénisseischen Völkern // *Acta Orientalia*. Budapest, 1953. Т. III. S. 88—89.
- ¹⁷ *Чернецов В.Н., Мошинская В.И.* Ук. соч.
- ¹⁸ Сиртя — слово самоедское; применяется также к заволоцкой чуди, по легенде, закопавшихся в землю, увидев березу. Береза растет на переотложенных почвах и является символом русских (см.: *Ефименко П.С.* Чудь заволоцкая. Архангельск, 1869. С. 24, 42, 86; Записки РГО. 1864. № 2. С. 49).
- ¹⁹ *Серебренников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 41.
- ²⁰ *Hajdu P.* Op. cit. S. 88—89; *Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1961. № 13. P. 309—319.
- ²¹ *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки ВГО. 1957. Т. XVI. С. 269.
- ²² *Берг Л.С.* Беседа со студентами Московского университета // Вопросы географии, 1951. С. 68—69.
- ²³ *Altheim F., Steil B.* Die Araber in der Alten Welt. Bd. V. Teil 2. Brl., 1969. S. 507—525.
- ²⁴ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Ук. соч. Т. II. С. 249; Т. III. С. 19.
- ²⁵ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной Сибири. Чебоксары, 1960. С. 365.
- ²⁶ Там же С. 557—562.
- ²⁷ *Аммиан Марцелин*. Ук. соч. С. 188—191.
- ²⁸ *Hannestad K.* Les relations de Byzance avec la Transcaucasie et l'Asie Centrale au V et VI siècles // *Byzantion*. Bruxelles, 1957. Т. XXV—XXVI—XXVII. P. 450.
- ²⁹ *Ibid.* P. 429.
- ³⁰ Подробнее см.: *Гумилев Л.Н.* Колебания степени увлажнения и миграции народов в юго-восточной Европе с II по IV в. // *Actes du VIIe Congrès International des Sciences Prehistoriques*. Prague, 1971. P. 951—955.
- ³¹ *Робертсон Дж.С.* История христианской церкви. Т. 1. СПб., 1890. С. 133.
- ³² Там же. С. 170.
- ³³ Космическая антропоэкология: техника и методы исследований // *Гумилев Л.Н., Иванов К.К.* Этносфера и космос, Л., 1984. С. 211.
- ³⁴ См.: *Вебер Ф.* Всеобщая история. Т. IV. М., 1893. С. 447—451.
- ³⁵ *Артамонов М.И.* Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1940. Вып. VI. С. 5.
- ³⁶ *Рыбаков Б.А.* Древние русы // Советская археология. 1953. Т. XVII. С. 23—104; *Скржинская Е.Ч.* Комментарии. В кн.: *Иордан*. О происхождении и деяниях готов. М., 1960. С. 279.
- ³⁷ «Поляне, яже ныне рекомая Русь» (Повесть временных лет).
- ³⁸ *Скржинская Е.Ч.* Ук. соч. С. 274—279.
- ³⁹ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х т. Т. II. М.; Л., 1950. С. 229.

- ⁶⁰ Из краткого упоминания о деяниях императора Тацита (275—276 гг.) видно, что аланы были в союзе с готами (см.: Вебер Г. Ук. соч. Т. IV. С. 515).
- ⁶¹ Медиа Атропатена — ныне Азербайджан.
- ⁶² Скржинская Е. Ч. Ук. соч. С. 270.
- ⁶³ Вебер Г. Ук. соч. С. 593.
- ⁶⁴ Визиготы и гепиды — западные ветви готов; язиги — сарматское племя в Паннонии.
- ⁶⁵ Другая часть вандалов, сдавшаяся римлянам, была поселена в Британии в 277 г. (см.: Вебер Г. Ук. соч. С. 517).
- ⁶⁶ Тайфалы — германское племя, жившее в IV в. на Серете, союзники готов, но другого происхождения; карпы — племя на Нижнем Дунае, Пруте и Серете, по-видимому, дакийское, воевавшее в III в. с римлянами, будучи в союзе с остроготами; герулы — «скифское» (то есть германское) племя, жившее у Азовского моря, покоренное Германарихом (Скржинская Е. Ч. Ук. соч. С. 251—254, 279).
- ⁶⁷ Северные, то есть прибалтийские славяне; южные назывались склавинами.
- ⁶⁸ Эти сведения Иордана вызывают сомнения у Скржинской (с. 268). Однако если считать, что венеды и айстии, то есть славяне и балты (литовцы), находились на границе владений Германариха и подчинение их было формальным, как это часто бывало в Средние века, то очертания его державы в представлениях древних и новых авторов расходятся только в деталях, то есть в пределах допуска.
- ⁶⁹ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 88.
- ⁷⁰ Там же. С. 85—90.
- ⁷¹ Болчу — ныне р. Урунгу в Джунгарии.
- ⁷² Малов С.Е. Ук. соч. С. 88.
- ⁷³ Иордан. Ук. соч. С. 91.
- ⁷⁴ Там же. С. 91.
- ⁷⁵ Рыбаков Б.А. Ук. соч.
- ⁷⁶ «По ту сторону Мэотиды» (Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 1).
- ⁷⁷ Средний Дон окаймляют три террасы. На нижней — прибрежный лес (тугай), на средней — степь с колками (рошами) — прекрасным укрытием для местных жителей и их отрядов. Донские казаки защищались здесь от ногайцев вплоть по XVIII век. Чтобы разбить казаков, ногайцам нужен был большой численный перевес. «Бесчисленные полчища гуннов» — плод фантазии европейских историков. Гунны в войне с аланами кормились охотой и, следовательно, могли передвигаться только малыми отрядами, совмещая охоту с войной. Да и было их до 370 г. очень мало. Положение изменилось потом.
- ⁷⁸ Источник Иордана, Аблавий, относит эрулов к «скифам». Историю вопроса см.: Скржинская Е. Ч. Ук. соч. С. 89, 266—267; отождествление этнонимов «эрул—герул» — наша гипотеза.
- ⁷⁹ Иордан Ук. соч. С. 90—91.
- ⁸⁰ Е. Ч. Скржинская, комментируя «легенду об олене», солидаризуется скорее со скептиками, нежели с Иорданом и Зосимом, автором второй половины V века. Иордан приписывает трагический для готов переход гуннов через моря злым духам — предкам гуннов, а Зосим пишет: «Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, обмелевший от снесенного Та-

наисом ила, позволил им (гуннам) перейти пешком из Азии в Европу (Скржинская Е.Ч. Ук. соч. С. 271). Видимо, так оно и было. Изменение пути циклонов из Заполярья в степь в IV в. должно было вызвать бурную гумидизацию лесной зоны, где берут начало Волга, Дон и Днепр. При половодьях эти реки снесли в устья размытую почву и создали на Волге дельту, в низовьях Дона — бар, который впоследствии был размыт волнением Азовского моря и послужил материалом для отмелей в Керченском проливе.

⁸¹ Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1. Греческие писатели. СПб., 1893. С. 726.

⁸² Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 46—51.

⁸³ Моммзен Т. История Рима. Т. V. М., 1949. С. 272.

⁸⁴ Там же. С. 211.

⁸⁵ Еще в 336 г. Боспор принадлежал римлянам, но вскоре Рим перестал заботиться о судьбе греков, живших в Крыму (см.: Там же. С. 268).

⁸⁶ Оба были предательски убиты по приказу императоров.

⁸⁷ Вебер Г. Ук. соч. С. 593.

⁸⁸ Иордан. Ук. соч. С. 91—92.

⁸⁹ «Хотя теперь (в VI в. — Л.Г.) они свирепствуют повсеместно», — отмечает Иордан, имея в виду венетов (там же. С. 90). Вот граница пассионарного толчка. Венеты, а потом саксы и франки получили пассионарность от генетического дрейфа и, отстав на старте, выиграли на финише.

⁹⁰ См.: Скржинская Е.Ч. Ук. соч. С. 221.

⁹¹ Валент был ревностным арианином.

⁹² Иордан. Ук. соч. С. 115.

⁹³ Скржинская Е.Ч. Ук. соч. С. 320.

⁹⁴ Там же. С. 206—208.

⁹⁵ Пожалуй, только это и бесспорно в антской проблеме. Все другие суждения историков об антах решительно расходятся. Я согласен с теми, кто считает антов славянами и предками полян.

⁹⁶ Иордан. Ук. соч. С. 92.

⁹⁷ Там же. С. 301.

⁹⁸ Вебер Г. Ук. соч. С. 310.

⁹⁹ Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского. СПб., 1861. С. 55—58.

¹⁰⁰ Западная Римская империя; это ее название забылось к VI веку.

¹⁰¹ Так же он назвал и Аэция, но тут с ним нельзя согласиться. По характеру, страстности, отсутствию патриотизма и авантюризма Аэций больше ранний византиец, чем поздний римлянин. И родился он на берегах Нижнего Дуная, а не Тибра или По. Ни он не любил италиков, ни они его.

¹⁰² Скржинская Е.Ч. Ук. соч. С. 302.

¹⁰³ Артамонов М.И. Ук. соч. С. 56, прим.

¹⁰⁴ Там же. С. 55.

¹⁰⁵ Вебер Г. Ук. соч. С. 670.

¹⁰⁶ Европеус Д. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда славян. СПб., 1874. С. 3.

¹⁰⁷ Скржинская Е.Ч. Ук. соч. С. 307.

¹⁰⁸ Иордан. Ук. соч. С. 118.

¹⁰⁹ Скржинская Е.Ч. Ук. соч. С. 341.

¹¹⁰ Дестунис Г.С. Ук. соч. С. 87.

- ¹¹¹ Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1961. С. 106--109.
- ¹¹² См.: Артамонов М.И. История хазар. С. 69--78.
- ¹¹³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений по исторической географии Восточной и Серединой Азии. Чебоксары, 1960. С. 542, 549, 553.
- ¹¹⁴ Гумилев Л.Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза) // Народы Азии и Африки. 1966. № 4.
- ¹¹⁵ Артамонов М.И. Ук. соч. С. 60--78.
- ¹¹⁶ Шевченко Ю.Ю. На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы. Л., 1977. С. 39--58.
- ¹¹⁷ Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966. С. 63--64.
- ¹¹⁸ Скржинская Е.Ч. Ук. соч. С. 340.
- ¹¹⁹ Там же. С. 333.
- ¹²⁰ Арианство, принятое готами случайно — при их дворе с императором Валентом в 376 г., затем стало символом этнического самоутверждения восточных германских племен, знаменем, противопоставленным православию, которому покровительствовал враг готов — император Феодосий I. Конечно, догматические разногласия были непонятны безграмотным готам. Но люди в критических фазах этногенеза думают не об этом, а о том, где свои, а где враги. При этнических контактах исповедание только индикатор связи, положительной или отрицательной.
- ¹²¹ Иордан. Ук. соч. С. 120; Скржинская Е.Ч. Ук. соч. С. 336.

Некоторые вопросы истории хуннов

Проблема тождества азиатских хунну III в. до н.э. и европейских гуннов IV—V вв. н.э. в течение 200 лет считалась нерешенной в европейской исторической науке. В свое время К. Иностранцев, исследуя эту проблему, пришел к выводам, которые имеют основополагающее значение и сейчас.

1. «Кочевавший к северу от Китая... народ хунну образовался из усилившегося турецкого (тюркского. — Л.Г.) рода. Значительная часть подчиненных племен состояла тоже из турков, хотя... в состав государства входили другие племена, как то: монгольские, тунгузские, корейские и тибетские».

2. «После распадения государства на две части (вызванного скорее политическими и культурными причинами, чем этническим различием...) северные хунну не могли сохранить самостоятельность, и часть их выселилась на запад... Хунну прошли... через Дзунгарию и Киргизские степи и вступили в Восточную Европу во второй половине IV в.»

3. «В Северо-Западной Азии и в Восточной Европе турки хунну, или гунну, столкнулись с другими племенами. Прежде всего на их пути стояли племена финские. Чем далее двигались гунны, тем более редел среди них турецкий элемент. Весьма вероятно, что между подданными Модэ и Аттилы было мало общего. Однако нам кажется несомненным, что вторжение грозных завоевателей IV—V вв. находится в связи и вызвано переворотами на крайних восточных пределах Азии»¹.

Эту точку зрения оспаривал 20 лет спустя американский историк Отто Мэнчен-Хелфен², который сформулировал следующие три положения: 1) теория, согласно которой гунны (Huns) самостоятельно пришли с Дальнего Востока, не может быть поддержана ни прямыми, ни косвенными письменными или археологическими доказательствами; 2) нет доказательств того, что гунны и хунны (Hsiung-nu) говорили на одном языке; 3) искусство гуннов, насколько оно известно, коренным образом отлично от искусства хунну (Там же. С. 243).

Эти соображения, несмотря на огромную эрудицию автора в исследуемом им вопросе, не могут быть, однако, приняты. Они оставили нас еще раз вернуться к этой проблеме и попытаться внести необходимые уточнения, позволяющие, как нам кажется, более верно установить ход событий. О.Мэнчен-Хелфен справедливо указывает, что лингвистических данных для отождествления хунну и гуннов нет, так как язык тех и других нам неизвестен. Сиратори³ и Пельо⁴ нашли в уцелевших словах хуннского языка много монгольских элементов, но тот же Пельо нашел турцизмы в языке сяньби. Это только указывает на то, что в ту отдаленную эпоху тюркский и монгольский языки стояли близко друг к другу, и оба народа заимствовали друг у друга слова, на что указали уже Кастреп⁵, Рамстед⁶ и в наше время Лигети⁷. Надо заметить, однако, что единственная уцелевшая хуннская фраза прочитана Аристовым как тюркская, а ведь строй языка значит больше, чем отдельные слова⁸.

О.Мэнчен-Хелфен, пренебрегая этим фактом, отвергает гипотезу В.Бартольда, что потомком хуннского языка в Европе является чувашский⁹, не предлагая взамен ничего. Но скепсис его не оправдан. Исследованием Б.А.Серебрянникова доказывалось, что в тюркской струе чувашского языка прослеживаются тюрко-монгольские параллели от времени более древнего, чем вторжение Батыея, показывающие, что тюркоязычные предки чувашей жили около Байкала¹⁰.

Эти работы не могли быть известны Мэнчен-Хелфену, когда он писал свои статьи, но они обращают один из его наиболее острых доводов против него самого.

Гораздо серьезнее возражения О.Мэнчен-Хелфена по линии исторической критики нарративных источников. Хирт строил доказательство тождественности гуннов и хунну на тексте Вэйну, сообщающем о завоевании страны Судэ народом хуни. При этом под Судэ понималась страна алан, под хуни — хунны, они

же гунны¹¹. О.Мэнчен-Хелфен убедительно показывает, что Судэ — это Согд, а хуни не могут быть хуннами. Он предполагает, что хуни — это эфталиты, отдавая дань отождествлению эфталитов с хионитами¹². Относительно слабости аргумента, основанного на ложном понимании топонима Судэ, Мэнчен-Хелфен, безусловно, прав. Затем в качестве очень сильного аргумента против миграции хуннов на запад Мэнчен-Хелфен выдвигает тот факт, что гунны (Huns) появились в Причерноморье до середины II в. н.э.¹³ Чтобы доказать невозможность переселения гуннов, он опровергает гипотезу Хирта о том, что это были остатки войск Чжи-чжи шаньюя, разгромленные в 36 г. до н.э. И тут он также полностью прав. Однако Мэнчен-Хелфен упускает из виду правильную дату ухода хуннов на запад — 50-е годы II в. н.э.¹⁴; все приведенные им возражения недействительны.

На точку зрения Мэнчен-Хелфена в нашей науке откликнулся А.Н.Бернштам весьма краткой и неубедительной фразой: «Отто Мэнчен-Хелфен не учитывает этническую и культурную трансформацию гуннских племен, которые в процессе своего переселения, естественно, изменяли свой облик. Следует только вспомнить их путь и тот факт, что они прошли этот путь минимум за пять столетий (с середины I в. до н.э. до второй половины IV в. н.э.)»¹⁵. Но именно эту дату Мэнчен-Хелфен отверг, к тому же в советской науке также доказано, что небольшой отряд Чжи-чжи шаньюя (всего 3000 чел.) был полностью уничтожен в Таласской долине в 36 г. до н.э. и никакого влияния на Среднюю Азию не оказал¹⁶. Вместе с тем А.Н.Бернштам несколько ниже солидаризируется с Отто Мэнчен-Хелфеном: «Считаем необходимым подчеркнуть характерное указание на то, что какая-то часть западных гуннов возникла непосредственно на европейской почве, т.е. автохтонно». (Ук. соч. С. 138.) Таким образом, по мнению А.Н.Бернштама, гунны имели двойное происхождение — предположение, которое Бернштам не разъяснил и не доказал. А.Н.Бернштаму возразили Л.Р.Кызласов и Н.Я.Мерперт в рецензии на его книгу¹⁷, указав, что ядро гуннов было центральноазиатского происхождения, признавая тем самым факт переселения. Однако в краткой рецензии они не привели аргументации и не развили своей концепции так, чтобы она исключала противоположную. Вполне солидаризируясь с Кызласовым и Мерпертом, я считаю целесообразным дать разбор событий хуннской истории, с тем

чтобы показать невозможность полемики негативными аргументами.

Этнографические возражения О. Мэнчен-Хелфена сводятся к следующему: гунны были безбороды, так как выщипывали себе бороды (ссылка на Аммиана Марцеллина), а хунны бородаты и носаты (ук. соч., с. 235); это верно, но разве европейцы не меняли моды на ношение бороды и бритые? Почему же отказываться в этом хуннам? Хунны, по мнению Мэнчен-Хелфена, носили косы, а гунны носили волосы, «аккуратно подстриженные в кружок» (ссылка на Приска. — Там же. С. 237.) Однако косы носили только тоба, что и отличало их от прочих племен настолько, что им даже была дана кличка «косоплеты». Хунны носили волосы на подбор, аккуратно подстригая их в кружок, что видно на бляхах из Ноин-улы, где эта «прическа» украшает голову антропоморфного быка¹⁸. Далее, Мэнчен-Хелфен отмечает обычай гуннов убивать стариков, которого не было у хуннов (но такие обычаи могут и возникать), и обычай деформации черепа (ссылка на Сидония), который у хуннов также не отмечен. Между тем Г.Ф.Дебец указывает именно на краниологическую близость могильников Венгрии и Забайкалья, считая, что те и другие принадлежат палеосибирской расе¹⁹.

Последняя группа возражений Мэнчен-Хелфена — свидетельства археологии: он устанавливает археологическую близость гуннов с сарматами (ук. соч., с. 239), что более чем естественно, так как кочевники-гунны могли награбить вещи у побежденных ими алан. Далее, Мэнчен-Хелфен указывает, что европейские вещи, приписанные гуннам, отличны от азиатских вещей, связанных с хуннами, и в этом видит основание для того, чтобы отвергнуть идентичность хунну и гуннов (ук. соч., с. 243). Действительно, в Ордосе для хуннов работали одни мастера, а в Паннонии для гуннов другие. Но это различие — не довод для кочевого племени, не имеющего собственных ремесленных традиций. Помимо этого, археология вовсе не так уже безоговорочно подтверждает тезис несходства хунну и гуннов. Найденная на Каталаунском поле ручка жертвенного сосуда свидетельствует о его близости к бронзовым китайским сосудам, восходящим по стилю к эпохе Шан. Подобные находки были сделаны в Венгрии, Силезии, на юге России, в Горном Алтае, Монголии и Ордосе²⁰.

Вследствие этого возражения Мэнчен-Хелфена против идентификации хунну и гуннов оказываются несостоятельны-

ми, хотя поставленная им проблема — причина несходства тех и других — негативным анализом не снимается. Хунну и гунны были действительно не похожи друг на друга, и задача историка — объяснить истоки этого несходства, что можно и должно сделать анализом хода событий, вплоть до мельчайших, за период I—II вв. н.э.

* * *

Все народы на протяжении своего исторического существования этнографически меняются, и хунны не были исключением. Их связанная история может быть восстановлена с III в. до н.э., когда шаньюй Модэ осуществил превращение конфедерации 24 родов в степную державу (Гумилев. Хунну. С. 71—84). Но и тогда родовой строй остался социальной основой державы Хунну, и это положение законсервировалось до подчинения хуннов империи Хань в середине I в. до н.э. (там же, с. 195). В эту эпоху сложился и развился тот облик хуннской культуры, который О.Мэнчен-Хелфен считает для нее характерным. Действительно, общество хуннов достигло относительно высокой степени развития; структура управления была сложной и вместе с тем гибкой; искусство — разнообразным, так как оно впитывало в себя постороннее влияние²¹; земледелие широко распространилось, и потребность в хлебе стала регулярной; общение с Китаем было тесным и плодотворным, что выражалось в стремлении установить торговлю, которая позволила отказаться от грабительских набегов («Хунну». С. 89—91). Но полувекое подчинение Китаю нанесло этой системе непоправимый ущерб. Хозяйство хуннов не могло выдержать китайской конкуренции. Как только китайские хлеб, шелк и другие изделия потекли в Степь, хуннское земледелие и ремесло уступили место разведению скота и добыванию мехов на продажу (там же. С. 194). Молодые хунны получили возможность служить в китайских пограничных войсках, что вводило их от родового быта. Аристократы начали соприкасаться с китайским образованием и уваивать у ханьских пограничных чиновников стяжательство и склонность к произволу. Так создались предпосылки для разложения родового строя, в условиях которого продолжала жить основная масса хуннского народа.

Переворот в Китае, произведенный Ван Маном, и последовавшая за этим гражданская война вернули хуннам свободу, н

совершенно разрушили экономический симбиоз Степи и Китая. Хуннам снова пришлось набегами добывать продукты земледелия и ремесла, к которым они успели привыкнуть. Разоренный Китай не мог без ущерба для себя удовлетворить их потребности, и война в I в. н.э. приняла более жестокие формы, чем до тех пор. Династия Хоу-Хань, приняв власть над разоренной в минувшей внутренней войне страной, не могла сдержать хуннского напора, но в самом Хунну начался процесс распада, который спас Китай. Еще раньше среди хуннов намечились два течения, породившие две враждебные группировки: ближайшее окружение шаньюев из принцев крови, фаворитов и китайских перебежчиков, вроде Вэй Люя и Ли Лина («Хунну». С. 146—148; 155), и родовые князья, как, например, Ли-ву, Гуси, Хючжуй, Югянь и др. (Там же. С. 148—149.) Условно их можно назвать: первую — «придворной» и вторую — «старохуннской» партиями. Одна вбирала иноземную культуру, которая несла собственные традиции; борьба «партий» привела Хунну к крушению в 53—50 гг. до н.э. Во главе возрожденного Хунну стали наследники бывшей «придворной» партии, шаньюи Хянь и Юй. Следовательно, глава потомков «старохуннов» царевич Би оказался в оппозиции и, спасая жизнь, откопчал в Китай со своими сторонниками в 48 г. н.э. С этого времени у хуннов началось интенсивное разложение родового строя.

До сих пор единицей в хуннском обществе был род, выступавший во внутренних войнах как монолит. Теперь члены одного и того же рода оказывались на юге и на севере и должны были бороться друг с другом. Война, начавшаяся в 48 г., протянулась до 93 г., причем между сторонами шел непрерывный обмен населением. Разве можно задержать кочевника в степи?

Однако это деление хуннов было не случайным фактом («Хунну». С. 213—216). Вокруг Би собираются бывшие сторонники «оппозиции», поборники родового быта, наиболее консервативные элементы хуннского общества. Поскольку Китай не вмешивается в их внутреннюю жизнь, они согласны сносить китайское господство.

Но жизнь внутри рода тяжела и бесперспективна для энергичных молодых людей, дальних родственников. Несмотря на свои личные качества, они не могут выдвинуться, так как все высшие должности даются по старшинству. Таким удальцам нечего делать в Южном Хунну, где предел их мечтаний — место дружинника у старого князька или вестового у китайского

пристава. Удальцу нужны просторы, военная добыча и военные почести — он едет на север и воюет за «господство над народами».

Под властью северных шаньюев скапливается весь авантюристический элемент и огромная масса инертного населения, кочующего на привычных зимовках и летовках. В новой державе родовой строй не нужен; больше того, он ей вреден. Общественная активность упала настолько, что с помощью кучки удальцов можно направлять лишенную родовой организации массу. Родовая держава медленно трансформируется в орду.

Раскол облегчил этот процесс. На юг ушли почтенные старцы и почитательные отроки, носители традиций и любители благообразия. Своим уходом они развязали руки воинственным элементам племени. Что из этого могло получиться?

Во-первых, держава северных хунну из родовой превратилась в антиродовую и, следовательно, поборники родового быта — южные хунну, ухуани, сяньби — стали заклятыми врагами северных хуннов, более ожесточенными, чем сами китайцы. Возникла борьба между двумя системами: родовым строем и военной демократией²². Во-вторых, среди удальцов, окруживших северного шаньюя, должна была возникнуть борьба за места и влияние, так как сдерживающие моральные родовые начала исчезли вместе с традициями. И отзвуки смут дошли до китайских историков, хотя подробности остались неизвестными. В-третьих, массы хотели мирной жизни, и опора на них была ненадежна. Меняя господ, они ничего не выигрывали и не теряли, для них не было смысла держаться за шаньюев. Поэтому в решающий момент они отказали в поддержке шаньюям, и это обусловило разгром северных хунну в 93 г.

Однако удальцов, составляющих силу северных хунну, можно было перебить, а не победить. Перебить их не удалось, они ушли на запад, и потомки их, придя в Европу, сделали имя «гунны» синонимом насилия и разбоя.

Нет нужды проследивать всю историю гибели Северного Хунну, но важно отметить, что это государство сопротивлялось Китаю и сяньбийцам не до 93 г. н.э., а до 155 г., когда окончательный удар был нанесен сяньбийским вождем Таншихаем («Хунну» С. 237). Вслед за этим в 160 г. встречается первое упоминание о гуннах в Восточной Европе. Следовательно, весь переход от Тарбагатай до Волги произошел за два-три года. А это значит, что 2600 км по прямой были пройдены примерно за

1000 дней, т.е. по 26 км ежедневно в продолжение трех лет. Совершенно очевидно, что нормальная перекочевка на телегах, нагруженных волами, в этот срок не могла быть осуществлена. Поэтому же надо учесть, что хунны должны были вести арьерынные бои с преследующим противником. Но именно эта деталь дает возможность понять событие. Сяньбийцы не могли не отбить обозы и, видимо, отбили их, пленив стариков и детей. Волны и частично их жены, бросив все на произвол судьбы, в расе оторвались от преследователей и потерялись в степях южного Урала. В этих просторах изловить конный отряд, твердо решивший не сдаваться, практически было невозможно, и сшибки повернули назад, сочтя свою задачу выполненной.

Предлагаемое решение проблемы сопоставления западных и восточных источников является интерполяцией, но все дальнейшее подтверждает вывод, построенный на расчете²³.

Согласно нашей реконструкции хода событий, не все хунны ушли из своей родной степи. «Малосильные», которые не в состоянии были следовать за ним (т.е. северным шаньюем), остались в количестве 200 тыс. чел. в области «от Усуни на север до Иртыша» и «к северу от Кучи»²⁴. Этим данным соответствует район Западного Тарбагатай и бассейна Иртыша²⁵. Позднее, видимо, они продвинулись на юг до р. Или. Юебаньцы были известны народом с привычками, обычными для кочевников, отличались удивительной чистоплотностью. Они мылись по нескольку раз в день и только после этого принимались за еду²⁶. Что «малосильным» хуннам было у кого заимствовать культурные навыки: Согдиана была рядом. К сожалению, история их в V в. совершенно неизвестна.

Помогает историческая география: на карте эпохи Санго (III в. – 280 гг.) все Семиречье принадлежит усуням, на карте эпохи Цзинь усуня локализируются в горах около оз. Иссык-Куль в верховьях р. Или²⁷. Карта составлена до 304 г., поэтому мы вправе сделать заключение, что в конце III в. «малосильные» хунны с Иртыша переместились в Семиречье и оказались достаточно мощными для того, чтобы загнать усуней в горы. В начале V в. Юебань была покорена телесцами, основавшими на этом месте ханство Гаоюй.

С 155 г., когда северные хунны оторвались от победоносных сяньбийцев на берегах Волги, до 350 г., когда гунны начали упорную борьбу с аланами, их история совершенно неизвестна.

Первое упоминание племени «гунн» в Восточной Европе

имеется у Дионисия Периегета, писавшего около 160 г., но Мэнчен-Хелфен отводит этот довод, считая, что тут описка переписчика²⁸. Сведения же Аммиана Марцеллина и Иордана относятся уже к IV в.

Что же делали хунны в продолжении 200 лет? Их тесное взаимодействие с окружающими племенами было неизбежно, тем более что у них, естественно, должно было не хватать женщин. Не каждая же хуннка могла выдержать 2000-верстный переход в седле!

Обратимся к литературным источникам. По сообщению Иордана, гунны — народ, возникший от сочетания скифских ведьм, изгнанных готским королем Филимером, и «нечистых духов», скитавшихся в пустыне. Самое вероятное предположение, что под «нечистыми духами» понимались пришлые кочевники, искавшие жен среди местного населения.

Против такого понимания источника Отто Мэнчен-Хелфен возражает в другой статье о происхождении гуннов. Сведения Иордана он считает списанным из христианских и позднейшеудейских легенд и в доказательство приводит много аналогий²⁹. Однако можно возразить, что эта гипотеза родилась у древних авторов для объяснения таких уклонений от нормы, которые им представлялись чудовищными. (Там же. С. 246.) Равным образом представлялись чудовищами гунны готам, чего не могло бы быть, если бы гунны жили по соседству с готами: тогда к ним успели бы привыкнуть.

Таким образом, тезис К.А.Иностранцева о широкой метизации прошлого, тюркского, и местного, угорского, элементов, при нашей реконструкции хода событий подтверждается, а это объясняет проблему несходства хунну и гуннов.

Но не только факт смешения объясняет нам то, что быт и строй хунну и гуннов были весьма непохожи. Уже после разделения державы в 48 г. на севере скапливался активный элемент, терявший родовые традиции и приобретающий за счет этого навыки военного дела. На запад в 155—158 гг. ушли только наиболее крепкие и отчаянные вояки, покинув на родине тех, для кого седло не могло стать родной юртой. Это был процесс отбора, который повел к упрощению быта и одичанию, чему способствовала крайняя бедность, постигшая беглецов. Все это определило изменение этнографического облика народа. В то же время были утеряны высокие формы общественной организации и институт наследственной власти.

Итак, мы видим, что на поставленный Мэнчен-Хелфеном вопрос: были ли гунны хуннами, — нельзя ответить ни да, ни нет. Перешедшая в Европу часть хуннов была группой, сложившейся в результате естественного отбора, и эта группа унаследовала далеко не все стороны культуры азиатских хуннов. Она перенесла только военные навыки и развила их. Затем сделала дело метизация и, наконец, соседство с новыми культурными народами. Короче говоря, гунны были в таком отношении к хуннам, как американцы к англичанам или, еще точнее, индейцы — креоло-индейская помесь — к испанцам. Факт миграции несомненен, и, более того, именно он объясняет глубокие различия, которые образовались между азиатскими кочевыми гуннами и их деградировавшей европейской группой, так что для сомнений Отто Мэнчен-Хелфена не остается места.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны // Тр. туркологического семинария. Т. I. Ч. II, 1926. С. 181—119.

² *Maenchen-Helfen O.* The Huns and the Hsiung-nu // *Byzantion. American Studies*, III. Т. XVII (1945). P. 222—243.

³ *Neuratori K.* Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme. *Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de S.-Petersbourg*. V Serie. Bd. XVII. №2 (отдельный оттиск). SPb., 1902.

⁴ *Grousset R.* *Histoire de l'Extreme Orient*. P., 1929. P. 207.

⁵ *Castren M.A.* *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker*. SPb., 1857. S. 35—36.

⁶ *Ramstedt M.G.S.* *Über den Ursprung der turckischen Sprache*. Helsinki, 1937. S. 81—91.

⁷ *Ligeti L.* *Mots de civilisation de Hautee Asie en transcription chinoise* // *Acta Orientalia*. Budapest, 1950. P. 141—149. Ср.: *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960. С. 49.

⁸ *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // *Живая старина*. Т. III—IV. 1896.

⁹ *Bartold W.* 12 *Vorlesungen über die Geschichte der Turken Mittelasiens*. В., 1935. S. 30—31.

¹⁰ *Серебрянников Б.А.* О происхождении чувашского народа: Сб. статей. Чебоксары, 1957. С. 40—42.

¹¹ *Аристов Н.А.* Ук. соч. С. 293.

¹² Ср. *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // *ВДИ*. 1959. №1. С. 131—132.

¹³ *Maenchen-Helfen*. Op. cit. P. 232.

¹⁴ *McGovern W.* *The Early Empires of Central Asia*. L., 1939. P. 307—308.

¹⁵ *Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 117.

- ¹⁶ Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. Вып. 64. 1956. С. 3—14; Гумилев Л.Н. Таласская битва 36 г. до н.э. // Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь акад. И.А.Орбели. С. 161—166.
- ¹⁷ ВДИ. 1952. №1. С. 101—109.
- ¹⁸ Trever K. Excavation in northern Mongolia. Leningrad, 1932. Tab. 25.
- ¹⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 121—123.
- ²⁰ Takats Z. Catalannischer Hunnenfund und seine ostasiatische Verbindungen // Acta Orientalia... V (1955). S. 143—173.
- ²¹ Гумилев Л.Н. Хунну. С. 192; Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91—101.
- ²² В Европе военная демократия уживалась в рамках родового строя, так как дружины герцогов были немногочисленны относительно содержавшего их народа. В степной Азии появились орды, включавшие в себя все население и организованные как дружины, что полностью снимало возможность сохранения родовых отношений. Родовые конфедерации и орды всегда враждовали между собой.
- ²³ Помимо общих соображений, основанных на учете географии и исторической стратегии, то, что хунны отступали именно таким образом, находит неожиданное подтверждение в материалах палеоантропологии: «На пути следования гуннов от Селенги до Дуная остатков палеосибирского типа почти нигде не найдено, за исключением Алтая» (Дебец Г.Ф. Ук. соч. С. 123).
- ²⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 258—259.
- ²⁵ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 136—138.
- ²⁶ Бичурин Н.Я. Ук. соч. Т. II; McGovern W. Op. cit. S. 365.
- ²⁷ Бичурин Н.Я. Ук. соч. Т. III. 1953. Карты.
- ²⁸ Maenchen-Helfen O. The Legend of the Origins of Huns // Byzantion. V. XVII (1945). S. 244—252.
- ²⁹ Maenchen-Helfen O. The Legend... S. 244—251.

Хунно-китайская война III—II вв. до н.э.

Именно принято считать, что пограничные столкновения китайцев и их кочевых соседей — хуннов протекали в форме разрозненных набегов варваров на культурные земледельческие территории. Такая трактовка вопроса была тем более соблазнительной, что она имела массу аналогий в истории.

Однако путь аналогий нередко приводит к искажению исторической действительности.

Прежде всего хуннов нельзя ставить в один ряд с перечисленными кочевыми и бродячими народами. Об этом говорят их высокая материальная культура и сложная социальная организация. Но самое основное — ход событий, четко прослеживаемый с III в. до н.э. Он не только опровергает самую возможность предположения о беспорядочной пограничной войне, но дает возможность установить истинные причины трехвековой борьбы империи Хань и державы Хунну.

Ряд возможных причин следует отбросить сразу. С обеих сторон не было стремления к территориальным захватам: китайцам не нужны были хуннские степи, где они не могли заниматься земледелием, а хуннам — орошенные долины, так как им было неудобно пасти скот. Оба народа, несмотря на глубокие различия в культуре, были на достаточно высокой степени развития, чтобы наладить торговый обмен продуктами, и уж, конечно, неприемлема точка зрения, приписывающая хуннам специфическую природную свирепость. В самом деле, войны хуннов с северными, восточными и западными соседями

крайне редки, а с Китаем они воевали трижды. Первая исследуемая здесь война принесла победу хуннам, вторая (133—90 гг.) кончилась вничью и третья (I—II вв.) повлекла за собой уничтожение державы Хунну. Источник по рассматриваемому вопросу только один — «Исторические записки Сыма Цяня» (переведенные на русский язык Н.Бичуриным). Несмотря на то, что изложение захватывающе интересно и принадлежит перу гениального историка, в литературе вопроса не достигнуто должной степени приближения к исторической действительности. Работа профессора Сорбонны Дегиня¹ устарела. Книга Паркера лишена ссылок на источник². Кордые интересуется историей собственно Китая и не уделяет достаточно места его соседям³. Макговерн, подробно излагая историческую канву, находится под обаянием источника, что мешает в ряде случаев критическому восприятию трактовки событий⁴. Работа Г.Е.Грумм-Гржимайло посвящена, главным образом, вопросам исторической географии и палеоэтнологии, а не истории⁵.

Поэтому имеет смысл обратиться непосредственно к источнику. При тщательном исследовании вполне возможно восстановить ход событий с достаточной полнотой.

Граница между китайскими и степными княжествами проходила по линии Великой стены. Хунны владели склонами хребта Иньшань, который был их военной и экономической базой. Значение этой территории весьма полно и вместе с тем лаконично изложено в ретроспективном разделе доклада чиновника Хэу Ина. «Сии горы привольны лесом и травой, изобилуют птицею и зверем. Модэ-шаньюй, утвердившись в сих горах, заготовлял луки и стрелы и отсюда производил набеги. Это был зверинец его... От Шамо на север... земли ровные, лесов и травы мало, но более глубокие пески... Когда хунны предпринимают произвести набеги, то мало имеют скрытных мест для убежища. От укрепленной границы на юг лежат глубокие горные долины, трудные для подхода. Пограничные старики говорят, что хунны после потери хребта Иньшань не могут без слез пройти его»⁶.

Разъединенные китайские княжества эпохи Борющихся царств не могли выбить хуннов из этой позиции, но объединенный Китай легко справился с этой задачей. В 214 г. до н.э. полководец Мын Тянь занял Ордос, отогнал хуннов на север от Иньшаня⁷ и закончил строительство Великой стены, что рассматривалось китайскими военными специалистами той эпохи

как преступное недомыслие: «Цинь Ши-хуанди, не перенося и милейшего стыда, не дорожа силами народа, сбил Долгую стену на протяжении 10 000 ли. Доставка съестных припасов проходила даже морем. Но только что кончилось укрепление границы, как Срединное государство внутри совершенно истощилось в силах, и Дом Цинь потерял престол»⁸. Иными словами по мнению автора цитаты, не было смысла создавать укрепления, которые нельзя было оборонять, ибо даже великий Цинь не мог выделить достаточно воинов для постоянной гарнизонной службы на столь длинной границе. Действительно, высокая стена не остановила хуннов. Последнее десятилетие III в. до н.э. ознаменовалось двумя коренными переворотами. В 209 г. хуннский наследник престола, убив отца и брата, захватил власть и установил подобие диктатуры; 24 хуннских рода были подчинены строгой военной дисциплине; за попытку укрепления полагалась смертная казнь. Была регламентирована система чинов: династических, занимаемых «исключительно правящими династиями шаньюя, родовых, принадлежащих старейшинам, и служивых. Здесь невозможно разобрать всю организацию сложившейся державы Хунну, но смысл ее заключался в разрушении существовавшего патриархально-родового строя, при котором силы, толкавшие общество по пути развития, были с этого момента обращены вовне, т.е. на внешнюю завоевательную политику. Благодаря этому хунны достигли господства над 24 родами⁹, покорив своих восточных соседей — дунху и отбросив на запад юэчжей.

А в Китае военная тирания, установленная Цинь Ши-хуанди, восстановила все слои китайского населения против династии. Как только борьба придворных клик, вспыхнувшая сразу после смерти императора-завоевателя, ослабила режим, по всей стране прокатилась волна восстаний. Сопrotивление правительственных войск было сломлено, столица сожжена, но вслед за этим последовала гражданская война между победителями.

За время гражданской войны Китай потерял все захваченные территории. В 205 г. до н.э. хунны вернули себе склоны Циньшаня и завоевали Ордос, населенный в то время кочевыми племенами лоуфань и баянь. По-видимому, тогда же, в 205 г., или, может быть, в следующем, 204 г., Модэ-шаньюй проник в горную страну вокруг озера Кукунор, где ему добровольно подчинились кочевые тибетские племена кянов¹⁰. Охватив Китай с северо-востока, севера и запада, хуннский шаньюй собрался

диктовать условия мира. На это никак не мог пойти император, «сын Неба», по традиции — высшая власть во всем мире. Война была неизбежна.

В 203—202 г. до н.э. Модэ вел войну на северной границе, где подчинил племя хуньюй, родственное хуннам, узюй-юэши кипчаков, динлинское племя, обитавшее на север от Алтая, и восточных соседей — динлинов, живших на северных склонах Саян от верхнего Енисея до Ангары, гигунь-кыргызов, занимавших территорию в Северо-Западной Монголии, около озера Хиргис-Нур¹⁶, и неизвестный народ цайли. Обеспечив свои тылы, Модэ снова обратил внимание на Китай. В 202 г. гражданская война в Китае закончилась победой Лю Бана, основателя династии Хань, принявшего титул Гао-ди. Но страна еще не оправилась от разрухи, и в это время с севера хлынули хунны. Они осадили крепость Май, и комендант ее, князь Хань Синь, вынужден был сдаться. По китайским представлениям, сдача была равносильна измене и означала переход в подданство победителя. Никакие обстоятельства не извиняют сдавшегося, так как предполагается, что он мог покончить самоубийством, а раз этого не сделал, значит изменил долгу. Поэтому для князя Хань Синя все пути отступления были отрезаны, и он стал верно служить новому господину. Хунны успешно двигались на юг и, перейдя хребет Гоучжу, подошли зимой 200 г. к столице Северного Шаньси городу Цзиньнянь (совр. Тайюань). Гао-ди лично повел войска против них, но из-за сильных морозов почти треть ратников обморозила руки и не могла натягивать тетиву с достаточной силой. Модэ применил хитроумный прием: притворным отступлением он завлек лучшие китайские части в засаду и окружил авангард китайской армии вместе с самим императором в деревне Байдын, недалеко от города Пинчэн. Общая цифра китайской армии определялась в 320 тыс. В это число входила вся войсковая обслуга, составлявшая в восточных армиях от половины до четырех пятых личного состава. Численность войска хуннов (400 тыс.) явно преувеличена. (Любопытно, что Модэ имел уже четыре войсковых подразделения, определявшихся мастью лошадей: вороные, белые, серые и рыжие.)

Семь дней окруженное китайское войско без пищи и сна выдерживало беспрестанные нападения хуннов. Наконец китайский лазутчик добрался до жены Модэ и сумел подкупить ее. Она стала советовать мужу помириться с Гао-ди, так как на завоеванных китайских землях хунны все равно не смогут жить.

Это соображение, а в еще большей степени подозрение в неискренности князя Хань Синя, не приславшего своевременно обещанного подкрепления, заставили Модэ отказаться от победы, и он приказал открыть проход войскам Гао-ди. Китайские войска прошли через открытый проход с натянутыми и обращенными в сторону хуннов луками и соединились с главными силами, а Модэ повернул назад. Этот поход хуннов — один из крупнейших, тем не менее хунны очень незначительно продвинулись в глубь Китая. Вся кампания развернулась в Шаньси: города Май и Пинчэн лежали в 90 и 40 км от границы, а Цзиньянь — в 250 км. Под Пинчэном, у деревни Байдын¹², сосредоточились все военные действия, и вся армия хуннов должна была располагаться в горной котловине (30x40 км). Даже если считать, что у хуннов не было заводных лошадей, на каждого всадника приходилось 30 кв.м. Абсурдность очевидна: если бы войско хуннов насчитывало 400 тыс., то это было бы не поле боя, а Ходынское поле. Очевидно, Сыма Цянь преувеличил хуннские силы в десять-двадцать раз. Если предположить, что силы Модэ равнялись 20—40 тыс. всадников, станет понятно, почему он искал мира, ведь огромная китайская армия, растянувшаяся почти на 600 км, даже при полной потере авангарда была сильнее войска Модэ. Однако положение Гао-ди тоже было острым: с ним была окружена его личная охрана, основная опора его только что установившейся власти. Если бы хунны ее истребили, то в тылу у них смело могли провозгласить иную династию, так как претендентов на власть в Китае в то время было много.

Гао-ди, видя бессмысленность дальнейшей войны, отправил посла заключить договор «мира и родства», что «несколько приостановило Модэ»¹³. Договор «мира и родства» состоял в том, что китайский двор, выдавая царевну за иностранного владельца, обязывался ежегодно посылать ему условленное в договоре количество даров. Это была замаскированная дань.

Война продолжалась. Хань Синь и его сторонники опустошали северные области Китая. В 197 г. до н.э. восстал начальник войск уделов Чжао и Дай Ченхи и перешел на сторону хуннов. Китайское войско под предводительством Фань Кхуая после двухлетней войны подавило мятеж, но не решилось выступить за границу, так как вспыхнул новый мятеж в княжестве Янь (на территории области Хэбей). Вождь повстанцев Лу Гуань перешел к хуннам, их набегам подверглись и восточные

области Китая. Измены военачальников были столь часты, что стали привычным явлением. Измученный неудачами Гао-ди умер в 195 г. до н.э. За малолетством наследника регентшей стали императрица-мать Гао-хэу. Развал империи при ней еще более усилился. В 192 г. Модэ предложил императрице вступить с ним в брак. По его понятиям, это означало, что китайская империя должна пойти в приданое за супругой, и он надеялся таким образом приобрести весь Китай. Императрица так разгневалась, что хотела казнить послов и возобновить войну, но ее уговорили не обижаться на дикаря, и Модэ был послан вежливый отказ, мотивированный престарелым возрастом императрицы. Вопреки опасениям китайских министров хуннский владыка удовлетворился ответом и не обрушил на истощенный и обессиленный смутами Китай свои войска.

Минуло восемь лет, но страх перед хуннами еще не прошел. «...В песнях пели: «Под городом Пин Пьхин-чен (Пинчэн. — Л.Г.) подлинно было горько: семь дней не имели пищи, не могли натягивать лука»¹⁴. Молодая неокрепшая империя не могла еще отразить внешнего врага, и тем не менее Модэ не начал войны. Причиной тому было отнюдь не его миролюбие. На западной границе не прекращалась упорная война с юэчжами, подробности которой в наших источниках не отражены. Насколько легко дались Модэ победы над дунху и саяно-алтайскими племенами, настолько тяжелой оказалась борьба с западными кочевниками. Модэ, не желая распылять силы, оставил в покое Китай. Таким образом, он дал время Ханьской династии оправиться и укрепиться. Правительство императрицы-регентши расправилось с непокорившимися пограничными воеводами, большая часть которых погибла в борьбе. Наиболее упорные бежали в Северо-Западную Корею, где основали государство Чосон. Насколько важно было для хуннов сберечь силы, видно из следующего факта. В 177 г. один из пограничных хуннских князей напал на Китай и начал разорять границу. Император Сяо Ван-ди мобилизовал 85 тыс. конницы и колесницы для отражения врага, но хунны ушли за границу. Сяо Ван-ди собирался перенести войну в Степь, но восстание воеводы Син Гюя заставило его отказаться от немедленного выступления. Прежде чем намерения китайцев выяснились от хуннов прибыло посольство с извинениями и сообщило, что провинившийся князь был убран с границы и послан на запад. Там он искупил свою вину победой над юэчжами. Из письма

хуннского шаньюя мы узнаем, что лишь в 177 г. до н.э. хуннским войскам, стянутым со всей страны, удалось разбить юэцзисей. Китайский двор, учитывая силу хуннов, принял посольство с извинениями и в 174 г. до н.э. установил с ними мирные взаимоотношения. По договору 174 г. Хуннская держава была признана равной с Китайской империей и государи именовали друг друга братьями. Это был беспрецедентный успех для хуннов: до сих пор ни один варварский князь не мечтал равняться с китайским императором. Модэ умер в том же 174 г., достигнув такого величия, о котором в начале жизни не смел и помышлять.

Обратимся к анализу описанных событий. Как мы уже видели, война со стороны хуннов велась не путем разбойничьих нападений мелких шаек, а организованными действиями хуннских войск. Исследователя не должно обманывать то, что тактика хуннов была основана на предельной мобильности войск: стратегические задачи решались путем изнурения противника не менее радикально, чем путем боя. Да и при колоссальном численном перевесе китайцев мелкие отряды не могли бы достичь никаких успехов.

Ясны и политические цели Модэ-шаньюя. Во-первых, он считал необходимым установить «естественную границу», и эта цель была достигнута. Затем, растущие потребности его окружения вынуждали его добиваться получения из земледельческого Китая тех продуктов, которых не могла дать его родина. Эти продукты высылалась в виде подарков. Наконец ему был необходим престиж, чтобы воздействовать на своих степных подданных, и этого Модэ добился: император назвал его «братом». Получив все, что было ему нужно, он со спокойной совестью заключил мир. Но Модэ не учел того, что не только его родственники, но и все хунны захотели наряжаться в шелка и почетно и лакомиться китайским печеньем. С их настойчивым желанием были вынуждены считаться сын и внук Модэ-шаньюя — Лаошань- и Гюньчень-шаньюи.

«Основать империю, сидя на коне, можно, но управлять ею с коня нельзя», — сказал однажды Елюй-Чуцай, правитель эпохи Чингисхана. Эти слова полностью относятся к государству Модэ-шаньюя. Это понимал основатель Хуннской империи. Не имея среди своих соратников образованных людей, он к концу своего правления стал широко пользоваться услугами китайских перебежчиков, составлявших для него дипломатические послания к китайскому двору. Лаошань-шаньюй следовал по

отцовскому пути, и когда евнух Юе, насильно посланный к нему в составе посольства из Китая, захотел перейти на сторону шаньюя, он был принят и обласкан. «...Юе научил шаньюевых приближенных... обложить податью народ, скот и имущество»¹⁵. Это знаменовало огромный переворот во внутренних отношениях хуннского общества. Налоги, поступавшие шаньюю и его приближенным (а все они были его родственники), выделили шаньюев род из числа прочих и дали ему большую власть.

Прямым следствием этого было принятие шаньюем титула «Рожденный небом и землею, поставленный солнцем и луною. Хуннуский Великий шаньюй»¹⁶. Тут мы уже видим, что шаньюй основывал власть на «божественном авторитете», а не на воле народа, который, по его мысли, должен повиноваться. Новые прерогативы шаньюя столь противоречили старому порядку, что, казалось бы, народные массы должны были возмутиться и воспротивиться, но этого не произошло. Наоборот, власть шаньюев пользовалась непререкаемым авторитетом. Хунны не даром уступили свою древнюю свободу. Они получили за нее такую цену, которая, видимо, удовлетворила их. Значительная часть доходов от добычи и дани с покоренных племен оставалась в руках воинов, и хуннские женщины сменили овчины на шелковые платья. Наряду с кумысом и сыром хунны полюбили вино, хлеб и китайские лакомства.

Проницательный Юе, искренне преданный новому господину, указывал на опасность таких перемен. «Численность хуннов, — говорил он Лаошань-шаньюю, — не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные (своеобразные. — Л.Г.) и не зависят в этом от Китая. Ныне, Шаньюй, ты изменяешь обычаи и любишь китайские вещи. Если Китай употребит только $\frac{1}{10}$ своих вещей (на подкуп. — Л.Г.), то [все] до единого хунны будут на стороне Дома Хань... Получив от Китая шелковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожного одеяния. Получив от Китая съестное, не употребляйте его, и тем показывайте, что вы сыр и молоко предпочитаете им»¹⁷.

Программа Юе была невыполнима. Но последствия изменения быта сказались через 50—75 лет, а пока все, казалось, обстояло благополучно. Так как большая часть продуктов, столь

приятных хуннам, находилась в Китае, то вполне естественно возникло стремление увеличить приток их. При Модэ и Лаошане они притекали тонкой струйкой в виде «подарков» шаньюю, который сам должен был делиться со своими подданными. Для того чтобы избежать необходимого дележа, шаньюю попытались установить правильную меновую торговлю с Китаем, но встретили резкое противодействие китайского правительства.

Дом Хань установил внутри Китая систему налогового обложения, которая должна была выкачать у населения весь избыток продуктов, чтобы на эти средства содержать большое войско. Вполне понятно, что сосредоточение внешней торговли в руках государства было необходимо, так как оно давало трудные доходы и позволяло регулировать цены. От этого страдали, во-первых, китайское податное население, а во-вторых, хунны, получавшие при этой системе значительно меньше тканей и хлеба. И тем и другим хотелось наладить прямой обмен, но тогда доходы ушли бы из казны китайского правительства, которому пришлось бы конкурировать с собственными подданными. Это противоречие не могло разрешиться без войны, и она не заставила себя ждать.

Покончив с юэжками и развязав себе руки, Лаошань-шаньюю с 140 тыс. конницы¹⁸ вторгся в 166 г. до н.э. в Северо-Восточный Китай, «захватил великое множество народа, скота и имущества» и сжег летний дворец императора. Конные разъезды хуннов шныряли в 40 километрах от столицы Чанъяня. Император собрал до тысячи колесниц, 100 тыс. конницы и три вспомогательных корпуса, но пока войска готовились к выступлению, хунны ушли со всей добычей, не потеряв ни одного человека¹⁹. После этого в течение четырех лет хунны повторяли набеги и разорили все пограничные области; особенно пострадал Ляодун. Основной удар был нанесен с запада, из недавно завоеванных хуннами земель, и через области, населенные пекитайцами. Военные действия развернулись в Бэйди (Восточное Ганьсу), стране «икюйских жунов», покоренных лишь в III в. до н.э.²⁰. Напрашивается мысль, что хунны смогли вторгнуться в центр Китая с помощью местного населения. Сам по себе поход не принес хуннам больших успехов, но он оттянул всю китайскую конницу на запад и позволил им из-за Иньшаня разграбить всю восточную границу. Наконец в 162 г. до н.э. император Сяо Ван-ди обратился к Лаошань-шаньюю с просьбой о мире; шаньюю послал с ответом данху (невысокий чин),

что явилось пренебрежением. Данху привез китайскому императору в подарок двух лошадей, о качестве которых китайский летописец не упоминает. Несмотря на это, Сяо Ван-ди счел за благо не обижаться, принял дар и заключил мир. Для Китая этот мир был тяжелым и позорным: Китай и Хунну признавались двумя равными государствами, причем Китай «из сочувствия к холодному климату своего соседа обязывался ежегодно отправлять на север к хуннскому шаньюю известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей»²¹. Это была попросту дань. Перебежчики, согласно договору, не возвращались, но новые переходы возбранялись под страхом смертной казни. Договор показывает несомненный перевес Хунну над Китаем, но о свободной торговле в нем не говорится ни слова.

Лаошань-шаньюю умер в 161 г. до н.э., оставив своему сыну Гюньчюню неразрешенную проблему торговли с Китаем. Гюньчюнь четыре года поддерживал мир, но, ничего не добившись, в 158 г. до н.э. возобновил войну. Два хуннских отряда, по 30 тыс. каждый (?), ворвались в Китай с севера и с запада и, опустошив пограничные районы, ушли. Пограничная огненная сигнализация своевременно известила о начале набега, но быстро мобилизовать армию китайское правительство не сумело, и, когда китайские войска подошли к границе, хунны были уже далеко в степи. В 157 г. Сяо Ван-ди умер, и на престол вступил Сяо Цзинь-ди (156 г.). Междоусобие сопровождалось борьбой партий. Победенных ожидала расправа, и они, восстав, обратились за помощью к хуннам. Однако новое правительство справилось с внутренними затруднениями. В 154 г. восстание было подавлено, так как хунны его не поддержали. За это они получили то, к чему стремились: по договору 152 г. были открыты пограничные рынки для свободного обмена, и сверх того шаньюю была отправлена большая дань и китайская царевна в жены.

152 г. до н.э. был кульминационным периодом хуннского могущества и началом двадцатилетнего мира, нарушенного в 133 г. императором У-ди. Последний начал новую войну, продолжавшуюся до 90 г. до н.э. и окончившуюся лишь обоюдным истощением сил. Но специфика этой войны совершенно иная, и поэтому она должна быть рассмотрена особо.

Вернемся к первоначальному тезису. Если бы хунны были просто степные грабители, то, добившись таких успехов, они

ни за что не прекратили бы войну и набеги. На самом деле наблюдалось совершенно иное: как только была решена проблема менового обмена, война прекратилась, и для обеих держав наступил период экономического роста. Установившееся положение устраивало хуннов и широкие слои китайского народа, но отнюдь не устраивало императорское правительство династии Хань.

На основании всего изложенного можно сделать общий вывод: не хуннское «варварство», а отрыв правящей верхушки Ханьской империи от народа и его интересов стимулировал кровавые войны, закончившиеся разгромом хуннского народа и падением династии Хань.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Degulnes*. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tatars occidentaux avant et depuis J.C. Jusqu'à present. I. Paris, 1756—1758.

² *Parker*. The thousand of the Tatars. Shanhai.

³ *Cordier H.* Histoire générale de la Chine et ses relations avec les pays étrangers depuis les temps les plus anciens jusqu'à la chute de la dynastie mandchue. I. Paris, 1920.

⁴ *McGovern*. Early Empires of Central Asia. London, 1939.

⁵ «Западная Монголия и Урянхайский край». Т. II; «Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии»/ Составлен Г.Е.Грумм-Гржимайло. Л., 1926.

⁶ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I. М.; Л., 1950. С. 94.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Там же. С. 107.

⁹ Там же. С. 88.

¹⁰ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). История Тибета и Хухунора. Ч. I. СПб., 1883. С. 17.

¹¹ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 560—561. — Гунь транскрибируется иногда как гянь-гунь.

¹² Там же.

¹³ Модя принял царевну, дары и признание себя государем, равным с китайским императором, но продолжал поддерживать Хань Синя и других повстанцев.

¹⁴ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений... I. С. 53.

¹⁵ Там же. С. 58.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ Там же. С. 57—58.

¹⁸ Цифры на совести Сыма Цяня.

¹⁹ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений... I. С. 59.

²⁰ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений... III. Указатель. С. 13.

²¹ *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений... I. С. 60.

Таласская битва 36 г. до н.э.

Л.Н.Гумилев

С 59 г. до н.э. междоусобица разрывала державу Хунну. К 49 г. до н.э. положение наконец прояснилось: вождь побежденной партии Хуханье-шаньюй заключил мир с Китаем и благодаря этому овладел всей страной, победитель Чжи-чжи-шаньюй откочевал на западную границу, чтобы найти там безопасное убежище для себя и своих соратников. Усуни и другие племена встретили его крайне враждебно, но Чжи-чжи усуней разбил, а угйе, хагасов и динлинов покорил. Однако преимущество было на стороне его соперника из-за мощной поддержки Китая. В 48 г. до н.э. к Чжи-чжи из Китая был направлен посол, очевидно, лазутчик. Неизвестно как, но этот посол был убит хуннами. После этого мир с Китаем стал невозможен.

Опасаясь Хуханье, Чжи-чжи принял предложение кангюйского владетеля перейти к нему для совместного похода на Усунь. В случае удачи Чжи-чжи должен был получить усуньские земли для поселения. Хунны потянулись на запад через холмистую равнину Караганды. По пути их застала пурга и морозы. Много людей померзло, и только 3000 хуннских воинов привел Чжи-чжи в Кангюй¹. С такими силами о покорении Усуни нечего было и думать (46—45 гг. до н.э.).

Этот переход хуннов на запад обратил на себя внимание многих исследователей. Хирт именно отсюда выводил европейских гуннов², но на невозможность этого указали К.А.Иностранцев³ и Отто Мэнчен-Хелфен⁴. А.Н.Бернштам считал возможным предположить, что это было «первое массовое проникновение гуннов в Среднюю Азию»⁵. Против этого мне-

высказался С.С.Сорокин⁶, но так как мнение Бернштама не могло распространиться, вопрос повис в воздухе. Еще более затемнило проблему произвольное толкование термина «Кангюй», под которым понимался то Хорезм, то Согд. В обоих случаях интерпретация похода Чжи-чжи становилась совершенно фантастической, а вопросы исторической географии и палеоэтнологии неразрешимыми. Но, к счастью, в научный оборот введено достаточно материала, чтобы уяснить значение похода Чжи-чжи на запад и юг. Для этого необходимо подробно описать сам поход, не получивший еще должной интерпретации.

Без уточнения содержания термина «Кангюй» невозможно понять историю Средней и Средней Азии, но оба наших информатора — Геродот и Чжан Кян — в Кангюе не были и описывают его по слухам и в разное время. Современные авторы скорее затемнили, чем прояснили вопрос. Затем встает еще проблема: о Кангюе не могли не знать персы, так почему они о нем ничего не сообщают?

Попробуем разобраться.

В середине I века до н.э. Кангюй описан как «кочевое владение, лежащее от Давани, т.е. Ферганской долины, на 2000 м⁷, т.е. около 900 км. Значит, Кангюй находился в холмистой части Восточного Казахстана, между оз. Балхаш и Иртышом. В Средней Азии, или Турана, его отделяли бесплодная степь Шак-Дала и пески Муюн-Кум. На востоке он примыкал к богатая, на западе граничил с государством Яньцай, т.е. Китаем⁸. На китайских картах Западного края указаны границы Кангюя: восточная у оз. Алакуль, южная у хребта Киргизского, причем, по историческим сведениям, Таласская долина была окраиной Кангюя, западная у р. Сары-Су, а северо-западная у оз. Тенгиз, где Кангюй граничил с Уи-бэй-го, т.е. Северным Уи, в названии которого нетрудно усмотреть этноним «уиры». По данным археологии, они именно там и обитали⁹.

«История Старшей Хань» сообщает, что Кангюй имел 5 вассальных владений. На карте они помечены на северном берегу р. Чу. Расстояния между ними: максимальное от Ян-гуань (крепость недалеко от Дунь-хуана) — 8555, минимальное — 7525 ли, т.е. между ними расстояние около 500 км. Это как раз продвижение р. Чу от Чу-Илийского хребта до Сырдарьи, около Копет-Дарьи. Китайские названия владений — Су-сйе, Фуму, Юнн, Ги и Юегань¹⁰ — ничего не дают для идентификации их

с местными или известными из Страбона. Эти небольшие лимитрофные княжества заслоняли Кангюй от культурного Согда, Ирана и Греко-Бактрии, а позднее Кушана. Зато с парфянами кангюйцы сталкивались, так как по левому берегу Сырдарьи ниже Кызыл-Орды сохранились развалины античных городов¹¹, а, согласно Страбону, на восточном берегу Аральского моря жили даи, основное парфянское племя¹².

Населен Кангюй был, по-видимому, редко, так как Чжан Кян указывает число войска в 90 тыс. человек, т.е. взрослых мужчин, что обычно составляет 20% населения. Следовательно, кангюйцев было около 400 тысяч. Эта цифра немалая для тех времен. Почти столько же было персов в эпоху Кира и лишь вдвое больше греков. В «Истории Старшей Хань» сказано, что западный сосед Кангюя — Яньцай от него независим¹³, в «Истории Младшей Хань» от Кангюя зависимы и Яньцай, и его северный сосед Янь¹⁴. Значит, завоевание совершилось в I—II веках, но Волгу кангюйцы не переступили. В обоих случаях подчеркивается однообразность культуры Кангюя и Яньцай, т.е. мы можем очертить степной ареал единой культуры от Алтая до Волги, а на основании археологических параллелей между искусством Пазырыка и царских курганов Скифии продлить его на запад до Карпат. Но это не Согд и не Хорезм.

Кангюйский царь радушно принял хуннского шаньюя. Он дал ему в жены свою дочь и сам женился на дочери Чжи-чжи. Даже странно, почему 3 тыс. хуннов могли иметь такое значение для страны, которая могла выставить 90 тыс. всадников. Последнее число, вероятно, как и все китайские цифровые данные свыше 10 тыс., преувеличено¹⁵. Кроме того, эти всадники были разбросаны на пространстве от Волги до Тарбагатай, и надо думать, под рукой у кангюйского владыки больших сил не было. Поэтому небольшой, но сплоченный и боеспособный отряд Чжи-чжи представлял в Средней Азии солидную силу.

Первый удар союзники обрушили на усуней, совершенно не подготовленных к активной войне на западном фронте. Чжи-чжи показал себя блестящим кавалерийским генералом и мастером хуннского способа ведения войны. На Усунь обрушилось бесчисленное число нападений, причем в 42 г. до н.э. хунны разгромили их столицу — Чигу, т.е. Город Красной Долины, расположенный в верховьях Нарына¹⁶.

Усуням пришлось бросить свои западные кочевья и увести население на восток. Отступление спасло их от полного пора-

ении. Другим объектом хуннских набегов оказалась Ферганская долина, но, видимо, Чжи-чжи ограничился ограблением, так как осада крепостей была хуннам не под силу¹⁷.

Накопленная добыча требовала места для хранения. В долине р. Талас Чжи-чжи выстроил для себя и своего отряда крепость. 500 рабочих строили ее два года¹⁸. Она была окружена земляным валом и двойным частоколом со сторожевыми башнями, что показывает на влияние не греческой или парфянской, а римской фортификации¹⁹. В числе гарнизона этой крепости было свыше 100 пехотинцев, которых считают римлянами²⁰. Предполагается, что это были легионеры Красса, сдавшиеся парфянам и направленные ими служить на восточной границе²¹. Но почему они попали к Чжи-чжи?

В донесениях китайской разведки о деятельности Чжи-чжи сохранились сведения о том, что он лелеял планы завоевания юэчжи и парфян²². Тут несомненная путаница, так как юэчжи и парфяне были врагами, и Чжи-чжи всегда мог иметь одну из этих держав своим союзником. По-видимому, он подружился с парфянами и получил от них помощь в виде пентурии римских легионеров, которые и помогли ему построить укрепленный лагерь. Возможно, именно этот союз повлек для хуннского шаньюя разрыв с кангюйским царем. По необъясненному прищипкам последний чем-то оскорбил Чжи-чжи, а тот, в свою очередь, убил свою жену, кангюйскую царевну, и несколько сот знатных кангюйцев, причем тела последних были изрублены на мелкие кусочки и брошены в реку.

Казалось бы, после этого кангюйцы должны были стереть в порошок маленький хуннский отряд, но этого не случилось. Наоборот, когда вскоре после этого прибыло китайское посольство, его приняли с полным, даже оскорбительным неуважением. Надо полагать, что в Кангюе шла внутренняя борьба, и Чжи-чжи просто поддержал и привел к власти одну из партий, чем лишь укрепил свое положение.

Несмотря на то, что китайский двор негодовал по поводу поступков Чжи-чжи и горел мстью за убийство посла, бросить поиски в такую даль правительство не решалось. Так бы и сидел Чжи-чжи в своей крепости, если бы не целая цепь случайностей. Некий способный и образованный чиновник Чэнь Тан за что-то попал в тюрьму. Он просил заменить ему заключение службой на границе, что тогда практиковалось, и был направлен в Западный край в должности младшего офицера. Там ему

не понравилось, и он решил во что бы то ни стало добиться реабилитации. Средством для осуществления своей цели он избрал Чжи-чжи, решив его головой купить себе право на ту жизнь, которая его устроила бы. Так как наместник Западного края не поддавался на увещания опального офицера организовать поход на запад, Чэнь Тан, воспользовавшись болезнью наместника, подделал приказ и собрал солидное войско из китайцев и местных жителей. Наместник, увидев такую инициативу, велел распустить солдат, но Чэнь Тан, выхватив меч, приказал ему не мешать. Испуганный наместник сам присоединился к армии. Войско выступило в поход, и логика событий вступила в силу. Вплоть до берега Евфрата не было никого, кто мог бы остановить наступление регулярной армии.

Чтобы облегчить продвижение, Чэнь Тан прошел через дружественную территорию усуней, и, только вступив в Чуйскую долину, он столкнулся с кангюйской конницей. Нечаянным нападением кангюйцы отбили обоз китайской армии. Но Чэнь Тан настиг их и разбил, отобрав обратно добычу. Китайцы успеха не развивали, так как победа над кангюйцами была им не нужна. Вместо военных действий они применили дипломатию и привлекли на свою сторону противников хуннского шаньюя. Нетрудно догадаться, что это были сородичи изрубленных хуннами кангюйских вельмож. Разделение кангюйцев дало возможность китайской армии совершить марш до Таласской долины без всяких помех.

Хуннский шаньюй не был застигнут врасплох. Он даже попытался вступить в переговоры. Возникает, естественно, вопрос: почему он не отступил перед превосходящими силами противника? Некуда было ему отступать и не с чем. Хунны отступали тогда, когда они могли заранее угнать свой четвероногий провиант в глубокий тыл, а здесь провиант лежал на складах и в тылу был враждебный, уже ограбленный Согд. Выбор был один: сдаваться или драться. Чжи-чжи отказался идти в Китай в цепях, и осада началась. Сначала хунны и их союзники попробовали отбросить врага от стен крепости, на башне которой развевалось пятицветное знамя²³. Пехотинцы, построенные «подобно рыбьей чешуе», прикрывали двое ворот. По видимому, это были римляне. Но китайцы, пустив в ход свои тугие самострелы, отогнали противника в крепость. Град стрел парализовал защитников стен и башен. Сам Чжи-чжи был ранен и удалился во дворец. Его отсутствие вызвало панику: пер-

ми потеряли присутствие духа кангюйцы, последними — хуннские женщины, сражавшиеся на стенах; они были перебиты. Чтобы овладеть подступами к крепости, т.е. двойным столбом, китайцы натаскали хворосту и подожгли его. Деревянные столбы загорелись, и оборона этой линии стала невозможной²⁴. Попытки защитников крепости стрельбой остановить наступление врага были безуспешны из-за неравенства оружия. Град стрел арбалетчиков, неуязвимых из-за дальности хуннских лучников, решил судьбу битвы. После полуночи хунны покинули палисады и ушли за земляной вал. Тем временем китайцы успели загатить ров и подготовиться к штурму.

Ночью кангюйская конница пыталась напасть с тыла на китайский лагерь, но была отогнана арбалетчиками. Так же была отбита вылазка из крепости. В предутреннем тумане под звон барабана и бой барабанов китайцы пошли на приступ одновременно со всех сторон. Им удалось прорваться внутрь вала, но хунны не сдавались, пока не вспыхнул дворец шаньюя. Сквозь дым и пламя китайские ударники ворвались во дворец, где лежал раненый шаньюй; ему отрубили голову, и только после этого остатки защитников крепости сложили оружие²⁵.

Битва кончилась, началась расправа. Были обезглавлены Чжи-чжи, его старший сын и 1518 человек, по-видимому, хуннов²⁶. 145 человек были захвачены живыми и более тысячи отданы на милость победителя.

Китайцы не стали закрепляться в Кангюе. Чэнь Тану не нужны были территориальные приобретения. Он хотел вернуться в Китай.

Как только нарочный привез голову шаньюя и рапорт полководца в столицу, в Императорском совете по этому поводу возникли два противоположных мнения. Одни указывали на повелевание Чэнь Тана, называли поход авантюрой и требовали наказания обоих предводителей. Другие утверждали, что это блестящая инициатива, говорили о престиже Китая, о мести за гибель посла и предлагали наградить и наместника, и Чэнь Тана. В конце концов победило второе мнение: Чэнь Тан остался того, чего хотел.

Больше всех выиграл на этом Хуханье, оставшийся единственным владыкой хуннов; Китай получил только моральное удовлетворение, а на западе Средней Азии восстановилось положение, бывшее до прихода туда хуннов.

Итак, мы вправе констатировать, что попытки связать за-

Культура хунну — явление, неизвестное науке еще сто лет назад. Материальные свидетельства существования хуннов оказались разбросанными в Азии и Европе и вплавленными в культурное достояние многочисленных этносов Евразии. Сто лет усилий археологов, этнографов, историков и искусствоведов ушло на то, чтобы доказать существование особого феномена — культуры, искусства хунну. Пространство между первыми римскими и китайскими сведениями о хуннах и сегодняшним днем заполнено историей десятков народов, чьи культурные усилия и достижения описаны более или менее досконально. «Диалог источников» этого тома посвящен исследованиям культуры хунну.

Археологические исследования П.К.Козлова в аспекте исторической географии

С.И.Руденко, Л.Н.Гумилев

Очень немногим удастся за целую жизнь сделать открытие, меняющее наши научные представления на ту или иную эпоху. Путешественник и географ Петр Кузьмич Козлов сделал два! В 1909 г. он нашел в низовьях Эцзингола мертвый город Хара-Хото, а в 1924 г. раскопал могилы хуннских шаньюев [20, 21] в урочище Ноин-Ула, севернее Улан-Батора. Значение обеих находок невозможно переоценить.

Говорить о великих открытиях можно по-разному. Один способ — описать творческий ход мысли путешественника, позволивший ему не пройти мимо памятника, затерянного в пустыне, но эту задачу выполнил сам П.К.Козлов, бывший не только ученым, но и первоклассным писателем. Составленные им книги о его путешествиях читаются как самый увлекательный роман. Казалось бы, следовало описать сделанные находки, но и это уже выполнено на уровне, который трудно превзойти. Об иконах из Хара-Хото писал С.Ф.Ольденбург [26], тангутские тексты расшифровал Н.А.Невский [25], хуннские древности описаны К.В.Тревер [31], А.Н.Бернштамом [3, 4, 5] и С.И.Руденко [27], а китайские ткани из Ноин-Ула изучены Е.И.Лубо-Лесниченко [22].

Что же осталось на нашу долю? Пожалуй, самым важным и интересным делом сейчас будет попытка показать, что эти открытия дали для развития исторической и географической наук.

Летом 1912 г. техник золотопромышленного общества «Монголор» Баллод, приняв один из раскопанных для него курганов в горах Ноин-Ула за выработку на золото, проник в погребальное помещение этого кургана и найденные там предметы отослал в музей Восточно-Сибирского отдела РГО (ныне Иркутский краеведческий музей). Очевидец работ Баллода, Гиссо, своим рассказом об этих раскопках заинтересовал помощниками Ноин-Ула, находившихся в 1924 г. в Улан-Баторе участники Монголо-Тибетской экспедиции Географического общества. Ее начальник, П.К.Козлов, командировал своего помощника, С.А.Кондратьева, в горы Ноин-Ула для предварительной рекогносцировки. 25 февраля 1924 г., посетив этот курган, С.А.Кондратьев обнаружил в нем глубокую воронку и сруб, выполненный в нижней части. К расчистке «Баллодовского» кургана было приступлено 24 марта. Так начались раскопки Ноин-Улинских курганов.

Помимо Баллодовского, экспедицией было исследовано еще семь больших курганов, в том числе Шестой, детально изученный С.А.Теплоуховым, прибывшим в экспедицию в 1925 г.

Курганы эти представляли собой глубокую могильную яму, которую вел длинный дромос. На дне могильной ямы был оставлен сруб и внутри его погребальная камера с гробом похороненного. После погребения могила поверх потолков камеры и сруба была засыпана землей с камнями, так что курган выделялся невысокой насыпью.

В результате раскопок этих больших курганов, погребений внутри был добыт огромный материал для характеристики культуры хуннов, а обнаруженные в нем вещи китайского происхождения (в частности, лаковые чашечки с китайской надписью) позволили датировать весь комплекс вещей рубежом нашей эры и даже установить имя похороненного хуннского вождя. Это Учжулю-шаньюй, правивший с 8 г. до н.э. по 13 г. н.э. и знаменитый тем, что он освободил свой народ от китайского протектората, продолжавшегося 56 лет (с 47 г. до н.э. по 11 г. н.э.) [14].

Письменные источники дают достаточный материал для восстановления хода событий того жестокого времени, когда кунны в неравной борьбе отстаивали свою свободу и самобытность, но только вещи, сохранившиеся в земле, позволяют восстановить своеобразие хуннской культуры и уяснить ее ценность и уровень развития. Однако и здесь есть немало загадок

и главная из них: каков был удельный вес китайской культуры в державе Хунну, насколько глубоко было ее влияние на кочевников и каковы были причины того, что вещи китайского происхождения попадали в руки хуннов?

По этому поводу в советской науке существуют две противоположные точки зрения. Одна из них считает, что «проблема хуннов — прежде всего китайская проблема» (В.М.Штейн [24], с. 208), что хуннская государственность заимствована из Китая и относится к рабовладельческой формации (К.В.Васильев [24], с. 207), и что китайские товары проникали к хуннам через руки китайских торговцев ([24] ссылка на «Историю китайской торговли» Ван Сяо-туна, Шанхай, 1935, на китайском языке), короче говоря, Хунну рассматривается как китайская периферия.

Вторая точка зрения предполагает, что хунны имели самостоятельную независимую от китайских влияний культуру; что их высокая форма общественной организации была следствием консервации развитого родового строя и что китайские товары попадали к хуннам либо как добыча, либо как «подарки» китайского двора, т.е. замаскированная дань. Подлинная культурная близость у хуннов была с народами южной Сибири и Средней Азии, а с китайцами они чаще всего обменивались стрелами: хунны стреляли из луков, а китайцы — из арбалетов [14].

Ноинулинское погребение №6, давшее наибольшее количество находок, датируется тем сравнительно коротким периодом, когда между хуннами и китайцами был мир. И тем не менее китайский экспорт представлен главным образом шелковыми тканями, необходимыми как дезинсекционное средство. Но наряду с роскошными шелками, мы видим даже в царской могиле повседневную одежду кочевников — кожаные шаровары и меховую шапку. При этом невольно вспоминаются слова одного из китайских вельмож, Юе, перешедшего к хуннам: «Численность хуннов не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные и не зависят в этом от Китая... Получив от Китая шелковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем покажите, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожаного одеяния» ([7], с. 57). Эти слова были произнесены во II в. до н.э. и на материалах Ноин-Улы мы видим, что за 2000 лет хуннская одежда выдержала конкуренцию с китайской, а потом даже возбла-

ица над ней, ибо в VIII в. тюркские моды завоевали самый Китай [30].

Но, может быть, только предметы повседневного быта, приспособленные к природным и климатическим условиям, оставались неизменными, а искусство, отражающее сферу идеологии, подверглось влиянию рафинированной ханьской цивилизации? Вспомним, что искусство евразийских кочевников за 1 тыс. лет до н.э. характеризовалось так называемым «скифским звериным стилем». Самый частый мотив — борьба зверей, иногда мифических — грифонов, а чаще реальных. Иногда это нападение хищника на крупное травоядное, иногда схватка двух хищников. Семантика этих образов до сих пор остается предметом спора, и для нашей темы она не существенна. Важно то, что мотивы «звериного стиля» связаны с скифско-сарматским этническим субстратом, широко представлены на Алтае, где остались свои погребения юэцжи, и они же встречены нами в предметах искусства из ноинулинских могил несомненно хуннского происхождения. Первое место среди находок занимает знаменитый войлочный ковер, на котором изображения животных даны как аппликации.

Чрезвычайно любопытно, что в тех случаях, когда изображена борьба хищника с травоядным, симпатии художника на стороне хищника. Одно это указывает на происхождение «звериного стиля» из охотничьей или скотоводческой стихии, так как именно у воинственных кочевых племен тотемными животными являются, как правило, хищники. С этой точки зрения, примечательны антропоморфные фигуры быка и оленя, которые, может быть, изображают тотемы племен, покоренных хуннами и входивших в хуннскую державу. Возможно, что олень — образ предка монголов, почитавших это животное [18].

Мотивы «звериного стиля» иногда встречаются и в искусстве ханьского Китая, но там они несомненно заимствованы из чуждой среды. Хуннское искусство больше влияло на китайское, чем китайское на хуннское [27].

Все-таки китайская рука оставила след на украшениях, потреблявшихся хуннами. Это предметы, которые мы назвали очень широко потребляемыми, деревянные и бронзовые наперстки, бронзовые наконечники деревянных зонтичных спиц и лаковые чашечки ([27], с. 94). За исключением последних, это вещи, выполненные искусными ремесленниками на заказ. Нет никакой необходимости считать, что они привезены из Китая.

В хуннских степях жило немало китайцев либо уведенных во время набегов, либо бежавших из Китая в поисках легкой и свободной жизни. Для предотвращения постоянной эмиграции была построена в III в. до н.э. Великая китайская стена, которая имела не столько военное, сколько полицейское значение. Взять ее было легко, а одинокому беглецу перетащить через нее лошадь — невозможно. И тем не менее люди из Китая убегали. В докладе чиновника Хэу Ина в 33 г. до н.э. приводится несколько категорий китайских подданных, мечтающих о том, чтобы сбежать к хуннам. Тут и тибетцы, мобилизованные для охраны границы, у которых «чиновники и простолюдины, увлекшись корыстолюбием, отнимали скот, имущество, жен и детей»; родственники ратников, захваченных хуннами в плен и невыкупленных; невольники пограничных жителей, которые «говорят, что у хуннов весело жить» и преступники, скрывающиеся от наказания ([7], с. 96). В числе этих людей несомненно были искусные мастера, и хунны пользовались их «золотыми руками». Из истории мы знаем, что таких эмигрантов в хуннских кочевьях жило много, но они не смешивались с хуннами. Чтобы стать хунном, надо было быть членом рода, т.е. родиться от хуннских родителей. А пришельцы, хотя и чувствовали себя неплохо, но находились на положении античных метек и женились не на хунках, а на таких же, как они сами. Впоследствии они перемешались, размножились и даже создали свое государство, правда, просуществовавшее недолго: с 318 по 350 год [29].

Двойной интерес представляют вышитые портретные изображения из Ноин-Улы. Это не только предметы искусства, но и памятники антропологические. Дарвин отмечает, что физиогномика при расовой диагностике имеет весьма большое значение [15], и с этой точки зрения портретные изображения проливают свет на хуннский этнический тип. На первый взгляд, портреты не могут изображать хуннов, так как монголоидность выражена крайне слабо. Высказывались предположения, что эти вещи либо греко-бактрийского происхождения ([28], с. 145), либо изображения скифских воинов греческой работы из Причерноморья ([9], с. 30). Однако на память приходит один эпизод из хуннской истории.

В 350 г. власть в южно-хуннском царстве Чжао захватил узурпатор, китаец Ши Минь. Он приказал истребить в своем государстве всех хуннов до единого, и тогда в резне «погибло

много китайцев с возвышенными носами» [8]. Уже одно это наводит на мысль, что хунский антропологический тип несколько отличен от привычного представления о яркой монголоидности. Затем, в знаменитом китайском барельефе «Битва на мосту» конные хунны изображены с подчеркнuto большими носами. Наконец, краниологический анализ хуннских погребенный сделан Г.Ф.Дебецом ([16], с. 121). Он выделил особый палео-сибирский тип азиатского ствола с «хотя и не плоским, но и не сильно выступающим носом», нечто похожее на некоторых североамериканских индейцев. Не этот ли тип изображен на вышивке из Ноин-Улы?

В пользу последнего предположения говорит то, что монодоидам-китайцам хуннские носы казались высокими, а европейцам — низкими.

Обращает на себя внимание прическа портрета: распущенные волосы перехвачены широкой лентой. Эта прическа зафиксирована для ханского рода тюрок Ашина, происходившего из Хэси, т.е. Ганьсу. Там до 439 г. Ашина находились в составе, последнего хуннского княжества, разрушенного сяньбийцами-тоба. Оттуда Ашина отступили на Алтай и принесли с собою ряд этнографических признаков, четко их характеризующих.

Для Центральной Азии прическа — стойкий этнографический признак [13]. Больше того, это знак лояльности к правительству. Победители часто заставляют покоренных изменять одежду и прическу на свой манер. Так, маньчжуры заставляли в XVII в. китайцев заплетать волосы в косу. Тоба носили косы и, следовательно, прическа рода Ашина была заимствована ими. Поэтому можно думать, что это прическа властителей древних тюрок, т.е. хуннов, и тем самым допустить, что на портрете изображен хунн.

Но в одном нужно согласиться с Боровкой и Тревер: портреты выполнены отнюдь не в китайской манере, а являются делом рук среднеазиатского или скифского художника. Эти шедевры могли быть выполнены бактрийскими или парфянскими мастерами, находившимся среди хуннов, в ставках хуннских шаньюев, которые имели активные дипломатические связи с государствами Средней Азии ([27], с. 108).

Теперь мы можем разграничить в хуннской культуре сферы: местную, скифо-сарматскую и китайскую. Основные предметы быта изготовлялись на месте, что показывает устойчивость ко-

чевой культуры. Китайские мастера выполняли мелкие поделки, украшения, а предметы искусства, связанные с идеологией, носят несомненные следы скифской, сарматской и южносибирской, т.е. динлинской, культур.

Теперь мы можем вернуться к исходной дилемме: была ли хуннская культура «китайской проблемой» или вместе со скифо-сарматской и южносибирской представляла самостоятельный вариант общечеловеческой культуры? Рассмотренный нами материал позволяет определенно высказаться за вторую концепцию, и прояснение этого вопроса — одна из многих заслуг открытий П.К.Козлова перед наукой.

Мы рассмотрели ноинулинские находки только в одном аспекте и далеко не исчерпали предмета, но теперь следует перейти к еще более блестящему открытию Козлова — мертвому городу Хара-Хото, бывшей столице Тангутского царства. Круг вопросов, связанных с этим открытием, еще шире, но мы сосредоточим наше внимание на одной проблеме — географическом местоположении этого города и условиях его гибели.

Тангутское царство располагалось в Ордосе и Алашане, в тех местах, где ныне песчаные пустыни. Казалось бы, это государство должно быть бедным и многолюдным, а на самом деле оно содержало армию в 150 тыс. всадников, имело университет, академию, школу, судопроизводство и даже дефицитную торговлю, ибо оно больше ввозило, чем вывозило. Дефицит покрывался отчасти золотым песком из тибетских владений, а главное — выводом живого скота, который составлял богатство Тангутского царства [12].

Город, обнаруженный П.К.Козловым, расположен в низовьях Эцзингола, в местности ныне безводной. Две старицы, окружающие его с востока и запада, показывают, что вода там была, но река сместила русло к западу и ныне впадает двумя рукавами в озера: соленой Гануннур и пресное Согонур. П.К.Козлов описывает долину Согонура как прелестный оазис: среди окружающей его пустыни, но вместе с тем отмечает, что большое население прокормиться тут не в состоянии. А ведь только цитадель города Идзин-Ай (тангутское наименование Хара-Хото) представляет квадрат, сторона которого равно 400 метрам. Кругом же прослеживаются следы менее капитальных строений и фрагменты керамики, показывающие на наличие слобод.

Разрушения города часто приписываются монголам [23]. Действительно, в 1226 г. Чингисхан взял тангутскую столицу, и

монголы жестоко расправились с ее населением [6]. Но город, описанный П.К.Козловым, продолжал жить еще в XIV в., о чем свидетельствуют даты многочисленных документов, найденных участниками экспедиции. Затем, гибель города связана с изменением течения реки, которая, по народным преданиям торговцев, была отведена осаждающими посредством плотины из выкопанной с землей. Плотины эта сохранилась до сих пор в виде насыпи ([20], с. 82). Так оно, видимо, и было, но монголы тут ни при чем. В описаниях взятия города Урахая (*монг.*) или Хэшуйя (*кит.*) нет никаких сведений. Да это было бы просто невозможно, так как у монгольской конницы не было на вооружении необходимого шанцевого инструмента. Гибель города описана монголам по дурной традиции, начавшейся еще в последние века, приписывать им все плохое.

На самом деле тангутский город погиб в 1372 г. Он был взят китайскими войсками Минской династии, ведшей в то время войну с последними Чингисидами, и разорен как опорная точка монголов, угрожавших Китаю с запада [19].

Но почему же тогда он не воскрес? Изменение течения реки — причина, так как город мог бы перекочевать на другой берег Эцзингола. И на этот вопрос можно найти ответ в книге П.Козлова. Со свойственной ему наблюдательностью он отмечает, что количество воды в Эцзинголе сокращается, озеро Ванур мелеет и зарастает камышом ([20], с. 71). Некоторую роль здесь играет перемещение русла реки на запад, но это само по себе не может объяснить, почему страна в XIII в. кормила огромное население, а к началу XX в. превратилась в песчаную пустыню? Тут мы подошли к проблеме колебаний увлажнения Азии за историческое время. Это столь большой и важный вопрос, что его следует разбирать и решать отдельно, но и это открытие Козлова является отправной точкой будущего исследования, которое проводится сейчас многими географами и служит поводом для конструктивного научного диспута.

Самым важным моментом представляется не частный вопрос о крепости Идзин-Ай или о смещении течения реки Эцзингол к западу, а постановка вопроса об использовании археологических находок для создания физико-географических картин прошлых эпох. Ибо это — путь для выяснения тех закономерностей природы, которые иным образом не могут быть открыты. Это историческая география в новом аспекте, на пороге науки XX века.

В заключение хочется сказать несколько слов о значении вклада П.К.Козлова в науку о Срединной Азии.

Изучение этой страны пережило три стадии. Первая, которую можно назвать «Бичуринской», ознаменовалось открытием для нас китайской классической гуманитарной науки истории и географии. Монах Иакинф сам, один, перевел целую библиотеку сочинений о Центральной Азии и создал базу для исследования В.В.Григорьева [10], Н.А.Аристовой [11], К.А.Иностранцева [17] и Г.Е.Грумм-Гржимайло [11]. Они не были китаистами, но дополняли своими специальными познаниями историческую картину, нарисованную средневековыми хронистами и географами. Это была вершина науки прошлого века.

Мощный сдвиг связан с именем Н.М.Пржевальского и его учеников. Русские путешественники посетили места великих событий и благодаря им был проверен ряд сведений, часть из которых подтвердилась, а часть была отвергнута. География влила в жилы истории горячую кровь живого опыта. Русская наука и вышла на первое место на общемировом фоне.

Третий период, филологический, начало которому положили юношеские рецензии В.В.Бартольда [2], завел науку в трудное положение. Бартольд высказал суждение, что синтетическим обобщениям должны предшествовать частные изыскания по ряду мелких вопросов, касающихся текстов, языковых особенностей и т.п. На первый взгляд это бесспорно, но при пристальном изучении видно, что частности, нагромождаясь бессистемно, закрывают собою целое. Возникло, и не могло не возникнуть, дробление науки по языковому признаку, и история тюрков, монголов и маньчжуров оказалась разорванной на три отдельные дисциплины, координация между которыми стала практически неосуществимой.

Кроме того, требование, чтобы историк читал источники обязательно в подлинниках, лишает возможности сопоставлять между собою разные группы сведений, даже касающихся одной темы. По большинству крупных вопросов исторической географии Центральной Азии есть упоминания на китайском, японском, маньчжурском, корейском, монгольском, древнетюркском, уйгурском или чагатайском, тибетском, персидском, арабском, армянском и греческом языках. Почти все они переведены в разное время филологами, но не сведены в систему так как нет и не может быть такого полиглота, который бы од

непрерывно интересовался проблемами истории и географии, не будучи в этих науках дилетантом.

Надо отдать справедливость В.В.Бартольд: сам он в поздних работах не придерживался принципов, сформулированных в юности, но они проникли в академическую науку. В результате этим методом не было написано ни одной обобщающей работы, несмотря на то, что потребность в таковых в наше время огромна. Однако дело не безнадежно, и вывести историческую науку из тупика можно.

Когда стоит вопрос об изучении народов, их быта, культуры, передвижений, возникновения и исчезновения — всего того, что мы называем этногенезом, то надо иметь в виду, что эти проблемы путем лингвистики не могут быть разрешены. Тут необходим синтез истории и географии, иными словами, историческая география, но не в старом понимании этого термина, а в новом, основанном на последних достижениях естественных наук. Для этого подхода нужен новый аспект.

Эталон географической систематики — ландшафт. Народ, приспособившийся к данному ландшафту, связан с ним своим бытием, добыванием средств к повседневной жизни и даже своей исторической судьбой. В этом смысле народность — (этнос) часть природы. Сумма этносов — этносфера, подобно биосфере В.И.Вернадского облегающая всю поверхность суши, — компонент физической географии, хотя и с присущими ей одной закономерностями. Связь этносферы с природой прослеживается на этногенезе и миграции народов, но отнюдь не на развитии общества по спирали (смена социальных формаций), ни на логике событий и поступках отдельных политических деятелей. Связывать эти группы явлений с географией — бесплодно.

Таким образом, связь физической географии с историей осуществляется через этнографию, а в тех случаях, когда народность числится, через археологию. При таком подходе ясно, что историческая география нашего времени не гуманитарная, а естественная наука. Именно так воспринималась она П.К.Козловым, что видно из всех его сочинений, где природным условиям Азии и этнографическим особенностям монголов, торгоутов или тибетцев уделено равное внимание. Козлов не формулировал своего отношения к методике исследования, потому что в его время в этом еще не было необходимости, но нам следует внимательно опуститься к его научному подходу, дабы подобно ему иметь возможность посылно обогащать науку.

Итак, мы сформулировали сущность третьей, может быть, самой крупной заслуги П.К.Козлова — применение им историко-географического синтеза, методики исследования, плодотворной и в наши дни. Большого и лучшего нельзя сказать об ученом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. СПб., 1896.
2. *Бартольд В.В.* Рецензии на книгу Г.Е.Грумм-Гржимайло «Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии». СПб., 1898 // Записки вост. отд. Русск. арх. общ. Т. XI. 1898; Изв. РГО. Т. 35. Вып. 6. 1899.
3. *Бернштам А.Н.* Изображение быка на бляхах из Ноинулинских курганов // Пробл. ист. докапиталист. обществ. №5—6. 1935.
4. *Бернштам А.Н.* Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. №4. 1937.
5. *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
6. *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
7. *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.—Л., 1950.
8. *Бичурин Н.Я.* (Иакинф). Статистическое описание Китайской империи. Ч. 1—2. СПб., 1842.
9. *Боровка Г.О.* Культурно-историческое значение археологических находок экспедиций Академии наук. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К.Козлова. Л., 1925.
10. *Григорьев В.В.* Восточный, или Китайский Туркестан. СПб., 1873.
11. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II, Л., 1926.
12. *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период // Изв. РГО. Т. 65. Вып. 5. 1933.
13. *Гумилев Л.Н.* Статуэтки воинов из Туяк-Мазара // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XII. 1949.
14. *Гумилев Л.Н.* Хунну. М., 1960.
15. *Дарвин Чарльз.* Соч. Т. V. М., 1953.
16. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948.
17. *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Л., 1926.
18. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. М.—Л., 1941.
19. *Козлов В.П.* Научное значение археологических находок П.К.Козлова // В кн.: *Козлов П.К.* Монголия и Амдо. М., 1948.
20. *Козлов П.К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М., 1948.
21. *Козлов П.К.* Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Гос. геогр. общ. 1923—1926 гг.
22. *Лубо-Лесниченко Е.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки

- до н.э. — III в. н.э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л., 1961.
11. Мерперт Н.Я., Пацуто В.Т., Черепнин Л.В. Чингисхан и его наследие // История СССР. 1962. №5.
  12. Научная жизнь в Государственном Эрмитаже в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР // Вестн. древн. ист. 1962. №3.
  13. Павский Н.А. Тангутская филология. Т. I—II. М., 1960.
  14. Руденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (область тибетского письма) // Матер. по этногр. России. Т. II. 1914.
  15. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1962.
  16. Мерперт К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.
  17. Crousst René. L'Empire des Steppes. Paris, 1960.
  18. Lin Mau-tsai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken. Wiesbaden, 1958.
  19. Trever C. Excavations in Northern Mongolia. London, 1932.

Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.)

И.П.Засецкая

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Первые сообщения античных авторов о гуннах. Исторические события, связанные с экспансией и господством гуннов в Восточной Европе. Проблема взаимосвязи гуннов с центральноазиатскими племенами хунну. Определение характера гуннской миграции, образ жизни гуннов, роль гуннского завоевания в судьбе европейских народов и Римской империи

Изучение памятников южнорусских степей гуннской эпохи и определение хронологии их показало, что в целом они относятся к первой половине — середине V в., и, следовательно, являются отражением культуры кочевых племен эпохи господства здесь гуннов, в формировании которой последние играли немаловажную роль.

Историю европейских гуннов можно разделить на четыре этапа: 1) нашествие гуннов в южнорусские степи (370—378); 2) образование и господство гуннского племенного союза в Северном Причерноморье (378—445); 3) организация «державы» Аттилы в Паннонии (445—454); 4) распад гуннского племенного союза (454 — вторая половина V в.). В литературных источниках эти этапы освещены неравномерно. Наиболее подробные сведения относятся к первому и третьему этапам, когда история гуннов тесно переплелась с судьбами народов Римской империи. Значительно меньше данных и более трудных для понимания представлено по второму и четвертому этапам.

Однако прежде чем перейти к описанию исторических событий, связанных с вторжением гуннов в конце IV в. в Восточную Европу, остановимся на некоторых сообщениях античных авторов более раннего времени, в которых упоминаются племена, созвучные с этнонимом «гунны».

Впервые о гуннах сообщает поэт Дионисий Периегет, который жил в царствование Адриана (117—138) и оставил «землеописание» в стихотворной форме. В отрывке, где Дионисий описывает Каспийское море, он говорит: «...фигура всего великого Каспийского моря представляет собой закругляющуюся окружность; его, пожалуй, не переплывешь на корабле в 3 лунных круга: столь велик этот трудный путь. Устремляясь снова на север, оно соединяется с течением Океана... Я расскажу теперь все о том, какие племена живут вокруг него, начиная с северо-западной стороны. Первые — Скифы, которые населяют побережье возле Кранийского моря по устью Каспийского моря; потом — Унны, а за ними Каспийцы, за этими — воинственные Албанцы и Кадусии, живущие в гористой стране; южнее их — Марды, Ирканы и Тапиры»¹.

Некоторые исследователи считают, что «унны» Дионисия — лишь искаженное описание страбоновских Витиев — «утии», то есть ошибка, допущенная малосведущими переписчиками, которые якобы заменили незнакомое имя на имя известного им племени². Однако такое предположение нам представляется не бесспорным. Поэтому прежде всего обратимся к тексту Страбона, в котором упоминаются «утии». Страбон пишет: «Наши современники называют Даями кочевников, живущих на побережье Каспийского моря по левую руку для вливающего в него и называемых также Парнами. Далее в промежутке лежит пустыня, а за нею Иркания, у которой море уже расширяется до соприкосновения с Мидийскими и Армянскими горами. Форма этих гор лунообразна у подошв, которые, выходя к морю, образуют внутреннюю часть залива. Эти горные склоны, начиная от моря до вершин, на небольшом пространстве заселяет часть Албанцев и Армян, а большую часть занимают Гилы, Кадусии, Амарды, Витии (Утии. — И.З.) и Апариаки». Однако большую часть побережья в горной стране занимают Кадусии, на пространстве почти 5000 стадий³. Из этого отрывка явствует, что Страбон описывает расположение прикаспийских народов с северо-восточной стороны, далее спускается к югу и затем переходит на западное побережье, где

в первую очередь отмечает албанцев и армян. Поэтому можно предположить, что племена, упомянутые после албанцев, находятся севернее. Однако из других отрывков «Географии» Страбона выявляется более точная последовательность этих народов. Описывая путь вокруг Ирганского моря, то есть южной части Каспийского моря, Страбон сообщает: «По словам Эратосфена, известный Еллинам путь вокруг этого моря состоит из областей Албанцев и Кадусиев 5400 стадий, затем вдоль страны Анариаков, Мардов и Ирганов до устья реки Окса 4800, а отсюда до реки Иаксарта — 2400»⁴. В этом отрывке описание определенно ведется с запада на юг, начиная с албанцев, и далее на восток. Таким образом, кадусии, ариакки, марды оказываются не севернее, а южнее албанцев. Та же картина наблюдается и в сообщении Страбона об азиатских Таврах, в котором он отмечает, что «северные части его (Тавров И.З.) заселяют, во-первых, Гилы, Кадусии, Амарды, как сказано выше, и некоторые из Ирганцев, затем народы: Парфийский, Маргианский и Арийский, потом пустыня...», которую отделяет от Иргании река Сарний, если идти к востоку и река Оху⁵. И хотя утии упомянуты только в одном отрывке, где помещаются между амардами и анариаками, учитывая данные всех трех приведенных выше отрывков из «Географии» Страбона, становится очевидным, что племена вдоль южной части Каспия — Ирганского моря располагаются в следующем порядке — албанцы, армяне, гилы, кадусии, амарды, утии, анариаки, ирганы.

Как полагает К.В.Тревер, утии являлись одним из коренных племен албанского народа⁶. Свое предположение К.В.Тревер основывает на предании, сохраненном Моисеем Хоренским Моисеем Каланкатуйским, согласно которому, утии считались потомками мифического албанского предка правителя Арага, посаженного в Албанию якобы легендарным арианским царем Валаршаном⁷. В этой связи интересно свидетельство древних армянских историков о существовании области «Отяно» (по-гречески) или «Утик» (по-армянски) на побережье Куры, входившей в IV веке в состав Армении, а затем ставшей территорией Албанского царства⁸.

Таким образом, утии несомненно локализируются в горной стране, в Закавказье, и упоминаются в блоке вместе с албанцами, кадусиями, амардами, анариаками, ирганами. Унии же Дионисия отделены от этой группы племен каспийцами. Если

не предположить, что переписчик Дионисия искажил написание страбоновских утиев, сделав из них «уннов», то почему же ему понадобилось изменить их место в списке перечисленных Страбоном племен? Не мог этого сделать и сам Дионисий, который, определенно, использовал данные Страбона. В частности, перечисленные Дионисием племена, живущие в гористой стране и вблизи них — албанцы — кадусии — марды — ирканы, почти полностью соответствуют перечню племен в одном из отрывков Страбона. Пересказывая Эратосфена, он описывает племена, обитавшие вокруг Ирганского моря: албанцы — кадусии — анариаки — марды — ирканы.

Доказав, как мы полагаем, невозможность отождествления утиев Дионисия с утиями Страбона, попробуем решить еще один не менее важный вопрос — где следует помещать на карте утиев? В современной литературе существует мнение, что последние обитали на территории между Каспийским и Аральским морями⁹. Однако, на наш взгляд, такое предположение не подтверждается анализом письменных источников. К сожалению, данная точка зрения специально не рассматривалась исследователями, и потому мы не можем судить, что послужило поводом для ее появления.

Предлагая свою трактовку локализации утиев Дионисия, мы исходим из того, что сведения автора являются полноценным источником и не содержат ошибок переписчика.

Если предположить, что утны жили к востоку от Каспийского моря, то тогда сведения о перечисленных Дионисием за этими племенами вступают в противоречие с описаниями других авторов, и прежде всего с приведенными выше сообщениями Страбона. Обратимся вновь к упомянутым трем отрывкам страбоновской «Географии», в которых перечисляются с некоторым изменением одни и те же племена. Существенным для решения нашей проблемы является факт местоположения ирканцев. В тех случаях, когда Страбон, описывая расселение племен вокруг Ирганского моря — южной части Каспия, начинает с западной стороны, ирканцы оказываются на последнем месте после албанцев — кадусиев — анариаков и мардов; там же он дает описание племен, начиная с северо-востока, а затем отступает на восток и далее на юго-запад, страна «Ирканов» оказывается на третьем месте сверху, то есть после даев, живущих на побережье Каспийского моря по левую руку для плывающего в него», и пустыней, лежащей в промежутке меж-

ду территорией даев и Ирканией. В таком случае Иркания (страна ирканцев) предшествует перечисленным выше народам ирканского побережья.

У Дионисия ирканцы же занимают предпоследнее место и записаны после албанцев, кадусиев и мардов. Такая последовательность в перечне племен указывает, как мы полагаем, на то что Дионисий перечисляет жителей побережья Каспийского моря начиная с северо-запада и затем, идя вдоль западного побережья, спускается на юг. Не противоречит этому и помещение каспийцев между уннами и албанцами. Упоминание о каспийцах — каспиянах мы также находим у Страбона, который пишет: «В состав Албанской земли входит также Каспиана, названная по имени каспийского народа, от которого получило название и море и который теперь уже не существует»¹⁰. Далее он сообщает: «По словам Эратосфена, туземцы называют Кавказ Каспием, быть может переименованный так по имени каспиев»¹¹. Плиний Секунд (23—79 гг. н.э.) также отмечает, что по западному берегу Каспийского моря живут каспии: «От Кира (р. Кура. — *И.З.*) море получает название Каспийского, по берегу живут Каспии». Не противоречат такому толкованию и сведения Помпония Мела (середина I в.), который, описывая Каспийское море, отмечает: «направо от устья (Каспийского моря. — *И.З.*) по берегам пролива живут скифы — кочевники, далее у Каспийского залива живут каспии и амазонки, называемые савроматидами. У Ирканского моря — албанцы, мосхи, ирканы...».

Из всех приведенных отрывков очевидно, что каспии находились на западном побережье рядом с албанцами, а вернее севернее их. Особенно важны в этом отношении данные Помпония Мела, из которых следует, что каспияне жили вдоль Каспийского залива, то есть по побережью средней части Каспийского моря, которую древние авторы отделяли от южной называемой Ирканским морем, или заливом, и от северной известной под названием Скифского залива. Соединяющая якобы Каспий с океаном пролив отождествлялся в древности Волгой. Место, где пролив впадает в Каспийское море, обычно называют устьем.

Таким образом, северо-западная сторона, с которой начинается описание племен Дионисий, находится справа от пролива, то есть справа от врывающегося в море, и, вероятно, соответствует правобережью Каспийского моря, примыкающего к

стенным территориям от Волги до Кавказских гор. На этом пространстве Дионисий размещает сначала скифов (по устью Каспийского моря), потом уннов, а за ними каспийцев, далее следует перечисление народов, живущих в гористой стране и вблизи нее (албанцы, кадусии, марды, ирканы и тапиры), то есть племена, населяющие побережье Ирганского залива — южной части Каспийского моря, прилегающей к Кавказским горам, и Закавказские территории.

Мы не можем точно назвать область обитания уннов, однако совершенно определено, что она находилась на западной стороне Каспийского моря, а не на восточной. Предположительно уннов можно локализовать в районе между реками Кума и Терек. Другой вопрос, можно ли отождествлять уннов Дионисия с гуннами, появившимися в Восточной Европе в последней четверти IV в.? Дать определенный ответ на этот вопрос весьма затруднительно. Здесь можно лишь высказать предположения. Среди перечисленных Дионисием народов, за исключением уннов, все остальные племена хорошо известны по более ранним источникам. Но такое явление мы можем наблюдать у многих авторов, когда наряду со старыми, явно заимствованными у других писателей именами появляются новые названия племен — современников самого автора. Также в сочинениях древних историков и географов разных эпох одни и те же народы перемещаются с одной территории на другую, благодаря чему можно проследить передвижение племен, появление нового и исчезновение старого населения. Возможно, и Дионисий, описывая жителей побережья Каспийского моря, используя ранние сообщения, вставил в свой перечень имя народа, которое впервые стало известно именно в его время. Косвенно на локализацию уннов Дионисия в области бассейна рек Кумы и Терека и на возможное отождествление уннов с гуннами Аммиана Марцеллина указывает отрывок из сочинения писателя VI в. Иордана, который, описывая границы Скифии, на землю которой вступили готы, выйдя из Скандинавии, сообщает: «Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр (Дунай. — *И.З.*) и простирается Мурсианское озеро; Она (Скифия. — *И.З.*) тянется до реки Тиры, Данастра (Днестр. — *И.З.*) и до горы Тавры — не той, что в Азии, а собственной, то есть скифской — по всей прилегающей к Мэотиде местности и за Мэотиду, через Босфорские проливы (Керченский пролив. — *И.З.*) до Кавказских гор и реки Аракса

(Арагва. — И.З.); затем она (Скифия. — И.З.), загнувшись в левую сторону за Каспийское море, а это последнее возникает на крайних границах Азии, от северо-восточного океана, в виде гриба, сначала тонкого, потом широчайшей круглой формы, склоняется к области гуннов и отступает до албанов и серов».

Из этого описания следует, что Иордан, доведя территорию Скифии до Кавказских гор и до реки Арагвы (Аракс), затем поворачивает налево, огибая Каспийское море с западной стороны, и поднимается до степных территорий, где и отмечает область гуннов, а затем отступает к землям албанов и серов. Серы — это название китайцев, принятое в традиционной литературе. Однако вряд ли здесь имеются в виду собственно китайцы. Как отмечают многие исследователи, имя «серы» по мере передвижения центров торговли шелком к западу переносилось на среднеазиатские народы, в частности на согдийцев. В этом смысле употребляет их и Иордан. Не случайно поэтому, указывая на пограничные со Скифией народы и страны, Иордан сообщает, что восточными соседями Скифии были серы, живущие у самого ее начала на берегу Каспийского моря. Владения гуннов же оказываются выше албанских, последние вместе с Персией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра составляют южную границу Скифии. И если предположить, что Иордан описывает территорию Скифии в период переселения гогов в Северное Причерноморье в III в., то, очевидно, имя гуннов было уже известно к тому времени как место их обитания. В свете данного сообщения становится и более вероятной предложенная нами трактовка отрывка Дионисия о локализации «уннов» в районе между Тереком и Кумой. Небезынтересным является и упоминание племени хуннов на карте Птолемея, греческого географа II в. Описывая население Европейской Сарматии, Птолемей отмечает, что между бастарнами и роксоланами живут хунны, которые таким образом оказываются на территории между Днпром и Азовским морем¹². Данный отрывок, как мы полагаем, является отголоском тех событий, которые имели место в Центральной Азии в конце I в. до н.э. — I в. н.э., после раскола хуннов на северных и южных. При этом, как известно из китайских письменных источников, южная группа хунну попала под влияние Китая, а северная после многочисленных поражений, нанесенных сяньбийскими и китайскими войсками, ушла в 93 году нашей эры на запад, в Джун-

тарию¹³. Какова была судьба ушедших хунну, с какими народами сталкивались они на своем пути и как далеко продвинулись на северо-запад — об этом никаких сведений в литературной традиции не имеется. Однако именно к этому времени, то есть к I—III вв., как мы видели, относятся первые упоминания племен уннов — хуннов — гуннов в европейских источниках. Не исключено, что в результате постоянных войн и экспансий какие-то небольшие группы центральноазиатских хунну проникли в I—II в. на территорию южнорусских степей. В.В.Латышев, комментируя сообщение Птолемея, рассматривает его как самое раннее упоминание о тюркском племени гуннов. Однако, как показывает археологический материал, первые проникновения хунну в Восточную Европу, если таковое имело место, не произвели каких-либо существенных изменений в составе населения и характере культуры данной области. Таким образом, судьба птолемеевских хуннов остается неясной. Вполне возможно, что пришельцы были ассимилированы местным сарматским населением. В этом отношении заслуживает внимания необычность некоторой части погребального инвентаря, обнаруженного в кургане 51-го Суловского могильника Саратовской области в Нижнем Поволжье. В погребении I в., совершенном по сарматскому обряду, был похоронен молодой мужчина с оружием явно восточного происхождения, резко отличающимся от обычного для данной эпохи вооружения сарматского воина. Многие исследователи неоднократно указывали на особенности погребального комплекса в суловском захоронении¹⁴, из которого происходит длинный меч без металлического навершия с брусковидным перекрестием, покрытым бронзовой пластиной, крупные наконечники стрел с опущенными жальцами и крупный ромбовидный наконечник длиной 10 см, костяные обкладки сложносоставного лука. Подобные мечи и наконечники стрел с опущенными жальцами в памятниках I в. до н.э. — I в. н.э. Средней Азии, в могильниках типа Гулухарского¹⁵, Лявандакского и Кую-Мазарского¹⁶. Но наиболее интересен ромбовидный наконечник стрелы, который по своим размерам и форме полностью идентичен ранним образцам хуннских наконечников Монголии и Забайкалья¹⁷.

Невольно возникает соображение, что умерший был чужеземцем, а потому с ним в могилу было положено не сарматское, а его родовое оружие, то есть оружие его предков. Вероятно, можно предположить, что здесь мы напали на след затерявших-

ся в евразийских степях первых переселенцев хунну, впоследствии птолемеевских «хуннов»¹⁸.

Первые достоверные сведения о гуннах Европы относятся к сообщениям римского писателя конца IV в. Аммиана Марцеллина — современника гуннской экспансии на Запад. Период гуннского завоевания и господства гуннов в Восточной Европе открывает новую эпоху в истории южнорусских степей, ознаменованную распадом политических объединений готов, сарматов и аланов, которые первыми почувствовали всю силу сокрушительного удара гуннских орд. Экспансия гуннов в Европу, их стремительное продвижение на запад потрясли и цивилизованные круги римского общества. Вот почему кроме Аммиана Марцеллина подробные описания и просто упоминания этих событий оставили многочисленные авторы — историки, писатели, поэты и т.д. И прежде всего все они подчеркивали необычайную жестокость гуннских завоевателей. Так, Аммиан Марцеллин писал, что этот «неукротимый народ, пылающий неудержимую страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до земли Аланов, прежних Массагетов»¹⁹. Клавдий Клавдиан — римский поэт (375—404 гг.) писал: «Север не питает ни одного племени более свирепого»²⁰. Авзоний — поэт (умер после 393 г.) также упоминает «свирепых» гуннов²¹. Жестокость гуннов подчеркивает и Евсевий Иероним, который писал в 389 г.: «Вот весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Мэотиды... вырвались рой гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом»²². Можно было бы привести и другие данные письменных источников, подтверждающих не просто жестокость гуннов и передающих не только впечатление поэтов и историков тех далеких лет, а главным образом подчеркивающих грандиозность этого события, перевернувшего исторические судьбы разных народов и племен Восточной Европы и даже самой Римской империи.

Наиболее полные сведения о европейских гуннах первого этапа их истории оставил нам Аммиан Марцеллин. Аланы занимали огромные степные пространства по обе стороны Танаиса, а также к северу от Мэотиды и течения Танаиса и северные предгорья Кавказа. Говоря о вторжении гуннов на аланские земли, Аммиан Марцеллин подчеркивает, что гунны вторглись в земли именно тех аланов, которые сопредельны

гевтунгами, то есть готскими племенами. Перебив и ограбив многих аланов, гунны по условиям мирного договора присоединили оставшихся к себе²⁴, а затем при их содействии ворвались в обширные и плодородные владения Германариха — короля остготов.

Из письменных источников следует, что гунны прошли в Северное Причерноморье двумя путями. Одна группа гуннов шла непосредственно через южнорусские степи, а какая-то их часть — через Керченский пролив. Последнее событие отражено в легенде о переходе гуннами вслед за ланью, оленем или быком, укушенным оводом, какого-то водного пространства. Впервые эта легенда была описана церковным историком V в. Созоменом, который рассказывает, что жившие по соседству гунны и готы долго не знали о существовании друг друга, так как их разделяло огромное озеро. Однажды «преследуемый оводом бык перешел через озеро и за ним последовал пастух; увидев противоположную землю, он сообщил о ней соплеменникам. Другие говорят, что перебежавшая лань показала охотившимся «уннам» эту дорогу, слегка прикрытую сверху водою. В этот раз они возвратились назад, с удивлением осмотрев страну, более умеренную по климату и удобную для земледелия, и доложили правителю, что они видели. Сначала они с небольшими силами попробовали бороться с готами, а потом совершили нашествие с огромными полчищами, победили готов в бою и захватили всю их землю»²⁵. Для понимания, какое озеро могли перейти гунны, большое значение имеет сообщение историка второй половины V в. Зосима, который, повествуя о нападении гуннов на готов, пишет: «Я нашел такое известие, что Киммерийский Боспор, занесенный илом из Танаида, дал им (гуннам. — И.З.) возможность перейти сухим путем из Азии в Европу»²⁶. Еще более определенно о переходе гуннами Керченского пролива (Киммерийского Боспора) говорит историк VI в. Агафий Миринейский, указывая, что гунны перешли устье Мэотийского озера, впадающего в Понт Эвксинский, до тех пор казавшийся непроходимым²⁷. А.А.Васильев, тщательно проанализировав письменные источники, пришел к выводу, что гунны могли перейти пролив зимой, когда последний, по сообщениям греческих писателей, обычно покрывался льдом²⁸. Как свидетельствует археологический материал, гунны, проникнув сначала на Таманский полуостров, подвергли уничтожению жителей городов и поселений Азиатского Боспора.

Н.И.Сокольский, опираясь на археологические данные, показал, что путь гуннов проходил по северной части Таманского полуострова, в результате чего погибли от пожаров и разрушений такие крупные города, как Кепы, Фанагория, Гермонасса, укрепленные поселения Фанталовского полуострова²⁹. Пройдя в самом узком месте Керченский пролив, гунны вступили на территорию Европейского Боспора, разгромив город Тиритаку. Разрушению подверглись не только второстепенные поселения и города, но и столица Боспорского царства Пантикапей, значительная часть которого превратилась в руины. Именно гуннская экспансия способствовала окончательному распаду крупного рабовладельческого государства в Северном Причерноморье, которое с 370-х гг. фактически прекратило свое существование. Кроме того, в Крыму гунны встретились с крымскими готами и, разбив их, вышли в причерноморские степи, где, соединившись с главными силами, вступили в борьбу с остготами Поднепровья. События, развернувшиеся в результате столкновения гуннов с готами, подробно описаны Аммианом Марцеллином и затем неоднократно повторены другими авторами. Гунны одержали полную победу над остготами, и готский король Германарих покончил жизнь самоубийством. Избранный после его смерти Витимир оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек на свою сторону. Но, после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына по имени Видерих приняли управление приматы Алафей и Сафракс, «искусные и известные твердостью духа вожди»³⁰. Но, потеряв надежду дать отпор, они вынуждены были отступить и отошли к Днестру, где объединились с визиготами. Когда слух о продвижении гуннов за запад дошел до визиготов, возглавляемых Атанарихом, он решил разбить большой лагерь на берегах Днестра для сопротивления гуннам, выслав вперед на 20 миль войско во главе с военачальником Мундериком, которое должно было следить за приближением врага. Однако гунны заподозрили, что видимый ими отряд — не главные силы противника, поэтому они обошли авангард визиготов и ночью, перейдя Днестр, бросились на армию Атанариха. Ошеломленные внезапным нападением, визиготы вынуждены были искать убежище, как сообщает Аммиан Марцеллин, в «крутых горах», то есть в Карпатах. Затем, оттеснив готов к Дунаю, приостановили свое

дальнейшее продвижение на запад. Причиной этого, по словам Аммиана Марцеллина, было затруднение, в которое их ставило обилие добычи. Однако наиболее вероятно, что их отход в степи Северного Причерноморья был обусловлен стремлением сохранить свое господство над покоренными народами и закрепить за собой завоеванные земли. Не исключено, что на захваченной гуннами территории, пока они в основной своей массе находились далеко на западе, начались волнения местного населения. Возможно, именно к этому времени относится и попытка остготского вождя Винитария, внучатого племянника Германариха, освободиться от власти гуннов. По словам Иордана, Винитарий удерживал «все знаки своего господствования» и «с горечью переносил подчинение гуннам»³¹. Пытаясь освободиться из-под гуннского владычества, Винитарий предпринял поход против антов, который закончился победой готов. Но такой свободой пользовался он «сдва в течение одного года».

Гуннский вождь Баламбер, призвав другого остготского вождя — Геземунда, внука Германариха, выступил объединенными силами против Винитария. В последнем бою Винитарий был убит, и готы полностью подчинились гуннам, даже «собственного царька» они могли выбирать только по решению гуннов. О полном подчинении готов гуннам свидетельствует и другое сообщение Иордана, рассказывающего, что после смерти Винитария готами стал править Гунимунд, сын Германариха, а после смерти Гунимунда наследовал его сын Торисмуд, который правил только два года. После него готы в течение 40 лет не имели своего короля. Иордан объясняет это событие тем, что готы якобы так оплакивали внезапную смерть молодого Торисмуда, что не хотели никакого другого короля, чтобы нимягь о Торисмуде «всегда была у них на устах»³².

Однако мы полагаем, что такое объяснение Иордана, готы по происхождению, было вызвано желанием несколько приукрасить тяжелое положение своих предков. В действительности отсутствие у готов в течение сорока лет королей следует рассматривать лишь как доказательство окончательного их подчинения гуннами. Это, вероятно, произошло после того, как гунны изгнали везиготов за Дунай, лишив остготов поддержки. События же, связанные с готскими вождями Витимиром и Винитарием, свидетельствуют о сопротивлении каких-то отрядов готов, уцелевших после падения «царства» Германариха и пы-

тавших восстановить свою независимость. В то же время визиготы и примкнувшие к ним остготы и другие варварские племена, в том числе и сармато-аланские, спасаясь от преследования гуннов, с разрешения римского императора Валента перешли Дунай и расселились в римских провинциях Мезии и Фракии. Поставленные, однако, в тяжелейшие условия римлянами, варвары восстали против недавних своих спасителей. В результате жесточайшей борьбы в 378 г. в битве при Адрианополе римляне потерпели страшное поражение, а император Валент погиб³³.

Так закончился первый этап гуннского завоевания, всколыхнувшего весь варварский мир. Этот этап ознаменовался покорением оставшегося населения Северного Причерноморья и образованием политического объединения — союза племен под главенством гуннов. Все эти события, начиная с завоевания гуннами аланов и до Адрианопольской битвы, могут быть ограничены, вероятно, 370-ми годами.

Период вторжения и движение гуннов на запад на первом этапе их истории в Восточной Европе пока очень слабо отражен в археологических источниках. Основными доказательствами экспансии гуннов являются ярко выраженные следы разорения, разгрома и пожарищ на целом ряде городов и поселений Боспорского царства в Крыму, на поселениях, расположенных вокруг Танаиса и в самом Танаисе с греко-сарматским населением, а также на памятниках черняховской культуры готских племен. С другой стороны, несомненно, с вторжением гуннов связан и тот факт, что до сих пор мы не можем выделить среди сармато-аланских древностей Нижнего Поволжья и Подонья погребальные комплексы, которые можно было бы твердо датировать второй половиной IV в. Отсутствие таковых, как мы полагаем, является следствием опустошительного похода гуннов через южнорусские степи, в последней трети IV в., которые, по сообщениям письменных источников, безжалостно истребляли всех и вся на всем пути.

Иначе обстоит дело с археологическими источниками, отражающими второй этап истории гуннов в Восточной Европе, который прежде всего, как мы уже указывали, ознаменовался образованием гуннского племенного союза с центром в Северном Причерноморье (378—445). Этот период характеризуется сравнительной стабилизацией политической и экономической обстановки в Северном Причерноморье, что способствовало воз-

рождению некоторых городов и поселений Боспорского царства, например Танаиса, Фанагории и самой столицы — Пантикапея, который теперь стал называться Боспором. Восстанавливается жизнь и на некоторых поселениях черняховской культуры. Всегда нуждающиеся в продуктах земледелия и ремесла кочевники были заинтересованы в оживлении таких центров. Возможность же реставрации их могла произойти только при условии создания стабильной обстановки в соседней с оседлыми центрами степи. Именно к этому времени относятся и большинство памятников гуннской эпохи, представленных в основном разрушенными погребениями, случайно обнаруженными местными жителями при строительных и земляных работах и в меньшей степени — захоронениями, открытыми археологическими раскопками (по нашей периодизации хронологическая группа Ia, 634). Это объясняется спецификой погребального обряда, в частности, как мы уже указывали в соответствующем разделе, изолированностью погребений, которые редко образуют могильники, а также отсутствием во многих случаях курганных насыпей. Последнее обстоятельство значительно затрудняет поиски памятников гуннской эпохи. Отрицательным фактором в исследовании данных памятников является также отсутствие подробной документации и неполноценность комплексов. Но, несмотря на малочисленность памятников гуннской эпохи, они характеризуются, как мы уже не раз отмечали, большим разнообразием погребального обряда и инвентаря.

Временное спокойствие, наступившее в Северном Причерноморье, способствовало не только возрождению разрушенных оседло-земледельческих центров, но и укреплению могущества самого гуннского племенного союза. Будучи воинственными племенами, для которых военная добыча, как и получение дани с покоренных народов, были одним из главных средств существования, гунны постоянно предпринимали набеги на соседние страны. В период относительного спокойствия на западных границах гунны предприняли поход на Восток, о чем рассказывает Евсевий Иероним, современник гуннской экспансии в Европу. Он отмечает, что в тот момент, когда гунны появились на Востоке, прорвавшись через Александровы запоры и учинив кровавую расправу над местным населением римских провинций, войско римское не могло прийти на помощь, так как «удерживалось в Италии гражданскими войнами»³⁵. Об этом же

событии повествует и другой античный писатель конца IV — первой четверти V в., Филосторгий, который говорит о двух группах гуннов: западных, предпринимавших походы за Дунай, и восточных. Последние, по словам Филосторгия, «перейдя» через реку Танаид и вторгшись в восточные области, через Великую Армению ворвались в так называемую Мелитину. Отсюда они напали на Евфратскую область, проникли до Килесирии и, пройдя через Киликию, произвели невероятное избиение людей³⁶. Далее Филосторгий замечает, что ко всем бедам римлян присоединился еще и Тривигильд, «родом скиф из так называемых ныне готов». Упоминание о готском военачальнике Тривигильде, возглавившем восстание варваров в период консульства Евтропия, позволяет точно датировать рассказ Филосторгия о походе гуннов на Восток 198-м годом³⁷. Из этого сообщения понятно, о какой гражданской войне в Италии упоминает Иероним в приведенном выше отрывке. Вероятно, об этом же походе рассказал посол Западной Римской империи Ромул Приску Панийскому, о чем последний изложил в своих «сказаниях». Приск сообщает: «...когда кто-то спросил, по какой дороге Аттила может прийти в Персию? Ромул сказал, что Мидия не очень далеко от Скифии, что уннам неизвестна ведущая к ней дорога и что они давно в нее вторгались в то время, когда у них свирепствовал голод, а римляне, быв в войне с другими, не могли их остановить, что в Мидийскую область дошли Васих и Курсих, те самые, которые впоследствии приехали в Рим для заключения союза, мужи царского скифского рода и начальники многочисленного войска. По рассказам их, они проехали степной край, переправились через какое-то озеро, которое Ромул полагал за Мэотиду, а «по прошествии пятнадцати дней, перешед какие-то горы, вступили в Мидию»³⁸. Э.А.Томпсон предполагает, что описанный Приском рассказ Ромула может относиться к 415—420 гг. и даже к несколько более поздним, но при этом он не приводит никаких доказательств в пользу своего предположения³⁹. Мы же склонны считать, что все три приведенных выше отрывка повествуют об одном и том же событии, то есть походе гуннов на Восток в 398 г. В каждом из них имеются указания, что гунны вышли из-за Мэотиды и что римляне в это время были заняты войной, а потому не могли воспрепятствовать движению гуннов.

В то время как основные силы гуннов сосредоточились в степях Северного Причерноморья, объединив под своей

властью оставшееся местное население сармато-готского происхождения от Волги до Днестра, какая-то часть гуннов действовала на Дунае. Как сообщает античный автор Зосим, оставивший подробное изложение истории 270—410 гг., в 400-х годах гунны под предводительством Ульдиса воевали против готского военачальника Гайны на стороне Рима. В этой борьбе гунны, по мнению Зосима, преследовали две цели: не позволить Гайне, имеющему собственное войско, «иметь жительство в Истром», куда тот намеревался отойти, а во-вторых, «угодить римскому императору»⁴⁰. В результате войско Гайны были разбито и сам Гайна пал в бою. У другого автора, Ермия Созомена, который написал 9 книг истории, охватывающей период с 324 по 423 г., в его последней, девятой книге, мы вновь встречаемся с именем гуннского военачальника Ульдиса. В этом случае он уже воюет против римлян. Как сообщает Созомен, «Ульдис, предводитель живущих по Истру варваров, с огромными силами переправился через реку и расположился в пределах Фракии. Взяв путем измены город Костра Мартис, он совершал оттуда набеги на остальную Фракию и по своей самонадеянности не хотел слышать о договоре с римлянами»⁴¹. Однако в конце концов Ульдис был изгнан римлянами из Фракии и, с трудом переправившись через Дунай, спасся бегством. Дальнейшая судьба его неизвестна. Кроме того, какое-то гунны упоминаются в качестве участников сражения на стороне римской армии Стиликхона⁴². Из вышеприведенных письменных сообщений явствует, что в 400-е годы территория левого берега Дуная была занята гуннами, которые представляли собой самостоятельную, оторвавшуюся от общей массы группу, возглавляемую одним из военачальников гуннского войска и таким образом не входившую в политическое объединение гуннского племенного союза Северного Причерноморья. Их действия на стороне римлян не согласуются с общей политикой гуннского союза. Правильно А. Томпсон, который отрицает предположение некоторых исследователей, что Ульдис якобы был вождем всего племенного объединения гуннов, которому затем наследовали известные гуннские вожди — Донат, Чарато, Руа, Бледа, Аттила⁴³. По его мнению, вождь — правитель гуннского союза, чья сила была столь велика, не стал бы служить в римском войске. Такой вывод нам представляется вполне логичным. Напротив, письменные источники свидетельствуют о зависимости римлян от гуннских правителей, с которыми им приходилось вести посто-

янные дипломатические переговоры, чтобы предотвратить нападения гуннов на римские владения. Мы знаем из сообщений Олимпиодора, написавшего 22 книги истории периода с 407 по 425 г., что в 412 г. к гуннскому вождю Донату было направлено посольство Восточной Римской империи, которое возглавил Олимпиодор. Чтобы достигнуть земли гуннов, послы должны были переплыть Черное море, что указывает на расположение ставки гуннского вождя где-то в степях Северного Причерноморья⁴⁴. После смерти Доната власть перешла к его сыну Чарато. Это еще раз свидетельствует о существовании в Северном Причерноморье крупного политического объединения гуннов, в котором существовала наследственная власть.

В дальнейшем мы узнаем, что во главе союза становится Руа, который первоначально делил свою власть с двумя братьями, Мунздуком и Октаром, и державшими власть до Атилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он (Атила. — И.З.)⁴⁵. Лишь в 432 г., после смерти своих братьев, Руа становится единственным правителем. Интересно сообщение Приска о решении Руа вести войну против амилзуров, итимаров, тонсуров, воисков и других народов, поселившихся на Истре и прибегавших к союзу с римлянами. По своему происхождению это гуннские племена. Иордан, перечисляя племена гуннов, упоминает в том числе алпидзуров, алцидзуров, итимаров, тункарсов, боисков, альциагиров, хунугуров и др.⁴⁶. Агафий Миринейский в качестве гуннских племен называет неких ульгидзуров. Упоминания имен, несомненно, родственных народов и, скорее всего, тюркского происхождения в письменных источниках европейских авторов впервые появляются в связи с описаниями гуннского нашествия в Восточную Европу. Возможно, названные Приском племена, против которых собирались воевать Руа, предпринимая новый поход на запад, были те самые отделившиеся гунны, которые не вернулись в степи Северного Причерноморья вместе с основными силами гуннского войска в конце 70-х годов четвертого столетия. Оставшись на Дунае и будучи независимыми от политического объединения гуннов южнорусских степей, эта часть гуннов действовала здесь в начале 400 г. под предводительством Ульдиса. Также, вероятно, именно эти же племена в 425 г. помогали римскому военачальнику Аэцию в борьбе с готами, за что он отдал им провинцию Паннонию. В 432 г. Руа, по словам Приска, стремился подчинить их в целях создания «единой державы». Однако за-

вершил начатую Руа завоевательную политику его преемник, знаменитый гуннский вождь Аттила. После смерти Руа в 433 г. власть перешла к его племянникам Бледе и Аттиле, сыновьям его брата и соправителя Мунздука. Именно к этому времени относится завоевание Аттилой Паннонии, куда была перенесена главная ставка вождя. В 445 г. Бледа был убит, и Аттила стал полновластным единоличным властелином гуннского племенного союза. Царствование Аттилы было триумфом господства гуннов в Европе. Об этом периоде истории гуннов имеются следования многих современных авторов⁴⁷, а также и более подробные сообщения древних писателей. Особенно ценны сведения Приска Панийского, который самолично находился некоторое время при дворе Аттилы в качестве посла Восточной Римской империи. Эпоха Аттилы ознаменовалась постоянными войнами с римлянами, заканчивавшимися неоднократно полным разрушением и разорением римских городов и земель. Так, в 442 г. гунны подняли оружие, перешли Истр и разорили многие города и укрепления⁴⁸. В том же году Аттила собрал войско и отправил письмо к римскому императору с требованием немедленной выдачи перебежчиков и выплаты дани, а также насылки посланника для переговоров о платеже дани на будущее. Римляне отказались выполнить условия Аттилы, и тогда он стал опустошать римские земли и срыл несколько крепостей⁴⁹. В 447 г. вновь произошло грандиозное столкновение между римлянами и гуннами, известное как Херсонейское сражение у пролива Дарданеллы⁵⁰. Римляне потерпели поражение и вынуждены были заключить мир, приняв все условия, выдвинутые гуннами. По мирному договору римляне обязались выдать гуннам всех перебежчиков и шесть тысяч литр золота в счет долга и платить ежегодно определенную дань в две тысячи литр золота за каждого римского военнопленного, бежавшего и пришедшего на свою землю без выкупа, а в случае неуплаты они обязаны выдать беглеца гуннам. В 448 г. Аттила послал своего приближенного Едекона, который должен был добиться выдачи перебежчиков, а также потребовать, чтобы римляне перестали обрабатывать завоеванную гуннами землю по течению Истра от Паннонии до НовФракийских (Новы-Свиштов), а торг был бы перенесен в Наисс (г. Ниш). В связи с этим римляне и отправили посольство к Аттиле, в числе которого находился Приск Панийский, оставивший подробнейшее описание этого путешествия⁵¹.

С завоеванием гуннами Паннонии мы связываем группу памятников первой половины V в. типа Новогригорьевки — Печюсег (по нашей периодизации подгруппа 16³², принадлежащих, судя по инвентарю, воинам-всадникам. В них встречено оружие и предметы конского снаряжения, последние исполнены в полихромном стиле третьей стилистической группы. Локализуясь в степях Северного Причерноморья, они в виде отдельных комплексов встречаются на территории Молдавии, Румынии и вновь сосредотачиваются в Венгрии (Паннонии). Знаменательно, что и находки жертвенных культовых котлов гунно-хуннского типа совпадают с ареалом памятников подгруппы 16. Здесь как бы намечается путь движения гуннов с востока на запад. Опираясь на датировку комплексов, первую половину V в., а также на их топографию, можно с достаточной долей вероятности предположить, что данные археологические памятники отражают движение северопричерноморских гуннов под главенством Атиллы в Паннонию и относятся в основном к третьему этапу истории гуннов в Восточной Европе, связанному с завоеванием Паннонии и установлением так называемой «державы» Атиллы. Последняя представляла собой союз разноэтничных и разноязычных племен и народов, германского, иранского и тюркского происхождения. Обладая огромными военными силами, Атила предпринял новый поход на запад, к Рейну. Одержав ряд побед и присоединив к своему войску подпавшие народы — восточных франков, тюрингов, зарейнских бургундов, Атила вошел в Галлию.

Решающая битва между римлянами и гуннами произошла на Каталаунских полях (Шампань) в 451 г. Место, где встретились противники, было отлогое, «оно как бы выросло вершиной холма», завладевший им оказывался в более выгодной и удобной для дальнейших боевых действий позиции. С правой стороны холма стояли гунны со своими союзниками из многочисленных и разнообразных племен, среди которых преобладающим было войско остроготов, под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера, «более благородных по происхождению, чем сам король (Атила. — *И.З.*), которому служили», а также полчища гепидов во главе с королем Ардахом. С другой стороны, то есть слева от холма, сосредоточилась римская армия, в состав которой входили визиготы во главе с королем Теодорихом I и аланы, возглавляемые вождем Савини баном. Военачальником самих римлян был известный полково-

и Лэций. Красочное описание этой битвы дано Иорданом, который писал, что «здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон и не было тут никакого тайного подползания, но ожались открытым боем»⁵³. «В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, приблизились ночью, переколов друг друга в схватке, — франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов»⁵⁴. Каталаунская битва явилась переломным моментом в истории гуннов, которые, потеряв значительную часть своего войска, потеряли и свое былое могущество. В этой битве не оказалось явного победителя, но обе армии были дезорганизованы и небоеспособны. Визиготы и римляне постепенно оставили свои позиции, Аттіла же, заметив отход противника, долго еще находился в лагере, опасаясь какой-либо хитрости со стороны врагов. Однако, увидевший, что римляне не возвращаются, Аттіла вновь предпринял нападение на римские земли, вторгнувшись в провинцию Венетию, расположенную в северо-восточной части Италии. В результате этого похода были разрушены многие города провинции. Римляне вынуждены были выслать посольство во главе с папой Львом для заключения мирного договора. Заключение мира, Аттіла ушел за Дунай. После этого из письменных источников известно, что гунны стремились подчинить себе восточные племена, которые «сидели за рекою Лигером» (река Луара во Франции), но король визиготов Торисмуд, сын погибшего в Каталаунской битве короля Теодориха I, «предвосхитил злой замысел Аттілы»⁵⁵. Как пишет Иордан, «завязалась битва почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях. Торисмуд лишил Аттілу всякой надежды на победу, изгнал его из своих владений без триумфа и заставил бежать к своим местам». Последнее событие происходило в 453 году.

В 454 г. Аттіла умирает. Иордан рассказывает, что труп Аттілы, находившийся в трех гробах — из золота, серебра и железа, был тайно ночью предан земле. Вместе с ним в могилу положили «оружие <...>, драгоценные фалары, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, какими отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело»⁵⁶.

Смерть Аттілы предопределила окончательное падение гунн-

ского могущества, «держава» гуннов распалась. Между наследниками Аттилы возгорелся спор за власть, и «пока они, нерышачьи, все вместе стремились повелевать, все вместе и утратили власть»⁵⁷. Сыновья Аттилы требовали разделения подвластных племен жребием, не считаясь с собственным мнением и вождей. Это вызвало возмущение среди правителей. Первыми откололись от гуннов гепиды со своим королем Ардарихом. К нему присоединились и другие находившиеся в подчинении у Аттилы племена. «И вот все вооружаются, — повествует Иордан, — для взаимной гибели, и сражение происходит в Паннонии близ реки, название которой Недао. Туда сошлись различные племена, которые Аттила держал в своем подчинении; отпадают друг от друга королевства с их племенами... несут войну друг против друга... можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руги, переламывающего дротик в его (гепида. — *И.З.*) ране, и свави, отважно действующего дубинкой, а гунна — стрелой, и алани, строящего ряды с тяжелым, а герула с легким оружием»⁵⁸.

В этой схватке победили гепиды. Старший сын Аттилы Эндлак был убит, два других — Денгизих и Ирник вынуждены были бежать к Понтийскому морю, то есть в степи Северного Причерноморья, где главную роль играли племена акациров. Как сообщает Приск Панийский, «у этого народа было много начальников по коленам и родам».

Распад гуннской «державы» Аттилы был фактически концом существования гуннского племенного союза, который держался силой оружия и авторитетом непобедимого и могущественного властелина, каким был Аттила. Силой оружия Аттила удерживал в повиновении покоренные территории, даже если владельцами их были гуннские племена. Приск Панийский рассказывает, что когда народ акациров вздумал самостоятельно заключить союз с римлянами, без ведома Аттилы, последний тотчас выслал «большую рать» и одних перебил, а других склонил к повиновению. Вот почему первое же крупное военное поражение гуннов под предводительством Аттилы подорвало могущество не только самого вождя, но и всего союза в целом.

Дальнейшая судьба гуннов в достаточной степени туманна. Из письменных источников известно, что гунны неудачно пытались вновь подчинить себе готов и завладеть Паннонией. Затем предпринимают попытку наладить дружественные отношения с Римом, предлагая заключить мир и по старинному

обычаю возобновить обмен товарами. Но высланное с этой целью посольство к императору Льву (457—474) получило отказ. После этого Денгизих «без всякого успеха желал поднять войну против Римлян, а Ирник отказался от приготовления к ней, так как его отвлекали местные войны»⁵⁹. В довершение того Денгизих был убит, и его голова доставлена римским полководцем Анагистом в Константинополь. Все эти события происходили во второй половине V в. В это же время в североприморских степях появляются новые племена — сарагуры, ити и оногуры, которые, как сообщают письменные источники, вытеснили господствующее здесь племя акациров. Сами же они были изгнаны из «родной земли» савирами, а те, в свою очередь, аварами, последние же бежали от народа, жившего на побережье океана⁶⁰.

В качестве потомков гуннов рассматриваются и племена утигуров и кутригуров, упоминание о которых имеется лишь в двух византийских авторах эпохи Юстиниана I (527—565) — Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского⁶¹. Из их сообщений явствует, что оба эти народа представляли собой два самостоятельных, постоянно враждующих между собой союза, каждый из которых владел определенной территорией. Кутригуры занимали область на западе Мэотиды, а утигуры размещались на его восточном побережье. Непрерывная междоусобная война, подстрекаемая политикой Юстиниана I, привела к почти полному истреблению этих племен. Оставшиеся в живых рассеялись среди других народов и приняли их имена. Однако такие скудные сведения не дают полного представления о том, сколько продолжительно было существование утигуров и кутригуров на юге России, когда они появились здесь и какое отношение они имели непосредственно к гуннам.

Из византийских же источников известно также, что в это время, то есть в первой половине VI в., на исторической арене выступают упомянутые савиры, которые действуют в основном в Закавказье, болгары и др. Часто эти племена именуются гуннами, что объясняется либо их общим происхождением, либо просто одинаковым образом жизни — так, например, гунны у Плиния Панийского называются скифами. О всех вышеперечисленных племенах, попавших на страницы истории периода после распада гуннского племенного союза, в письменных источниках имеются лишь отрывочные сведения, в основном касающиеся их участия в войнах между Византией и Ираном, при

этом они воюют на стороне то Византии, то Ирана. Как справедливо заключает М.И.Артамонов, объединения этих племен были неустойчивы и кратковременны, так как вызывались временными причинами, чаще всего военного характера⁶². Не исключено, что некоторые из них входили в состав могущественного племенного союза гуннов, но в свое время не играли в нем какой-либо выдающейся роли и, возможно, обитали в более восточных районах, удаленных от центра, который находился в Северном Причерноморье. Распад «державы» Аттилы не мог не отразиться на политической обстановке Северного Причерноморья и других регионов южнорусских степей. Потеря властью одних гуннских племен могла содействовать проявлению самостоятельности других племен, которые до недавнего прошлого оставались в стороне от политической жизни союза.

С этим смутным периодом истории гуннов мы связываем ряд археологических памятников, выделенных нами во вторую группу (ХГЗ-2⁶³). Ведущий признак вещевого комплекса этой группы представлен типологически новыми формами уздечного набора, состоящего из бронзовых, обтянутых золотым листком бляшек с изображением «личин» и прямоугольных, таким же образом сделанных пластин, украшенных рядами зерновидных и катушковидных фигур. Кроме того, отличительной чертой комплексов является почти полное отсутствие полихромных изделий, составляющих специфику комплексов первой группы.

В свете вышеизложенного можно предположить, что памятники второй группы являются отражением описанных выше событий — передвижением в степи Северного Причерноморья сарагуров, урогов и оногуров, изгнанных с родной земли савирами. Где же была их родная страна?

Такой землей, как предполагает М.И.Артамонов, могли быть степи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья⁶⁴. Замечательно, что комплексы второй группы найдены, главным образом, в Заволжье и Южном Приуралье. Лишь один комплекс происходит из Северного Причерноморья, из могилы VII у с. Новогригорьевки, где были обнаружены две другие могилы VIII и IX, отнесенные нами к подгруппе 1б, первой группы. Могила VII, совпадая полностью с последними по обряду погребения (трупосожжение на стороне), по вещевому комплексу отличается от них и, напротив, примыкает к упомянутым выше более восточным находкам.

Памятники второй группы (вторая половина V в.) представлены значительно меньшим количеством, чем погребения первой, более ранней группы (конец IV — первая половина V в.), вполне соответствует исторической обстановке, сложившейся в южнорусских степях после распада гуннского племенного союза. Бесконечная смена племен, постоянные войны вызвали запустение степной территории, превратившейся в сквозной коридор, через который устремились на запад различные племена и народы угро-тюркского происхождения. До образования Хазарского каганата гуннский племенной союз был фактически последним крупным политическим объединением кочевников, создавшим сравнительно устойчивую обстановку в северном Причерноморье для развития культуры как самих кочевников, так и населения оседло-земледельческих и ремесленных центров.

Как мы уже отмечали, одной из проблем гуннской археологии является проблема происхождения европейских гуннов и их связи с хуннами Центральной Азии, которая вот уже более двух веков остается дискуссионной. Еще французский историк XVIII в. Дегинь впервые выдвинул гипотезу о единстве европейских гуннов и центральноазиатских хунну. С тех пор в литературе разгорелась широкая дискуссия, при этом одни исследователи поддерживали точку зрения Дегиня, другие выступили в качестве ее противников. Не было и единства взглядов на происхождение гуннов и хунну, которых исследователи считали тюрками, монголами, финнами и даже славянами. История изучения этой проблемы до 1925 г. подробно изложена К.А.Иностранцевым, сторонником тождества гуннов и хунну и их тюркского происхождения⁶⁵. В последующие годы интерес к этому вопросу не угас. Наряду с уже существующими мнениями появились новые гипотезы. Автор одной из них — А.Н.Бернштам считал гуннов Восточной Европы потомками центральноазиатских хунну и рассматривал образование гуннского народа как сложный и длительный процесс. А.Н.Бернштам полагал, что часть хунну в I в. до н.э. ушла в Среднюю Азию, где они смешались с местным немонгольским населением.

В результате ассимиляции хунну изменили свой расовый тип и культуру. Позднее, в IV в. «этот смешанный тип хунну» проникнул на запад, присоединяя по пути приуральские, поволжские и даже прикамские народы, что еще больше изменило их культурный и внешний облик. Таким образом, соединение

культуры разных народов породило тех гуннов, которые вторглись в Европу⁶⁶. Как смешение двух племен, хунну и угров рассматривает европейских гуннов Л.Н.Гумилев, замечая, что «приуральские угры были тем народом, который приютил белозубцев (хунну) и дал им возможность вновь собраться с силами. Именно с угорских территорий начали гунны свой новый поход на запад, ...оба народа смешались и слились в один новый народ — гуннов»⁶⁷. Этой же точки зрения придерживался и М.И.Артамонов, полагая, что вышедшие из Монголии хунны в 200 лет «успели превратиться в гуннов, то есть, по сути дела стать совершенно новым народом. Относительно малочисленная хуннская орда в степях Приуралья оказалась в окружении главным образом, угорских племен, с которыми и не замедлила вступить в различные формы контактов»⁶⁸.

Рассматривая этот сложный и дискуссионный вопрос о взаимосвязи хунну и гуннов, разделенных значительным хронологическим периодом, начало которого знаменуется исчезновением одних — хуннов, а конец — появлением других — гуннов на исторической арене, исследователи в основном опирались на письменные и лингвистические данные, оставляя в стороне археологические источники. Последнее объясняется отсутствием видимого сходства в памятниках хунну Центральной Азии (I в. до н.э. — II в. н.э.) и гуннов Восточной Европы (конец IV — V в.). Учитывая хронологический разрыв в 200—300 лет между ними, трудно рассчитывать даже на относительную близость археологического материала в целом. И тем не менее мы полагаем, что только последние могут пролить свет на решение проблемы взаимосвязи культуры гуннов и хунну. Ибо как бы хунну ни сталкивались и ни смешивались с другими народами на своем пути, какие-то традиции их собственной культуры сохранились и непременно должны были оставить след в археологических памятниках. Некоторые исследователи, как мы уже отмечали, рассматривают, например, наличие сложносоставного лука у европейских гуннов как элемент восточной культуры восходящей к оружию хунну Центральной Азии⁶⁹. Неоднократно отмечалось также и центральноазиатское происхождение бронзовых котлов так называемого «гуннского типа».

В настоящее время, в связи с накоплением новых материалов как на территориях Центральной и Средней Азии, так и в Восточной Европе, в том числе и в южнорусских степях, в литературе вновь поднимается вопрос о необходимости более

цельного сопоставления археологических памятников этих степей, находившихся в круговороте исторических событий, важную роль в которых играли как хунну, так и гунны. Большое значение для решения проблемы гунно-хуннских связей и, на наш взгляд, изучение отдельных категорий вещей из комплексов Восточной Европы гуннской эпохи в плане их происхождения и развития. В этом отношении интересные результаты дала разработанная нами классификация наконечников стрел и поиски их прототипов, которые были найдены не в вооружении предшествующей сармато-аланской эпохи, а в вооружении среднеазиатских древностей первых веков нашей эры⁷⁰. Выделенные нами типы наконечников стрел, такие как ромбовидные, трапециевидные и ступенчатые, а также, вероятно, наконечники с плоским пером являются дальнейшим развитием центральноазиатских образцов хуннской культуры. Аналогии им происходят из памятников Монголии и Китая⁷¹. Особенно большое количество аналогий дают находки в Кокельском могильнике в Туве⁷². Другие же, как трехлопастные лавролистные и трехгранные, происходят из Средней Азии. Появление и распространение указанных выше типов наконечников стрел на территории южнорусских степей, судя по бесспорным датам ряда погребальных комплексов, в которых они были обнаружены, совпадает с экспансией и господством гуннов в Восточной Европе. Таковыми являются захоронения в керченском склепе 154, где находилось 11 погребений, датированных концом IV — началом V в.⁷³. В границах территории Украины известны погребения с сожжением у с. Новогригорьевки Запорожской области⁷⁴ и с. Ровного Саратурской области⁷⁵, а также случайная находка у с. Новая Маячка Херсонской области⁷⁶ и пещерное погребение в Кызыл-Ады Оренбургской области⁷⁷. К концу IV — началу V в. относятся погребения у с. Тугозвонovo на Алтае и на городище Актобе II в Средней Азии. Авторы публикаций связывают их происхождение с эпохой переселения народов и, в частности, с движением гуннов.

Самой западной точкой распространения ступенчатых и ромбовидных наконечников стрел, характерных для гуннской эпохи IV—V вв., определяется находка в Венгрии, где они сочетаются с типичными для данного времени железными удилами с выемчатыми на свободные концы серебряными наконечниками и бронзовыми кольцами⁷⁹. Другой категорией вещей, указываю-

щей на этнокультурную связь гуннов и хунну, являются они санные выше бронзовые котлы, центральноазиатское происхождение которых не раз отмечали многие исследователи. Интересно, что один из таких котлов был обнаружен вместе наконечниками стрел, типичными для хуннской культуры Центральной Азии. Мы имеем в виду находки из пещерного погребения у с. Кызыл-Адыр Оренбургской области (табл. 37, 38, 39).

Изучение котлов хунно-гуннского культурного круга позволило проследить путь и этнокультурные связи хунну-гуннов в промежуточном этапе их истории, то есть со времени ухода хунну из Центральной Азии до экспансии гуннов в Восточную Европу. В этой связи, как мы уже указывали, большое значение имеют находки глиняных сосудов, имитирующих бронзовые котлы «гуннского» типа на поселении джетыясарской культуры II—IV вв. в Средней Азии. Этот факт может свидетельствовать о переселении сюда какой-то группы хунну, обитавшей здесь определенный период времени. Не случайно, вероятно, что наряду с центральноазиатскими элементами в погребальных комплексах Восточной Европы гуннской эпохи встречаются и предметы среднеазиатского происхождения, в частности, трехгранные наконечники стрел и трехлопастные лавролистной формы. Некоторые украшения, как, например, колты, судя по находкам в памятниках Средней Азии, также скорее азиатского происхождения. Не исключено, что среди народов, участвовавших в экспансии на запад, возглавляемой гуннами, находились и какие-то племена из Средней Азии. Конечно, было бы наивно предполагать, что европейские гунны были непосредственными потомками хунну, однако их взаимосвязь нам представляется бесспорной. Судя по письменным сообщениям, гунны, как и хунну, относятся к монголоидной расе. Аммиан Марцеллин подчеркивает как отличительный признак гуннов их безбородость, которой они достигают тем, что при рождении младенца ему глубоко изрезывают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся порезах, «и таким образом они стареются безбородыми и лишенными всякой красоты подобно евнухам»⁸⁰. Далее Аммиан Марцеллин рассказывает, что «все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов»⁸¹. Не менее выразительны

описывает внешний вид гуннов Клавдий Клавдиан: «у них безразличная внешность и постыдные на вид тела... их забава разрезать лицо...»⁸². Облик знаменитого вождя гуннов Аттилы, который рисует Иордан, близок приведенным выше описаниям соплеменников. «По внешнему виду, — сообщает Иордан, — Аттила был низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазками, с редкой бородой, тронутую белизною, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи), он являл все признаки своего происхождения»⁸³.

Из этих описаний внешности гуннов, несомненно преувеличивающих их безобразие, явствует, однако, что облик последних был совершенно непривычен для глаз европейца. Гунны были не похожи на населявших южнорусские степи варваров.

Амиан Марселлин, описывая внешние данные гуннов, противопоставляет их аланам, отмечая, между тем, что по образу жизни они близки друг другу. Гунны и сами знали, что их вид не нравился жителям европейской части, об этом свидетельствуют слова Аттилы, обращенные к своему войску накануне знаменитой битвы на Каталаунских полях. Поднимая воинский дух гуннов, Аттила вспоминает прежние победы: «Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Мэотидам, столько веков, превращавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружным отступить вооруженных? Лица гуннов не было вынести все собравшееся множество»⁸⁴.

Таким образом, приведенные выше отрывки из сообщений древних авторов с достаточной долей вероятности позволяют предполагать, что гунны, прибывшие в Восточную Европу, принадлежали к монголоидной расе. Частично это подтверждается антропологическими данными. В настоящее время известно лишь несколько погребений, в которых были зафиксированы умершие с монголоидными чертами. На нашей территории — это погребение у с. Верхнее Погромное в Нижнем Поволжье⁸⁵ и погребение подростка на городище Беляус в Крыму⁸⁶. Кроме того, в более западных областях обнаружены — мужские погребение у Заммеринг в Венгрии⁸⁷ и женское у с. Герсен в Румынии, где также зафиксированы монголоидные черты. К сожалению, в большинстве случаев антропологические данные отсутствуют, поскольку, как мы знаем, археологические памятники гуннской эпохи в основном представлены разрушенными погребениями. Интересно, что в двух комплексах из Нижнего Поволжья и Крыма монголоидность покойных

сочеталась с тюркским погребальным ритуалом — захоронением вместе с умершим шкуры лошади. В этой связи следует отметить, что с гуннами Восточной Европы отождествляется целая серия наименований племен явно тюркского происхождения характерными окончаниями «гуры», «дзуры», «гиры», «иры», «ары» и т.д. Это упомянутые Приском Панийским и Иорданом — акациры, альциагиры, савиры, хунугуры, алпидзуры, алцидзуры, итимары, тункарсы и др.⁸⁸. У Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского к гуннам относятся племена утигуров, кутригуров и ультидзуров⁸⁹. Все эти имена резко отличаются от иранских имен населения, обитавшего в южнорусских степях в догуннский период, и, напротив, сближаются с более поздними наименованиями определенно тюркских народов, такими как савиры, уйгуры, огузы, авары, хазары, болгары и т.д.

Таким образом, вся совокупность признаков сводится к тому, что европейские гунны были несомненно восточного происхождения и относились к племенам монголоидной расы, возможно тюркоязычной группы.

Последнее, на чем бы нам хотелось остановиться в общих чертах, — это общественный строй и образ жизни гуннов Восточной Европы, а также их историческая роль и определение характера гуннского нашествия.

Завоевание гуннов относится к такого рода миграции, когда завоеватели не мирно внедряются в местную среду, ассимилируя друг друга, а, напротив, в результате военного нашествия совершают коренной поворот в судьбах покоренных народов, большая часть которых в данной ситуации оказывается уничтоженной или вытесненной со своей территории⁹⁰. Это, как мы уже видели, блестяще подтверждают письменные и археологические источники. Период гуннского нашествия и господства в Восточной Европе совпадает с появлением и распространением совершенно новых, в корне отличных от сарматских, погребальных памятников, таких как погребения с сожжением, кострища под курганной насыпью, бескурганное захоронение, погребения со шкурой лошади или с захоронением коня целиком — ритуал, абсолютно чуждый сарматам. Отличительной чертой погребального инвентаря гуннской эпохи является почти полное отсутствие глиняной посуды, в то время как сарматы, особенно в первые века нашей эры (I—III вв.), обязательно ставили в могилу несколько глиняных сосудов разного функционального назначения, количество которых часто доходило до

5 экземпляров. Не менее важным признаком погребений гуннской эпохи является наличие в каждом мужском погребении принадлежностей конского снаряжения, представленных оригинальным уздечным набором, а также металлическими деталями седла. И, наконец, одним из главных признаков культуры кочевников южнорусских степей в эпоху господства здесь гуннского племенного союза является распространение украшений своеобразного полихромного стиля, отличающегося по своим стилистическим особенностям от аналогичных изделий предшествующего и последующего периодов.

Категорическое заявление некоторых исследователей о том, что основная линия развития материальной культуры степной окраины в гуннскую эпоху продолжает традиции предшествующей сармато-аланской, а потому ей якобы полностью соответствует термин «позднесарматская культура»⁹¹, представляется нам по существу неверным. Мы не отрицаем, что аланы и сарматы не были уничтожены полностью, но, разбитые и сорванные со своих мест гуннами, они потеряли политическую самостоятельность и в историческом плане их роль в южнорусских степях была ничтожна по сравнению с пришельцами, покорившими все местное население.

Господство гуннов в Восточной Европе нельзя рассматривать как прямое продолжение истории сармато-аланских племен, и нет основания относить степные памятники конца IV—V вв. к позднесарматской культуре, даже если некоторые из них принадлежали бывшим хозяевам степей. Пришельцы не только изменили культурный облик населения южнорусских степей, но и явились той сокрушительной силой, которая привела к полному исчезновению политического объединения ираноязычных сармато-аланских племен.

Гунны, будучи, подобно сарматам и аланам, кочевниками-скотоводами, находились на более низкой ступени кочевания по сравнению с последними, однако образ жизни гуннов и политическое устройство гуннского общества за период их господства в Восточной Европе претерпели некоторое изменение. Гунны эпохи «державы» Атиллы отличаются от гуннов, вторгшихся в южнорусские степи в 370-е гг., которых Аммиан Марцеллин характеризует как племя, превосходящее в своей дикости всякую меру. Отмечая их кочевой образ жизни, Аммиан Марцеллин пишет, что гунны не имеют определенного места жительства, а постоянно кочуют, «как будто вечные беглецы, с

кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткают жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос: где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко отсюда, вскормлен еще дальше»⁹². Они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них женским манер, исполняют свои обычные занятия. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и так крепко, что даже видят сны. Когда же приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях⁹³.

Римский поэт Клавдий Клавдиан сравнивает гуннов с мифологическим образом кентавров: «Двойная природа не боится их сочетала двуобразных тучерожденных с родными конями».

Не изменили они своим привычкам и в эпоху царствования Аттилы. Приск Панийский пишет, что при встрече с римским посольством послы Аттилы «устроили съезд вне города, сидели на конях, так как у варваров не было в обычае вести совещания пешившись»⁹⁵.

О кочевом образе жизни гуннов свидетельствует и сообщение Аммиана Марцеллина об отсутствии какого-либо постоянного жилья: «Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение... У них нельзя найти даже покрытого тростником шалаша»⁹⁶. Гунны не знают земледелия даже в его примитивной форме, что также подтверждается рассказыванием античного автора, который замечает, что у гуннов, «никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи»⁹⁷. Не знают они и строгой царской власти, а «невольствуются случайным предводительством знатнейших и разрушают все, что попадает на пути»⁹⁸.

Судя по приведенным выше отрывкам из сообщений Аммиана Марцеллина, гунны в начале своей европейской истории находились на первой, то есть таборной, стадии кочевания, которой, по классификации С.А.Плетневой, соответствует ределенное сочетание признаков⁹⁹. Два из них полностью определяют характеру гуннского общества, то есть той ступени развития, на которой находились племена гуннов, завоевавшие в 370-е гг. степную территорию от Волги до Дуная. Прежде всего это характер военных действий — нашествие, результатом которого было уничтожение населения и захват пастбищ, а та

ественный строй — военная демократия, при которой войско составляет весь народ, а во главе общества стоят вожди и старейшины. Остальные же признаки, характеризующие перешедшую стадию кочевания по схеме С.А.Плетневой, для начальной истории европейских гуннов весьма проблематичны, поскольку нет подтверждения ни в письменных, ни в археологических источниках. Можно лишь предположить, что вторгнувшись в южнорусские степи полчища кочевников, возглавляемые вождями, были полиэтничны и многоязычны и несли с собой черты разных культур. Несомненно, они имели более совершенное оружие — сложносоставной лук. Но нам ничего не известно о характере погребального обряда и религии, так как мы располагаем археологическими памятниками, которые бы отражали начальный этап истории гуннов в Восточной Европе (70—378). Все выделенные нами и упомянутые выше погребальные комплексы и отдельные находки относятся ко второму и третьему этапам восточноевропейской истории гуннов, то есть ко времени сравнительной стабилизации, связанной с возникновением и господством гуннского племенного союза сначала в Причерноморье, а затем и в Паннонии (конец IV — первая половина V в.).

В эти, последующие после нашествия два этапа истории гуннов, длительность которых продолжалась немногим более 70 лет, структура и характер гуннского общества, как мы уже отметили, несколько изменились.

Из письменных источников достоверно известно, что образовавшийся гуннский племенной союз состоял из разноэтничных и разноязычных племен и народов — это сами гунны, возможно, тюркоязычные, ираноязычные аланы и сарматы, индоиранские племена — готы, гепиды и др. Приск Панийский, рассказывая о встрече с греком в лагере Атиллы, который был одет в «варварскую одежду», отмечает, что двор Атиллы представлял собой «разноплеменную смесь», подчеркивая при этом, что «Скифы (варвары. — И.З.) кроме своего варварского языка легко изучают и уннский или готский, а также и авзонский, если у кого из них есть сношения с Римлянами»¹⁰⁰.

Во главе союза стоял один главный правитель — гунн по происхождению, при этом власть такого правителя была абсолютной. Одновременно во главе отдельных племен, входивших в объединение, стояли свои родовые вожди, часто назначаемые главным правителем.

Правитель имел определенное место обитания, где он располагался со своей семьей, приближенными и войском. Первоначально, как мы видели, ставка правителя находилась в Северном Причерноморье. Именно отсюда Руа, а вслед за ним Аттила предприняли новые походы на запад к Дунаю, завершившиеся захватом Паннонии, куда в дальнейшем и была перенесена ставка Аттилы. В отличие от гуннов, которых описывал Аммиан Марцеллин, подчеркивая, что они не имеют никакого жилья, двор Аттилы, напротив, уже представлял собой, по словам Приска Панийского, «огромное селение», в котором находились хоромы Аттилы, «построенные из бревен и хорошо выстроганных досок и окруженные деревянной оградой, опоясывавшей их не в видах безопасности, а для красоты. За царскими хорами выдавались хоромы Онигисия (приближенный Аттилы. — *И.З.*), также окруженные деревянной оградой, но она не была украшена башнями подобно Аттилиной»¹⁰¹. Не менее богато выглядели и «хоромы» жены Аттилы Креки, которую посетил Приск Панийский. Последний так описывает жилище Креки: «Внутри ограды было множество построек, из коих одни были из красиво прилаженных досок, покрытых резьбой, а другие — из тесаных и выскобленных до прямизны бревен, вставленных в деревянные круги; эти круги, начинаясь от земли, поднимались до умеренной высоты» (вероятно, своеобразный шатер. — *И.З.*). Войдя внутрь, Приск застал в нем Креку, лежащую на мягком ложе, пол «шатра» был покрыт войлочными коврами, по которым ходили»¹⁰².

Типичным для гуннского общества времени существования племенного союза становится изменившийся характер военных действий, которые теперь характеризуются не нашествием, а набегами, преследовавшими определенные цели — захват пленных, грабеж, откупы. В этот период, как свидетельствуют археологические погребальные памятники, происходит активный процесс имущественного расслоения общества и выделения родовой аристократии, складывается определенный вещевой комплекс, отражающий культуру племенной знати. Такое политическое образование, согласно схеме С.А.Плетневой (модель 2 — вторая стадия кочевания), можно условно назвать «державой» или «империей»¹⁰³. Однако, обладая частью признаков второй стадии кочевания, которая характеризуется прежде всего ограничением территории кочевания и появлением постоянных мест для сезонных стойбищ, гуннское общество эпохи Руи и

Аттилы не полностью отвечает схеме второй стадии кочевания (по классификации С.А.Плетневой). В нем по-прежнему существенную роль играют признаки, присущие первой стадии кочевания. Это — полиэтничность, многоязычность, наличие статуса родовых и племенных вождей, а также характер археологических источников, представленных разбросанными одиночными погребениями с разнообразным обрядом.

Таким образом, к гуннскому кочевому обществу, для которого даже на последнем периоде его существования были в основном характерны признаки первой стадии кочевания и лишь некоторые черты второй, не может быть применена предложенная С.А.Плетневой классификационная схема, раскрывающая содержание различных стадий или форм кочевания.

В заключение несколько слов об исторической роли гуннов в Восточной Европе. По этому вопросу в нашей литературе наиболее определенно высказался А.Н.Бернштам, отмечая в целом прогрессивную роль гуннского завоевания, суть которого он видит в том, что последнее служило едва ли не главным фактором крушения находившейся на стадии разложения рабовладельческих отношений Римской империи. Однако наряду с этим А.Н.Бернштам не отрицает и негативную роль гуннов, сокрушивших силы более развитой оседло-земледельческой культуры Восточной Европы¹⁰⁴.

Некоторые же ученые увидят в гуннах только разрушителей европейской цивилизации. Действительно, вряд ли можно назвать прогрессивным истребление целых народов и культур, как это случилось с сармато-аланскими ираноязычными племенами южнорусских степей. Бесспорен и тот факт, что именно гуннское нашествие приостановило дальнейшее развитие оседло-земледельческой черняховской культуры и способствовало фактическому распаду Боспорского царства — крупнейшего культурного и ремесленного центра в Северном Причерноморье.

Однако гунны сыграли свою историческую роль, приняв участие в крушении огромной полиэтничной и разнородной Римской империи, результатом чего явилось создание новых государств. Произшедшее в I—II вв. объединение под властью Рима — центра античной цивилизации Средиземноморья — народов и государств носило прогрессивный характер и способствовало их экономическому и культурному развитию. К моменту же нашествия гуннов в Восточную Европу Римская им-

перия находилась на грани исчезновения. Экономический и социально-политический кризис, междоусобные войны, вторжения варварских племен — готов, франков, алеманнов, квадов и др. раздирали на части некогда могущественную Империю. При императоре Валентиниане I (364—375 гг.) Римская империя разделилась на Западную, в которую вошли западные провинции, и Восточную с главным городом Константинополем. Правителем последней был назначен Валент. В такой ситуации появление на Дунае «варварских» полчищ из Северного Причерноморья, гонимых гуннами, не могло пагубно не отразиться на исторической обстановке Римской империи. Несомненно именно нашествие гуннов было тем толчком, который, как мы уже отмечали, всколыхнул весь варварский мир. Не случайно время завоеваний гуннами в Восточной Европе вошло в литературу как эпоха Великого переселения народов. Гунны завоевали сарматов и аланов южнорусских степей, остготов Северного Причерноморья, вытеснили вестготов с их территории, дошли до Дуная. В результате огромные толпы бежавших на запад упомянутых выше племен переправились в римские провинции, усилив тем самым и без того уже достаточно варваризированное население империи. Новые восстания и военные походы потрясли Рим. Особенно активизировались готы. Они захватили южные области Галлии и северо-восток Испании, где и создали самостоятельное государство. Англы, а позднее и саксы захватили Бретань, вандалы перешли в Северную Африку и также создали свое государство со столицей в Карфагене; франки заняли ряд областей в Северной и Центральной Галлии, бургунды — земли в долине реки Родана (Рона). К середине V в. под властью императора Западной Римской империи остались лишь Италия да небольшая область в Восточных Альпах.

В прибавлении к творениям святого Амвросия — епископа Медиоланского, посвященном объяснению семи видений книги Апокалипсиса, говорится: «И десять рогов, которые ты видел, суть десять царей, которые еще не получили царства. Десять рогов означают... те царства, через которые разрушена Римская держава. Ибо часть Азии они отняли издавна сами собою, а затем Сарацины покорили всю; Вандалы присвоили себе Африку, Готы Испанию, Лангобарды Италию, Бургундионы Галлию, Франки Германию, Гунны Паннонию, а Аланы же и Свевы опустошили много мест, которые подчинены были их власти»¹⁰⁵. Кроме того, что гунны сыграли не последнюю роль

гибели Римской империи, следует также еще раз указать на то, что именно гунны показали путь тюркским народам на запад, они же явились распространителями культурных влияний восточного происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ СК. I. Вып. 1. С. 185—186.
- ² *Thompson*. 1948. P. 20.
- ³ СК. I. Вып. 1. С. 149.
- ⁴ Там же. С. 148.
- ⁵ Там же. С. 151.
- ⁶ *Тревер*. 1959. С. 46—47.
- ⁷ *Моисей Хоренский*. 2, VIII; *Моисей Каланкатуйский*. 1, 4.
- ⁸ *Тревер*. 1959. С. 46.
- ⁹ *Артамонов*. 1962. С. 42.
- ¹⁰ СК. I. Вып. 1. С. 143.
- ¹¹ Там же. С. 136.
- ¹² Там же. С. 232.
- ¹³ *Вичурин*. 1950. С. 113—138.
- ¹⁴ *Минаева*. 1927. С. 116.
- ¹⁵ *Маньельштам*. 1966. Табл. XI, 1—14.
- ¹⁶ *Обельченко*. 1957. С. 221, рис. 16, *Он же*. 1961. С. 131, рис. 8, 10, 17—21.
- ¹⁷ *Коновалов*. 1976. С. 173—179, табл. II, 20, 26; *Erdelyi, Dorjsuren, Navan*. 1967. S. 341—344, fig. 13.
- ¹⁸ *Засецкая*. 1982. С. 60—64, рис. 3, 1, 2.
- ¹⁹ СК. II. Вып. 2. С. 339.
- ²⁰ Там же. С. 378.
- ²¹ Там же. С. 315.
- ²² Там же. С. 368—369.
- ²³ Там же. С. 339.
- ²⁴ Там же. С. 342.
- ²⁵ СК. I. Вып. 3. С. 762, 763.
- ²⁶ Там же. С. 800—801.
- ²⁷ *Агафий Миринейский*. 1953. С. 147, 147.
- ²⁸ *Васильев*. 1921. С. 289—300.
- ²⁹ *Сокольский*. 1968. С. 251—261.
- ³⁰ СК. II. Вып. 2. С. 342—343.
- ³¹ *Иордан*. 1960. С. 115.
- ³² Там же. С. 116.
- ³³ Там же. С. 92, 93.
- ³⁴ *Засецкая*. 1986. С. 79—91, рис. 2.
- ³⁵ СК. II. Вып. 2. С. 368—369.
- ³⁶ СК. I. Вып. 3. С. 742.
- ³⁷ *Thompson*. 1948. P. 28.
- ³⁸ *Приск Панийский*. 1861. С. 62.
- ³⁹ *Thompson*. 1948. P. 31.

Вторжение гуннов в Подонье—Приазовье

Б.В.Лукин

В IV—V веках н. э. в истории Подонья—Приазовья произошло много событий, правда, не совсем еще ясных, в результате которых кипучая жизнь на какой-то срок утрачивает здесь былую широту и размах.

Трудно сказать, что именно и когда точно прервало длительную жизнь сарматских поселений Подонья—Приазовья и такого крупного центра, как Танаис, но основной причиной этого явилось, несомненно, вторжение гуннов, появившихся здесь в конце IV века.

Гунны (китайское «хунну») в европейских источниках встречаются впервые в конце I — начале II века н.э., но в китайских источниках они упоминаются уже во II тысячелетии до н.э., когда гунны кочевали на территории от Тянь-Шаня и степей Казахстана до Желтой реки¹. Центром державы гуннов были степи современной Монголии, к югу от реки Орхон. Мирное сожительство гуннов с китайцами часто сменялось враждебными отношениями, жестокой борьбой друг с другом.

Во II веке до н.э. союз 24-х гуннских племен контролировал все пути и подступы из Китая на запад, но уже в I веке н.э. гунны оказались вынужденными признать владычество Китая. Что касается северных гуннов, то они оставались самостоятельными до конца I века н.э. К этому же времени относится начало движения северных гуннов на запад. Союз племен — «сяньби» — в Центральной Азии оттеснил гуннов за Алтай, и вскоре

мы застаем их уже в бассейне реки Или и озера Балхаш, где они явились организаторами «варварских» племен Средней Азии.

Объясняя причины движения «варварских» племен, Марк говорит: «...давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума... Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»².

Литературные и вещественные памятники свидетельствуют, что гунны были типичными кочевниками и при этом хорошиими воинами — прирожденными наездниками и меткими стрелками из лука. Сами о себе гунны говорили: «Сражаться на коне есть наше господство, и мы страшны перед всеми народами».

По пути своих передвижений гунны вовлекали в свой состав и некоторое количество других кочевых племен. Проникнув в Среднюю Азию, часть гуннских племен осталась кочевать в ее пределах, а часть двинулась дальше на запад, в направлении прикаспийских и приволжских степей.

Около 370 г. н.э. гунны вошли в соприкосновение с обитателями берегов Азовского моря и низовьев Дона.

В 375 г., предводительствуемые царем Баламером, гунны перешли реку Дон. Сарматские племена алан, оказавшие им сопротивление, подверглись разгрому. Вслед за тем мы встречаем гуннов уже далеко на запад от Дона — на северном берегу Дуная, между Дунаем и Тиссой, где и сложился политический центр гуннской державы (крупного племенного объединения) Аттилы, распавшейся из-за внутренних междоусобиц после смерти в 453 г. самого Аттилы — «бича божия и молота вселенной».

У римского историка Аммиана Марцеллина содержится следующее указание относительно нашествия гуннов и конца Танаиса. «Именно гунны, — пишет Аммиан Марцеллин, — вторгнувшись в земли тех алан — прежних массагетов, которые сопредельны с гревнугами и обыкновенно называются танаитами, — многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе».

Нашествие гуннов было настолько сильным и грозным, что, подобно позднешему нашествию монголо-татар, произвело потрясающее впечатление на современников. Один из римских писателей образно сравнивал нашествие гуннов со снежным вихрем, налетевшим с высоких горных вершин.

Аммиан Марцеллин писал: «Племя гуннов... превосходит всякую меру дикости... Все они отличаются страшным и чудовищным видом... Кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду... У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи... Их можно назвать самыми яростными воителями... Это подвижной и неукротимый народ».

«Вот весь Восток задрожал, — добавляет Евсевий Иероним (IV—V века), — при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов... вырвались рои гуннов, которые летали туда и сюда на быстрых конях, все наполняя резней и ужасом...»

Проходя по степям, гунны сгоняли с земли прежнее население. Часть жителей истреблялась или обращалась в рабов, другая часть вливалась в гуннский племенной союз и следовала вместе с ним дальше. Все же большое количество алан и после гуннского нашествия еще бытовало в VI—IX веках н.э. на Северном Кавказе и от Волги до Днепра, в том числе — и в бассейне Дона, подпав тогда частично под владычество хазар³.

Падение Танаиса и севернопричерноморских греко-римских колоний было ускорено ослаблением самой Римской империи. Уже в II веке н.э. в Риме шли непрерывные политические смуты. Восстания рабов, крестьян и ремесленников являлись признаком наступления революции и начала гибели рабовладельческого Рима. Вторжение варваров еще более ослабляло империю. Рим стал терять свои колонии. Гибель Танаиса и других городов Боспора была одной из драматических страниц в истории столкновения «варварского» мира с рабовладельческим римским государством и его владениями.

Приход гуннов пресек тысячелетнюю жизнь Танаиса и связанных с ним поселений. Во всяком случае, последующие два столетия, судя по письменным источникам, касающимся Подонья—Приазовья, и по археологическим памятникам, заполнены неясными для нас передвижениями, столкновениями, распадом и объединением различных старых и новых племен.

СЛАВЯНЕ И ВОПРОС ОБ ИХ ПОЯВЛЕНИИ НА ДОНУ

В это время в истории Подонья—Приазовья открываются новые страницы, тем более значительные, что они будут связаны вскоре с историей заселения нашего края славянскими племенами, сам процесс формирования которых неотделим от процесса развития племен скифо-сарматского круга. Как в свое время скифы не исчезли бесследно, но в значительной своей части влились в состав сарматских племенных образований, так и приход гуннов не мог, разумеется, навсегда и полностью оборвать жизнь сарматских племен Причерноморья—Приазовья.

К тому же, вообще, «ни один народ, — замечает по сему поводу проф. В.В.Мавродин, — как физическая величина, не исчезает бесследно. Народ вечен. Каждый народ, имя которого, речь, культура, обычаи, соматические (антропологические) особенности с течением времени исчезают, все же продолжает жить в лице своих далеких потомков, и древние племена и народы должны быть учтены как творческая сила формирования позднейших и современных народностей и наций... Все передвижения и переселения народов, — а они в истории бывали и неоднократно, — как правило, не затрагивают основных масс населения той или иной области, страны, края как физической величины...»⁴

Не все, конечно, племена Восточной Европы играли равную роль в качестве творческой силы формирования славянства. Установлено, что в этногенезе восточного славянства значительно большую роль играли древние оседлые земледельческие племена, например, Среднего Приднепровья и в гораздо меньшей степени — кочевые и полукочевые племена южнорусских степей. Заселение южнорусских степей славянами как таковыми относится к более позднему времени.

Но к какому именно?

Как особый народ славяне были известны очень давно. Еще древнеримские писатели I и II веков н.э. упоминают о ранних славянских племенах-венедах. Много сведений о ранних славянах мы черпаем в трудах византийских историков VI—VII веков (Прокопия, Агафия, Менандра, Протиктора, Феофилакта, Маврикия, Феофана), в трудах готского историка VI века епископа Иордана (или Иорнанда), а также в сирийских и других источниках.

В V главе своей готской истории (551), посвященной географии Скифии, Иордан указывает на территорию расселения славян западных и южных (склавин) и восточных (антов), которые раньше были известны под одним общеплеменным именем — венедов (славян вообще)⁵. Оказывается, уже в те далекие времена славянские племена были расселены на весьма обширной территории.

В VI веке у славян существовал родовой строй, жили они отдельными родами и племенами. Счет родства велся у славян по отцовской линии, что говорит о патриархальной родовой общине. Отдельные племена славян нередко находились во вражде друг с другом. Однако когда славянам угрожала опасность со стороны врага или когда они выступали в походы против соседей, между славянскими племенами заключались союзы, во главе которых становились старейшины, наиболее влиятельные и родовитые военные вожди⁶. Все это говорит «о развивающейся из родового строя военной демократии» (Энгельс).

На военно-демократический образ жизни славян указывает и то, что они созывали народные собрания по военным и другим вопросам.

Занимались славяне земледелием, скотоводством, охотой; они также вели торговлю. Известно, что в земли, населенные антами, ввозились украшения и оружия из причерноморских и придунайских городов. Вывозились от антов различные меха и т.д.

Жилищами восточных славян часто являлись землянки, которые имели по бокам земляные «скамьи», а в середине — круглые глинобитные печи. Рядом с землянками располагались хозяйственные ямы — хранилища. При раскопках древних славянских поселений в таких ямах обнаруживают зерна проса, что свидетельствует об использовании ям для хранения хлебных зерен, а также кости домашних животных — коровы, свиньи, овцы, козы. В ямах, куда выгребалась зола из печи, находят рыбы кости и чешую. Славяне выделывали в своих поселениях глиняную посуду, изготавливали металлические изделия — железные ножи, серпы, рыболовные крючки и т.д.

Жили славяне также в хижинах. Для защиты от внезапных нападений врагов славяне нередко строили свои жилища в районе леса, болот, рек и стоячих озер. Иногда жилища имели несколько выходов — на случай внезапной тревоги⁷.

Замечательной чертой древних славян являлась их любовь к свободе и независимости, ненависть к иноземному господству, стойкая и решительная борьба против попыток порабощения.

Византийские писатели отмечают храбрость и свободолюбие славян, их честность, гостеприимство. В общественных делах славяне видели свое собственное дело и принимали в них горячее участие. С рабами-военнопленными, как правило, славяне обращались мягко и по истечении некоторого срока предоставляли им свободу. В военной обстановке, однако, в битвах и сражениях, они были беспощадны к врагам. Своей храбростью и стремлением к независимости славяне нередко достигали побед и над более сильным по вооружению противником, как это было, например, в схватках с восточноримскими войсками.

О мягком отношении славян к рабам византийский писатель Маврикий, рассказывая о славянах VI века, пишет: «Находящихся у них (славян) в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая их рабство известным сроком, предлагают им на выбор: желают ли они за некоторый выкуп возвратиться в их земли или же — остаться с ними на положении свободных и друзей»⁸.

Во время походов славян дома оставались старики и старухи, женщины и дети, а также лишь очень небольшое, необходимое для текущих работ и охраны количество мужчин. В походы выступали дружины; захватив добычу, они возвращались обратно.

Львиная доля добычи, полученной во время завоевательных походов, доставалась военным вождям, затем — дружинникам. Это усиливало имущественное неравенство внутри славянских племен.

Рабство у древних славян не получило такого широкого распространения, какое оно имело на территории Древней Греции и Рима. Своими походами и набегами на территории рабовладельческих стран славянские племена способствовали окончательной гибели рабовладельческих государств, уже находившихся в то время в состоянии упадка.

Славяне сталкивались с рабовладельческими государствами в ту эпоху, когда рабовладельческий строй в этих государствах являлся в основном пройденным этапом, уступал дорогу новым общественным отношениям — феодализму. Это обстоятельство способствовало тому, что славяне сравнительно быстро вступили на путь феодального развития.

В VI—VII веках поселения славян в Западной Европе покрывали значительные части восточной Германии, а также территории современной (до Первой мировой войны) Австро-Венгерской империи и Балканского полуострова.

Начиная с VI века, походы и набеги славян приобретают все более ярко выраженный завоевательный характер.

В VI веке военные дружины славян составлялись как из пеших, так и из конных воинов, вооруженных тяжелыми щитами, мечами, метательными копьями, луками и стрелами с ядовитыми наконечниками. Славянские воины умели хорошо биться и в степях, и в лесах, и в ущельях; они быстро ориентировались в местности, изобретая различные военные хитрости. Если враг наступал славян в походе в степи, то славяне устраивали укрепление из телег. Хорошо умели они скрываться от врага под водой, дыша через тростник. В бой славяне шли чаще всего пешими.

В начале VI столетия произошло первое вторжение славян на территорию Балканского полуострова. Они прошли Македонию, Фессалию, дошли на юге до Фермопил, на западе — до старого Эпира. С этого момента начинается длительное сопротивление византийского правительства дальнейшему вторжению славян на Балканский полуостров. Тем не менее их набеги и походы продолжались, и славяне не раз хозяйничали на полуострове, пока в VII веке Дунай не перестал служить каким-либо препятствием для вторжения славянских племен. Вскоре поселения славян покрыли почти всю территорию Балканского полуострова.

Утвердившись на морском побережье, славяне предпринимали отсюда на своих ладьях успешные морские набеги на острова Эгейского моря, доходя до Крита, а также совершили нападения на крупнейшие центры Восточной Римской империи — Фессалоники и даже Константинополь. Вслед за Балканским полуостровом славяне стали массами появляться в Малой Азии.

Как быстро возрастало военное могущество славян, можно судить, например, по тому факту, что в середине 70-х гг. VI века 100-тысячный отряд славян, разделенный на 4 колонны, прошел по всей Фракии до Фракийского Херсонеса и до линии крепостных стен города Анастасия. Греки не могли противостоять натиску славян.

Славянам приходилось воевать не только с греческим госу-

дарством в лице Византии, но еще и с германскими и другими племенами.

Славяне постепенно переходили от первобытнообщинного строя к истокам своей государственности.

Долгое время многие ученые считали, что начало государства Руси совпадает с призванием варягов. Это, конечно, не так. Сказание о призвании варягов представляет собой лишь материал к истории северного княжества⁹. Первая известная точная дата существования государства Руси относится ко времени еще до появления варягов. Так, в одном из старинных документов (анналы епископа французского города Труа Пруденция) говорится о прибытии в 839 г. к императору франков Людовику Благочестивому (814—840), сыну Карла Великого, послов от византийского императора Феофила вместе с представителями «народа Рос». Этот же документ рассказывает, что росы имели у себя царя, посылавшего в Византию послов «для заключения дружбы»¹⁰.

Таким образом, Рос или Русь, к 839 г. имела царя, посылала своих послов в соседние страны. Значит, 1100 лет тому назад государство Русь уже существовало и было известно в ряде стран. А так называемое призвание варягов, будто бы имевшее место в 862 г., никак, следовательно, не может считаться началом существования государства Руси, даже если это событие — призвание варягов — имело бы место в действительности и не является легендой. А ведь летописный рассказ о «призвании» варягов полон всяких несуразностей и очень похож на известное ирландское предание о призвании трех братьев. Своими корнями рассказ о призвании варягов уходит в глубь веков и представляет собой по времени значительно более ранний рассказ, чем киевская летопись XI—XII веков.

Слово «Русь», следовательно, гораздо древнее и Киева, и Киевского княжества. Слово это пришло на север с юга. Некоторые ученые предполагают возможность существования с давних времен Азово-Черноморской Руси.

Когда же появились славяно-руссы в Подонье—Приазовье? Любопытно, что само национальное название русского народа — «Русь, Россия» связано с наименованием тех же алан-сарматов, обитавших в междуречье Дона и Днепра. Древние писатели (Страбон, Плиний, а затем византийские и другие писатели более позднего времени) упоминают о роксаланах (рокасах или росах). При этом само русское слово «язык» тоже ведет

начало от наименования одного из сарматских племен — «языгов», обозначая первоначальное понятие «племя», «народ».

«За сагинами, — сообщает греческий историк Прокопий, — осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, равно и внутреннюю, занимают варвары, вплоть до так называемого Меотийского озера и до реки Танаис, которая впадает в озеро. Устье этого озера находится на берегу Понта Эвксинского (Черного моря). Тамашние жители, известные в древности под именем киммериян, теперь называются утигурами. Дальнейшие края на север от Меотийского залива занимают бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, где начинаются озера, живут готы, называемые тетракситами».

Прокопий, следовательно, прямо указывает, что племена антов занимали территорию на север от Азовского моря и Дона (рис. 20). Сведения Прокопия подтверждает и Иордан, рассказывающий, как готам пришлось выдержать натиск антов как раз в районе Азовского моря.

Интересно, что еще римский географ Птолемей (II век н.э.) сообщал, что в местностях по нижнему течению реки Дон живут «савиры». И у позднейших писателей мы находим указания, что на Нижнем Дону живет народ, известный под названием савриков, сабиоров, или савиров. Эти савиры (одно из сарматских племен) оказываются связанными исторически со славянскими племенами, с «северой»¹¹ — упоминаемой в древнерусских летописях как самое юго-восточное из славянских племен.

Тот факт, что, например, сарматы были ближайшими родственниками некоторых славянских племен Восточной Европы, подтверждается и прямыми указаниями письменных документов¹². Так, известно, что аланы, представлявшие собой одно из сарматских племен, населяли территорию будущей южной Руси, что аланы и руссы предпринимали совместные военные действия, объединялись в общие дружины и т.д.

Одним словом, можно привести много доказательств в пользу того, что история появления первых славянских племен в Приднепровье, в Подонье—Приазовье своими корнями уходит в далекое прошлое, в глубь веков, в древний скифосарматский мир. С давних времен жили в степях по Дону и Донцу славянские и славянизирующиеся (близкие к славянам) племена. Впрочем, и некоторые из соседних с ними степных неславянских племен (из числа касогов, ясов и др.) тоже были не столь

чужды славянам, находясь с ними в постоянном экономическом, торговом и культурном общении; часть славян в далекие времена проникала в глубь степей, оседала там, смешивалась с местным населением, принимала его в свою среду¹³.

Все сказанное выше свидетельствует, что историю русского народа мы должны начинать с первых веков нашей эры — периода оформления восточной ветви славянских племен, выступавших под именем антов и становившихся решающим началом в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

С конца V — начала VI века племена восточных славян с особой силой вступают в активную политическую жизнь. Продвигаясь с течением времени на юг и юго-восток, восточные славянские племена начали заселять и бассейн Донца, местности по верхнему течению Дона, затем — области Нижнего Дона и Тамани. Проникновение славян на юг Восточной Европы было через некоторое время отмечено в Византийской империи и других государствах юго-востока указанием на появление здесь народа рос-русь. Византийские источники различают при этом антов, заселявших область северо-западного Причерноморья, и росов, обитавших в восточном Поднепровье, на Дону, по берегам Азовского моря, на Волге. Новейшие исследователи полагают, что в бассейнах Дона, Донца, Азовского моря пребывали не анты, но именно росы, русы, «представшие как новая могучая сила в политической жизни Причерноморья VIII—IX столетий и давшие восточнославянским племенам свое древнее имя рос-русь»¹⁴.

К сожалению, и до сих пор еще наука не в состоянии дать точного и бесспорного ответа, когда впервые появились поселения ранних славян в Подонье—Приазовье. На этот счет существуют различные точки зрения, и последнее слово науки далеко еще не сказано. Полагаться в данном вопросе только на известия древних писателей нельзя. В них мы находим самые общие определения, нуждающиеся в уточнении. Наиболее достоверные данные должны дать раскопки, изучение остатков материальной культуры, но и здесь только наша, советская наука обратила надлежащее внимание на работы в этом направлении, и должен пройти известный период времени для накопления достаточного количества тщательно и всесторонне изученного материала.

Что древние славяне в какой-то мере были связаны с Подо-

ньем—Приазовьем уже в VI—IX веках, проникали сюда, вели здесь меновые операции, жили среди других племен, — не подлежит сомнению. Этот факт начинает получать свое подтверждение и в вещественных находках.

На Дону, в окрестностях станицы Романовской, были найдены, например, золотые аграфы — застежки времени VI века, очень близкие к застежкам, обнаруженным в славянском кургане близ города Чернигова. О связях древних славян с Подоньем—Приазовьем говорят и письменные источники, сообщающие, например, о пребывании славян среди хазар и др.¹⁵

Что же касается возникновения в Подонье—Приазовье постоянных собственно славяно-русских поселений, то пока они точно известны здесь лишь начиная с конца X века (так называемое «левобережное» городище в окрестностях станицы Цимлянской, поселение у хутора Потайновского, Кобяково городище у станицы Аксайской). 965-м годом датировано и первое упоминание о славянах на юго-востоке в древнерусской летописи.

Специально изучавший данный вопрос И.И.Ляпушкин приходит к выводу, что «до второй половины X столетия поселения восточных славян не выходят в юго-восточном направлении за пределы лесостепи (верховья Ворсклы, Северного Донца, устье Тихой Сосны), доходя на востоке до правого берега реки Воронеж (рубеж верхнего и среднего течения Дона, поселения в районе Воронежа); это определяется, во-первых, трудностью освоения для славян степных тяжелых почв, в силу наличия у них земледельческой техники, приспособленной лишь к более легким лесным и лесостепным почвам; во-вторых, довольно ранним (конец VII — начало VIII ст.) освоением лучших участков этого района (границы степи и лесостепи, а также берегов рек) степным туземным полуоседлым населением (Салтовское, Саловское, Ольшанское, Алексеевское, Маяцкое, Цимлянское и др. поселения так наз. салтово-маяцкой культуры); в-третьих, отсутствием у славян потребности в продвижении на юго-восток в степь в виду слабой заселенности той территории, на которой они обитали»¹⁶.

Появление с конца X века славянорусских поселений в Подонье—Приазовье не может быть полно и правильно понято без ознакомления с предшествующим периодом в истории нашего края.

* * *

К V веку в приазовских степях кочевали мало известные нам утургуры (или оногуры), а в степях, к западу от реки Дон и до реки Днестра — кутургуры.

В VI веке в южнорусские степи проникают родственные гуннам уйгурские кочевые племена аваров, или вархонитов, как их называли тюрки. По свидетельству древних писателей, авары походили своим внешним видом на «прочих гуннов», но носили длинные волосы, заплетали их в косы и украшали.

Племена аваров разгромили утургуров, а вслед за ними — и кутургуров. Аварам удалось довольно быстро продвинуться далеко на запад. Известно, что авары были союзниками Византии, но под конец выступали против нее, подвергнув, в частности, около 626 г., неудачной осаде столицу Византии — Константинополь.

С появлением аваров имя народа антов вскоре исчезает из римских и византийских литературных и других источников, хотя о поголовном уничтожении аварами антов, этой сильной и многочисленной группы славянских племен, конечно, не может быть и речи¹⁷. Хорошо известно, что именно культура антского союза племен послужила основой для культуры Киевского государства и что многие явления в жизни Киевской Руси восходят своими корнями именно к антам — создателям всей культуры восточных славян. Появление аваров привело лишь к территориальным сдвигам в расселении антов, к частичному вытеснению их из ранее занимавшихся ими земель, что могло иметь место и в отношении некоторых местностей Подонья—Приазовья.

После свержения власти аваров (Аварский каганат был разбит тюрками) в степях Подонья—Приазовья (до начала VIII века) кочевала часть болгарских племен. Раньше считалось, что болгары происходят из среды тюркских племен. Однако ни болгарский, ни родственный ему чувашский язык в своей основе не принадлежат к языкам тюркской группы. Болгарские племена представляли собой коренное население Приволжья. В X веке возникает болгарское государство, столицей которого вскоре становится «великий город Болгар», располагавшийся вблизи впадения реки Камы в Волгу, недалеко от города Спаска. Та же часть болгар, которая ушла на Дунай, подчинила там себе ряд славянских придунайских племен, а затем, сроднив-

шись и слившись с ними, ославянилась и около 679 г. образовала славянское Болгарское царство, населенное болгарским народом, говорящим на близком к русскому славянскому языку¹⁸.

Через некоторое время после авар и болгар в степях Нижней Волги и Дона начали все больше и больше появляться турки. Каждое из турецких племен имело своего вождя; все вожди подчинялись верховному хану.

Местности, занятые турецкими племенами, были заселены не только одними турками. Среди туток было немало племен иного происхождения, живших здесь ранее или вновь приходивших на территорию, подчиненную туркам.

Так, византийский писатель Феофан в своей хронике (758—818) сообщает, что «на восточных берегах Меотийского озера, за Фанагорией (на Таманском полуострове), кроме евреев, живут многие народы. За тем озером, выше реки Куфиса (Кубани), в которой ловят болгарскую рыбу коист, находится древняя Болгария и живут соплеменные болгарам «котраги» (которые, заметим, были очевидно, родственны уже упоминавшимся выше кутургурам).

Одним из гунно-болгарских племен и являлось крупное племя хазар, обитавшее в степях Волги и Дона под именем акациров еще при гуннском царе Аттиле. Это племя особенно возвысилось после включения его в турецкую державу.

ХАЗАРЫ И РУСЬ

Начиная с VII века хазары приобретают все большее значение и вскоре становятся властителями обширных земель на юге нынешней территории СССР.

Известно, например, что уже в начале VII века византийский император Гераклий обращался к хазарам как к могущественному племени, ища у них помощи против персов. К половине VIII века хазары покорили племена славян, живших близко к южным степям.

В своем целом хазарская держава представляла собой объединение феодальных и полуфеодальных образований степей Волги и Дона, а также Северного Кавказа. Сами хазары, как таковые, составляли лишь часть населения Хазарии; это было, скорее всего, городское население, жившее в торговых городах Хазарии: Итиле, Семендере, Саркеле (на Дону) и других. Ар-

мянский историк X века Моисей Каланкатвази, описывая осаду хазарами в 626 г. Тбилиси, говорит о хазарах как о людях «широколицых, безресничных», явно указывая на их монгольский тип.

По своему общественному строю хазарское царство являлось феодальным государством с сильными пережитками родо-племенных отношений.

Владения хазар простирались на многие сотни километров и занимали огромное пространство между Каспийским и Черным морями, ограниченное Волгой и Доном и Кавказским хребтом.

В VII веке владения хазар доходили до Закавказья. Из-за земель Закавказья хазарам пришлось вынести упорную и жестокую борьбу с арабами-мусульманами. Борьба эта продолжалась 80 лет. Несмотря на длительное сопротивление хазар, в половине VIII века арабы вытеснили их из Закавказья, и попытки хазар вновь вернуть там свои владения окончились неудачей. Арабы-мусульмане (Халифат)¹⁹ прочно утвердились в Закавказье.

Вообще история Хазарского государства обильно насыщена упорной борьбой хазар с другими народами. Так, желая сохранить в числе своих данников славянские племена, хазары вступили в борьбу с русскими князьями. В последней четверти IX века в степях начали усиливаться печенеги, и возникла борьба между ними и хазарами. Границы Хазарии не были постоянными; в зависимости от успехов или неудач в борьбе с неприятелем, границы то расширялись, то сужались.

Наивысшего могущества Хазарское государство достигло в VIII—IX веках, когда и Киев платил им дань.

Насколько широко распространилось влияние хазар и, в частности, насколько тесны были их взаимоотношения со славянами, показывает, например, тот факт, что на территории бывших Воронежской и Тульской губерний даже по сей день есть селения и места, носящие названия: «Казаричи», «Козары», «Козар», «Каган» (название хазарского царя) и т.д.

С самого начала хазарского господства в южнорусских степях установились связи между русскими и хазарами. Еще до того как хазарский каган распространил свою власть на некоторые восточно-славянские племена (ограничиваясь, впрочем, лишь сбором дани с покоренных племен), в городах и селениях Хазарии уже обитала определенная часть и русского населения. Хазарию часто посещали русские купцы. Русские воины-

дружинники находились в войсках хазарского кагана. Ибн Хордадбех (середина IX века) сообщает, что «русы, а они принадлежат к славянам», ездят в Хазарию по Дону и Волге. Масуди (X век) свидетельствует, что «русы и славяне были в составе стражи кагана». В материальной культуре также прослеживается обоюдное славяно-хазарское влияние. И вообще, нахождение Хазарии в районе скрещения торговых путей, ведущих в Причерноморье, Византию, Хорезм, Иран, Азербайджан, области по течению Дона и Волги и т.д., способствовало проникновению сюда самых различных влияний. Именно поэтому хазарская культура носит столь смешанный характер. Показателен в этом отношении один из хазарских городов на Дону (близ станицы Цимлянской), раскопки которого дают предметы самого различного происхождения — русские, византийские, среднеазиатские, иранские, закавказские и другие.

Для понимания образа жизни населения Хазарии очень важно сообщение о хазарах арабского писателя ИбнДаста: «Зимой все население живет в городах, с наступлением же весны выходят из них в степь, где и остаются до приближения зимы». Таким образом, большинство населения Хазарии вело полукочевой образ жизни — занималось скотоводством, зимой проживая в городах, а весной выходя со стадами скота на степные пастбища. Известно, впрочем, что в Хазарии также занимались земледелием, разводили виноградники; процветала торговля.

Широкий размах торговли способствовал возникновению и развитию хазарских городов. По некоторым данным, число городов Хазарии доходило до ста.

Среди хазар, как пережиток родового общества, еще существовало разделение на отдельные роды, каждому из которых отводилась определенная территория. Однако родовой строй доживал свои последние дни. Из состава отдельных родов выделился влиятельный слой родовой, в последующем — феодальной знати. Во главе Хазарского государства стоял наследственный феодальный монарх — каган, или хакаң, — окруженный богатыми сановниками, носившими название бегов (беков), или пэхов и тарханов.

Хазарскому царю воздавались божественные почести. Эти почести доходили до того, что никто, за исключением самых важных сановников, не имел права видеть кагана. При встрече с ним все падали ниц. Даже тогда, когда каган стоял во главе войска, то он находился на колеснице под покрывалом, причем

олицетворял собой не полководца и непосредственного руководителя военными действиями, а божество, приносившее счастье своему народу. Когда каган умирал, место его погребения тщательно скрывали. Гробницу помещали в реке, а строивших ее и производивших погребение людей убивали. Действительная власть в Хазарии принадлежала, однако, не кагану, а его наместнику — каган-бегу (из числа бегов), который фактически и управлял государством и к тому же командовал войсками. Местные чиновники-администраторы назначались обычно из числа родственников кагана. Крупными сановниками, после каган-бега, являлись кендер-хакан и гаушнар (джавишгар).

Известный арабский писатель Ибн Фадлан, совершивший путешествие к волжским болгарам в начале X века, так рассказывает обо всем этом:

«Что же касается царя хазар, которого называют хакан, то, право же, он не показывается иначе, как (раз) в каждые четыре месяца, появляясь в (почетном) отдалении. Его называют великий хакан, а заместителя его называют хикатн-бех. Это тот, кто предводительствует войсками и управляет ими, руководит делами государства и заботится о нем (государстве), и появляется (перед народом), и ему изъявляют покорность цари, находящиеся с ним по соседству. И он входит каждый день к великому хакану смиренно, проявляя униженность и серьезность (спокойствие), и он не входит к нему иначе как босым, (держа) в своей руке дрова, причем, когда приветствует его, он зажигает перед ним эти дрова. Когда же он покончит с топливом, он садится вместе с царем на его скамью с правой стороны. Его замещает муж, называемый кендер-хакан, а этого замещает также муж, называемый джавишгар. И обычай (правило) большего царя тот, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему не является никто, кроме тех, кого мы упоминали, а управление по администрированию, исполнению наказаний и управлению государством (лежит) на его заместителе хакан-беге. И обычай (правило) (касательно) большего царя тот, что если он умрет, то строится для него большой двор, в котором (имеются) двадцать домов, и вырывается для него (хакана) в каждом из домов его (этого двора) могила, и измельчаются камни настолько, что они делаются похожими на сурьму, и расстилаются в ней (могиле) и бросается негашеная известь поверх этого, а под этим двором и этой могилой есть большая река, которая течет и они помешают (проводят) эту

реку над этой могилой и говорят, что это для того, чтобы не добрался до нее ни шайтан, ни человек, ни черви, ни гнус. Когда он похоронен, то рубят шеи тем, которые его хоронят, чтобы не было известно, в каком из этих домов (находится) его могила»²⁰.

Местопребыванием хазарского кагана являлась столица Хазарии — город Итиль, расположенный в устьях Волги. Итиль был большим и многолюдным городом. Царский дворец, выстроенный из кирпича, стоял на острове, который соединялся с берегом Волги при помощи плавучего моста. Итиль представлял собой крупнейший центр торговых и меновых операций на юго-востоке Европы. Одним из важнейших доходов царской казны была пошлина с купцов. В Итиль приезжали купцы — русы, арабы, греки, евреи и другие. На рынках Итиля торговали товарами и изделиями, доставленными сюда из Средней Азии, Кавказа, Приволжья и славянских земель. Хазария была особенно тесно и повседневно связана с Востоком. Более культурные тогда народы Востока оказывали большое влияние на хазар²¹.

Любопытно, что представители различного рода религиозных воззрений усиленно конкурировали друг с другом в попытках распространить среди хазар именно свою религию, что способствовало бы усилению политического и экономического влияния той или иной страны на хазар. Борьба шла, в частности, между магометанством, христианством, иудейством и язычеством. Внимание к Хазарскому государству объяснялось главным образом тем, что хазары занимали тогда центральное положение между Азией и Европой.

В целях поддержания хороших отношений с хазарами, усердно стремилась к внедрению христианства в Хазарию и византийская дипломатия. С этим стремлением связан, между прочим, и дошедший до нас любопытный рассказ о том, что на территории Хазарии побывал, якобы, и знаменитый миссионер Кирилл, брат Мефодия.

В истории хорошо известна плодотворная деятельность уроженцев города Солуни, братьев Константина (Кирилла) и Мефодия, основоположников и пионеров славянской письменности, создателей славянской азбуки (Кирилл) и переводчиков первых культовых книг с греческого языка на славянский (IX век). И вот, по некоторым данным оказывается, что перед тем как отправиться в 863 г. к славянам Моравии, Кирилл был пос-

лан византийским императором в Хазарию, где он был хорошо принят, вел длительные споры с раввинами и, в конце концов, добился от кагана права для греческих священников на свободную проповедь христианства²². Однако сам хазарский царь—каган и высшие слои хазарского общества приняли иудейское вероисповедание, проникшее к хазарам из Крыма и из Малой Азии через Кавказ. Среди широких же масс населения Хазарии оставались распространенными не только иудейская вера, но и (в более широких размерах) магометанство, а также христианство и язычество. Арабские писатели Масуди, живший в первой половине X века, и Ибн Хаукаль сообщают, что «в городе Итиле было 7 судей, двое из них — для мусульман, двое, которые судят по закону Торы (т.е. иудейскому), — для хазар; еще двое, которые судят по закону инджил (евангелия), — для тамошних христиан, и, наконец, один — для славян, русов и других язычников — он судит по закону язычества или по закону разума».

Это еще раз свидетельствует о том, что население Хазарии было неоднородно по своему составу.

Наряду с исконным населением южнорусских степей, в Хазарии обитали множество пришельцев из Средней Азии, Кавказа, Ирана, потомки еврейских беженцев — изгнанников из Византии. На территории Хазарии, как сказано, жили и славянские племена. Это подтверждает и арабский писатель Масуди. Он говорит, что берега реки Танаиса (Дона), «которая приходит с севера, обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях». На пребывание славян в Хазарии указывает и славянское происхождение названий рек в бассейне Среднего Дона и Донца. Есть сведения, что славяне обитали и в самой столице Хазарии, проживая в одной из двух половин города Итиля.

Влияние Руси на хазар и ее удельный вес в жизни Хазарского государства были большими, нежели это обычно себе представляют. И хотя господствующим народом здесь являлись не русские, а хазары, все же хазарская держава была русской в большей степени, чем это может показаться на первый взгляд.

Покойный академик Н.Я.Марр указывал, что свидетельство армянского историка Моисея Утийдца (Каланкатваци) о племени рос «косвенно может давать нам указание на наличие в составе хазарского объединения не библейских, а реальных росов, т.е. уже восточных славян»²³. Он же, приводя слова арабского

писателя Ал-Бекри о наличии у хазар славянского языка, писал, что «история хазар есть часть древней истории Руси в состоянии особого с ней сплетения»²⁴.

В X веке (не позже 976 г.) еврейский сановник при дворе испанских халифов Хасдай ибн Шафрута просил хазарского царя Иосифа сообщить ему о действительном существовании в Хазарии еврейского царства — «дабы я знал начало и основные дела, как попал Израиль в эту местность». В своем ответном письме царь Иосиф так описал Хазарское государство:

«Что касается твоего вопроса о протяжении нашей страны и ее длине, то она расположена подле реки, примыкающей к Гурганскому (Каспийскому. — *Б.Л.*) морю, на восток на протяжении 4 месяцев пути. Подле (этой) реки расположены весьма многочисленные народы в бесчисленном множестве; они живут в селах и городах и в укрепленных городах.

Их девять народов, которые не поддаются распознаванию и которым нет числа. Все они платят мне дань. Оттуда граница поворачивает (и доходит) до Гургана. Все живущие по берегу этого моря на протяжении одного месяца пути платят мне дань.

С южной стороны живут 15 народов многочисленных и сильных, которым нет счета, до Баб-ал-Абваба (Дербента. — *Б.Л.*). Они проживают на горах. Все жители страны Баса и Танат (под басами некоторые ученые понимают осетинское племя басиян, а под Танатом — страну по Нижнему Дону. — *Б.Л.*) до (самого) моря Кустантинии (Черное море. — *Б.Л.*), на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны живут 13 народов многочисленных и сильных, располагающихся по берегу моря Кустантинии. Оттуда граница поворачивает к северу до большой реки по имени Юз-Г (может быть, река Днепр, по старинному турецкому обозначению Иоза. — *Б.Л.*).

Они живут (здесь) в открытых местностях, не защищенных стенами и переходят во всей степи, доходя до границы (страны) Хин-Диим (под страной Хин-Диим, а в других редакциях Х-гриим, некоторые ученые понимают страну угров, т.е. венгров. — *Б.Л.*). Они многочисленные, как песок, который на берегу моря, и платят мне дань. Страна их простирается на протяжении 4 месяцев пути. Я (сам) живу у входа в реку (т.е. в устье реки Итиль, или Волги) и не пускаю руссов, прибывающих на кораблях, проникать к нам. Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду

с ними упорную войну. Если бы я их оставил (в покое), они уничтожили бы всю страну измаильтян (мусульман. — Б.Л.) до Багдада...

Страна (наша) не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть (также) в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек. У нас есть очень много всяких фруктовых деревьев. Я еще сообщу пределы моей страны. В восточную сторону она простирается на 20 фарсахов²⁵ пути, до моря Гурганского, в южную сторону на 30 фарсахов пути и в западную сторону на 30 фарсахов пути. Я живу внутри острова. В северную сторону она простирается на 30 фарсахов пути (и имеет здесь) много рек и источников»²⁶.

По этому письму хазарского царя мы можем судить, что собой представляли Хазария, ее географическое положение, природные богатства, каковы были размеры территории этой страны и сколько в ней обитало племен и народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иностранцев К.* Хунну и гунны. Издание института живых восточных языков. Л., 1926.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. IX. С. 278—279.

³ Иногда аланы выступали и тогда в качестве самостоятельной, притом, враждебной хазарам силы.

«Когда властодержец Алании, — свидетельствует Константин Багрянородный, — с хазарами не в мире, а предпочитает дружбу императора ромеев (Восточной Римской империи), то хазарам, если они не захотят также пребывать с императором в дружбе и мире, он может наделать весьма много зла, залегая им в пути и нападая на них внезапно, при проезде их в Саркел (на Дону. — Б.Л.), или в Климаты (Крым. — Б.Л.) или Херсонес».

⁴ *Мауродин В.В.* Начальный этап в истории русского народа и государства // Труды Секции исторических наук юбилейной научной сессии Ленинградского государственного университета. Л., 1948. С. 80.

⁵ *Славяны* (словене) — племенное название, которое дали себе сами славяне. *Антами* же славяне сами себя не называли (это было имя, данное восточным славянам иностранцами).

⁶ Когда военные действия прекращались, переставала действовать и власть общего начальника славянских племен.

⁷ Любопытно, что при раскопках славянских городищ у Борщева на Дону были обнаружены землянки, связанные между собой подземными ходами.

⁸ Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. / Сост. А.В.Мишулин // Вестник древней истории. М., 1941. №1 (14). С. 253.

- ⁹ Греков Б.Д. О роли варягов в истории Руси // Новое время. 1947. № 30.
- ¹⁰ Царь росов носил также название хакана или кагана. Слово это восточно-го происхождения и указывает на длительное и тесное общение славян с восточными народами и, в частности, с хазарами. Арабский писатель X века Ибн Руста называет правителя Руси — хаканрус, т.е. царь русских.
- ¹¹ От *северы* и наименование Донца — Северский Донец.
- ¹² Очень любопытно, что в древних надгробиях III века, найденных в г. Керчи (древнегреческая колония — Пантикапей), встречается имя Антас. Можно думать, что среди скифских племен около времени нашей эры уже имелось одно из племен, носивших это имя, — анты.
- ¹³ Анты, в частности, участвовали в процессе смешивания северокавказских и приднепровских племен.
- ¹⁴ Третьяков П.Н. Восточнославянские племена в свете археологических исследований последних лет // Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н.Я.Марра Академии наук СССР. Вып. XIII. Л., 1946. С. 39—44.
- ¹⁵ Восточные источники IX века называют три центра Древней Руси: «Куябе» (Куяве, Куявию), под которым подразумевается Среднее Приднестровье с центром в Киеве. «Славию», представлявшую собой сложившееся в борьбе с грабителями-норманнами политическое объединение ильменских словен, кривичей, чуди, мери и веси, и «Артанию», расположенную где-то на юго-востоке. Но где? Не включала ли эта «Артания» азово-черноморские земли? До сих пор вопрос о месте «Артании» остается открытым.
- ¹⁶ Ляпушкин И.И. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 6. М.—Л., 1941. С. 91.
- ¹⁷ Известно, в частности, что на предложение аварского хакана славянским князьям покориться аварам и платить дань, князья отвечали: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу... и в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи».
- ¹⁸ Державин Н.С. История Болгарии. М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР. Т. 1. 1945.
- ¹⁹ *Халифат* — название, данное в Европе арабскому государству, — от слова «халиф»; халифами назывались арабские мусульманские государи, считавшие себя преемниками пророка Мухаммеда (Магомета).
- ²⁰ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Пер. А.П.Ковалевского и комм. под редакцией акад. И.Ю.Крачковского. М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939.
- ²¹ Дон играл видную роль в экономике Хазарии. Из Дона в Волгу переходили волоком (в районе современного Волгограда). На Дон шли пути из Десны, Сейма и Северного Донца. Был и кружной путь: по Днепру в Черное море, а затем на Дон через Керченский пролив и Азовское море. Направление сухопутных дорог на Дон пока точно не установлено.
- ²² По поводу миссии Константина Философа (Кирилла) в Хазарию В.В.Мавродин справедливо замечает, что посылка знающего славянский язык греческого дипломата свидетельствует прежде всего о стремлении Византии упрочить свой авторитет в Хазарии путем внедрения христианства среди

обитавших там многочисленных славян и русов. Ср.: *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1946. С. 185.

²³ Моисей Утийц (X век) называет хазар «росмасохами», что указывает на высокий удельный вес росов в жизни Хазарии.

²⁴ *Март Н.Я.* По поводу русского слова «сало» в армянском описании хазарской трапезы // *Тексты и разыскания по кавказской филологии*. Т. 1. С. 105—106; *Избранные работы*. Т. V. М.—Л., 1937.

²⁵ Величина фарсаха — примерно 5—6 км.

²⁶ Цит. по работе: *Кокорцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Южная Сибирь. Хунну и тюрки

М.П.Завитухина

История и культура хунну выявляются на основании изучения как письменных источников, так и, главным образом, путем исследования археологических материалов. От хунну остались разнообразные памятники, которые находятся на территории Монголии и Забайкалья. Это — курганные могильники, важнейший из которых открыт русским путешественником П.К.Козловым в 1924 г. в горах Ноин-Ула. Известны также и памятники оседлых хунну — городища и неукрепленные поселения и относящиеся к ним грунтовые могильники. Одним из интереснейших памятников оседлых хунну является Иволгинский комплекс в Забайкалье — городище и могильник.

ИВОЛГИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ И МОГИЛЬНИК —
ПАМЯТНИКИ ОСЕДЛЫХ ХУННУ
III—I ВЕКА ДО Н.Э.

Иволгинское городище расположено в 16 км к юго-западу от Улан-Удэ. Первые раскопки на нем произвел в 1928 г. Г.П.Сосновский, который раскопал тогда три жилища. В 1949—1950 гг. В.П.Шилов и А.В.Давыдова открыли еще 22 жилища. С 1955 по 1962 г. под руководством А.В.Давыдовой экспедиция Бурятского комплексного института исследовала юго-западную часть городища, вскрыв здесь около 6500 кв. м.

Иволгинское поселение имеет площадь 7,5 га, окружено мощной системой земляных укреплений, состоящих из четырех

валов и трех рвов. Вся территория городища была плотно застроена жилыми и хозяйственными постройками. Открыто 52 жилища полуземляночного типа, стены их сложены из сырцового кирпича и укреплены изнутри вертикальными деревянными столбами. Крыша, двухскатная, их жердей и прутьев, сверху была покрыта, вероятно, дерном. Внутреннее устройство домов однотипно: в северо-восточном углу на земляном полу находится печь, от которой вдоль северной и западной стен проложен дымоход, служивший также для обогрева жилища. Около дымоходов устраивались нары. Средние размеры построек 4 х 6 м. Одно большое жилище площадью 12 х 14 м принадлежало, возможно, правителю. Между жилищами размещены постройки хозяйственного назначения, в том числе подвалы для хранения продуктов (зерна, мяса, рыбы, корма для скота).

В жилищах и за пределами их обнаружены ямы, заполненные зерном, просом, ячменем, пшеницей. Найдены орудия для сельскохозяйственных работ: железные сошники, наконечники лопат, серпы, костяные мотыги и каменные зернотерки. Все это говорит о том, что жители поселка занимались земледелием.

Занимались они и скотоводством. Кости животных составляют самую большую группу находок. Причем свыше 90 процентов их принадлежит домашним видам. Это овца, корова, лошадь, свинья, коза, верблюд, як и очень много собак. Лошади и крупный рогатый скот напоминают современные местные бурятские и монгольские породы, приспособленные к жизни в суровых условиях. Из молока приготавливали молочные продукты. Найденные на городище сосуды с отверстиями предназначались специально для изготовления сыра.

Поскольку поселение расположено у реки, жители его, естественно, занимались и рыбной ловлей. Найдены кости и чешуя рыб, крючки, гарпуны и грузила рыболовных сетей.

Но кроме того, и, может быть, в первую очередь, Иволгинское поселение было центром ремесленного производства: железоплавильного и железоделательного, металлургии бронзы, гончарного, косторезного, кожевенного, ткачества. Особенно выразительны исследованные на городище остатки железоплавильной мастерской с сыродутным горном, обломками криц, шлаками. Из бронзы изготавливали наконечники стрел. Но в основном она использовалась для предметов украшения.

Основную массу вещевых находок, как и обычно на поселениях оседлых жителей, составляет глиняная посуда. Это

горшки и котлы для приготовления пищи, миски, кувшины, громадные сосуды для хранения запасов. Все они серого, реже красного цвета, лошечные, украшены орнаментами в виде волнистых линий, наклепных валиков. Для изготовления глиняной посуды использовали примитивный гончарный круг — поворотную подставку.

Все материалы городища свидетельствуют об оседлом образе жизни его обитателей. Основателями и жителями этого укрепленного поселения были, очевидно, те же хунну, но осевшие на землю, занявшиеся ремеслом и сельским хозяйством.

Причина появления оседлых поселений у кочевого народа, видимо, кроется в ограниченных возможностях кочевого скотоводческого хозяйства. Хунну постоянно испытывали острую нужду в сельскохозяйственных и ремесленных продуктах, что не могло быть покрыто за счет дани с покоренных народов и торговым обменом.

Это, очевидно, и привело к созданию собственных оседлых поселений, одним из которых является замечательный памятник — Иволгинское городище. Оно просуществовало около столетия во II—I вв. до н.э. На рубеже нашей эры — в то время, когда хуннская держава переживала упадок, городище погибло, видимо, в результате военного набега. Во всех исследованных жилищах видны следы пожаров. Жители бежали, оставив все свое имущество. После этой катастрофы жизнь на поселении больше не возобновлялась.

В Забайкалье известны два типа хуннских кладбищ: курганные могильники, характерные для кочевых хунну, и грунтовые могилы, оставленные оседлым населением. Примером последних является Иволгинский могильник, где хоронили умерших жителей Иволгинского городища.

Могильник расположен в 400 м к северу от городища, на невысоком песчаном всхолмлении. Его раскопки вела экспедиция ЛГУ, возглавляемая А.В.Давыдовой, с 1956 г. Исследовано свыше 200 могил. Умершие похоронены в прямоугольных ямах, в деревянных гробах, они положены на спину в вытянутом положении, головой чаще всего на север, реже на восток.

Значительную часть погребального инвентаря составляла глиняная посуда и мясная пища. Мужчин хоронили с оружием (лук со стрелами, ножи, кинжал); женщин — с орудиями труда. Остальные предметы, находимые в могилах, — украшения и части одежды, главным образом поясные наборы.

Обнаружены вещи одного богатого женского погребения, не нарушенного грабителями. Среди них — набор украшений одежды и головного убора: подвески и бусы из минералов, каменные кольца, каменные имитации раковин каури.

Особенно интересна пара бронзовых пластин со сценой борьбы тигров с драконом. То, что пластины были найдены на поясе погребенной женщины, положило конец многолетним спорам о назначении и функции подобных пластин из случайных находок. Это, очевидно, поясные пряжки. В могилу женщины были помещены также и орудия труда: железные нож и шило, какое-то орудие из лопатки барана.

Раскопки могильника дали возможность судить и о физическом облике иволгинцев. Они были представителями сибирской ветви большой монголоидной расы.

Исключительный интерес Иволгинского комплекса — городища и могильника — состоит в том, что это единственный памятник хунну, исследованный так полно и всесторонне, благодаря чему получены обширные материалы для освещения культуры хунну и характера взаимоотношений кочевых и оседлых племен.

МОГИЛЬНИК КОКЭЛЬ В ТУВЕ
I ВЕК ДО Н Э — II ВЕК Н Э

В конце первого тысячелетия до н.э. и в первые века н.э. население Тувы переживало те же политические события, что и соседние племена Саяно-Алтайского нагорья. Во II в. до н.э. Тува попала под политическое влияние хуннского племенного объединения. Археологические материалы свидетельствуют о вторжении на ее территорию новых кочевых племен. Местное население частично было вытеснено ими, а оставшееся смешалось с пришельцами. В результате контакта представителей двух больших рас — европеоидной и монголоидной — образовалось новое население, отличающееся по физическому облику от того, которое жило здесь раньше.

Изменения, происшедшие в это время в хозяйстве, быту, культуре, погребальных обычаях древнего населения Тувы, отчетливо выявляются на материалах обширного некрополя Кокэль. Могильник расположен в бассейне р. Хемчик у подножия горы Ишкин-Аразы. Его раскопки проводила Тувинская комплексная экспедиция Института этнографии АН СССР, воз-

главляемая Л.П.Потаповым с 1959 по 1966 г. Исследовано около пятисот погребений, относящихся к хуннскому периоду. Погребальные сооружения различны: это курганы-кладбища. Под насыпью такого кургана содержалось иногда свыше ста могил, каменные курганы с одной (индивидуальной или коллективной) могилой, грунтовые погребения и др. Происходят изменения в самом погребальном обряде: вместо погребений в срубах, характерных для предшествующего времени, теперь умерших хоронят в колодах или деревянных гробах, и не в скорченном положении, как прежде, а в вытянутом, голову преимущественно на северо-запад. Многообразие обрядов, вероятно, отражает сложный этнический состав населения Тувы. Об этом же свидетельствуют и находимые в погребениях антропоморфные деревянные фигурки — идолы. Они воспроизводят людей различного физического облика: и европоидов, и монголоидов, и смешанных типов.

Из могильника Кокэль происходит разнообразный и массовый материал. Хорошо сохранились сами погребения и находящийся в них инвентарь, в том числе изделия из дерева. Найдены огромные серии предметов вооружения, быта, украшения. Интересной деталью обряда этого времени является то, что в могилу клали не натуральные вещи, а их модели — уменьшенные копии предметов, употреблявшихся в быту.

Умерших снабжали характерной для кочевников пищей — бараниной, ставили сосуды с жидкой пищей. «Кокельцам» приходилось жить, вероятно, в условиях постоянных военных столкновений. На черепках и многих костях мужских скелетов видны следы травм от наконечников стрел, от мечей. В могилах часто находят оружие или модели оружия — мечи в деревянных орнаментированных ножнах, наконечники копий, модели луков со стрелами.

Основным занятием населения было кочевое скотоводство с преобладанием мелкого рогатого скота. Из числа найденных в могилах костей животных 90 процентов принадлежало овце. Кочевое скотоводство сочеталось с земледелием, игравшим подсобную роль, охотой и собирательством. О кочевом образе жизни свидетельствует разнообразная деревянная посуда из могильника: блюда на четырех ножках с бортиком по краю, кружки, ведерки для доения овец и коров, черпаки, ложки. Бочонки для кумыса удлиненной формы с воронкообразным отверстием наверху были характерны для многих племен Южной

Сибири. Почти все перечисленные формы деревянной посуды сохранились и в быту современных тувинцев. Помимо деревянной, в употреблении была различная глиняная посуда в виде горшков, ваз, кубков, кружек, а также металлическая. Из бронзы и железа изготовлены котелки, кубки. Интересны наборы женских инструментов, хранившиеся в специальных шкатулках или выдолбленных пеналах. Это модели инструментов для обработки кожи: железные нож, шило, шипчики, скребок. Тип скребка с железным лезвием и деревянной ручкой дожил до начала нашего столетия.

Многие деревянные предметы украшены резьбой, сохранили следы раскраски красной и черной краской. Материалы дают представление о богатом орнаментальном искусстве. Орнаментация оказалась такой же живучей, как и формы деревянной утвари. Элементы древнего орнамента прослеживаются на современных изделиях тувинцев.

Между древним населением Тувы, жившим на рубеже и в первые века нашей эры, и современными тувинцами устанавливаются связи в культуре, быту. Именно тогда, в хуннское время, началось, вероятно, формирование наиболее ранних исторических предков тувинского народа.

ТАШТЫКСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЕНИСЕЕ I ВЕК ДО Н.Э. — V ВЕК Н.Э.

В конце первого тысячелетия до н.э. Минусинская котловина, так же как Забайкалье и Тува, попала в политическую зависимость от хуннского племенного объединения. Хунны через своих наместников и с помощью местной аристократии взимали дань с местного населения. В это время в Минусинской котловине складывается новая культура — таштыкская. Название свое она получила по месту раскопок могильника на р. Таштык — левом притоке Енисея у с. Батени. Погребальный обряд и обычаи, материальная культура, хозяйственная деятельность и искусство таштыкцев имеют много общего с культурой предшествующей эпохи — тагарской.

Однако, вероятно, в результате проникновения группы центральноазиатских племен в Минусинскую котловину здесь распространился новый погребальный обряд — трупосожжение, — неизвестный тагарскому обществу. Обычай сжигать умерших соплеменников и хоронить в могилах их пепел вначале сосу-

ществовал со старым обрядом трупоположения, а с III в. н.э. он становится у енисейских племен господствующим.

Вновь прибывшие племена были, по-видимому, тюркоязычными, а по своему физическому облику монголоидными. Происходит смешение местного европеоидного населения — носителей тагарской культуры — с монголоидными пришельцами. Однако просачивание монголоидных элементов в местную среду было медленным и постепенным.

Для таштыкской культуры характерны два основных типа погребальных сооружений — грунтовые могилы и склепы. Первые из них представляют более раннюю стадию развития этой культуры. На поверхности степи могилы выделяются сегодня небольшими углублениями. В прямоугольных ямах сооружали невысокие срубы из бревен лиственницы, в которых погребали по нескольку человек. В них найдены глиняные сосуды в форме кубков, иногда с двумя ручками наверху, и гладкие баночные сосуды, миниатюрные бронзовые котелки, пряжки, костяные булавки и другие вещи.

Одним из наиболее интересных памятников этого типа является могильник в горах Оглахты на левом берегу Енисея, обнаруженный случайно в 1902 г. местным пастухом. Раскопки, произведенные сибирским археологом А.В.Андреановым в 1903 г., дали необычные по сохранности предметы из дерева, меха, шелка.

В 1969 г. археолог Л.Р.Кызласов открыл здесь уникальную гробницу. В грунтовой яме стоял сруб из 10 бревен лиственницы, обтесанных маленьким топориком и соединенных на углах «в лапу». Он был перекрыт девятью поперечно уложенными лиственничными бревнами, каждое из которых помечено счетными зарубками от одной до девяти. Пол камеры и весь сруб снаружи были укрыты несколькими слоями березовой коры, что превратило его в герметически закрытое помещение. Расположение могилы в сухом грунте на склоне горы, по которому воды стекали не задерживаясь, способствовало сохранению внутри сруба микроклимата, предохранившего от разрушения вещи органического происхождения — из дерева, кожи, тканей.

В камере на полу вдоль длинных сторон сруба лежали останки мужчины и женщины, похороненных в зимней одежде, с гипсовыми раскрашенными масками на лицах. В ногах найдены кости ребенка. Между погребенными лежала кукла в рост человека, вторая кукла помещалась под останками женщины.

Под головы людей были подложены деревянные чурбаны, под головы кукол — кожаные подушки. На полу найдены глиняные сосуды, деревянные корытца, черпаки и мутовки, модели трех уздечек с миниатюрными железными удилами и деревянными псалями, меховой колчан, обшитый по краю импортной шелковой китайской тканью с иероглифами. В нем находились модель деревянного лука и пять древков стрел с раскрашенными черной и красной краской концами и оперением. Наконечники со стрел были сняты, что вообще характерно для таштыкского погребального обряда. Найдены в могиле и остатки мясной пищи — кости коровы и овцы.

Изготовление погребальных кукол является специфической особенностью ритуала таштыкских племен. Куклы сшиты из кожи и набиты травой, одеты в такие же, как и люди, меховые одежды. Внутри них зашиты пережженные человеческие кости, собранные в мешочек. По-видимому, куклы должны были заменить сожженного человека и сохранить его облик. «Лицо» одной из них было обшито красной тканью, по которой черной краской нанесен рисунок, аналогичный раскраске на гипсовой маске мужчины из этой же могилы, что позволяет предположительно отнести данную куклу к мужскому полу. Таким образом, в гробнице было похоронено пять человек: трое по обряду трупоположения, две куклы представляли сожженных людей.

Исключительный интерес Оглахтинской гробницы в том, что впервые для таштыкской культуры найдена одежда людей и притом в полном комплекте. Мужчина и женщина были одеты одинаково, но лучше сохранилась одежда мужчины. Шапка, сшитая из целой шкурки соболя мехом внутрь, с удлиненными ушками, плотно облегалa голову, спускаясь на лоб и затылок мысками, завязывалась под подбородком ремешками. Вероятно, специально для погребения, к ней спереди был пришит кусок шкурки, закрывавший лицо с маской. Были надеты две шубы — нательная, сшитая из овчины, мехом внутрь, и верхняя шуба, мехом наружу, — доходившие почти до колен. Рукава с манжетами заужены книзу. Стоячий воротник и борта шубы имели оторочку из меха собаки — лайки. Полы не запахивались, а завязывались ремешками встык. Под шубой был надет нагрудник, двусторонний, наборный, из беличьего меха. Под плечи мужчины была подложена миниатюрная меховая шубка, аналогичная взрослым шубам. Назначение ее пока не выяснено. На руках — длинные меховые рукавицы, отороченные

рыжеватым пушистым мехом. Штаны овчинные, длинные, заходящие за колено, напускные. Они завязывались у пояса пропущенными в петли ремешками с красной кожаной пряжкой, а также ремнями у ног в двух местах — под пах и под колено. Сапоги меховые, доходящие до колена, закреплены у щиколотки и по верху голенища ремешками.

Другой тип погребальных памятников таштыкской культуры — склепы. Яркие примеры таких сооружений дал могильник у подножия Тепсея, на правом берегу Енисея, севернее Минусинска. Это подземные сооружения площадью 40—50 кв. м с боковым входом. Наружные стены в виде массивного бревенчатого тына, внутри — сруб-клеть с бревенчатым потолком. Потолки и стены сруба были укрыты берестой. В склепах найдены пепел сожженных людей и различные вещи. Вероятно, пепел умерших был зашит в куклы, подобные найденным в могильнике Оглахты. Заполнение склепов происходило постепенно, в течение длительного времени. Один из тепсейских склепов содержал останки более ста человек. Когда прекращали захоронение в склеп, его поджигали. Горение под землей при недостатке кислорода было медленным, поэтому многие предметы не сгорели, а только обуглились, благодаря чему до нас дошли изделия из органических материалов и, в первую очередь, из дерева. Это разнообразная посуда: кубки, бочонки, корыта, донца и крышки, скульптурные фигурки оленей, баранов. Найдены здесь и обычные для таштыкской культуры бронзовые парные головки лошадей, пряжки от наборных поясов, фрагменты гипсовых масок, остатки конских уздечек. Обнаруженные в склепах кости животных — лошади, барана и косули (бараньи и лошадиные бабки и копыта в сочленении, бараньи лопатки) — не являются в данном случае остатками погребальной пищи, а относятся к культовым предметам. Они просверлены и на них процарапаны различные знаки. Функционирование склепов в Тепсее относится ко времени где-то между III и V вв. н.э.

Около таштыкских кладбищ расположены поминальные сооружения в виде неглубоких ямок и стоящих рядом с ними высоких камней. В ямках были помещены поминальные приношения — несколько кусков мяса барана или коровы и один-два глиняных или деревянных сосуда.

Важнейшим достижением таштыкской эпохи, по сравнению с тагарским временем, было полное освоение металлургии же-

леза. Из бронзы продолжали делать только предметы украшения, все же остальные изделия были железными. В хозяйстве, как и у тагарцев, основными отраслями являлись земледелие и скотоводство. Земледелие, осуществлявшееся с применением искусственной системы орошения полей, получает дальнейшее развитие. Этому способствовали новые, более совершенные орудия, изготовленные из железа: топоры, наконечники мотыг, сошники, серпы. Почву обрабатывали мотыгами, но наряду с ними применяли древнейшее пашенное орудие — соху (примитивные сошники известны среди случайных находок). Для размола зерна употребляли ручные мельницы с круглыми каменными жерновами. В это время в Минусинской котловине возделывали, по-видимому, все основные культурные злаковые растения, хотя пока найдены были только зерна проса. Они в изобилии насыпаны под головы погребенных в Оглахтинском могильнике.

Существенные изменения происходили в скотоводческом хозяйстве, которое из пастушеского становится полукочевым. Таштыкцы разводили лошадей, овец, коз, крупный рогатый скот, верблюдов. Погребальный обряд подтверждает особую роль овцеводства и коневодства. В могилы клали принадлежности верхового коня — узду, седло, нагайку. В соответствии с новыми верованиями в могилы часто помещали не сами предметы, а их уменьшенные копии, в частности, миниатюрные железные удила с деревянными псалиями. Нередко в могилах находят деревянные статуэтки домашних животных, чаще всего фигурки баранов.

О широком развитии охотничьего промысла достаточные сведения дает одежда из Оглахтинской гробницы. Для пошива одежды, помимо меха домашних животных, овцы и козы, был использован мех зверей, добытых охотой. По предварительному определению, это горный козел, северный олень, косуля, лисица, волк, соболь, белка, колонок, выдра.

Особая роль у таштыкских племен принадлежала косуле. В склепах найдено много костей, особенно астрагалов косули. Именно на них чаще всего вырезали или процарапывали счетные и тамгообразные знаки и фигуры. Такие астрагалы со знаками или имели какое-то магическое значение, или служили для какой-то игры, не известной нам.

Таштыкцы разводили домашнюю птицу, о чем позволяют судить находки скорлупы куриных яиц в погребениях.

Художественное творчество таштыкских племен многообразно: это прикладное искусство, продолжавшее традиции тагарского «звериного» стиля, деревянная пластика, искусство изготовления гипсовых погребальных масок, сложные многофигурные рисунки с анималистическими и батальными сценами, вырезанные на деревянных планках, и подобные же рисунки, выбитые на приенисейских скалах, а также крупномасштабные каменные изваяния людей и животных.

В прикладном искусстве обычно изображали тех животных, которые играли большую роль в хозяйстве. Чаше, чем в предшествующую эпоху, таштыкские мастера обращались к образам домашних животных и птиц. Главное место уделялось лошади, которую воспроизводили в разных материалах и разными изобразительными средствами. Очень распространены были так называемые двуглавые коньки, парные головки лошадей, обращенные в разные стороны. Они обычно бронзовые, хотя имеются деревянные и костяные. Это плоские силуэтные изображения, вырезанные из тонкого бронзового листа, реже отлитые из бронзы в плоских формах. Встречаются не только головки, но и целые фигурки коней. Служили они, по-видимому, амулетами-оберегами. Появившись в тагарскую эпоху, эти фигурки становятся одним из распространенных предметов в таштыкской культуре и продолжают свое существование в последующее время в культуре енисейских кыргызов. Из бронзы отливали объемные, полые внутри фигурки лежащих косуль с подогнутыми ногами, отделенными от туловища прорезью. Возможно, эти изображения пришли на смену тагарским бляхам в виде лежащего оленя. В конце тагарской эпохи бытовали костяные булавки — украшение женской прически. Их продолжали делать и в раннеташтыкское время, и не только из кости, но и из бронзы. Навершая бронзовых булавок любили украшать фигурками водоплавающей птицы и петуха. Примечательна костяная булавка, найденная в могильнике Новая Черная IV на Енисее в 1967 г. Булавка украшена ажурной геральдической композицией коленопреклоненных козлов. Фигурки объемные, слегка уплощены. Они как бы зеркально повторяют друг друга. Козлы припали на передние ноги, соприкасаются лбами. Рога, касающиеся туловищ, украшены поперечными нарезками и разделены продольным желобком. Головы козлов решены условно — одним вытянутым овалом. Они стоят на округлой головке булавки, под которой вырезаны два фигурных ушка.

Козлы, головка и ушки представляют единую композицию, исполненную тончайшей резьбой. Булавка сделана из целого куска кости, тщательно отполирована. Стилистическими особенностями она связывается с тагарским искусством «звериного» стиля.

В таштыкскую эпоху возникает обычай делать деревянные скульптурные изображения домашних животных. Помешенные в могилу, они, очевидно, символизировали богатство умершего.

Таштыкские мастера вырезали фигурки лошадей, баранов, быков, оленей. Последних изображали с детально проработанными уздечками и седлами. Скульптуры окрашивали в красный цвет или оклеивали листовым золотом. Более крупные статуи делались обычно составными, сборными.

Прекрасным образцом таштыкской объемной пластики является фигура лежащего барана, найденная в склепе у горы Тепсей в 1970 г. Правдиво переданы поза отдыхающего животного с подобранными под себя ногами, его голова с закрученными рогами, пропорции туловища. Но моделировка фигуры предельно обобщена, что придает изображению монументальность. Кое-где сохранились остатки листового золота, которым скульптура была некогда покрыта.

Большого успеха таштыкские мастера достигли в искусстве изображения человека, передаче его портретных черт. Это относится прежде всего к гипсовым погребальным маскам, обычай изготовления которых возник на Енисее в конце тагарской эпохи во II в. до н.э. и существовал в течение всей таштыкской. Раньше тагарские маски делались следующим образом: освобожденный от мягких покровов череп умершего обмазывали глиной, затем эту глиняную голову покрывали слоем белого гипса и расписывали красной краской.

Раннеташтыкские маски делали уже непосредственно на голове умершего. Перед нанесением тонкого слоя гипса глаза и рот закрывали кусочками ткани. На голове же маска моделировалась. Чаще всего она закрывала переднюю половину головы и достаточно живо передавала черты покойного.

Полностью сохранилась женская маска из могильника Оглахты. Мягко и пластично переданы объемы лица. Веки закрыты, прочерченные щели глаз заполнены синевато-черной краской. Фон маски белый. Лоб, щеки, уши, губы, нос и ноздри окрашены в красный цвет. По краске на лбу и носу были прочерчены орнаменты в виде спиралей и линий, рисунок которых

не симметричен. Под маской сохранились каштановые с проседью волосы. Череп в древности был трепанирован.

Мужская маска, найденная в этой же могиле, изготовлена аналогично женской. Она тоже закрывала всю переднюю половину головы, но на темени имела прямоугольный вырез, в который пропущены заплетенные в косу каштановые волосы. Она отличается и раскраской. На общем красном фоне выделяются три поперечные клиновидные полосы черного цвета: одна над бровями, вторая, идущая от правого виска, пересекает нос, третья, начинаясь у левого уха, расщепляется под прорезью глаза на две, острие нижней полосы снабжено тремя зубцами. Рисунок динамичен. Сочетание красного и черного цветов создавало тревожное впечатление. Нанесенные на лицевую маску в данной раскраске линии, возможно, имитировали боевые раны.

Маски дают дополнительные сведения о формировании нового населения на Среднем Енисее. Они передают европеоидный тип людей с незначительной монголоидной примесью, что соответствует и антропологическому определению черепов. Художники при моделировании масок подчеркивали скуластость и подчас намеренно приподнимали концы прорези глаз, чтобы придать им характерную раскосость.

Вопрос о назначении масок сложен и спорен. Существует гипотеза, что они закрывали лицо покойного для того, чтобы изолировать его от живых. Или, может быть, маска должна была запечатлеть облик умершего, облагородить его лицо. Обычай изготовления погребальных масок ни у кого из соседних племен в это время не известен. Он существовал на рубеже нашей эры лишь в Риме, а раньше — в Египте. Но едва ли здесь можно подозревать непосредственную связь.

Важным художественно-историческим документом, позволяющим представить внешний облик, одежду и вооружение людей таштыкского общества и их противников, являются обнаруженные в 1968 г. в Тепсейском склепе обугленные деревянные планки с рисунками. На них представлены тематические композиции с изображениями людей, лошадей и других животных. Это новый памятник изобразительного искусства таштыкских племен на Енисее, не имеющий аналогий ни в культуре предшествующего времени, ни в современных им. Сохранилось семь планок: одна полностью и шесть во фрагментах. Полностью сохранившаяся планка была длиной 110 см и имела рукоять на одном конце. Держа планку за рукоять и переворачи-

вая ее, удобно было рассматривать изображения на обеих сторонах. Изображения вырезались острием ножа тонкими линиями. Обычно на одной стороне — животные, переданные в различных позах, в движении: олени, медведь, волк, летящая птица; на другой стороне — сцены битв. Рисунок изображений контурный. Возможно, сверху они были раскрашены. Не совсем ясно, что обозначают рисунки, где целые группы людей показаны в столкновениях и борьбе. Может быть, это историко-эпические сюжеты или, может быть, здесь нашли отражение вполне реальные события того времени.

Наиболее полно сохранились рисунки на планке с изображением батальных сцен на обеих сторонах. На одной стороне показаны в общем движении справа налево вооруженные всадники, ведущие в поводу двух коней. Их преследуют два других всадника, вооруженные сложными составными луками. Справа на планке изображены бегущие быки с ярмом на шеях, впряженные в повозку. Здесь воспроизведена, очевидно, сцена угона скота — событие, нередкое в жизни кочевых и пастушеских племен.

На другой стороне планки помещена сложная батальная сцена, где изображено одиннадцать воинов. Центром композиции является лодка с двумя воинами, вооруженными простыми луками. Они одеты в плоские шапочки, длинные шубы и облегающие ноги штаны, колчаны со стрелами подвешены у бедер. Им приходится вести бой на две стороны. Один из воинов повернулся вправо, левая рука с луком отнесена назад, правой он достаёт стрелу из колчана. Расположенные вправо от него три фигуры экипированы и вооружены иначе, чем воины в лодке. Головных уборов нет, длинные волосы распушены. Их одеяние состоит из облегающих кафтанов до колен. К поясу приторочены большие колчаны, сложные луки со спущенной тетивой. Все трое изображены, вероятно, в бегстве: у двух рассечена грудь и из спин торчат древки стрел с оперением. У всех троих одна рука согнута в локте и отведена назад, двое, вероятно, пытаются выдернуть из спины стрелу, третий — поддерживает колчан.

Другой, изображенный в лодке, воин повернут влево. Он только что выстрелил в противника, но и сам поражен: из спины торчит стрела со сложным наконечником. Против него сражаются, по крайней мере, четыре противника. Они одеты в короткие кафтаны, облегающие торс. Волосы на голове завязаны

в шишкообразный пучок, сзади прядь. Внешним обликом они сходны с воинами, нападающими на лодку справа. Родственны также орнаментация колчанов, сложные луки, но прически у них разные.

Первая фигура слева от воина в лодке изображена с вытянутыми вперед руками: в одной руке — лук, в другой — две стрелы с оперением и сложными наконечниками. Стрела, выпущенная воином из лодки, впиалась ему в грудь по самое оперение. Его поза, вероятно, говорит о полученной смертельной ране. Два следующих воина слева приближаются к месту схватки в стремительном движении, прижав к груди руки. За спинами у них сложные луки с натянутой тетивой и колчаны. Четвертый в этой группе воин тоже смертельно ранен. Три стрелы пронзили его поясницу, руки вскинута вверх, лук выпадает из них. Две последние фигуры сохранились хуже. Но по оставшемуся рисунку можно думать, что пятый тоже принадлежит к нападающим, а шестой, очевидно, пустился в бегство.

Реальные или легендарные события изображены здесь — можно лишь гадать. Ясно только, что речь идет о столкновении каких-то трех племен или народов. Каких, сказать трудно. Но вспомним, что с хуннами связано распространение в Сибири сложных составных луков и сложных наконечников стрел со свистунками. Впрочем, сложные луки ко времени захоронения в Тепсее где-то в III—V вв. н.э. были свойственны уже многим народам. Хуннский союз тогда уже перестал существовать, а в жизни таштыкских и соседних племен было немало других бурных военных столкновений. Их было немало на протяжении существования таштыкской культуры, и в последующее время, когда к середине VI в. н.э. складывается могучий Тюркский каганат, а население Минусинской котловины, где окончательно превозобладали тюркские элементы, начинают называть кыргызами.

Искусство древних кочевников — пролог и эпилог

В.А.Кореняко

Искусство древних кочевников Евразии — скифов, савроматов, сарматов, саков — известно любому образованному человеку. Многие произведения этого искусства выполнены из ценных материалов. Скрытые в сейфах музейных «особых кладовых», они время от времени попадают в витрины открытых экспозиций и привлекают публику тусклым блеском золота, серебра, сверканием вставок из цветных камней. Свернувшиеся в кольцо «пантеры» и «летающие» олени с огромными рогами воспроизводятся на страницах учебников, значках и открытках, почтовых конвертах и марках. Гораздо менее известен используемый специалистами для обозначения этого явления термин «скифо-сибирский звериный стиль». Его четырехсловная громоздкость объясняется тем, что два наиболее крупных массива произведений древнекочевнического искусства были извлечены из курганов на западе, на землях, бывших некогда скифскими владениями, и на востоке — в Сибири. «Звериным» же стиль этого искусства назван потому, что среди его изображений решительно преобладают животные, впрочем, не только звери, но и птицы. Иными словами, перед нами искусство анималистическое — его создатели явно предпочитали зооморфные изображения (образы животных) антропоморфным (человеческим).

Если искусство древних кочевников — анималистическое искусство, то, может быть, не стоит преувеличивать его ориги-

нальность? Не является ли оно всего лишь эпизодом мирового анималистического искусства?

Вряд ли это так, и вовсе не только потому, что скифо-сакское искусство предельно выразительно и легко узнаваемо. Дело еще и в том, что анималистическое искусство само по себе существует столь же долго, как изобразительное искусство вообще. Ведь уже самые первые памятники изобразительного искусства, созданные в древнем каменном веке, являются произведениями анималистического художественного творчества. Поэтому о традиции изображения животных можно говорить как о всемирно-историческом процессе, длящемся десятки тысячелетий. История анималистического искусства, подобно истории искусства в целом, не может быть рассмотрена как единая, целостная проблема. Это комплекс или множество проблем, и каждая из них требует от исследователей конкретного исторического подхода.

Предлагаемая вниманию читателей статья¹ посвящена одной из этих проблем — истории анималистического искусства древних кочевников, населявших в I тысячелетии до н.э. — первых веках н.э. степную, горно-таежную и аридную зоны Евразии. Громоздкий, условный и спорный термин «искусство скифо-сибирского звериного стиля» автор употребляет потому, что он общепринят, а все другие определения более расплывчаты или неполны. В статье этот термин используется как в полной, так и в сокращенной форме («звериный стиль»).

Позволю себе еще раз кратко напомнить, что под искусством скифо-сибирского звериного стиля принято понимать те тысячи анималистических изображений, которые обнаружены на огромном пространстве от Карпат, Балкан и Дуная на западе (искусство фракийцев)² почти до тихоокеанского побережья на востоке (искусство «белых ди» в «царстве» Сяньюй-Чжуншань)³. Наиболее древние произведения звериного стиля датированы первой половиной I тысячелетия до н.э., самые поздние — первыми веками н.э. Громадные размеры ареала делают еще более удивительным бросающееся в глаза стилевое единство искусства древних кочевников. Это единство, во-первых, состоит в определенном и сравнительно небольшом наборе зооморфных образов. Особенно показательны излюбленные анималистические образы, ставшие как бы эмблемами этого искусства: олень с огромными рогами, свернувшийся в кольцо кошачий хищник и хищная птица с гиперболически трактован-

ными клювом, крыльями и лапами. Во-вторых, стилевое единство искусства древних кочевников проявляется в собственно стилевом аспекте, то есть в легко узнаваемой системе выразительных приемов, с помощью которых изображались животные. Среди этих приемов стремление придать животному определенную позу, явно несоразмерное или гиперболическое изображение некоторых частей звериного или птичьего тела, изображение части тела вместо целого объекта, помещение на основную фигуру дополнительных зооморфных изображений, различные способы деформации. Эта система приемов позволила творцам скифо-сибирского звериного стиля совершить гениальный прорыв от натурализма предшествующих эпох к новому искусству, которое поражает нас своей экспрессией, под обаянием которого мы все находимся и которое мы моментально узнаем вне зависимости от того, обнаруживаем мы его изделия на Дунае или в Маньчжурии.

Научная литература по искусству скифо-сибирского звериного стиля настолько обширна, что только ее освоение представляет собой для специалиста трудную задачу⁴.

Но по-прежнему двумя труднейшими проблемами, над разрешением которых работали несколько поколений специалистов, представляются две: происхождение анималистического искусства древних кочевников и его исчезновение. Можно предположить, что обе проблемы взаимосвязаны и, разрешив одну из них, мы получим ключ к решению другой. При этом вопрос о происхождении скифо-сибирского звериного стиля представляется первичным и значительно более трудным.

Происхождение искусства скифо-сибирского звериного стиля — сложнейшая междисциплинарная проблема. Для ее решения требуются усилия специалистов в различных областях гуманитарного знания. Только для того, чтобы достаточно полно осветить археологическую сторону проблемы, надо собрать данные о произведениях искусства значительной части Евразии в хронологическом диапазоне хотя бы второй половины II тысячелетия до н.э. — первой половины I тысячелетия н.э. Ни в коем случае нельзя ограничиваться анималистическими произведениями только древнекочевнического ареала. Сама постановка проблемы происхождения и начального этапа истории звериного стиля бессмысленна без полного аналитического сравнения с памятниками искусства Ближнего и Среднего Востока, Китая и античного мира. И это далеко не все. Перспек-

тивно было бы сравнить искусство скифо-сибирского звериного стиля с независимыми от него и даже гораздо более поздними культурными феноменами, возникшими, скорее всего, конвергентно, но давшими морфологически сходные результаты. Я имею в виду искусство кельтов, германцев, варварских королевств Западной Европы, Скандинавии эпохи викингов, аваров⁵.

Эти, до сих пор освоенные далеко не полностью направления сравнительно-аналитической работы относятся к археологической грани проблемы. Но речь идет об искусстве, причем искусстве ярком и своеобразном. И трудно объяснить, почему почти все работы о скифо-сибирском зверином стиле написаны археологами. За последние двадцать лет практически ни одной публикации по данной проблеме не вышло из-под пера искусствоведов.

Мы имеем дело с искусством весьма развитого стиля. Согласно любым серьезным определениям, стиль представляет собой структурное единство образной системы и приемов художественного выражения⁶. Усилия археологов направлены на сравнительно-типологический анализ одной стороны этого единства — анималистические образы. Средства художественного выражения, на мой взгляд, являются даже не второй и равнозначной, а первостепенной стороной стилевого единства. Ведь именно приемы художественного выражения отличают искусство скифо-сибирского звериного стиля от искусства других этнокультурных общностей, где мы также видим обилие анималистических образов, но трактованных совершенно другими художественными средствами. Иными словами, отчетливое представление о специфических приемах художественного выражения может стать если не ключом к решению проблемы генезиса скифо-сибирского звериного стиля, то главной предпосылкой в поиске ответа на этот вопрос. В противном случае мы рискуем остаться на уровне бесплодных рассуждений о «евразийском зверином стиле», о «зверином стиле вообще», то есть оказаться в заколдованном круге банальных рассуждений о том, что «где изображали зверей, там и был звериный стиль»⁷.

И здесь мы видим, что для изучения этой важнейшей стороны стилевого единства — средств художественного выражения — не хватает участия искусствоведов или искусствоведческой подготовки археологов. Имеющиеся в российской науке опыты участия искусствоведов в разработке проблемы проис-

хождения звериного стиля (диссертация И.В. Пестряковой⁸, статья В.Б.Блэк⁹) были оценены археологами скептически. Но если бы дело обстояло иначе, если бы мы имели адекватный искусствоведческий анализ древнекочевнического искусства, если бы проблема его происхождения решалась силами не только археологов, то в литературе не появлялись бы гипотезы о генезисе скифо-сибирского звериного стиля на основе изобразительных традиций окуневских, сейминско-турбинских или позднеандроновских памятников¹⁰. Ибо эти гипотезы основаны не на сравнительном анализе средств художественного выражения, а по сути вытекают из банального тезиса «звериный стиль есть изображение зверей». Поэтому с искусствоведческой точки зрения подобные предположения не выдерживают никакой критики.

Решение проблемы происхождения художественного стиля означает установление или реконструкцию стилеобразующих факторов.

Практически все усилия специалистов-археологов направлены на поиск аналогий произведениям звериного стиля в памятниках предшествующего времени. Эти аналогии ищут на территории самого звериного стиля. Успехи здесь невелики, потому что искусство конца эпохи бронзы и периода перехода от бронзы к железу на большей части этого ареала не фигуративно, а орнаментально. Аналогии произведениям звериного стиля ищут за пределами ареала культур скифского типа — на территориях «высоких цивилизаций» Древнего Востока. Здесь успехов больше. Но и на этом пути пока не видно если не общепринятой, то вполне основательной теории, которая бы удовлетворяла большинство исследователей.

Поиски аналогий в предшествующих эпохах — средство диахронного исследования. В лучшем случае будет найден ответ на вопрос, где возник, так сказать, «откуда пошел» звериный стиль. Но почему он возник? Почему стиль искусства древних кочевников выкристаллизовался во вполне определенные образы, в высшей степени оригинальные и удивительно легко узнаваемые именно по стилю, по специфическим именно для этого искусства приемам художественного выражения? Зачем именно этот стиль был нужен кочевникам в I тысячелетии до н.э.? И почему он так неожиданно угас, не оставив потомкам и преемникам древних кочевников ничего, кроме скудных реминисценций? Эти и другие возможные вопросы можно свести к од-

ному: какие стилеобразующие факторы действовали в эпоху древних кочевников, вызвав к жизни уникальное искусство скифо-сибирского звериного стиля и стимулируя его существование в определенной экологической и социокультурной среде?

Совершенно очевидно, что искусство скифо-сибирского звериного стиля мы с полным правом можем отнести к так называемым большим стилям. Это означает, что территория его распространения выходит далеко за пределы не только любого конкретного этноса, но и этнокультурной общности, более того — за пределы ареала одной языковой семьи.

В этой связи уместно вспомнить, что писал об искусстве хунну Л.Н. Гумилев. Обнаруженные в памятниках хуннской эпохи произведения звериного стиля он считал заимствованными, конкретно — «западными элементами, еще сохранившимися в изобразительном искусстве по традиции», поскольку «хунны были под обаянием скифского «звериного стиля»¹¹. При всем уважении к Л.Н.Гумилеву следует признать эти рассуждения необоснованными.

Оценка хуннского искусства как несамостоятельного и подражательного понятна, потому что ко времени написания монографии «Хунну» в распоряжении Л.Н.Гумилева и других специалистов был лишь ограниченный фактический материал — предметы, найденные, в основном, при раскопках хуннских курганов в Ноин-Ула. Находки эти являются преимущественно импортными вещами, попавшими в Центральную Азию из Китая и Средней Азии. Знаменитый войлочный ковер смотрелся на фоне «импорта» как уникальная вещь, а близость вышитых на нем изображений «борьбы животных» к произведениям алтайского (пазырыкского) звериного стиля усиливала впечатление от хуннской культуры как способной только вбирать в себя сторонние влияния, но не порождать самостоятельные.

В наши дни специалисты, обращающиеся к изучению искусства хуннской эпохи, могут анализировать гораздо более объемный и разнообразный материал. На российской территории это, прежде всего, произведения искусства из Иволгинских могильника и городища, из Дэрестуйского могильника и других памятников, исследованных в Забайкалье. Еще более интересен, хотя менее известен отечественным читателям огромный массив так называемой ордосской бронзы и других находок из северо-восточного Китая.

Произведения художественного ремесла хуннской эпохи обладают ярко выраженным стилевым своеобразием, которое не может быть объяснено ни мощным воздействием китайского импорта, ни сакским (пазырыкским) наследием. Вся совокупность анималистических изображений хуннской эпохи, обнаруженных в Бурятии, Монголии и Китае, говорит о том, что хунну, как и другие мощные этносы древних кочевников, оказались способными создать свой вариант скифо-сибирского звериного стиля.

Отмечу, что при сохраняющемся разнообразии мнений об этнолингвистической атрибуции хунну гипотеза об их ираноязычии является наименее обоснованной. В ареал скифо-сибирского звериного стиля входили носители не только индоевропейских, но и финно-угорских — в Приуралье, и алтайских — на востоке.

То несомненное обстоятельство, что анималистическое творчество древних кочевников можно отнести к так называемым «большим стилям», вызвало несколько попыток сопоставить его с «большими стилями» позднейших эпох. Но эти попытки нельзя признать удачными.

Например, еще Г.Боровка называл скифское искусство «первобытным импрессионизмом»¹². Трудно придумать менее убедительное сопоставление. Силевое своеобразие звериного стиля, наряду с другими особенностями, проявляется в доминировании линии, контура, в отчетливой архитектонике образов. У скифо-сибирского искусства нет ничего общего с импрессионистской живописью, строившейся на доминировании цвета, богатстве рефлексов, стремлении передать изменчивость оптического впечатления, или с импрессионистской скульптурой, отличавшейся нарочитой пластической незавершенностью. Тем не менее тезис Г.Боровки встречается и в современной научной литературе¹³.

Несколько ближе к истине другое сравнение, появляющееся в специальных публикациях, например в недавней книге Е.В.Переводчиковой: скифо-сакское искусство — это «степное барокко»¹⁴. Действительно, барокко свойственны сложная уравновешенность динамических композиций и повышенная экспрессивность. Эти особенности при желании можно увидеть в многофигурных зооморфных композициях скифо-сакской и хунно-сарматской эпох. Но не нужно преувеличивать художественную сложность памятников звериного стиля, тем

более что большинство их являются произведениями декоративно-прикладного искусства. В них нет той композиционной сложности, той прихотливости и дробности, той установки на передачу глубины трехмерного пространства и того «теневризма» (богатства светотеневой моделировки), которые составляют стилевую сущность искусства барокко.

Как это ни парадоксально, трактовка ведущих образов древнекочевнического искусства с помощью определенных приемов художественного выражения наибольшее соответствие находит в одном из позднейших «больших стилей» нового времени — в экспрессионизме. Общими чертами являются относительная простота композиции и графичность образов, но прежде всего — обостренная выразительность, достигаемая главным образом деформацией. В обоих случаях деформация как искажение натуральных форм является сознательным художественным приемом, ведущим методом стилизации, давшим в эпоху древних кочевников столь неожиданные и блестящие творческие результаты.

Для того чтобы установить, в какой степени в искусстве скифо-сибирского звериного стиля применяются экспрессивные деформации натуральных форм, целесообразно обратиться к хорошо известной книге Л.Ф.Жегина «Язык живописного произведения. (Условность древнего искусства)»¹⁵. Здесь разработана детальная классификация «зрительных деформаций». Она удивительно точно ложится на материал звериного стиля. В нем мы видим практически все выделенные Л.Ф.Жегиным приемы деформации: развернутость, оплошность, вогнутость, надломы, разрывы, уравнивание размеров, округлость, кольцо видности, подобие, s-образность, кручение. Особенно бросается в глаза композиционное подчинение анималистического образа универсальной «линии красоты», названной так еще У.Хогартом¹⁶, то есть линии латинской s. С ней логически связан другой прием деформации — «кручение», или «перекрученность» изображения, сплошь и рядом встречающийся в искусстве звериного стиля.

Можно возразить, что любое изобразительное искусство кроме его наиболее натуралистических или «гиперреалистических» направлений, отражает реальность не фотографически и в разной мере эту реальность деформирует. В чем же тогда особенность древнекочевнического искусства? Эта особенность в том, что приемы экспрессивной деформации в зверином стиле

доведены до пределов возможного, буквально бросаются в глаза¹⁷. Если вновь обратиться к книге Л.Ф.Жегина или сочинениям других работавших в этом направлении авторов от У.Хогарта до Р.Арнхейма¹⁸ и Б.В.Раушенбаха¹⁹, то мы увидим, что они использовали материал изобразительного искусства: европейской живописи, русских икон, восточной миниатюры и др. Установившая на этих материалах приемы «визуальной деформации», эти авторы в тексте подробно излагали свои наблюдения, а в иллюстрации вводили вспомогательные графические элементы, помогающие понять читателям, о какой деформации идет речь.

Человек, рассматривающий типичные произведения скифо-сибирского звериного стиля, совершенно не нуждается в подобных разъяснениях и подсказках. Он и без них видит изображенную неестественно развернутых на плоскости животных (деформация «развернутости» и «оплощения»), свернувшихся или свернутых в кольцо хищников (деформация «кольцевидности»), зверей, фигуры которых строго подчинены линии лагунской *s* или перекручены (деформации «*s*-образности», «кручения» и «перекрученности»).

Гениальность безымянных творцов искусства звериного стиля проявилась еще и в том, что они довели применение экспрессивных деформаций до пределов возможного, но пределы эти не перешагнули. Тем самым они избежали опасности разрушения или схематизации анималистических образов, сохранили реалистическую основу своего творчества.

В итоге мы получаем возможность определить художественную суть древнекочевнического анимализма буквально в трех словах: искусство скифо-сибирского звериного стиля — это искусство экспрессивных деформаций.

Оговорюсь, что это определение относится к стилевому ядру древнекочевнического искусства, к его наиболее популярным, узнаваемым и специфическим произведениям. Понятно, что за пределами этого понятия остается значительное количество памятников, относящихся к областям чистой орнаментальности и натуралистической изобразительности.

Определение искусства скифо-сибирского звериного стиля как искусства экспрессивных деформаций представляется мне фундаментальным прежде всего по тем выводам, которые можно сделать на его основе.

Во-первых, отходит на второй план уже давно ведущаяся

некоторыми исследователями трудоемкая работа по «инвентаризации» приемов декоративной разделки и геометризующей трактовки зооморфных образов и их отдельных частей²⁰. В свете предложенной формулировки эта кропотливая работа имеет смысл для выделения хронологических этапов и локальных вариантов звериного стиля, но не для решения проблемы его генезиса.

Во-вторых, данное определение дает нам критерий художественного своеобразия и даже уникальности звериного стиля, который резко отделяет древнекочевническое искусство от тех предшествующих или одновременных ему памятников, в которых часто видят «истоки» или факторы влияния. Повторяясь, хочу подчеркнуть, что система экспрессивных деформаций сразу же получает в древнекочевническом искусстве такое господство, что его свернутые в кольцо, перекрученные, распластаные, гиперболизированные в отдельных деталях образы выводят изобразительность на уровень гротеска. Деформации подводят гротесковость зооморфных образов вплотную к тому порогу, за которым исчезает сама возможность визуальной идентификации анималистических изображений. Этого мы не видим ни в искусстве Древнего Востока, ни в античном искусстве, ни в искусстве тех степных, лесостепных и горных культур, которые предшествовали культурам скифского типа. Конечно, приемы экспрессивной деформации можно отыскать и за пределами ареала звериного стиля. Но в отличие от древнекочевнического искусства они не стали художественной основой стилового ядра, не образовали доминирующую систему средств художественного выражения в искусстве Египта, Вавилонии, Ассирии, Хеттского государства, Ирана, Эллады, племен карасукской культуры и сейминско-турбинской культурной общности.

В-третьих, предложенная формулировка побуждает приступить к поискам стилеобразующих факторов древнекочевнического искусства внутри его ареала, а не за его пределами. В этом плане представляется плодотворной известная концепция И.Б.Мириманова о прямой зависимости количественной и качественной деформации в произведениях первобытного и традиционного искусства от социальной структуры и внутриэтнической напряженности²¹. Гипотеза В.Б.Мириманова позволяет в поисках стилеобразующих факторов обратиться к социальным и социально-психологическим особенностям древнекочев-

нических обществ. К такому подходу в свое время уже призывали Г.К.Вагнер²² и некоторые другие исследователи.

В палеосоциологическом аспекте многие специалисты давно и обоснованно указывали на общественную группу, эстетические и психические потребности которой в первую очередь обслуживало искусство звериного стиля. В археологическом аспекте при анализе закрытых комплексов повсеместно, хотя и в разной степени, фиксируется корреляция между находками изделий звериного стиля, с одной стороны, и значительными размерами и конструктивной сложностью могильных и внемогильных сооружений вместе с относительным разнообразием и богатством погребального инвентаря, с другой стороны. Бесспорно, речь идет о социальной элите. В то же время данная корреляция имеет как бы размытый, сугубо вероятностный характер. Необходимо отметить и весьма значительное количество произведений звериного стиля, большая часть которых выполнена не из явно престижных материалов вроде золота и серебра, а из материалов общедоступных²³.

Напрашивается вывод о том, что в древнекочевнических обществах эти элитарные группы были достаточно многочисленны. Социальный статус большинства членов таких групп определялся не концентрацией публичной власти и материальных ценностей, а выполнявшимися ими общественными функциями. И эта общественная функция, с одной стороны, должна была быть по плечу достаточно многочисленному контингенту. Но с другой стороны, ее не могли выполнять любые члены древнего общества. При всей размытости упомянутой корреляции археологических фактов ясно, что эта социальная роль не была типичной прежде всего для женщин и детей.

В целом ряде исследований, а наиболее четко, пожалуй, в книге К.Йеттмара «Ранние степные народы. Евразийский звериный стиль. Возникновение и социальная основа»²⁴, интересующая нас социальная группа уже очерчена. В данном случае неважно, как ее точнее определить: дружина, военная каста, половозрастная категория молодых воинов-всадников. Гораздо важнее попытаться реконструировать те особенности общественного статуса, занятий и психики членов этой социальной группы, которые предопределили их выбор стиля экспрессивных деформаций как наиболее близкого, «своего» искусства.

Исторические и этнографические данные говорят о том, что в древних и средневековых кочевнических обществах данная

общественная группа занималась не столько войной, сколько охотой на крупных копытных и хищных животных. В большинстве археологических публикаций говорится о войне как главном занятии древнекочевнической социальной элиты. Эту точку зрения очень ясно выразили А.М.Хазанов и А.И.Шкурко: «Если иметь в виду только среду бытования, то главный акцент, очевидно, следует делать не на знатности, а на военном характере тех погребений, в которых регулярно встречаются памятники звериного стиля. Надо ли говорить о том, что у скифов, как и в любом другом обществе, воинами становились отнюдь не только представители аристократии? Ими были также дружинники и часть рядовых свободных членов общества, которые в ранний период скифской истории регулярно принимали участие в военных действиях»²⁵.

Однако есть и другая, менее популярная точка зрения, согласно которой создатели и носители звериного стиля были в первую очередь не воинами, а охотниками. Еще в изданной в 1929 г. книге «Звериный стиль в Южной России и Китае» М.И.Ростовцев писал, правда, в очень лаконичной и общей форме: «Носители звериного стиля были охотниками и кочевниками, но не крестьянами и земледельцами»²⁶.

Л.А.Ельницкий в последней книге «Скифия евразийских степей»²⁷ отмечал: «Скифская идеология выработала свои совершенно определенные черты, получившие глубокое отображение в искусстве. Степной кочевник считал себя охотником-хищником, кем он в значительной мере и был в действительности... Прирученные четвероногие и пернатые хищники были помощниками кочевников на охоте. От тотемов-хищников производили себя многие племена. Скифское искусство особенно любовно разрабатывало формы звериного тела и звериные композиции. Любовь к звериным формам и звериной орнаментике пробуждается на самых ранних стадиях охотничьего быта, но номады уже в древние времена выработали и распространяли по степным просторам Евразии, от границ Китая до Венгрии, некие стилистические образцы, ставшие постепенно общими для всего их мира и определившие лицо скифского искусства».

Ссылаясь на исследование крупного палеозоолога В.И.Цалкина, Л.А. Ельницкий писал о том, что в памятниках скифской эпохи на Волге и Дону фиксируется «резкое увеличение следов охоты»²⁸. В Северном Причерноморье большое количество кос-

тей диких животных было найдено лишь на акрополе Каменского городища в степной части Приднепровья. В.И.Цалкин объяснял это «специфическим социальным значением памятника»²⁹, а Л.А.Ельницкий указывал «на то, что акрополь находился в руках кочевнической верхушки, любимым времяпрепровождением которой была охота»³⁰.

Обобщенные В.И.Цалкиным палеозоологические данные дают очень четкую картину: «Племена поздней бронзы — это племена земледельческо-скотоводческие, не уделяющие охоте сколько-нибудь серьезного внимания; роль охоты в жизни этих племен минимальна, что очень наглядно характеризуется крайне малым процентом костей диких животных в культурном слое поселений... В раннем железном веке значение охоты вырастает очень резко, в два раза — в Среднем Поволжье и в пять раз — в Среднем Подонье. Охота становится гораздо более значительной отраслью в хозяйстве этих племен»³¹.

Очень близко к излагаемой здесь гипотезе подошла Н.М.Ермолова, напрямую связавшая популярность изображения оленя в скифо-сибирском зверином стиле с появлением верховой езды, позволившей «устраивать загонную охоту на благородных оленей верхом на лошадях». Не касаясь художественных особенностей стиля древнекочевнического искусства, Н.М.Ермолова писала: «Возможно, этим и объясняется массовое появление изображения благородного оленя у племен, обитавших на открытых пространствах Евразии, а не только их тотемическими представлениями. При таком типе охоты благородный олень на открытых пространствах был быстро выбит, и хотя как вид и сохранился в горных районах Южной Сибири, но потерял свое промысловое значение уже к таштыкскому времени. Изображения его исчезли»³².

Таким образом, у предлагаемой здесь гипотезы имеются предшественники, правда, не высказывавшие своих взглядов достаточно развернуто и специально.

Война, за исключением относительно кратких эпох кровавого перераспределения земель и политического господства, была все же событием чрезвычайным. Охота же была занятием постоянным, если не ежедневным, то ежегодным. Я имею в виду большие охладные охоты, хорошо известные по письменным источникам и по трудам многих исследователей, начиная с классических работ М.Н.Хангалова и Д.А. Клеменца.

Охотничьи облавы в эпоху их расцвета были не столько хо-

зайственным занятием, сколько средством боевой подготовки воинов. Они легко переходили в прямые военные акции³³. Это хорошо понимали сменявшие друг друга властители Центральной Азии³⁴. Например, в эпоху монгольской династии Юань для китайцев существовал под страхом смертной казни или ссылки запрет на облавные охоты³⁵. В XVIII веке, когда Монголия оказалась под властью маньчжуро-китайской державы Цин, монгольские князья могли начинать облавную охоту только после специального, оформляемого каждый раз особо, разрешения из Пекина³⁶.

Облавные охоты были весьма важным и многосторонним социальным институтом. Б.Я.Владимирцов отмечал, что выборы монгольских ханов проводились во время облавных охот³⁷. Иллюстрацию этого мы находим в киргизском эпосе, где Манаса выбирают и провозглашают ханом именно на охоте, хотя и не облавной³⁸. Карьера многих военных предводителей кочевников была тесно связана с институтом облавных охот. Ярчайший пример этого — Чингисхан. По некоторым фольклорным сведениям, он начинал предводителем облавщиков³⁹. Так это или нет, но нужно согласиться с С.А.Козиным, писавшим, что военно-организаторский гений Чингисхана проявился в соединении формирующейся из корпуса тургаудов армии с древнейшей родоплеменной традицией устраивать ежегодные облавы на дикого зверя⁴⁰. Символично, что даже конец Чингисхана наступил в результате смертельной болезни после того, как он упал с коня на облавной охоте⁴¹.

Историки и этнографы, изучавшие облавные охоты даже в прошлом веке, имели дело уже с их деградировавшими, реликтовыми формами. Общими причинами вырождения и измельчения облавных охот считаются влияние буддийской религии с ее запретом убивать живые существа, развитие скотоводства, переход кочевников к дисперсному расселению, отсутствие войн в Монголии и Сибири после их вхождения в состав централизованных государств⁴².

Тем больший интерес представляют те реликтовые, пережиточные эпизоды облавных охот, которые говорят об их методах времени расцвета. Так, в древности и средневековье существовал запрет применять оружие до последнего дня охоты. Облавщики вступали в рукопашные схватки со зверями, пытавшимися прорвать кольцо окружения⁴³. Они ловили их арканами и укрюками, связывали, стреноживали, «сострунивали» звери-

ные пасти⁴⁴. Марко Поло, наблюдавший в XIII веке облавные охоты юаньского двора во главе с ханом Хубилаем, ничего не писал об оружии охотников, но подробно — о тысячах собак, ловчих птиц, а в отдельной главе — о «приученных зверей ловить» леопардах, волках и «львах» (судя по описанию, тиграх). Описывая «большую охоту великого хана», Марко Поло ни разу не употребил глаголы «бить» или «убивать», но исключительно «ловить». Соответственно и о добыче рассказывается не как об убитых, а как о живых зверях и птицах⁴⁵.

Известно из разных источников, что еще в XVIII — начале XIX века на китайских императорских охотах в маньчжурском парадизе Жэхэ особенно престижным подношением императору от монгольских облавщиков считались живые связанные звери⁴⁶.

В знаменитом «Сокровенном сказании» соратники Темучжина говорят ему: «Мы решили поставить тебя ханом. Когда же станет у нас ханом Темучжин, вот как мы будем поступать. При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху, сдавать стянувши стегна». С точно таким же обещанием — подносить не убитых, а связанных зверей — обращается Чингисхан к Джамухе и другим, когда отказывается от власти в их пользу: «Когда бы вы посылали передовым в облаву на тетенного зверя, то я представлял бы вам горного зверя стегно к стегну; пещерного зверя — представлял бы ляжка в ляжку; степного зверя — доставлял бы, притиснув брюхо к брюху»⁴⁷.

В письменных источниках, синхронных древнекочевническим обществам, мы не найдем описания облавных охот и тем более описания добычи — связанных животных. Только в этнографической литературе или других описаниях, в том числе беллетристических описаниях охоты, мы можем отыскать интересующие нас факты.

Приведу несколько таких описаний, начиная со свидетельств двух беллетристов, отличавшихся, по всеобщему признанию, незаурядной наблюдательностью.

В романе Л.Н.Толстого «Война и мир» есть известная сцена охоты Ростовых. Николай Ростов с ловчим Даниилом настаивают затравленного собаками матерого волка. «Николай хотел колоть, но Данило прошептал: «Не надо, соструним», — и, переменяв положение, наступил ногою на шею волка. В пасть волку заложили палку, завязали, как бы взнуздав его своркой, связа-

ли ноги, и Данило раза два с одного бока на другой перевалил волка»⁴⁸.

Менее известен рассказ В.И.Даля «Охота на волков». Автор пишет, как он с охотниками-башкирами, орудуя одними нагайками, окружили волка. «Один из башкиров удачнее моего отвесил ему по рылу остолбуху, а другой, наскакав сбоку, мигом накинул на него аркан и поволок за собою: волк обеспамятел, и все трое, не дав ему опомниться, бросились на него с лошадей, скрутили его и сострунили, то есть перевязали ему рыло вокруг бечевкой; сделал это, они распутали его, дали ему отдохнуть и повели, как козу, на веревочке: некуда было бедняку деваться; пасти не разинуть, хватить нечем, и осталось одно: прикинуться смиренным, и, поджав полено, идти куда ташат». Охота окончилась. «Исподволь все стали собираться на поляну перед волчьим притоном, и волки свозились со всех сторон и подвешивались за задние ноги к сучьям дерев или к кольям... Одного, с оструненным рылом посадили на привязи на почетное место, позади нашего хлебосольного хозяина»⁴⁹.

Причины, по которым зверя на охоте не убивали, а связывали живьем, могли быть различными. На первый план выступали, видимо, преимущественно эмоциональные стимулы — предъявить связанное животное как живое впечатляющее свидетельство охотничьей лихости. Однако имеются и несколько иные свидетельства.

Знаменитый шведский путешественник Свен Гедин писал о том, что алайские киргизы в конце XIX в., поймав волка, «в разинутую пасть ему всовывают короткий толстый кол, который прикручивается к скулам, другую же палку привязывают к ноге, чтобы зверь не мог удрать, и начинают всячески мучить и терзать его, пока в нем остается хоть искра жизни»⁵⁰.

Г.Н. Симаков опубликовал информацию об обучении киргизами ловчих птиц. Беркутов, воспитанных из птенцов, обучали на «живом вабиле», которым было соответствующее животное, например, попавший в капкан волк («в некоторых случаях вместо волка используют большую, серую, похожую на волка собаку»). Животному связывают пасть и опутывают ноги, после чего беркута можно без опаски натаскивать, готовя к настоящей охоте»⁵¹.

Тела убитых животных в охотничьей среде также могли деформироваться сходным образом, причем без рационального объяснения.

Этнограф С.Г.Жамбалова опубликовала любопытнейшие сведения об обряде свертывания убитого зверя в кольцо. Бурятские охотники связывали лапы животного вместе, а конец хвоста притягивали к носу. Интересен и проведенный ею этимологический и семантический анализ названия и функций бурятской охотничьей лепешки «бомхой» — это реликтовый семантический пучок слов и представлений с общим значением «спутать», «связать»⁵².

Похожим реликтом, возможно, являются известные у монголов, бурят и тувинцев мясные кушанья, приготовленные способом «бодох» — запеченные целиком туши животных, в основном копытных. Во-первых, они изначально связаны с охотничьим бытом. Во-вторых, эти блюда считаются престижными, почетными. В-третьих, туша животного подается в лежащем положении с подогнутыми ногами⁵³.

Существуют и предметные иллюстрации к ответу на вопрос, какая поза придавалась охотничьей добыче. Например, в Государственном музее искусства народов Востока хранится тувинская деревянная скульптура, вырезанная не позже 1925 г. Она изображает охотника, несущего на спине пойманного хищного зверя, вероятно, лису. Ноги животного согнуты и сведены вместе, шея пригнута к передним конечностям, хвост поджат к задним ногам. Это свидетельствует, между прочим, о том, что зверь жив — он висит за спиной охотника лапами вверх, и в противном случае хвост был бы не поджат, а свисал вниз. Верхняя линия спины, шеи и темени образует дугу, а все тело животного идеально вписывается в эллипс, что вполне соответствует одному из канонов изображения хищников в скифо-сибирском зверином стиле⁵⁴.

Эти и подобные им факты позволяют судить о позах, которые придавались телам животных, пойманных во время облавных охот. Для обездвиживания копытного животного вполне достаточно было связать вместе четыре конечности, и животное оставалось лежать на животе с подогнутыми ногами⁵⁵. В отличие от копытного, хищный зверь более гибок и подвижен, природа вооружила его острыми зубами и когтями. Поэтому хищника связывали особым способом — «соструивали». Тонким ремешком, волосяной или жильной веревкой («струной») связывали все четыре лапы, и к этому узлу подтягивали морду с завязанными челюстями. Хищник оказывался свернутым в кольцо. Ему оставалось скалить зубы, показывать когти и под-

жимать хвост, то есть демонстрировать хорошо известный специалистам по поведению животных (этологам) смешанный комплекс реакций агрессии и страха. Такие изображения хищников в большом количестве и дает нам искусство скифо-сибирского звериного стиля⁵⁶.

Имея дело с относительно поздними письменными источниками или с этнографическими реликтами и пытаясь восстановить реалии древности, необходимо вводить соответствующий этой ретроспективе коэффициент. Такой коэффициент должен акцентировать значимость участия древних воинов-охотников в облавах, их особое психическое состояние не только во время охоты, но и в целом — как особенности индивидуальной и социальной психики участников общественной группы, воспринимаемой ими самими в виде некоей охотничьей стаи «псов-воинов»⁵⁷.

М.Н.Хангалов и Д.А.Клеменц писали о буйном, беспокойном поведении основной массы участников облав⁵⁸. Огромный материал, позволяющий реконструировать такие доминирующие в психике древних воинов-охотников черты, как агрессивность, кровожадность, буйная неуравновешенность, дает эпический фольклор тюрко-монгольских народов⁵⁹. Конечно, можно вести речь о некоторых минимизирующих поправках в связи с условностью фольклорных жанров, тяготением их к гиперболизации описаний. Но эти поправки в свою очередь могут быть сняты упомянутым выше коэффициентом, который в ретроспективе, наоборот, усиливает черты, известные нам по объективным нарративным и этнографическим источникам. В любом случае зооморфные сравнения, обильно присутствующие в эпических текстах кочевых народов, вполне можно интерпретировать так, как это делает исследователь эпоса «Манас» Р.З. Кыдырбаева: «Буйство, неуравновешенность богатыря и его дружинников сродни неистовству хищного зверя, с его безудержными порывами к схваткам»⁶⁰.

Основываясь на исторических, этнографических и фольклорных источниках, мы можем в итоге предположить, что членам социальных групп воинов-охотников было присуще в высшей степени реактивное, часто буйное, неуравновешенное, экспрессивное поведение, игнорирование смертельной опасности — в целом то, что психологи называют экспрессивностью поведения и акцентуацией характера⁶¹.

Такие особенности психики отчасти объясняются довольно

жестким объективным отбором членов социальной группы. Мало того, что они были воинами и охотниками. Чрезвычайно важно, что они были всадниками в эпоху, когда отсутствовали стремени и жесткие седла. Поэтому всадником-воином и участником облавных охот мог стать прежде всего мужчина вполне определенного возраста, темперамента и мышечного тонуса. Бесспорно, отбор шел и с учетом психических качеств. По мнению психологов, экспрессивность поведения в высшей степени свойственна как раз молодежным коллективам⁶².

Комплекс индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик военно-молодежных групп древнекочевнических обществ не уникален. Он вполне вписывается в установленную еще М.Вебером оппозицию «харизма и повседневность»⁶³. Параллели ему можно найти, например, в текстах скандинавских саг, где жизнеописания многих «неистовых норманнов» являются по сути психобиографиями индивидуумов с акцентуированными характерами. В этой связи можно вспомнить о появлении в Скандинавии в эпоху викингов своего искусства «северно-германского звериного стиля», хотя и отличного и вряд ли генетически связанного с искусством скифов и сарматов.

Нам остается связать появление искусства скифо-сибирского звериного стиля как искусства экспрессивных деформаций и эффектов с психическими особенностями всадников-воинов и охотников. Такая корреляция вполне допустима, поскольку с ее помощью мы можем дать конкретный ответ на основной вопрос социологии искусства: почему люди предпочитают один тип художественной продукции другому?⁶⁴ И здесь вполне уместно привести тезис известного литературоведа Н.Я. Берковского: «Эстетика эффектов» рассчитывает на зрителя-хищника, на зрителя с инстинктом охотника»⁶⁵.

В итоге можно предположить, что при решении проблемы генезиса искусства скифо-сибирского звериного стиля мы должны учитывать воздействие, по меньшей мере, двух вполне конкретных стилеобразующих факторов.

Первый стилеобразующий фактор — облавные охоты социальных групп молодых конных воинов, сопровождавшиеся рукопашными схватками с крупными копытными и хищными зверями. Эти животные в связанном, так сказать, деформированном состоянии являлись, используя терминологию А.Д.Столяра для первобытного искусства, «продуктами натуральной

изобразительной деятельности», стимулировавшей зарождение искусства экспрессивных деформаций⁶⁶.

Второй стилеобразующий фактор — индивидуальные и социальные психические особенности членов данных общественных групп. Произведения анималистического искусства экспрессивных деформаций как нельзя лучше соответствовали экспрессивности и акцентуированности их психики. Изделия звериного стиля были не столько магическими изображениями охотничьих трофеев, как писал К.Йеттмар⁶⁷, сколько эмблемами принадлежности к данной социальной группе, классу, слою.

Соответствует ли изложенная гипотеза всему обилию и разнообразию произведений скифо-сибирского звериного стиля? Конечно, нет. Данная гипотеза при самом благосклонном к ней отношении может претендовать на объяснение только стилевого ядра древнекочевнического искусства. Во всяком случае, логика возникновения, развития и распространения других «больших стилей» в искусстве говорит о том, что после того, как были созданы канонические средства художественного выражения наиболее популярных анималистических образов, они вполне могли быть в разной степени распространены и на другие зооморфные мотивы и сюжеты.

Необходимо учитывать и то, что, как отмечалось выше, господство присущих звериному стилю средств художественного выражения не было безраздельным — не все анималистические произведения древних кочевников являются произведениями звериного стиля.

В общем данная гипотеза описывает не столько непосредственный генезис звериного стиля, сколько его возможные предпосылки, или пролог его истории. Поэтому понятно, что при переходе от гипотезы к конкретным произведениям искусства скифо-сакской архаики могут появляться столь же конкретные вопросы, на которые не всегда можно дать вполне удовлетворительные ответы.

Может возникнуть вопрос: почему на древнекочевнических изображениях животных мы не видим отчетливо показанные ремни или веревки, которыми, согласно данной гипотезе, связывались в качестве охотничьей добычи реальные прообразы этих изображений?

Во-первых, необходимо иметь в виду условность древнего искусства, как бы не замечавшего многих важных деталей. Приведу один пример подобного рода. Судя по изображениям

кошачьих хищников и прежде всего по их соразмерности с другими животными в многофигурных композициях, древнекочевническое искусство имело дело с крупными представителями этого семейства — пантерами и гепардами. Гепарды и все представители рода пантер, обитающие в северном умеренном поясе Евразии, отличаются хорошо выраженной пятнистостью окраски (тигр, леопард, ирбис). Исключение составляют львы, но их изображения хорошо определяются по специфическим кисточкам на хвосте и гривам у самцов. Кроме львов, в Старом Свете есть только одна крупная кошка с однотонной окраской — так называемая черная пантера, собственно меланист леопарда, но ее ареал ограничивается тропиками⁶⁸. Следовательно, мы вправе ожидать, что изображения кошачьих хищников в скифо-сибирском искусстве должны иметь соответствующую разделку поверхности, передающую полосатость тигров или пятнистость леопардов, гепардов, ирбисов. Но в большинстве случаев на изображениях кошачьих хищников мы видим гладкую поверхность тел.

Во-вторых, имеются произведения древнекочевнического искусства, на мой взгляд, подтверждающие изложенную здесь гипотезу. Назову два из них. В восточной части ареала звериного стиля — знаменитое изображение пантеры из кургана Аржан в Туве. На лапах животного мы видим поперечные ремневидные выпуклые полоски⁶⁹. В западной части ареала — менее известная, но неоднократно публиковавшаяся костяная пластина из погребения VI века до н.э. у города Константиновска-на-Дону. Пластина заполнена странной хаотической композицией из изображений оленей и кошачьего хищника. Мне кажется, эта композиция наиболее убедительно может быть объяснена как изображение груди охотничьих трофеев — связанных животных⁷⁰. Интересно, что оба памятника относятся к наиболее ранним произведениям скифо-сибирского искусства.

Гораздо более важным мне представляется то, что данная гипотеза позволяет объяснить противоречия в изучении скифо-сибирского звериного стиля, казавшиеся разным исследователям неразрешимыми или трудно объяснимыми. Различные авторы чаще всего обращали внимание на два таких противоречия.

Первое противоречие, названное К.Йеттмаром «необъяснимым»⁷¹, наблюдается между скотоводством как основой кочевнической экономики и преобладанием изображений диких жи-

вотных в искусстве звериного стиля. Предложенная гипотеза объясняет это противоречие. Общественная группа, социальные, психические и эстетические потребности которой стимулировали генезис звериного стиля, была гораздо теснее связана с охотой, чем с животноводством.

Другое противоречие следующим образом охарактеризовал С.И.Вайнштейн: «Если предположить, что скифо-сакский номадизм сложился лишь на базе комплексных степных культур, то остается труднообъяснимым ряд очевидных «лесных» черт, присущих ему и проявляющихся в особенности в достаточно консервативной сфере культового искусства. Таковы, например, образы благородного оленя и лося, занимавших одно из центральных мест в системе «звериного стиля», что отнюдь не соответствовало их реальной роли в жизни степного населения». С.И.Вайнштейн нашел выход из этого противоречия в предположении, что в этногенезе скифо-сакских номадов участвовал «субстратный лесной компонент»⁷².

Изложенная гипотеза предлагает иное решение этой проблемы. Для социальной группы воинов-охотников идеальным объектом охоты были крупные животные, а наилучшим охотничьим полем — то, что в соответствующей русской терминологии называется островами. Это небольшие, обособленные на открытом степном или полупустынном пространстве лесные биоценозы. Они служат прибежищем крупной фауны, гораздо более активно истребляемой на открытых пространствах. С другой стороны, они как бы созданы для финала облавной охоты, поскольку «втягивают» в себя преследуемую дичь и могут быть эффективно окружены облавщиками. На крупномасштабных картах степных и аридных регионов фациальность⁷³ не фиксируется. В реальности же здесь большое количество лесных биоценозов — боров, колков, пойменных лесов, тугаев. Наличие тут лесной и горно-лесной фауны не только не удивительно, но и типично — в силу поясной зональности, вертикальных миграций, спуска фауны на равнины по долинам рек.

Предлагаемая «военно-охотничья гипотеза» позволяет по-новому осветить не только проблему генезиса скифо-сибирского звериного стиля, но и вопрос о причинах его вырождения и исчезновения.

Бесспорно, ведущим фактором этого процесса был экономический — усиливавшийся наплыв в древнекочевнический ареал ремесленной продукции соседних государств⁷⁴. В послед-

них веках до н.э. — первых веках н.э. и в западной, сарматской, и в восточной, хуннской части ареала количество импортных изделий нарастает. Параллельно происходит угасание самобытного анималистического искусства. Эта картина хорошо известна и не нуждается в комментариях. Подчеркну только, что в восточной части ареала, бывшей ареной хуннско-китайского противостояния, прекрасно сознавали политический смысл усиленного импорта как средства замирения степи и размягчения воинственных нравов кочевников. Наиболее четко и развернуто это выражено в приведенной в «Исторических записках» Сыма Цяня знаменитой речи китайского перебежчика Чжунхан Юэ, обращенной к хуннскому шаньюю Лаошану примерно в 174 году до н.э.⁷⁵

Когда искусство скифо-сибирского звериного стиля уже угаšlo, появились и широко распространились жесткие седла и стремяна⁷⁶. Благодаря этому четкие границы социальных групп конных воинов-охотников быстро размылись. Эпоха номадов-кентавров закончилась, потому что с помощью жесткого седла и стремян верховая езда стала доступна любому человеку. Европейский наблюдатель сразу видит это в последней стране всадников — Монголии, в чем окончательно убеждается на монгольских праздничных скачках, где большинство жокеев — дети.

В процессе угасания искусства скифо-сибирского звериного стиля фактор распространения жестких седел и стремян по сравнению с фактором массового импорта ремесленных центров «высоких цивилизаций» был второстепенным. Его значение не стоит переоценивать, тем более что ко времени широкого распространения жестких седел и стремян говорить об искусстве звериного стиля как о «живом» культурном феномене не имеет смысла. Роль этого фактора скорее можно сравнить с занавесом после последнего акта пьесы. Герой ее сходит со сцены в предпоследнем акте, но в течение всего последнего мы можем ждать его возвращения, воскрешения или хотя бы разговоров о нем. Но вот последний акт окончен, упал занавес, и увидеть героя вновь мы можем только в другом спектакле. Другое возможное сравнение — эпилог литературного произведения.

Аналогию, помогающую правильно оценить роль жесткого седла и стремян в истории древнекочевнического искусства, дает нам мысль Р.С. Липец о том, что распространение огне-

стрельного оружия ознаменовало «начало гибели самого жанра героического эпоса» — другого великого достижения кочевнической культуры; ведь «успех применения огнестрельного оружия мало зависит от личного мужества батыра»⁷⁷, подобно тому как тысячелетием раньше была утрачена связь между личным мужеством всадника и верховой ездой в жестком седле со стремениами.

В новых условиях претензии групп конных воинов-охотников стали неуместными, а кочевнические общества начали поиск новых форм социальной регуляции, идеологии и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные положения статьи я излагал в 1995—1996 гг в докладах на двух академических конференциях «Некоторые проблемы изучения скифо-сибирского звериного стиля» 27 ноября 1995 г на Первых научных чтениях памяти моего учителя Константина Федоровича Смирнова и «Анималистическое искусство кочевников — происхождение и исторические судьбы» 13 августа 1996 г на Международном археологическом конгрессе «100 лет гуннской археологии Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и историческая перспектива Гуннский феномен» Материалы первой конференции не изданы (см Железчиков Б Ф, Скрипкин А С Первые чтения памяти К Ф Смирнова М 1995 // Российская археология 1996 № 3 С 246—250 Тезисы докладов второго симпозиума опубликованы (Коренько В А Анималистическое искусство кочевников — происхождение и исторические судьбы // 100 лет гуннской археологии Номадизм — прошлое, настоящее в глобальном контексте и историческая перспектива Гуннский феномен Международная конференция (тезисы докладов) II часть Улан-Удэ, 1996 С 102—105 (русский текст), 116—119 (английский перевод «Animal Style, its Origin and Historic Destiny»)

² Венедиков И, Герасимов Т Тракийского искусство София, 1973

³ Крюков М В, Софронов М В, Чебоксаров Н Н Древние китайцы проблемы этногенеза М, 1978 С 179—185

⁴ Показательно, что даже в тех случаях, когда авторы специально выбирают жанр историографического обзора, то сосредоточивают внимание на нескольких представляющих им наиболее важными проблемах В результате все имеющиеся историографические обзоры «пунктирны», за их пределами остается слишком большое количество публикаций Из последних чисто историографических исследований см Дудко Д М Проблемы верований ираноязычных народов Восточной Европы I тыс до н э — первой половины I тыс н э в отечественной и зарубежной историографии Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук М, 1989 С 12—14

⁵ Jettmar K Die frühen Steppenvölker Die eurasiatische Tierstil Entstehung und sozialer Hintergrund Baden-Baden, 1964 S 204—213 Laszlo G Steppenvölker und Germanen Kunst der Völkerwanderung Berlin, 1974. В отечественной

- литературе известна лишь одна работа по этой проблеме *Ваинштейн С И, Коренько В А* О генезисе искусства кочевников авары // Народы Азии и Африки 1988 № 1 С 38—49
- ⁶ Краткий словарь терминов изобразительного искусства Издание четвертое (дополненное и частично переработанное) М, 1965 С 158, 159 Словарь литературоведческих терминов М, 1974 С 374—379 Эстетика Словарь М, 1989 С 333, 334
- ⁷ *Jettmar K* Op cit S 206, 214
- ⁸ *Ильинская В А* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии М, 1976 С 17
- ⁹ *Блэк В В* К вопросу об истоках скифо-сарматского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии М, 1976
- ¹⁰ *Акишев К А, Акишев А К* Древнее золото Казахстана Алма-Ата, 1983 С 22, 23, *Пяткин Б Н, Миклашевич Е А* Сейминско-турбинская изобразительная традиция пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР М, 1990 С 146—153, *Килуновская М Е* Культурные предпосылки сложения скифского изобразительного канона в Туве // Проблемы изучения окуневской культуры Тезисы докладов конференции СПб, 1995 С 60—63
- ¹¹ *Гумилев Л Н* Хунну Степная трилогия СПб, 1993 С 157, 158, *Он же* Из истории Евразии М, 1993 С 40, 41
- ¹² *Borovka G* Scythian Art L, 1928
- ¹³ *Шер Я А* Петроглифы Средней и Центральной Азии М, 1980 С 239
- ¹⁴ *Переводчикова Е В* Язык звериных образов Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи М, 1994 С 114
- ¹⁵ *Жегин Л Ф* Язык живописного произведения (Условность древнего искусства) М, 1970 С 43—56, 102—112, 115—121 Табл IV—VII, XII—XIV, XVII, XVIII, XXIV—XXVII, XXX—XXXIII
- ¹⁶ *Жегин Л Ф* Указ соч С 102 « Нам приходится сейчас признать что Хогарт, по существу, был прав (он и сам считал себя правым), и даже в большей степени, чем предполагал сам» *Хогарт У* Анализ красоты Л, 1987 С 108—111, 114, 115, 138, 139, 145—155
- ¹⁷ Доведенность приемов экспрессивной деформации до «*pes plus ultra*» и дает произведениям звериного стиля то обаяние и ту узнаваемость, которые М И Ростовцев удачно назвал «пафосом трактовки» *Ростовцев М И* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Петербургский археологический вестник № 5 СПб, 1993 С 83
- ¹⁸ *Ариксим Р* Искусство и визуальное восприятие М, 1974 Он же Новые очерки по психологии искусства М, 1994
- ¹⁹ *Раушенбах Б В* Пространственные построения в живописи Очерк основных методов М, 1980
- ²⁰ В отечественной археологии начало этой «инвентаризаторской» традиции положил, кажется, С И Руденко (см *Руденко С И* Сибирская коллекция Петра I М — Л, 1962 С 32, 33, рис 35—37 — по изображениям волков были составлены сводные таблицы вариантов трактовки кончика носа, уха и лап) В последние годы работа в этом направлении оживилась (*Переводчикова Е В* Указ соч С 37—41, *Баркова Л Л* О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних ко-

О задачах кочевниковедения

(Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?)

П.Н.Савицкий

История скифов и история гуннов подлежат включению в общую рамку истории кочевого мира. Скифо- и гунно-ведение — это главы (в числе других) в большем целом кочевниковедения. История скифов и история гуннов, если взять в совокупности, обнимают, в пределах исторически обозримых событий, более 12 столетий. История кочевого мира, в его целом, охватывает около трех тысячелетий: от появления скифов в VIII веке до Р.Х. — до настоящего времени. Появлению скифов в причерноморских степях и в Передней Азии (с. 7—8) могли предшествовать долгие периоды развития, в условиях кочевого быта¹. В пределах наших наблюдений, кочевую культуру можно назвать конно-железной². Она связана с обузданием коня и с употреблением железа. Нынешнее состояние археологического материала позволяет, с большей или меньшей точностью, проследить появление кочевой культуры в двух отстоящих друг от друга на большом расстоянии областях Евразии, а именно: в западно-евразийских (т.е. приднепровских, причерноморских и приазовских) степях и затем на Алтае. В обоих районах археологический слой кочевой культуры перекрывает собой отложения оседлых или полuosедлых культур. Предшествующий слой в степях приднепровских (в особенности по Нижнему Днепру и Бугу) — это культура металлоплавилен и торговых складов бронзового века³. Число найденных здесь за последние 70—80 лет металлоплавилен и торговых складов измеряется десятками. Такое развитие металлообрабатывающей промышленности (и

466

связанной с ней торговой деятельности) должно указывать на оседлость. Тем более, что памятники эти приурочены почти исключительно к берегам рек (и сплошь и рядом — к узлам водных путей, в которых в настоящее время расположены городские поселения края). Сопоставление с условиями более поздних эпох показывает, что на речную сеть опирается здесь именно *оседлое* население. Система путей, на которую опираются кочевники, есть *система водоразделов*⁴. Культура металлоплавлен и торговых складов бронзового века обычно приписывается киммерийцам. А слой наиболее ранней, появляющейся в этих местах кочевой культуры исследователи относят к скифам. К востоку и к северо-востоку от Нижнего Днепра археологический слой, предшествующий скифскому, есть слой «древнейшей степной культуры», т.е. той, которая связана с погребениями так называемых скорченных и окрашенных костяков (с. 4)⁵. На территории Харьковской и восточной части Екатеринославской губернии (а также в более восточных районах) эта культура существует в рамках не только каменного и медного, но также бронзового века (на Нижнем Днепре она не доживает до появления бронзы). Присутствие в могилах большого количества телячьих и бараньих костей определяет ее как культуру коровьих и овечьих пастухов. Отсутствие указаний на обуздание коня не позволяет мыслить ее как конно-кочевую культуру, в позднейшем смысле этого слова. Широкое развитие керамической промышленности (со средоточием в районах нынешних городов Изюма и Славянска); наличие промышленности медиплавильной (на водоразделе между Бахмуткой и средней Луганью; выплавка на каменном угле — приблизительно за три тысячи лет до возобновления добычи этого минерала!); связь погребений с городищами (Донская область) — все это в некоторых случаях определенно указывает на оседлость. Также здесь скифский кочевой уклад сменил культуру, по меньшей мере, полuosедлую. Аналогично обстоит дело и на Алтае, где памятники конно-кочевой культуры образуют группу, более позднюю, по сравнению с культурой бронзового века этих же мест⁶. Бронзовая культура отмечена здесь развитием металлургии и существованием земледелия, т.е. являлась культурой оседлого типа. Наиболее древние памятники кочевой культуры на Алтае можно относить к гуннскому кругу (с. 40). И в западноевразийских степях, и на Алтае кочевой быт является как нечто сложившееся, как нечто *вторгающееся со стороны*.

Археологическое прошлое стран к востоку от западноевразийских степей и к югу от Алтая, в сколько-либо широких чертах, нам неизвестно. Между тем, именно здесь нужно искать родину кочевого быта. Существенно отметить, что здесь же, восточнее долгот западноевразийских степей и южнее широт Алтая, кочевой быт оказался наиболее устойчивым. Именно здесь удерживается, в современности кочевой уклад казаков (б. киргизов), киргизов (б. каракиргизов), ойратов (б. калмыков), монголов. В широких чертах, родина кочевого быта территориально совпадает с его последним убежищем. В этом можно видеть указания, что кочевой быт со свойственными ему передвижениями скотовода, в зависимости от наличия травы и воды, наилучше соответствует и наиболее полно отвечает природным условиям именно этих мест — областей к востоку от долгот западноевразийских степей и к югу от широт Алтая. Это — область сухих степей, в южной своей части нередко обозначаемых именем «пустыни». Калмыцкую, южно-киргизскую, монгольскую травянистую пустыню нужно отличать от абсолютной пустыни, подобной, например, некоторым участкам закаспийских пустынь, средней Гоби или пустынями бассейна Тарима⁷. В абсолютной пустыне скотовод не может держаться. Именно этим обстоятельством определяется, например, характер геополитической истории восточногуннской державы (т.е. гуннского государства в восточноевразийских степях). Это как бы история перебросок через пустыню. Шаньюй (гуннский царь) держится в степях и горных хребтах около Китайской стены. Если же оттуда вытеснен, то должен уходить к северу от пустыни. Промежуточные положения не практикуемы⁸.

Только в самых приблизительных очертаниях может быть намечена первоначальная родина кочевого быта. В остальном, нам остается гадать, где, как и когда сложился этот, столь определенно и ярко выраженный уклад. Вполне возможно, что он знаменовал собой отрыв от оседлости, знакомой и раннему и позднему каменному веку. Такой отрыв вполне может быть объяснен тем притяжением, которое должны были оказывать на оседлого (у воды) скотовода травянистые водоразделы⁹. Какие условия подготавливали этот переход? Кому первому пришла мысль «все свое» положить на повозки — с тем, чтобы отныне, в поисках травы и воды, стать независимым от оседлости? Кто бы он ни был, эта мысль стала одной из чреватых последствиями человеческих мыслей. Тем самым созданлся хозяйственный

уклад, который доныне остается наиболее рациональным хозяйственным укладом на миллионах квадратных верст; со-
здался уклад, в течение тысячелетий имевший *огромные военные преимущества*, сделавший историю кочевого мира одной из замечательных глав в истории военного дела. Военное значение кочевой стихии неотделимо от *обуздания коня*, осуществленного в кочевом мире. Обузданный конь (иногда десятки, сотни коней) лежит в кочевой могиле, будь то скифской, алтайской или в позднейших «татарских курганах»¹⁰. Около покойника положено оружие, как памятник его военного духа. При этом уже в древнейшем кочевом инвентаре (в западноевразийских степях и на Алтае) имеются железные предметы. Коренится ли употребление железа в культурной традиции первоначальных кочевников? Принесено ли ими из набегов на южные окраины Старого Света? Как бы ни обстояло дело, для тех мест России — Евразии, археологическое прошлое которых открыто нашему взору, наиболее характерно перекрытие *бронзовой оседлой культуры* культурой *кочевой железной*.

Изучение *конно-железной кочевой культуры* и есть основная задача кочевниковедения. Эта задача, естественным образом, распадается на несколько отдельных заданий¹¹.

I. Первой задачей кочевниковедения является исследование кочевого мира, в *его единстве и целостности* (с. 1). Это единство и целостность, в некоторых отношениях, настолько разительны, что скифовед Миннс (с. 8, прим.) истолковывает, например, скифские обычаи на основании монгольского материала XIII века нашей эры. Этнологическое обоснование таких сопоставлений сомнительно. Хронологически скифский материал отделен от монгольского, по крайней мере, 15 веками. Сопоставления эти обоснованы *культурно-исторически* — единством и целостностью кочевого мира. Кочевой мир проникнут культом военной доблести. Только тот, кто доказал свои военные качества, является полноправным членом общества (с. 19). Черепа убитых врагов служат драгоценным трофеем, отделяются в пиршественные чаши. Этот обычай, удостоверенный для печенегов (череп Святослава), указан китайскими хрониками для гуннов восточноевразийских степей (с. 44) и Геродотом для скифов¹². «Сопровождающие погребенья», отличительные для кочевого мира (т.е. погребение вместе с вождем жены и слуг), должны быть сопоставлены с *культом верности*, составляющим одну из основ кочевого быта. Верность товарищу пора-

жала каждого, кто хотя бы в недавнее время знакомился, в военных условиях, например, с калмыцким укладом. Культ верности является краеугольным камнем в мировоззрении Чингисхана, и этот же культ, в виде особых обрядов, сопровождающих братание и клятву, равно засвидетельствован для древнейших кочевых периодов западноевразийских и восточноевразийских степей. Без вождя жена и слуги не должны мыслить жизни. И есть указания, что люди добровольно сходили с вождем в могилу¹³. Сопровождающие погребения производились у Китайской стены (с. 49). Их же, по-видимому, мы находим в большом кургане II Катандинского кладбища на Алтае¹⁴. Они же характерны для скифских курганов Причерноморья (с. 20).

II. Одной из задач кочевниковедения является изучение кочевого мира в *его месторазвитии*. Это последнее может быть определено, как *совокупность степи и травянистой пустыни*. Мы говорили уже о значении в этом разрезе признака травянистости. В пределах Евразии вся северная часть пустынной зоны является травянистой. В приблизительном определении, «пустыня» в Евразии начинается к югу от линии, соединяющей бывший Царицын с Сергиополем (приблизительно сорок восьмой — сорок девятый градус сев. широты) и затем — с южными окраинами северномонгольских хребтов¹⁵. На сотни верст к югу от этого рубежа простирается травянистая пустыня, и только по мере приближения к горному обрамлению Евразии эта область сменяется абсолютной пустыней*. Но и здесь есть участки, годные для скотовода, в особенности в песчаных районах. Кроме того, всякое значительное повышение рельефа приносит с собой в этих местах травянистую пустыню и травянистую степь. *Наибольшей* не только в Евразии, но и во всем мире *сплошной* полосой районов, удобных для кочевника-скотовода, является северная полоса травянистых пустынь и примыкающая к ним с севера и запада область травянистых степей. Эту сплошную полосу степей и травянистых пустынь назовем, по характеру картографических ее очертаний и по крайним рубежам простирания, хинганско-карпатским «прямоугольником степей» (подразумеваем Большой Хинган — меридиональный хребет на западном пределе Маньчжурии). С востока к этому

---

* Под горным обрамлением Евразии подразумеваем, в данном случае, иранские и тибетские нагорья (ср. брошюру нашу «Россия — особый географический мир». Прага, 1927. С. 47).

прямоугольнику примыкает захинганская *островная* маньчжурская, с запада — «симметричная» ей закарпатская венгерская степь. Также с севера (со стороны тайги) «прямоугольник степей» обрамлен островными степями, особенно частыми в условиях пересеченного рельефа Восточной Евразии (енисейская и ленская страна, Монголия и Забайкалье). Как сказано выше, хинганско-карпатский прямоугольник степей нужно отличать от области абсолютных пустынь в крайне южной части Евразии (в особенности Гоби, Таримский бассейн и Закаспийская область)¹⁶. Благодаря наличию в этих местах горных массивов, а также в соответствии с различием субстратов расположение участков абсолютной пустыни имеет, в общем, «островной» характер. Однако некоторые «острова» абсолютной пустыни весьма обширны, например, в таримско-гобийских и закаспийских пустынях. Географическому различию травянистых и «абсолютно-пустынных» пространств отвечает различие исторических формаций. Географическому единству и целостности «прямоугольника степей» соответствует в историческом смысле единство и целостность кочевой культуры. В зону абсолютной пустыни кочевой быт проникает, по преимуществу, по предгорным и горным пространствам. В общем же, экономически и культурно здесь преобладает формация оазисов. Формация эта живет использованием водных потоков, низвергающихся с горных хребтов (не будь хребтов не было бы и жизни). Для областей между Каспием и Тянь-Шанем, так же, как для бассейна Тарима, оседлая жизнь оазисов характерней, чем кочевой быт. В качестве месторазвития кочевой культуры, евразийский «прямоугольник степей» может быть сопоставлен с аравийским и северноафриканским месторазвитием. Однако и в Северной Африке, и в Аравии более, чем в Евразии, представлено начало абсолютной пустыни. И потому как месторазвитие кочевой культуры *евразийская степь—пустыня неповторима и единственна в мире*¹⁷).

Нужно при этом заметить, что ядром кочевого месторазвития, может быть, начальной колыбелью и, вероятно, последним убежищем кочевого быта является, по сказанному, травянистая пустыня, т.е. в грубом охвате, области между 44° и 49° с. ш., к востоку от Ергеней и к западу от Хингана. В основном, здесь и поныне невозможен иной уклад кроме кочевого быта. К северу и западу, т.е. в степи, становится возможным земледелие; на рубежах пустыни — только в некоторых «выборочных» местах;

более влажная степь сплошь доступна распашке. Исторически область кочевого быта не ограничивалась травянистой пустыней. Кочевники брали под пастбища также и те пространства, где ныне практикуется земледелие. И бывали моменты, скажем, в скифо-сарматскую (совпадающую с ранней гуннской) или в монгольскую эпоху (XIII—XIV вв.), когда весь «прямоугольник степей» от Карпат до Хингана, вместе с венгерской и маньчжурской степями, являлся месторазвитием кочевой культуры.

III. В отношении к прочим культурным мирам Старого Света кочевой мир является миром срединным. К северу от него располагаются культуры северной лесной зоны. Из них, в качестве примеров, можем назвать: бронзовую культуру Ангары и Среднего Енисея¹⁹, упомянутую выше металлодобывающую культуру Алтая, культуру средневожскую (связанную с уральской), культуры «треугольника смешанных лесов Доуральской России» (фатьяновская культура, дяковская культура, первоначальная Русь и др.). К северо-западу, западу и юго-западу от рубежей кочевого мира лежит Европа. Европа сопрягается со средиземноморским миром. К югу от кочевых культур размещаются культуры иранского и индийского круга²⁰. С ними нужно сблизить культуру срединноматериковых оазисов (закаспийских, тяньшанских и таримских). В то же время культура эта находилась в постоянном и особо широком взаимодействии с кочевниками (с. 24, 25, 33, 34, 42, 43 и повсюду). К югу и юго-востоку от кочевого мира помещается китайская культура. На востоке пустыня-степь упирается в отросток китайского месторазвития, в виде маньчжурско-корейской области «третичных» лесов. Этой области отвечает круг оседлых и полuosедлых культур, связанных с китайской, в ряде же признаков являющих своеобразные черты.

Кочевой мир, в самом принципе кочевья, приспособлен к преодолению сухопутных пространств. Притом срединное положение толкало его к выполнению соединительной роли. В историческом смысле «прямоугольник степей» — это как бы *Средиземное море континентальных пространств*. Античные люди свой orbis terrarum (круг земель) обозревали от Средиземного моря. Подобно этому Геродот в главах о Скифии обозревает прямоугольник степи вместе с северным лесным и южным пустынным и горным его обрамлением. В описании этом, как известно, он держится торговых путей, практикуемых кочевниками. Собственно говоря, понятие евразийского историко-гео-

графического мира как особого мира в составе лесной, степной и пустынной полосы, к северу от великих нагорий, — понятие это дано уже Геродотом в классификации и конструкции его очерка Скифии. Вопрос о южном «шелковом» пути, шедшем через Таримский бассейн, северную Индию и Иран и соединявшем Китай и Средиземноморье, есть вопрос особый. Путь этот открылся позднее (при Ханьской династии, с. 36) — и не его знал и не о нем говорил Геродот. Путь этот, от «китайско-таримской перемычки»²¹, через весь Таримский бассейн, идет абсолютной пустыней, преодолеваемой по цепочке оазисов. Это путь *абсолютной* пустыни. Мы же говорим о более северном пути степи и травянистой пустыни. Нет возможности сомневаться, что в восточно-гуннские курганы времени Р.Х. шерстяные ткани, изделия причерноморских колоний, попали именно этим путем. С этим путем связана и другая проблема — проблема питания скифского причерноморского мира бронзовыми изделиями из внутри-материкового металлургического центра. Эта проблема особенно явственно ставится относительно так называемых скифских или «азиатских» котлов (полушария, с полой ножкой, в виде усеченного конуса). «Центр разнообразия» в распространении этих котлов намечается в алтайском металлургическом районе (тут же найдена мастерская этих котлов). Много их и в западноевразийских степях, вплоть до Венгрии. Обломки такого котла найдены в раскопанном экспедицией Козлова раннегуннском кургане Монголии (с. 21). Алтайскому металлургическому центру свойственны особые зеркала, с пуговкой на обратной стороне. Вместе с сарматами эти зеркала появляются в западноевразийских степях. После походов на северо-запад великих гуннских шаньюев, такие зеркала, около 140 г. до Р.Х., становятся известны в Китае (с. 49). Внутриматериковый металлургический центр древности обнимал Алтай, богатые рудой районы восточнокиргизской степи и, возможно, Саяны. Его изделия и передвигались, между прочим, по *евразийской степной магистрали*, прообразу великого Сибирского пути²². Два рубежа, особенно важны для этой магистрали. Один из рубежей — это *черноморско-степной шов* на стыке двух соединительных стихий — морской и степной (сочетание, в географическом смысле необычайное, так как степь, по преимуществу, есть формация внутриконтинентальная. На этом стыке создались великие причерноморские колонии древности. Богатство оставленных ими памятников нужно сопоста-

вить с исключительностью их положения. Другой рубеж — это *китайско-степной шов* (области Великой китайской стены). Здесь соприкасались два великих исторических мира древности — конно-кочевой и оседлый китайский. Степной путь и есть историческая магистраль, соединяющая китайско-степной с черноморско-степным швом²³.

Всемирную историю, по характеру сообщений, никак нельзя расчленять исключительно на речной, морской и океанический период (*Л. Мечников*). В лице степи, используемой под кочевье, водной соединительной противостоит соразмерная ей сухопутная соединительная стихия. Кочевой мир, в своих внутренних связях и в сношениях с обрамляющими его периферическими культурами, знаменует *использование континентальных соседств*. В современности на этом принципе строится народное хозяйство России²⁴. В этом смысле изучение кочевого мира получает для русских совершенно исключительный интерес.

IV. Как сказано выше, огромной главой всемирной истории является *военная история кочевников*²⁵. История эта примечательна, так сказать, с физической точки зрения. Количественно небольшие группы кочевников добивались величайших политико-милитарных результатов. По слову евнуха, перешедшего от китайцев к шаньюю Киоку (с. 33—34), все население гуннского царства не превышало по численности населения нескольких китайских округов (и одной пятой китайских богатств было достаточно, чтобы купить весь целиком гуннский народ). И эта горсточка (организованная на основах кочевого быта) держала в страхе Китайскую империю и временами добивалась политического над ней перевеса. Таковыми же были численные соотношения кочевого и окраинных государств в монгольскую эпоху. Военная история кочевого мира — это как бы *взрыв атома*. Но за этой чисто «физической» стороной скрывается, конечно, другая. *Ни одна историческая среда не может, пожалуй, дать такого подбора образцов военной годности и доблести, какие дает кочевой мир*²⁶.

V. Кочевой мир опоясан рядами укрепленных линий (соединяем в одно явления разных эпох, сопряженные своей обращенностью к кочевому миру): двухтысячелетняя история Китайской стены; воздвигнутая арабами укрепленная линия к северу от культурной полосы Чирчика, от Сырдарьи до гор; построенные Сасанидами фортификации на южном берегу

Каспийского моря, от побережья до гор²⁷; сооруженные ими же дербентские укрепления; укрепления Дарьяла; ров, ограждающий Керченский полуостров²⁸; укрепления Гераклеяского полуострова (у Херсонеса); дунайская линия (на которой соприкасалась с кочевниками Римская империя); польские и, главным образом, русские противостепные линии, окаймлявшие степь на пространстве от Днепра до Алтая. Так через историю укрепленных линий проступают очертания срединной степи (хинганско-карпатский прямоугольник). Линии эти показывают, насколько окраинные страны должны были считаться с военной силой степняков. Изучение истории этих линий тесно связано с проблемами кочевниковедения.

VI. Особенно обширное поле для изучений представляет область Великой китайской стены. Контрасту культур (конно-кочевой и китайской) отвечает географический контраст: «Влажный муссонный умеренно-теплый Китай с мягкой и непродолжительной зимой и сухая... Монголия, с невыносимой жарой летом и сильнейшими, сопровождаемыми ветром морозами зимой, должны представлять глубочайший контраст и в своем растительном населении» (В.Л.Комаров). Борьба между Китаем и кочевниками велась, в особенности, за нынешние провинции Кан-су, Шен-си и Шан-си (с. 28, 31, 47 и повсюду). Это «западная окраина Китая», которая «дает... постепенный переход к Монголии от лесистых гор к безлесным с сухими склонами и к сухим же плато с большими участками лессовой, каменистой или песчаной степи». Кочевники проникают за китайскую стену, по преимуществу, в тех местах, где *китайская стена охватывает участки стеной природы*. «Сплошь лесная», в естественном состоянии, собственно китайская ботаническая область окаймляется с северо-запада горными хребтами провинций Чжили, Шаньси, Шэньси и Ганьсу. Эти хребты и составляют границу между азиатским и евразийским географическими мирами²⁹. Между хребтами и Гоби лежит «глассис степей» общеевразийского типа (даже на севере Шэньси, к западу от Хуанхэ, «дикорастущих деревьев нет вовсе»). Также в этих степях расположены отдельные хребты, отчасти покрытые лесом. Они служили местом охоты и питали деревом здешних кочевников. В китайской литературе I века до Р.Х. хребет Иншаня (к северу от излучины Хуанхэ), «богатый травой, деревьями, птицами и четвероногими», назван *«логовищем шаньюев»*. В военных операциях Китая против кочевников большим препят-

ствием для китайцев являлось то обстоятельство, что к западу от Каньсу, в охвате степи, им приходилось опираться всего лишь на узкую полосу оазисов у подножья Наньшаня³⁰. На северо-западной своей окраине Китай упирается в область абсолютной пустыни (плато Тибета во многих местах подобно такой пустыне). В охвате степей с юга Китай не имел такой базы, какую в охвате степей с севера впоследствии нашла Россия — в виде северной лесной зоны, от Днепра до Великого Океана. Китайская власть в срединноматериковых оазисах не была прочной (с. 40, 51 и др.). Все же она была устойчивей, чем эпизодическая власть Китая в восточноевразийских степях (ср., в особенности, историю Ханьской, Таньской и Маньчжурской династий). Это положение имеет силу и для настоящего времени. Вот уже около восьми лет, как прекратилась китайская власть во Внешней Монголии. В Таримском же бассейне, так или иначе, она удержалась до настоящего времени. Отметим военно-топографическое значение (в восточноевразийской истории) района Боркуля (в восточном Тянь-Шане). Здесь бывал обыкновенно опорный пункт воинских сил, действовавших в восточноевразийских просторах (с. 43, 51 и др.). Обстоятельство это интересно сопоставить с отмеченными в современной географической литературе чертами луговой и лесной природы боркульского района (среди окружающих травянисто-пустынных и абсолютно пустынных мест): на боркульской равнине «превосходные пастбища... у перевала Боркуль-Хами на Тянь-Шане... густой лас из лиственницы... зеленые луга»³¹. Переход через Хамийскую пустыню от Хамийского оазиса у подножья Тянь-Шаня к оазисам у подножья Наньшаня (см. выше) облегчается тем обстоятельством, что к югу от Хами в пустыне залегают пески, а «за песками обширная площадь, орошаемая ключами и китайские деревни» (как известно, у окраины песчаных пространств обыкновенно выходят родники; см. превосходное изложение этого вопроса у *Г.Н.Высоцкого*: Наши южные арены и проект их культуры. Харьков, 1927. С. 10 и сл.). Этими обстоятельствами можно объяснить военно-топографическое и геополитическое значение Хами (с. 41 и др.).

VII. Кочевой мир нужно рассматривать как нечто текучее. В течение долгих, обозримых для нас веков истории кочевые волны хлещут почти исключительно в одном и том же направлении. Несколько народов выходит из Маньчжурии на запад (в восточноевразийские степи)³². Некоторым из них, надолго, на-

коротко ли, удастся объединить эти последние, а также овладеть той или иной частью Китая (Маньчжурская династия в XVII веке стала повелительницей всего Китая). Мы подразумеваем сиенпийцев во II веке после Р.Х. (более ранняя попытка выхода на запад племени туньху окончилась неудачей); китаев в X веке, племя кин в XII и маньчжуров в XVII веке (Маньчжурия выступает здесь как «фабрика народов»). Однако ни один из этих народов не проник на запад далее срединноевразийских степей (до этих степей дошли в XII в. так называемые караки-таи). Зато восточноевразийские степи³³ в течение истории, по крайней мере, дважды явились отправной точкой движения, дошедшего до Европы. Разумеем гуннов (вместе с воспроизведшими их движение аварами) и затем монголов. О значении монгольского движения нам приходилось говорить неоднократно. Гуннскую же эпопею, в ее полноте, передает книга Н.П.Толля. Именно этапы этой эпопеи являются стержнем, на который нанизываются отдельные главы этой книги, от второй до пятой. Отметим исключительное богатство содержанием и драматическую напряженность гуннской истории. Стоящий в начале образ великого завоевателя Мотуна, объединителя восточноевразийских степей. Судьбы созданной им державы, сначала наполненные успехом, затем все более клонящиеся к упадку. Трагическое метание вождей и масс между подчинением Китаю и борьбой за независимость, часто в условиях голода и холода, неизбежно с уходом из родных мест. Неподчинившиеся уходят в срединноевразийские степи. Видимая или действительная двухвековая передышка. А затем — ошеломляющий удар на запад, занятие в несколько лет западноевразийских степей; несколько позже — Аттиловы походы в Европу. История гуннов знаменует собой историческое единство Старого Света. В IV—V веках бывали моменты, когда гуннские династии господствовали в северном Китае, гунны-эфталиты повелевали восточным Ираном и северной Индией, западногуннская держава охватывала причерноморские степи и значительную часть Европы. Однако гуннское движение II—V веков нашей эры нужно отличать, по характеру, от монгольского движения XIII века. Нужно отделять *завоеванья-расширенья* от *завоеваний-переселений*. В первом случае завоеватель не бросает той базы, от которой он первоначально исходит; он *расширяет* свои владения, не отказываясь от прежних. Во втором случае первоначальная база оставлена завоевателем. Часто самое завоевание

производится потому, что завоеватель вытеснен из первоначальной базы. Здесь он не только завоеватель, но также *переселенец*. Великий вождь сиенпийцев Тань-шихай (с. 59) был завоевателем-присоединителем. В пределы его державы, наряду с завоеваниями, входила и коренная земля сиенпийцев. В более позднее время ряд сиенпийских племен являлся завоевателями-расширителями. Та же их часть, которая после падения восточной «китайской» державы ушла в срединноевразийские степи, дала характерный пример завоевателей-переселенцев³⁴. Племя кин и маньчжуры были завоевателями-расширителями. Именно как *расширение* мыслилось и монгольское движение XIII века. И только после распада великой Монгольской державы во второй половине XIV века, оторвавшиеся монгольские группы (скажем, Джучиева или Джагатаева улуса) попали в положение завоевателей-переселенцев. Впрочем, уже и к этому времени они почти совершенно слились с окружающей их культурно-этнологической средой. Как-никак, монгольские расширение XIII века охватило почти всю Ойкумену. Гуннское же движение являлось расширением только в пределах восточноевразийских степей. Завоевателями-расширителями были Мотун и непосредственно следовавшие за ним шаньюи. Гунны, ушедшие в срединноевразийские степи, являлись завоевателями-переселенцами. Не беремся определить, в какой мере гуннские цари, утвердившиеся в западноевразийских степях и в Европе, сохраняли власть над степями заволжскими. Как бы то ни было, отправная база гуннского движения была потеряна гуннами уже ко II веку нашей эры. Если в монгольском движении преобладает элемент *расширения*, то в гуннском — элемент *переселения*. Нужно, впрочем, заметить, что государства, созданные этими завоевателями-переселенцами, имели временами поистине огромные размеры. Труднее дать геополитическую характеристику турецких (тюркских) миграций (говорим о движениях в пределах евразийской степи). Вопрос затрудняется не выясненностью первоначального положения турок. Во всяком случае, положение это имело касательство к восточноевразийским степям. И в лице таких турецких пришельцев в западноевразийские степи, как хазары и половцы, мы имеем, быть может, племена, проделавшие, подобно гуннам, аварам и монголам, путь из восточной в западную Евразию. Дабы не удлиннять изложения, не будем анализировать историю турецких племен, с точки зрения понятий «завоевателей-расширителей» и «завоевате-

лей-переселенцев». Здесь были эпизоды и одного, и другого рода. Не будем рассматривать многочисленных удостоверенных миграций из срединноевразийских степей (как исходной базы) в западноевразийские. Здесь можно назвать скифов, сарматов (в их восточной ветви; западная ветвь, по-видимому, развивалась «на месте», в волжско-донских степях); печенегов и др. народы. Для систематики геополитических движений в пределах евразийских степей важно указать еще на одну группу явлений: это случаи расщепления на два, на три, на четыре степных народа. В степном мире все находится в постоянном движении. И наступает момент, когда единое дотоле племя распадается на части, движущиеся в существенно различных направлениях. Таким моментом является иногда военный удар, наносимый противником: рассеяние племени. В других случаях действуют не вполне учитываемые для нас *начала выбора*: одна часть племени уходит в одну, другая — в другую сторону. Так, например, кочевые племена, сконцентрировавшиеся за несколько веков до Р.Х., в бассейне Аральского моря, затем разделились: одни ушли на юг — в северную Индию (так называемые «индо-скифы»), другие на запад — в западноевразийские степи (восточносарматские племена). Произошла этнографическая «бифуркация» (т.е. раздвоение) «арало-скифов». Происшедшей «бифуркацией» (указывающей на первоначальную общность) объясняется, быть может, значительное сходство древностей индоскифской столицы Таксилы с некоторыми группами памятников Северного Кавказа³⁵. В восточноевразийских степях произошла «бифуркация» гуннов: часть их ушла на юг (подчинилась Китаю), часть — на запад (в срединноевразийские степи). В срединноевразийских степях наблюдается дальнейшее подразделение гуннов: часть уходит на юг (гунны-эфталиты), часть на запад («европейские» гунны). Систему этнологических «бифуркаций» можно установить и для северной окраины степной зоны (киргизы, угры, болгары и пр.). Весьма четкую картину последовательного пришествия и вытеснения народов дают западноевразийские степи. Последовательность настолько ярка, что можно говорить о геополитической *повторяемости* событий. История кочевого мира дает богатый материал для построения *теории повторяемости событий*. Можно установить систематическую точку зрения на типы *вытеснения* народов. В западноевразийские степи проникали народы не только с востока, но и с запада (назовем киммерий-

цев и готов³⁶). Пришельцы с востока следующей волной вытесняются *постепенно*: так вытеснялись скифы сарматами, сарматы (сначала рассеченные надвое готским нашествием) — гуннскими и турецкими племенами, хазары — мадьярами и печенегами, половцы — монголами (половцы, или «кипчаки» были влиятельны в Золотоордынской державе; можно сказать, пожалуй, что они определили ее этнологический тип). Пришельцы же с запада подвергаются *моментальному* вытеснению. Примечательную в этом смысле аналогию вытеснению гуннами готов являет вытеснение скифами киммерийцев³⁷. Оба народа восточными пришельцами обращены в бегство, в буквальном смысле этого слова. В обоих случаях большая группа бежит на юг, за Дунай и обосновывается на Ближнем Востоке (киммерийцы — в Трое, готы — во Фракии). Киммерийцы подверглись «квадрифуркации» (делению на четыре): другая их часть, через Кавказ, бежала в Переднюю Азию, третья — подчинилась скифам, четвертая — осела в Крыму (где дала свое имя Киммерийскому Босфору и долго удерживалась в Пантикапее). С готами было все то же, только группа, отброшенная к Кавказу, была, по-видимому, менее значительна³⁸. В Крыму готы удержались, по преимуществу, в гористой части, в пределах позднейшей «Готфии». И киммерийской, и готской традиции, сохранившихся в Крыму, хватило, каждой, приблизительно, на тысячелетие³⁹. Впрочем, Крым явился приютом не только для киммерийцев и готов. В истории западноевразийских степей Крым играет роль *убежища побежденных*. К Крыму постепенно стягивались скифы. В Крыму же, после поражений, укрылись хазары⁴⁰. В Крыму на три с лишним столетия (XV—XVIII век) задержался «реликт» (т.е. остаток) Золотоордынской державы, в виде Крымского ханства (в настоящее время, на западно-уральском юге единственно в Крыму удерживаются татары). В Крым же, после поражений 1919 г., отступили белые армии. Впрочем, белым армиям Крымский полуостров дал пристанище всего лишь на один год.

VIII. Мы не можем ставить себе задачей дать хотя бы приблизительный список тех разрядов археологического инвентаря, в которых выразилась самобытность кочевого мира. Скифы обладали своеобразной уздечкой. Особой была форма их луков, напоминавшая грекам картографические очертания Черного моря (две неравномерные излучины). Своеобычен скифский горит (т.е. соединение налущья и колчана). Не говорим об осо-

бенностях одежды (с. 12), общих всему кочевому миру⁴¹. Остановимся в нескольких словах на вопросе так называемого звериного стиля (с. 15). Сосредотачиваясь на предметах личного и конского убора, стиль этот воплощает важную отрасль кочевой жизни. Животные формы, представленные на археологических памятниках степного мира, весьма разнообразны. В скифо-сарматской группе, в изображении животных, можно различать, например, греческий, иранский и собственно степной пошибы. В этом отношении вопрос с классификацией форм звериного орнамента, встречающихся в скифо-сарматском инвентаре, обстоит приблизительно так же, как с различием тканей, найденных в гуннских курганах Внешней Монголии (экспедиция П.К.Козлова). И там, и здесь в одних и тех же погребениях сочетаются существенно разнородные вещи (в частности, в гуннских курганах обнаружены греческие, китайские и местные ткани). Для нас наиболее интересен собственно степной или, точнее, «евразийский» пошиб звериного стиля. В пределах ряда веков, пошиб этот является как бы художественным отличием кочевского мира. Вдохновение мастера сосредотачивается, по преимуществу, на фигурах козла и оленя. Можно отметить изображения дикого кабана, зайца и птиц. В более ранний период (представленный для нас, главным образом, скифскими памятниками и затем стилистически сопряженными с ними памятниками «минусинского» бронзового дела) господствует манера, которую можно назвать «стилистическим реализмом». Позднее приходит к господству «звериный импрессионизм». Частые уже и в предшествующий период сцены нападения хищника на добычу дополняются дающими высшее напряжение сценами *борьбы между хищниками*. Нужно отметить мотивы «сконструированных зверей». Здесь мы имеем дело не с человекообразными фантастическими существами, обычными в переднеазиатском искусстве, но с изображениями животных, как бы составленными (или «сконструированными») из элементов, относящихся к самым различным видам: например, изображено животное с оленьей мордой, львиными лапами и хвостом, оканчивающимся птичьей головой. В такой «конструкции» распознаваем пафос именно звериного стиля. По сравнению с фауной «стилистического реализма», фауна «звериного импрессионизма» является обогащенной. Обычны мотивы не только льва и тигра (что указывает на влияние южной периферии), но и яка, исконного обитателя срединноматериковых нагорий.

Памятники «звериного импрессионизма» особенно характерны для погребений, которые, так или иначе, могут быть сопоставлены с «раннегуннской» эпохой (ранее IV века после Р.Х.): курганы Монголии, раскопки Талько-Гринцевича около Троицко-Савска, раскопки Радлова на Алтае, западносибирские золотые пластинки. «Звериный импрессионизм» был, по-видимому, стилем гуннской державы, так сказать, «гуннским ампиром». Кочевой мир создал не только примечательный звериный стиль. Обслуживавшие его мастера (в западной Евразии, в большом числе случаев, греческой школы) выработали особый пошиб *жанрового искусства*. В жанровых сценах, запечатленных в металле, сохранены для нас облик и образы людей тогдашнего степного мира. Существование жанрового искусства засвидетельствовано также для срединноевразийских степей (жанровые сцены на западносибирских золотых пластинках, фигурка всадника с Алтая и др.).

IX. Нужно отметить специфическую связь между культурами степной и северной лесной зоны (к востоку от черноморско-балтийского и балтийско-студеноморского междуморий). В изложении Н.П.Толля мы подходим к этим проблемам в вопросах воздействия скифской культуры на ананьинскую и сарматской — на пьяноборскую культуру (с. 10), а также в явлениях взаимодействия между металлодобывающими центрами лесной зоны и степной культурой (с. 11). Из более ранних фактов сюда же можно отнести связь между древнейшей степной культурой (так называемых «скорченных и окрашенных костяков») и неолитической фатьяновской культурой нынешней Московской области (в широком смысле этого слова). Культуры степной и лесной зоны (к востоку от междуморий) объединены, между прочим, типом одежды. «Археологии драпировок», характеризующей прошлое западной и южной периферий Старого Света, в мире степной и лесной зоны противостоит «археология кафтана и штанов». Это обстоятельство сопряжено с условиями климата. «Русская зима» отличительна для «прямоугольника степей», вместе с северной лесной зоной (на огромном пространстве средняя январская изотерма ниже -5°C , на многих миллионах кв. верст ниже -15°C).

Также звериный стиль особого пошиба является общим для степной и северно-лесной зоны. Поэтому-то пошиб этот и может быть назван «евразийским» (см. выше). В течение долгих столетий он в равной степени характеризует искусство До-

уралья и Зауралья. Есть основания думать, что пошиб этот повлиял на китайское искусство⁴². Впрочем, в китайском искусстве он выступает в существенно преобразованном виде. А в раннем Средневековье этот стиль на несколько столетий утвердился в Европе. Однако, как устойчивый эстетический уклад, стиль этот отличает, по преимуществу, совокупность евразийской степной и евразийской лесной зоны. Некоторые черты специфической связи нужно отметить и в соотношении кочевой культуры с культурами срединноматериковых оазисов (см. выше)⁴³. В соответствии с этим культурная среда степного мира, вместе с культурами северно-лесной зоны, с одной стороны, и срединноматериковых оазисов, с другой — выступает перед нами в качестве целого со сравнительно тесной внутренней связью⁴⁴. Судьбы этого культурно-исторического целого и составляют историю Евразии.

Х. Существенно отметить историсофское самопротивопоставление степного мира окраинно-периферическим мирам. В этом отношении показательны слова того же китайца-евнуха, перешедшего к шаньюю Киоку (см. выше). Он отклоняет упреки, делаемые китайцами кочевникам в плохом уходе за стариками и в переходе жен от умершего к другим представителям рода. Плохой уход он объясняет условиями военной жизни, а переход жен — стремлением поддержать родовое единство. Затем он обличает китайца: «Ваши обычаи и ваше право таковы, что класс восстанавливается против класса; и одни принуждены быть рабами, чтобы дать другим возможность жить в роскоши». Это, пожалуй, самое раннее дошедшее до нас противоположение «срединного мира периферическому как миру «капитализма и эксплуатации». Обличения евнуха есть как бы слово о «гнилом Китае». Он указывает на раздоры, ссоры и разрушение семей. «Что вы будете рассказывать мне, вы, посаженные в клетку модники!» Основу гуннской мощи он видит в независимости гуннов от Китая по части всех реальных потребностей (так сказать, идей «хозяйственно самодовлеющего мира»). Обращаясь к гуннам, он говорит: «Шелка и ситцы гораздо менее, чем войлок, приспособлены к той суровой жизни, которую вы ведете; китайские лакомства значительно менее питательны, чем ваши кумыс и сыр». Аналоги этим суждениям можно найти в скифской, позднегуннской и турецкой истории. Изучение историсофской проблемы России и Европы нужно начинать с изучения *в истории кочевого мира* постановки вопро-

сов о срединном и периферических укладах. В постановке этой, за много столетий до нашего времени, мы встречаем мотивы, которые звучат в XIX и XX веке.

Рассуждая теоретически, в историческом рассмотрении Старого Света возможны две основные трактовки: степилюбивая и окраинолюбивая трактовка⁴⁵. Каждая из этих трактовок научно плодотворна, поскольку она является стимулом изучений. Важно только, чтобы трактовки эти не приводили к тенденциозности выводов. Нужно сказать, что в науке, имевшей до сих пор дело с кочевым миром, по понятным причинам, преобладали окраинолюбивые молитвы: ведь наука эта создана окраинными народами⁴⁶. Нельзя закрывать глаза на то, что окраинолюбие имело не только плодотворные следствия; оно приводило к тенденциозности выводов. Придавалось преувеличенное значение культурной зависимости степного мира от периферических стран, в особенности западных и южных; без достаточных оснований все и вся в степном укладе возводилось к периферическим влияниям (иными словами, игнорировалось качество кочевой среды как самостоятельного исторического мира). Не будем приводить примеров. Укажем только на необходимость усиления в науке (ради полноты и широты охвата) *степилюбивых* мотивов; с тем, однако, чтобы плохие примеры не получили подражателей; дабы не повторилось «всё то же, только наоборот». Степилюбие не должно приводить к тенденциозности выводов.

XI. В изучении кочевого мира, как оно практиковалось до сих пор, относительно большое внимание уделялось исследованию этнографической принадлежности отдельных кочевых народов. Конечно, эти вопросы имеют значение. Не нужно, однако, преувеличивать их удельный вес. Нужно подчеркнуть, что «общность кочевой жизни и культуры была сильнее племенных различий» (Н.П.Толль). Переходя к частностям, необходимо отметить, насколько неудобно, при сложившемся словоупотреблении, называть те или иные степные народы «иранцами», хотя бы народы эти этнографически были родственниками мидян и персов. Или географическому Ирану («иранскому плоскогорью» и примыкающим странам)⁴⁷ нужно дать новое имя, или же следует придумать особое обозначение для указанных кочевых народов (их можно называть, например, «степными арийцами»). Сколь бы ни были многочисленны пункты культурного сближения степных и внестепных арийцев (с. 12), называть

«иранским» культурное начало, несомое теми и другими, — это значит практиковать смешительное словоупотребление. Иранский уклад есть определенный оседлый культурный уклад периферического иранского месторазвития, существенно отличный от кочевого уклада, представленного степными арийцами⁴⁸. Степные арийцы принадлежат к культурному миру, отнюдь не тождественному с миром иранским. Все это тем более важно, что в истории замечается постоянное взаимопротивопоставление иранского и степного мира⁴⁹. Противопоставление это можно видеть в борьбе мидийского Киаксара со скифами, персидских Кира и Дария — с массагетами и теми же скифами, затем в борьбе Сасанидов с гуннами-эфталитами (пропускаем несколько промежуточных этапов)*. Противопоставление это, на сей раз в парадоксальной форме, сказалось и тогда, когда Иран и евразийские степи оказались одинаково под монгольской властью. В данном случае противопоставление это выразилось в войне между двумя вассальными монгольскими царями — между золотоордынским (степным) царем Беркаем и персидским (иранским) царем Хулагу⁵⁰. Позднее то же противопоставление сказалось в борьбе Тимура с Тохтамышем. В этой борьбе Тимур представлял иранское, а Тохтамыш — степное начало⁵¹.

ХII. Самостоятельная политико-милитарная роль кочевого мира сошла на нет в XVIII и XIX веке (определенное хозяйственно-культурное значение кочевой принцип сохраняет до настоящего времени). По свойствам кочевой тактики кочевая сила непоразима в каком-либо определенном участке степи. Принудить кочевников к подчинению можно только, охватив степь в ее целом. Сама огромность «прямоугольника степей» препятствовала такому охвату. Прямоугольник этот имеет две больших стороны (северную и южную) и две малых (восточную и западную)⁵². Вплоть до XVII века ни одной из борющихся с кочевниками периферических держав ни разу не удалось осуществить охвата хотя бы одной большой стороны. Китаю и Персии, в моменты наибольшего развития их могущества (Китаю — при Ханьской и Таньской династиях, Персии — при Ахеменидах), удавалось охватить *до половины* большой (южной)

---

* Скифы, вероятно, были арийцами, гунны-эфталиты — «туранцами». Это изменение не повлияло на основное геополитическое соотношение степи и Ирана.

стороны степного прямоугольника: Китаю удавалось охватить ее от восточной конечности до долгот Памира, Персии — от долгот Памира до западной оконечности (низовья Дуная). И только в XVII веке, русское государство, зародившееся около восьми веков перед тем на рубежах Европы, к северо-западу от степи, а отчасти и в примыкающих степных пределах, — русское государство, двигаясь с запада на восток по лесной и тундровой зоне, завершило охват большой *северной* стороны степного прямоугольника (от Днепра до Великого Океана). Тем самым была создана база для наступления на степь, небывалая в мировой истории. Приблизительно одновременно в Китае утвердилась Маньчжурская династия, организовавшая Китай для энергичного натиска на степь. В результате, уже в XVIII веке подчинились Китаю восточноевразийские степи (за исключением некоторых доставшихся России северных островных степей)⁵³. Несколько позже Россией было завершено подчинение западноевразийских степей. А во второй половине XIX века русская власть охватила и срединноевразийские степи. Тогда закончилось начавшееся по крайней мере за 2 с половиной тысячи лет перед тем самостоятельное политико-милитарное значение кочевников во всемирной истории. Позже монгольская нация восточноевразийских степей стала обнаруживать тяготение к России (начало XX века). Неслучайными связями сопряжена со степями Россия⁵⁴. В этом повороте небезынтересно, быть может, проследить, как распределялось в XIX веке между европейскими и русскими исследователями изучение тогдашней Китайской империи. Мы располагаем данными специально по ботанико-географической отрасли⁵⁵. В степных частях преобладали русские исследователи. В Джунгарии все семь работавших там в XIX веке ботаников были русскими; в китайском, или восточном Тянь-Шане русскими были шесть из семи, в Монголии — тридцать один из тридцати шести, а в таримско-китайской перемычке — три из четырех исследователей. Несколько иначе обстоит дело в характерном районе «абсолютной пустыни» — в Восточном Туркестане (также по этому признаку «абсолютная пустыня» выступает как самостоятельная область). Здесь из семи исследователей было только три русских. В направлении собственно Китая русская географическая наука шла по историческим стопам кочевников. В тех китайских провинциях, вдоль великой стены, где появление кочевников было постоянным явлением, русские исследовате-

ли или преобладают, или сильно представлены: в Ганьсу из семи исследователей — шесть русских, в Шаньси единственный исследователь — русский, в Шэньси — два русских из общего числа пяти исследователей, в Чжили — семь из двадцати четырех. Далее к юго-востоку лежит «мертвая полоса», где до конца XIX века вообще не было ни одного исследователя (провинция Хэнань). В изучении восточных провинций, т.е. во всем собственно Китае, вне древней степной и полустепной области монголов и гуннов, безусловное преобладание принадлежало европейской науке. Граница русских исследований совпадала приблизительно с границей евразийского мира, как мы наметили ее в предыдущем. На северо-западе русские ученые были еще кое-как представлены (в Хубее три из одиннадцати, в Сычуани три из двадцати трех); далее к востоку и югу их не оказывалось совсем. В ботанико-географическом исследовании десяти собственно китайских провинций русские имена не представлены вовсе (европейские ученые упоминаются здесь 157 раз). В одной только южноприморской провинции Фуцзянь на шестнадцать имен, писанных латиницей, имеется одно, писанное кириллицей⁵⁶. Русская наука имеет призвание к исследованию степи. Это сказалось в географической области, отчасти выразилось уже и в изучении кочевого мира. В еще большей степени призвание это должно раскрыться в грядущем развитии «кочевниковедения». По охватываемому материалу и по самостоятельности темы, кочевниковедение соразмерно таким дисциплинам, как синология, индианистика, ирановедение. Есть основание думать, что кочевниковедение станет, по преимуществу, русской наукой. Но желанны и другие силы. В частности, необходимо привлечение к кочевниковедной работе культурных сил современных кочевых народов. Народы эти должны найти свое место и свою почетную роль в общем деле России—Евразии.

6 августа 1928 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ссылки на страницы, без указания автора, относятся к книге Н.П.Толля «Скифы и гунны». Прага, 1928.

² Некоторые авторы (например, *Городков Б.Н.* Работы Гыданской экспедиции Академии наук. По пути к истокам р. Гыды // Доклады Академии наук СССР. 1928) называют «кочевниками» обитателей тундры. Рассматриваемую нами конно-кочевую культуру нужно резко отличать от тундро-

вой оленеводной культуры. Этой последней в предлежащем очерке мы не касаемся вовсе.

³ Tallgren A.M. La Pontide préscythique apres l'introduction des métaux. Helsinki, 1926. В особенности, с. 144 и сл., а также заключение.

⁴ Передвижение по водоразделам дает возможность избежать затруднительных для кочевников *переправ через реки*. В кочевом мире именно водораздельные центры являлись *узлами путей*. В этом отношении характерна, между прочим, география позднейших (так наз. «татарских») сакм и шляхов. Ее особенно легко проследить по материалам Центральночерноземной области (Семенов В.П. Россия. Т. II. СПб., 1902. С. 127, 132; Хитрово В.Н. Растительность Орловской губернии. Орел, 1925. С. 281 и карта). Соединения шляхов в один и разветвления шляхов приурочены, по преимуществу, к водоразделам. Шляхи эти, по слову В.Н.Хитрово, идут по водоразделам «полянками и диким полям», избегают мелких переправ и тонких мест, пересекают крупные реки надежными бродами и переправами.

⁵ Tallgren. Указ. соч. С. 25 и сл.

⁶ Radloff W. Aus Sibirien. II Band. Leipzig, 1884. С. 68 и сл.

⁷ Растительность травянистой пустыни отличается от растительности степи выпадением злаковой основы (т.е. исчезновением ковылей и типчака), а также *постоянным* наличием участков голого субстрата между кустами растительности (см. книгу нашу «Географические особенности России». Ч. I. С. 55—56, 169—170. — Сводка данных о растительности степи и травянистой пустыни имеется в работе: Келлер Б.А. Растительный мир русских степей, полупустынь и пустынь. Вып. I. Воронеж, 1923. См. также английский очерк того же автора: Distribution of vegetation on the plains of European Russia в «The Journal of Ecology». August. 1927). Для травянистой пустыни характерно присутствие сухолюбивых полукустарничков вроде полыни и изена. «Абсолютная» пустыня тяготеет в пределе к полному отсутствию органической жизни (что и отмечается, например, относительно Хамийской пустыни и затем Такла-Макан в Таримском бассейне). Понятие абсолютной (так же, как и травянистой пустыни) вводим в периодическую систему зон (ГОР. С. 148). В частности, в абсолютной пустыне нужно ожидать средней годовой относительной влажности в час дня ниже 44% и средней температуры июля выше +29,5° С. На этих вопросах надеемся остановиться подробнее в другом месте. Здесь хотим подчеркнуть только то, что различие травянистой и абсолютной пустыни поддается обоснованию с географической точки зрения.

⁸ Так, например, после китайских походов около 120 г. до Р.Х. (с. 34) к югу от пустыни больше не было гуннов. Сюда вернулся Хо-хан-ша I (с. 44); и затем снова откочевал к северу от пустыни. Перечисление «перебросок» можно было бы продолжить и дальше. История этих перебросок свидетельствует, между прочим, о неизменности в основных чертах географической природы «монгольского ядра» за последние 20 столетий. Для защиты от кочевников применялся прием *сожжения степи*. Этим травянистое пространство временно переводилось как бы на положение «абсолютной пустыни».

⁹ Вполне вероятно, что кочевой быт, в точном смысле этого слова (т.е. конно-кочевой уклад), представляет явление, возникшее *позже* оседлости. Тем самым отпадает представление о кочевом быте как об особой «стадии»

в развитии человечества (и притом стадии, более ранней, чем оседлость). Кочевой быт представляет не «стадию, но месторазвитие (см. ниже). В связи с этим, нужно указать на необоснованность ходячих суждений о том, что кочевая культура принципиально «ниже» оседлой. В чисто научной сфере, понятие «лестницы культур» надлежит заменить представлением о разных культурах (ср. брошюру князя *Н. С. Трубецкого* «Европа и человечество». София, 1920).

¹⁰ См. очерк *А. А. Спицына* «Татарские курганы» в «Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии». Симферополь, 1927.

¹¹ В предлагаемом кратком обзоре автор сознательно оставил в стороне вопросы, касающиеся религиозных представлений кочевых народов. Даже постановка этих вопросов требовала бы такого овладения материалом, на которое не претендует автор этой статьи. По данному вопросу см. только что появившийся в свет в посмертном издании труд *Н. П. Кондакова* «Древности восточных кочевников и южной России» (с. 10 и сл.). О характере религиозного мировоззрения кочевников-туранцев см. работу *Н. С. Трубецкого* «О туранском элементе в русской культуре» (Евразийский Временник. Кн. IV. Берлин, 1925; перепечатана в сборнике «К проблеме русского самопознания». Париж, 1927).

¹² Переходим здесь от более новых к более древним явлениям.

¹³ См., например, у Паркера (*Parker E. H.* A Thousand Years of the Tartars. 2 ed. London, 1924), рассказ о погребении взятого китайцами в плен турецкого хакана Gheri (634 г. после Р.Х.).

¹⁴ *Захаров А. А.* Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. в «Трудах Государственного исторического музея». Вып. 1. Разряд археологический. Москва, 1926. С. 81, 99—100.

¹⁵ В восточной Евразии (иначе «монгольском ядре») вероятно нахождение островных участков пустыни также к северу от этой линии.

¹⁶ В качестве примера назовем также пески Адам-крылган (место, где погиб человек), к северу от Амударьи, т. е. в Кызылкумах.

¹⁷ В Новом Свете кочевая культура, в точном смысле слова, не могла создаться, ввиду того, что до появления европейцев там не было лошади. Позднейший же быт в американских травянистых пространствах и, в частности, быт «ковбоев» представляет, по-видимому, некоторый аналог конно-кочевому быту.

¹⁸ Наилучшее представление о современном распространении земледелия дает «Карта земледелия СССР» И. Ф. Макарова (под общей редакцией и с предисловием Н. И. Вавилова; издание Всесоюзного Института прикладной ботаники и новых культур. Ленинград, 1926).

¹⁹ *Gero v. Merhardt.* Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926. С. 40 и сл.

²⁰ К иранскому кругу причисляем также оседлые культуры Кавказа (западное Закавказье может быть отнесено к средиземноморскому кругу).

²¹ Назовем так страну «между бассейном Тарима на западе, Тянь-Шанем на севере, Кузнь-Лунем и Наньшанем на юге и Монголией на востоке».

²² О возможном значении этого северного или степного пути для шелковой торговли Н. П. Толль говорит в очерке своем «Заметки о китайском шелке на юге России» (Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1927).

²³ Топографии одинаково китайско-степного и черноморско-степного шва

посвящено немало внимания: первой — в китайской, второй — в античной, русской и европейской литературе. Некоторые китайские описания области великой стены насыщены поэтическим чувством. Видимо, область эта являлась для китайских авторов источником вдохновений, подобно тому как в первой половине XIX в. источником вдохновений для русских поэтов являлся Кавказ.

²⁴ См. очерк наш «Континент—океан (Россия и мировой рынок)» в сборнике «Исход к Востоку». София, 1921. Очерк этот перепечатан в брошюре «Россия — особый географический мир». Прага, 1927.

²⁵ С этим связан вопрос о значении кочевников в кавалерийском деле. В частности, также в европейской терминологии кавалерийского дела обнаруживаются немало элементов, восходящих к кочевникам.

²⁶ Когда китайский император (один из первых императоров Таньской династии) проявляет исключительное личное мужество, европейский исследователь (Е. Паркер) считает долгом отметить, что в жилах этого императора текла кочевничья (турецкая) кровь. Укажем, что одна из лучших воинских сил средневекового Средиземноморья, а именно мамлюкское войско Египта, составлялось из половцев-куманов, уроженцев южнорусских степей. Нужно заметить, что кочевой мир придавал большое значение *личной (телесной) сноровке и выправке*. В этом одна из основ военного могущества кочевников. Можно думать, что личная сноровка и выправка кочевников способствовали возникновению «моды на все кочевническое», которая не раз охватывала периферические страны (с. 49). Так и в современной американской, а отчасти и в европейской среде существует мода на «ковбоев» — это ослабленное подобие кочевого быта. Не нужно забывать, однако, что кочевники имели огромную военную традицию, самостоятельную, временами великую государственность и значительное искусство (см. ниже). Применительно к «ковбоям» обо всем этом едва ли возможно и говорить.

²⁷ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. С. 26.

²⁸ Во время гражданской войны 1919 г. эта линия снова получила значение под именем Ак-Манайских позиций.

²⁹ Ср. наши «Геополитические заметки по русской истории» в приложении к книге Г. В. Вернадского «Начертание русской истории» (Прага, 1927. С. 253).

³⁰ Здесь и в настоящее время простирается так наз. Та-лу, «Большая дорога», усаженная китайскими деревьями. См.: Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1895 и сл.

³¹ Маршруты Н. М. Пржевальского // Труды Главного Ботанического сада. Т. XXXIV. Вып. I. Под редакцией Б. А. Федченко. Петроград, 1920.

³² Здесь и в последующем, подобно Н. П. Голлю (с. 4), исходим из подразделения евразийских степей: на восточноевразийские, от Большого Хингана до Алтая; срединноевразийские, от Алтая до Волги (или Дона); западноевразийские — к западу от долгот волжско-донской перемычки (ст. «Географические особенности России». Ч. I. С. 44).

³³ Подразумеваем дохинганские степи «монгольского ядра».

³⁴ Название Китая (в русской терминологии) происходит от имени маньчжурского племени, около двух веков (X—XII вв.) владевшего Северным Китаем. Чтобы не смешивать этого племени с собственно китайским ис-

торическим миром, возможно, правильно этот народ называть катаями (Cathayans).

³⁵ *Ростовцев М.И.* Сарматские и индоскифские древности. С. 251—252 (Сборник статей, посвященных памяти Н.П.Кондакова. Прага, 1926).

³⁶ По некоторым предположениям, киммерийцы — фракийское племя (Iranians and Greeks in south Russia by M.Rostovtzeff. Oxford, 1922. P. 13), проникшее в причерноморские степи с запада. Этому проникновению отвечает в таком случае упоминаемое Н.П.Толлем влияние в причерноморских степях «самостоятельной бронзовой культуры Венгрии, доходившее до Днепра» (с. 5).

³⁷ Первое событие отделено от второго промежутком приблизительно в одиннадцать веков (VIII ст. до Р.Х. — IV век после Р.Х.).

³⁸ Есть основания думать, что по результатам вытеснения скифов также свелось к их расщеплению на несколько групп.

³⁹ Еще в XVII столетии в Крыму существовали люди, знавшие готский язык.

⁴⁰ См. статью Ю.В.Готье о хазарах в «Новом Востоке». № 8—9. Москва, 1925.

⁴¹ См. по этому поводу замечания Н.М.Беляева в статье «Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды» (Сборник статей, посвященных памяти Н.П.Кондакова. Прага, 1926. С. 202 и карта)

⁴² Ср. *Боровка Г.И.* Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Сб. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К.Козлова. Ленинград, 1925. С. 35—36.

⁴³ В обширном археологическом материале по Таримскому бассейну, изданном в фоллиантах «Serindia» A.Stein'a, можно, например, отыскать подобия степного звериного стиля (ср. мотив вепря). Хотим указать, что один из народов, игравших значительную роль в истории кочевого мира, туркиуйгуры (с. 43; расцвет образованной ими кочевой державы относится к VIII веку) стали впоследствии «оазисным» народом «китайско-таримской перемычки». В XIII веке именно их культуру (из числа культур оседлых народов) Чингисхан считал наиболее подходящей к потребностям кочевого монгольского народа.

⁴⁴ Именно эту совокупность описывает Геродот в главах о Скифии (см. выше). В чисто географическом смысле все три названных области по климату своему «контрастные», т.е. имеют жаркое лето и суровую зиму. Между прочим, в этом — их отличие от умеренных и теплых по климату южных и западных периферий Старого Света. Наиболее резко выражена контрастность в прямоугольнике степей, в особенности в срединной и восточной части. В северной лесной зоне — прохладное лето, в области среднотатариковых оазисов — теплее зима.

⁴⁵ В отношении к степному миру все прочие исторические миры Старого Света, как сказано, являются окраинными.

⁴⁶ Впрочем, в греческой литературе имелась, как известно, скифолюбивая струя (об этом см.: *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. 1925). В.В.Бартольд отмечает степилюбивые мотивы в персидской литературе (очерк «Отец Едигея» в «Известиях Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии». Симферополь, 1927. С. 20).

⁴⁷ Т.е. Ирану, в смысле, например, «Историко-географического обзора Ирана» В.Бартольда (СПб., 1903).

Диалог источников

⁴⁸ Это не исключает присутствия в горных хребтах Ирана нескольких обособленных кочевых групп.

⁴⁹ См. статью В.П. Никитина «Иран, Туран и Россия» (Евразийский Временник. Кн. V. Париж, 1927), а также «редакционное примечание» к этой статье.

⁵⁰ *Вернадский Г.В.* Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // Сб. статей, издаваемый семинарием имени Н.П. Кондакова. Прага, 1927. С. 75.

⁵¹ Борьба между Тимуром и Тохтамышем была одной из тех, которые запечатлелись в памяти и судьбах евразийских народов. На Северном Кавказе до сих пор указывают место, где произошла битва между этими полководцами. Тимур подверг разорению столицу Золотой Орды, Новый Сарай на Ахтубе: «Терешенко нашел среди развалин: «один остов без рук, а ноги поперек туловища... другой без черепа, все кости, за исключением рук, как бы изрублены в мелкие куски... вдали от них несколько других остатков, иные без черепов, другие без рук и ног»... Так действовала безжалостная рука победителя, «обратившего Сарай в пепел», «погнавшего жителей перед собой, как стадо баранов» (*Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай. Казань, 1923. С. 11—12). Все же это разорение не пресекло степной традиции. И уже при Тимуре, под управлением Едигея, Золотая Орда окрепла в значительной степени.

⁵² Иначе их можно называть длинными и короткими сторонами.

⁵³ Степи по Енисею, Ангаре, в Забайкалье и в Ленском крае.

⁵⁴ В рассматриваемых явлениях по-новому обнаруживается та специфическая связь между историческими формациями степной и северно-лесной зоны (к востоку от междуморий), о которой мы говорили в предыдущем.

⁵⁵ *Bretschneider E.* History of European Botanical Discoveries in China. London, 1896 (Parts I—II, 1—1168).

⁵⁶ *Комаров В.Л.* Введение к флорам Китая и Монголии. СПб., 1908. С. 20 // Труды Ботанического сада. Т. XXIX. Вып. I.

Коротко об авторах

Ирина Петровна Засецкая — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Эрмитажа. Профессиональный интерес связан с сармато-гуннской археологией и позднеантичным Боспором. Основные работы: «Золотые украшения гуннской эпохи» (Л., 1975), «Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв.» (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 3. Симферополь, 1993). Публикуемый текст — глава из книги «Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху» (СПб, 1994).

Борис Владимирович Лукин (1906) — старейший русский археолог-востоковед, доктор исторических наук, сотрудник Института истории АН Узбекистана. Живет и работает в Ташкенте. Автор более 600 работ. Известен как специалист в области истории и археологии Южной России и Туркестана, историографии и источниковедения. Мы публикуем один раздел из известной в свое время книги Б.В. Лукина «Очерки истории Подонья-Приазовья. От древнейших времен до XVII столетия» (Ростов-на-Дону, 1949).

Мария Павловна Завитухина — научный сотрудник отдела археологии Эрмитажа. Статья была написана в связи с экспозицией «Культура и искусство древнего населения Сибири» («Древняя Сибирь», Л., 1976), развернутой по итогам многолетних и планомерных археологических экспедиций Эрмитажа, позволивших представить емкую и поразительную картину культуры кочевников, исчезнувших с лица Земли.